АНДРЕЙ ШИТОВ

В Вашингтоне
от Клинтона
до Трампа

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА В АМЕРИКЕ

ЗАПИСКИ КОРРЕСПОНДЕНТА ТАСС

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Андрей Шитов возглавлял представительство ТАСС в Вашингтоне от Билла Клинтона до Дональда Трампа и в общей сложности более четверти века проработал за океаном на главное информационное агентство России. Вряд ли кто-то еще из современных российских журналистов обладает подобным опытом. В книге он делится своими размышлениями: о быте и нравах, о президентах и простых американцах, о жизненных и профессиональных уроках. Вспоминает, как его пытались завербовать американские спецслужбы, как первым сообщил о гибели приемного ребенка из России Вани Скоробогатова. Рассказывает о своем членстве в АА и о том, как его сын интересовался у Обамы, хочет ли тот попасть на деньги. Книга — настоящий кладезь информации для тех, кому интересно, как работают иностранные корреспонденты, кто хочет погрузиться в тонкости и секреты «второй древнейшей» профессии. А пытливый взгляд матерого журналиста позволит увидеть «американскую мечту», как она есть, без наносного пафоса и прикрас.

- Андрей Шитов
  - ○
  - ○ Слово к читателям
  - ○ Введение. Возвращение в детство
  - ○ Часть 1. Города
    - ■ Глава 1. Первая любовь. Нью-Йорк, 1987–1992
      - ■ 1.1. Как мы осваивались
      - ■ 1.2. Чем мы занимались
      - ■ 1.3. О чем мы думали
      - ■ 1.4. Сходство и различия
    - ■ Глава 2. Дом вдали от дома. Вашингтон. 1996–2017
  - ○ Часть 2. «Книга Царств»
    - ■ Глава 3. Вприглядку к президентам. От Горбачева до Путина
    - ■ Глава 4. Уильям J. Клинтон, 1993–2001. От Ванкувера до Югославии
    - ■ Глава 5. Первый водораздел. АА: программа на один день и на всю жизнь
    - ■ Глава 6. Джордж W. Буш, 2001–2009. От Любляны до Цхинвала
    - ■ Глава 7. Второй водораздел. 09/11: черный день американского календаря

- Глава 8. Барак Н. Обама, 2009–2017. От «перезагрузки» до «Руссогейта»
- Глава 9. Дональд J. Трамп, 2017– … От «Руссогейта» до… чего? Удастся ли поладить России и США?
  - 9.1 Случайный президент
  - 9.2 «Руссогейт», или Кто к кому вмешивается
  - 9.3 «Ограниченный суверенитет» по-американски
- Часть 3. Профессиональный разговор
  - Глава 10. «Пресс-сарай»: быт и нравы журналистского корпуса при Белом доме
  - Глава 11. Пропаганда: споры о свободе и не только
    - 11.1 Мальчик для битья
    - 11.2. Про Путина
    - 11.3. Про Трампа и Fake News
    - 11.4. Про пропаганду
    - 11.5. Наши дети в Америке
- Часть 4. Штрихи к психологическому портрету американцев
  - Глава 12. Технологии жизни. Жадность и счастье
    -
    - 12.1. Люди, не живущие «на авось»
    - 12.2. Почему американцы не умеют быть счастливыми
    - 12.3. Главная черта характера «народа-коммерсанта»
  - Глава 13. Честь и совесть
    -
    - 13.1. «Они ж не врут!»
    - 13.2. Формула недоверия
    - 13.3. Им вера строить и жить помогает
- Часть 5. Негласный надзор
  - Глава 14. «Под колпаком у Мюллера»
    -
    - 14.1. От «Энигмы» до «Веноны»
    - 14.2. Дело агента «Дельмара»
    - 14.3. Дела покойных писателей
  - Глава 15. Дожить до своего рака
  - Глава 16. Прощальный подход
  - Глава 17. Домой!
- Послесловие. Мифы об Америке и России

- Миражи. Семь мифов об «американской мечте»
- У нас все плохо, и нам все должны. Российские мифы на американском фоне

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

Андрей Шитов
Четверть века в Америке
Записки корреспондента ТАСС

© Шитов А. К., 2020
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2020

⁂

Слово к читателям

Андрей Шитов возглавлял представительство ТАСС в Вашингтоне от Билла Клинтона до Дональда Трампа. Поскольку до этого у него была еще и нью-йоркская «пятилетка», в общей сложности он более четверти века работал за океаном на главное информационное агентство России.

Не думаю, что кто-либо еще из современных российских журналистов обладает подобным опытом. И с удовольствием представляю читателям рассказ Андрея об этом опыте — еще и потому, что некоторые воспоминания у нас общие. Серия интервью с президентами США и другими ключевыми американскими ньюсмейкерами для проекта ТАСС и РТР «Формула власти» готовилась нашей творческой бригадой при его непосредственном участии.

При всей своей необычности в американском контексте опыт Шитова не уникален для ИноТАСС в целом. В зарубежной корсети нашего агентства есть люди с таким же и даже более внушительным творческим и рабочим стажем. Подлинные корифеи работают в самых разных точках планеты — от Парижа, Праги и Рима до Токио и Пекина.

В свое время в профессиональной среде новостные агентства принято было шутливо именовать «могилами неизвестных журналистов». Но на самом деле для любого репортера большая честь видеть свой текст напечатанным под всемирно известным тассовским брендом. А в своей штаб-квартире — известном москвичам «доме под глобусом» на Тверском бульваре — мы, конечно, по достоинству ценим своих ведущих авторов. Многие из них, включая Андрея, отмечены не только профессиональными, но и государственными наградами.

Теперь издательство «АСТ» любезно предложило помочь нашим «золотым перьям» лично представиться и более широкой читательской аудитории. Благодарен за такую возможность; надеюсь и верю, что такое сотрудничество ТАСС и АСТ окажется плодотворным. А о том, не вышел ли комом первый блин, теперь судите сами.

Михаил Гусман,

первый заместитель генерального директора ТАСС

Введение. Возвращение в детство

«Умных много, добрых мало»
Моя бабушка, Екатерина Андреевна Шитова (1916–1998)

По дорожке, протоптанной в снегу среди деревьев, поздним зимним вечером шагает мальчик. Его догоняет высокий мужчина, берет за руку и дальше они идут вместе.

Это мой сон. Мальчик — это я. Мне лет пять или шесть. Я иду искать родителей, которые уложили меня спать и ушли веселиться с друзьями.

Дорогу к Дому офицеров в подмосковной части, где служит мой отец — через пруд, обсаженный деревьями, и дальше по улице, — я знаю. Поэтому даже одному в темноте мне весело, а не страшно. Я вдыхаю вкусный морозный воздух, таращусь на звезды и желтые огоньки за деревьями и топаю по хрусткому искрящемуся снегу валенками, надетыми на босу ногу.

В этом лесном военном городке, окруженном колючей проволокой и не имевшем даже собственного названия, а только литерное обозначение К-510, я рос от рождения до окончания школы. До Америки оттуда было как до Луны.

Но мать надоумила меня поступать в московский иняз, после учебы я попал в ТАСС, а потом больше четверти века работал корреспондентом агентства в Нью-Йорке и Вашингтоне. И детский сон мой застал меня душной летней ночью в казенной американской квартире.

Проснулся я тогда с ощущением горькой ошибки. Отец мой незадолго до того умер, не увидев своего внука и моего сына Ваню, родившегося за океаном. Так что и человеком, догнавшим меня во сне, был не он или, во всяком случае, не только он, но и я сам, только почти сравнявшийся с ним по возрасту. Сознание раздвоилось: я словно со стороны видел шагающую впереди детскую фигурку и привычно ощущал, как доверчиво ложится мне в руку маленькая теплая ладонь…

Вообще-то я своих снов не помню. Но этот врезался в память сразу и навсегда. Он отзывается во мне щемящей и нежной грустью: жалостью к рано ушедшему отцу, к себе самому, к Ваньке, который, сам того не подозревая, очень похож на деда. По сути он вместил всю мою жизнь.

⁂

Об этой жизни я и хочу теперь рассказать — вам и себе. Чтобы попытаться задним числом еще что-то в ней уяснить.

Это мой сугубо личный рассказ. Я всю жизнь работаю в ТАСС и считаю это своей большой удачей. Но я никем не уполномочен что-либо заявлять за других.

Я полжизни прожил в Америке и почти все, что я пишу и говорю, так или иначе окрашено этим опытом. Но я русский человек, всегда им был и буду. Больше того, я совершенно обычный человек — как я это для себя называю, человек «из метро» или «из электрички».

И Америка сама по себе интересна мне лишь постольку, поскольку она, на мой взгляд, может и должна быть интересна моим попутчикам — людям, вместе с которыми я утром еду на работу, а вечером возвращаюсь домой. Надеюсь, это тоже будет очевидно в моем рассказе, который я поначалу так и хотел назвать: «Обычные люди». В моем понимании это относится ко всем, включая политиков и разного рода знаменитостей.

Сюжета как такового в моем повествовании нет. Есть воспоминания: о городах, людях, жизненных и профессиональных уроках. По определению одной моей давней приятельницы, русской американки, это моя «американская мозаика».

Сложена она более или менее по порядку, но все же с позиций сегодняшнего дня. А память моя избирательна: мысли и чувства сохраняются в ней лучше, чем обстоятельства времени и места; хорошее — гораздо лучше, чем плохое. Многое, наверное, вообще не поддавалось бы восстановлению, если бы не прежние публикации: я же всю жизнь работаю для печати.

За тексты свои я привык отвечать, в ТАСС с этим строго. И теперь, даже используя архив, заново все перепроверяю. Так что любые возможные ошибки или неточности в книге — только моя вина.

Профессия подарила мне встречи с бесчисленным множеством замечательных людей. С одними я годами работал бок о бок, с другими общался лишь раз-другой. Но у всех я чему-то учился, и всем за это признателен, хоть и не могу перечислить их поименно. И чувствую себя в ответе перед ними за эту книгу, даже если они ее не прочтут.

Ни перед собой, ни перед этими людьми я не могу и не хочу лукавить. Поэтому пишу без купюр, стараясь ничего не искажать и не замалчивать. А иначе какой вообще в этом смысл?

Часть 1. Города

Глава 1. Первая любовь. Нью-Йорк, 1987–1992

1.1. Как мы осваивались

У ТАСС в те годы имелись в США отделения в Вашингтоне, Нью-Йорке и Сан-Франциско. Первое освещало работу федеральных органов власти и неофициально считалось ведущим, первым среди равных. Последнее на самом деле было корпунктом, поскольку там работал один человек, следивший за жизнью штатов тихоокеанского побережья.

Соответственно, на долю Нью-Йорка, куда я прибыл зимой 1987 года, приходилась вся остальная территория страны — от Аляски до Флориды и Техаса, не говоря уже о самом мегаполисе, где размещается штаб-квартира ООН.

Кстати, при этой штаб-квартире работали еще двое тассовцев, причем одного туда направляла Москва, а другого — Киев. Ведь СССР на правах победителя во Второй мировой войне имел в ООН сразу три представительства: общесоюзное, украинское и белорусское. А ТАСС в советское время возглавлял целую сеть республиканских информационных агентств, включая Укринформ и БелТА.

Удобное соседство

Наше нью-йоркское отделение располагалось в одном из небоскребов Рокфеллер-центра посередине Манхэттена, неподалеку от Центрального парка. Почтовый адрес я помню до сих пор наизусть: 50, Rockefeller Plaza, New York, NY 10020. В обиходе он сокращался до Fifty-Rock.

Помещение мы арендовали у американского информационного агентства Associated Press (AP, Ассошиэйтед Пресс). Соседство было отчасти вынужденным: нам требовалась бесперебойная связь с Москвой (поначалу телетайпная, позже компьютерная), а поддерживать ее до приезда к нам в отделение собственного инженера помогали американцы.

Но оно было и удобным во всех отношениях: от профессионального до бытового. Новостные ленты AP служили нам одним из основных источников информации о том, что происходило в США, и при возникновении вопросов можно было оперативно, не покидая здания, проконсультироваться с

коллегами.

Главным бытовым удобством считалось наличие у коллег собственной столовой. Но мы ею редко пользовались, поскольку кормили там, на наш взгляд, невкусно и довольно дорого. Питались мы в основном разнообразным фастфудом с уличных перекрестков либо приносили еду из дома и разогревали в микроволновке; получки «обмывали» неподалеку от офиса в баре Pig & Whistle («Свинья и свисток»). Наши маститые ветераны-«американисты» в твидовых пиджаках посвящали там новичков вроде меня в важнейшие тонкости работы за океаном: до сих пор помню, например, что Martini Extra Dry — это чистый джин в треугольном бокале, предварительно ополоснутом вермутом…

Зачем нужны инокорры

Штат сотрудников отделения состоял из четырех корреспондентов и заведующего, который в тассовских командах на моем веку всегда был «играющим тренером». Он не только организовывал и направлял общую работу и отвечал за нее перед Москвой, но и сам писал все, в чем возникала необходимость: от сиюминутных новостных заметок до наиболее сложных и ответственных комментариев или аналитических текстов.

Впрочем, подготовка не только кратких, но и объемных материалов была обязательна и для всех остальных. При этом в многостраничных «почтовках», которые до появления компьютеров пересылались в московскую редакцию обычной почтой, поскольку передавать их по телетайпу было слишком трудоемко и дорого, разрешалось опираться на оценки и прогнозы местной печати. Но в аналитических «информационных письмах» корреспондентам полагалось использовать сведения из своих личных источников и делать на их основании собственные выводы.

Отчасти это объясняет, зачем вообще нужны инокорры. Новости как таковые можно ведь взять и у СМИ страны пребывания. Но те заведомо не станут искать и выделять в информационном потоке то, что интересно и важно именно для российской аудитории. Во всей своей работе — от отбора новостей до их подачи, а иногда и пропагандистской «подкрутки» — они будут преследовать исключительно собственную выгоду. Ну и мы точно так же всюду искали свой интерес.

События идут непрерывным чередом, поэтому и мы работали безостановочно, семь дней в неделю. По будням — в две смены: с

девяти утра до шести вечера и с шести вечера до трех утра. Скроить рабочее расписание так, чтобы не пропускать новостей и выполнять редакционные задания, но при этом оставить людям законное время для отдыха, для заведующего всегда было проблемой.

Четырехколесный барьер

К первой командировке я почти три года готовился в американской редакции ИноТАСС в Москве, стажером ездил в Лондон. Работу знал и любил, требования к ней понимал, так что проблем с редакцией не возникало. А самым серьезным барьером при адаптации к жизни в Нью-Йорке стало для меня вождение автомобиля.

В Москве я до того за рулем никогда не сидел. Взял, правда, пару уроков в автошколе, но они сослужили мне скорее плохую службу, поскольку создали иллюзию, будто я чему-то там научился. На самом деле я понятия не имел, как управлять автомобилем, даже нашим отечественным, не говоря уже об американских — более массивных, но при этом более приемистых, легче слушающихся руля и оснащенных автоматической, а не ручной коробкой передач.

В общем, при первом же самостоятельном появлении на дороге я «въехал» сзади в машину какой-то бабули, ожидавшей смены сигнала светофора на перекрестке. И началось мое многомесячное хождение по мукам.

Не буду все пересказывать, но, если бы не мой тогдашний начальник, а ныне добрый друг Игорь Макурин, отстоявший неумелого новобранца, меня скорее всего просто отправили бы от греха подальше обратно в Москву. Однажды я умудрился угодить в две аварии за один вечер. А «хеппи-эндом» стала уже нью-йоркская автошкола.

Теперь у меня тридцатилетний водительский стаж, и для меня непреложный факт, что в США корреспондент, не умеющий водить машину, реально неполноценен (во всяком случае до тех пор пока весь автопарк не станет «беспилотным», как обещают футурологи). И я советую молодым тассовцам, отправляющимся за океан, из этого исходить, но все же не садиться за руль без достаточной подготовки.

Мед и деготь

Кстати, в наши дни инокорры — это уже не только ребята, но нередко и девушки. В советское время в командировки отправляли почти исключительно мужчин, причем женатых. Для жен в штатном расписании предусматривались технические должности — секретаря, телетайпистки и т. п.

Это очень высоко ценилось, поскольку обеспечивало прибавку к семейному бюджету, но по сути, конечно, женщины, уезжавшие с мужьями за рубеж, жертвовали нормальной карьерой. А поскольку телетайпистки у нас выходили и в ночную смену, то некоторые шутливо жаловались, что жертвуют и репутацией, ибо регулярно на глазах у консьержей возвращаются домой под утро в компании не собственного мужа, а посторонних мужчин.

Зарплаты у нас были, по выражению одного нашего бывшего тассовского начальника, «хорошие, но маленькие». Помнится, что-то около тысячи долларов в месяц. Но никто не жаловался, так как по советским меркам и это было запредельно много. К тому же зарплата была лишь частью реального достатка, поскольку в длительных загранкомандировках корреспонденты находились на почти полном государственном обеспечении. Основные расходы — на жилье, транспорт, связь — оплачивались из бюджета отделения.

Правда, и в этой бочке меда имелись свои маленькие ложки дегтя. За все необходимо было отчитываться, и без чеков, заверенных подписью заведующего, никакие расходы к оплате не принимались. К тому же для всего — от размеров жилплощади до объема двигателя у автомашин — существовали нормы, в которые полагалось вписываться.

Нормы эти были советскими и, например, сроки эксплуатации мебели по ним исчислялись у нас то ли двумя, то ли даже тремя десятками лет. Но качество-то при этом было американским: с виду нарядным, но с изнанки картонно-фанерным, на вечность совершенно не рассчитанным.

Приходилось выкручиваться, в том числе путем обмена мебелью друг с другом. Однажды мы с коллегой перетаскивали из одной квартиры в другую какую-то детскую кровать, которая буквально рассыпалась в руках. Даже ехавший с нами в лифте сосед-американец не выдержал и буркнул, выходя: «Ну и рухлядь!» Оценить эту реплику может лишь тот, кто знает, как свято соблюдается за океаном житейская заповедь, запрещающая совать свой нос в чужие дела.

По приезде в Нью-Йорк, когда мы еще только осваивались на новом месте, моя жена обратила внимание на то, что одна из тассовских квартир была обставлена чуть лучше других. Хозяйка в ответ без всяких шуток похвалилась «стратегически выгодным»

расположением жилья: дескать, окна смотрят на мусорную свалку, и когда там появляется какая-нибудь приличная вещь, главное не зевать…

Наши американцы

Я еще застал то время, когда в отделении помимо советских корреспондентов, присылаемых из Москвы, работали принятые на месте американцы. Среди них главными для нас фигурами в Нью-Йорке были немолодые супруги Гарри и Руфи Фишер — коммунисты, для которых работа в советском информационном агентстве была, как я понимаю, еще и исполнением партийного долга.

Вообще присутствие ТАСС в Новом Свете началось в 1929 году с американских репортеров-стрингеров, то есть контрактников. Хотя и первые советские журналисты появились в Нью-Йорке еще до Второй мировой. Когда у нас в офисе при мне был ремонт, в углу за сейфом обнаружился портрет Сталина. Можете, кстати, судить о том, как часто там производились ремонты.

Фишеры были люди замечательные. Гарри добровольцем участвовал в гражданской войне в Испании, сражался с фашистами в составе интербригад. К молодым тассовцам, которые, сменяя друг друга каждые 3–4 года, приезжали «открывать Америку», они с женой относились по-родительски заботливо.

Гарри служил у нас телетайпистом, Руфи вела бухгалтерию. Помимо всего прочего именно она выдавала нам зарплату, причем наличными, поскольку собственные банковские счета нам тогда открывать не разрешалось. К Фишерам мы в первую очередь шли за советом и по любым вопросам, касавшимся нашего обустройства в США.

Былая доверчивость

Некоторые тамошние порядки задним числом кажутся удивительно беспечными. Например, для получения водительских прав — по сути главного американского документа, удостоверяющего личность, — мне необходимо было представить в местный департамент автотранспорта (DMV) подтверждение, что я тот, за кого себя выдаю, и что я проживаю в Нью-Йорке.

У меня, разумеется, был заграничный советский паспорт. Но

по правилам требовался еще один какой-нибудь документ.

Им послужило… ручательство одного из моих коллег-тассовцев. Он просто приехал вместе со мной в DMV, предъявил собственные права и заверил барышню в окошке, что мои показания правдивы. Этого было достаточно. А место жительства я подтвердил счетом за коммунальные услуги и конвертом, отправленным той же Руфи на мое имя и адрес.

Конечно, для получения прав необходимо было еще и сдать экзамены. С вождением я к тому времени худо-бедно разобрался, а при прохождении теоретической части испытаний мне были неожиданно предложены на выбор варианты на английском и русском языках.

Я выбрал русский и не прогадал. Мало того, что благополучно сдал сам: вскоре после меня на те же испытания поехал еще один наш новичок. Я ему подробно рассказал о своем опыте, включая содержание опросника. Он тоже выбрал русский и убедился, что этот вариант у местной автоинспекции был единственным. Успех, как говорится, был обеспечен…

Пересдача

Задним числом я сам удивлялся, почему мне так трудно было научиться водить, и пришел к довольно неожиданному выводу. Как ни странно, одной из главных помех была подсознательная установка на то, что я со своим неумением всем мешаю и должен везде и всюду уступать. Я так и пытался делать, постоянно создавая тем самым аварийные ситуации.

Зато через десяток лет, переподтверждая права в Вашингтоне, я сразу объяснил женщине-инструктору, что водить умею. Уверенно проехал под ее руководством «круг почета» вокруг местной автоинспекции и… провалил экзамен.

«Вы действительно умеете водить, — сказала она мне, когда мы вернулись на место старта. — Но вы же не соблюдаете никаких правил!»

А я, как мне казалось, их «соблюдал» — только на словах, а не на деле. При виде знака об ограничении скорости не тормозил, а объяснял инструктору, что, мол, дорога пустая и можно ехать чуть быстрее, хотя по правилам скорость полагается сбросить. Точно так же проехал нерегулируемый перекресток — изобразив, но до конца не выполнив положенную полную остановку перед поперечной дорогой. В итоге схлопотал совершенно заслуженный «неуд» и был отправлен на пересдачу.

В каком из этих случаев, нью-йоркском или вашингтонском,

ярче проявлялись мои психологические комплексы, судить не берусь. Но комплексы эти — сначала неуместная робость, потом столь же нелепая самоуверенность вплоть до пренебрежения правилами — кажутся мне не только личными, но отчасти и родовыми, наследственными. Живущими в нашем общем российском менталитете с советских, а может, и досоветских времен.

Поэтому я и вспоминаю теперь о жизненных уроках, которые помогли мне разглядеть их в самом себе, осознать. А американские мои друзья, когда я им описывал свою «сдачу экзамена по вождению», смеялись буквально до слез…

1.2. Чем мы занимались

Работая хроникером, ты порой даже с утра не знаешь, о чем тебе днем придется писать. Но дома можно хотя бы специализироваться на какой-то теме, а иностранный корреспондент — по определению и швец, и жнец, и на дуде игрец. Мне часто вспоминается шутливое определение, что интеллигент — это тот, кто употребляет незнакомые слова правильно.

Помню, в самом начале работы в США пришлось вдруг спешно вникать в проблемы… холодного ядерного синтеза. Заголовок первой моей большой статьи на эту тему — «Буря в стакане тяжелой воды» — до сих пор мне кажется чуть ли не самым удачным за всю карьеру. Но сенсация, родившаяся в Ютском университете, на поверку оказалась липовой и привила мне стойкое недоверие к неподтвержденным гипотезам, а отчасти и скептицизм к научному знанию как таковому.

Зато без всякого скепсиса, а с гордостью, благодарностью и комком в горле вспоминаю, как за океаном в апреле 1987 года принимали героев — ликвидаторов последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Леониду Телятникову — единственному выжившему из пожарного расчета, работавшего на крыше реактора, — ньюйоркцы аплодировали стоя.

А сам этот совсем не геройский с виду человек — невысокий, густо-рыжий, щербатый — заметно смущался и повторял, что всего лишь выполнял свой служебный долг. Хотя вместе со своими погибшими товарищами уберег годом ранее от очень больших бед, наверное, пол-Европы. Он умер в декабре 2004 года, немного не дожив до своего 54-летия…

Весной 1988 года я ходил в нью-йоркский ЖСК «Дакота», где жил и погиб Джон Леннон, на беседу к его вдове Йоко Оно. Я просил об интервью, но никак не ожидал, что почти сразу получу

согласие. Думаю, мне просто повезло: незадолго до того она была приглашена на встречу советского лидера Михаила Горбачева с «американской интеллигенцией» и, возможно, решила, что мой запрос как-то с этим связан.

Говорили мы на стандартную тему: о том, как укреплять мир, доверие и взаимопонимание в американо-советских отношениях. На прощание Шон Леннон — сын Джона и Йоко, которому тогда было 12 лет, — попросил: «Пусть разрядят все ядерные бомбы, чтобы нам, когда мы вырастем, не пришлось этим заниматься. И чтобы никогда не было войны»…

Подобные пожелания я слышу всю свою сознательную жизнь. Большой войны, слава Богу, нет. Но и бомбы никто не разряжает. Наоборот, создают все новые и все более смертоносные…

В 1990 году в Нью-Йорке проходил матч за звание чемпиона мира между двумя лидерами советской шахматной школы — Гарри Каспаровым и Анатолием Карповым. Сам я, конечно, был не в состоянии постичь, «как ходят, как сдают» на высшем спортивном уровне (для тех, кто забыл или не знал, — это фраза Владимира Высоцкого из песни про «честь шахматной короны»).

Но, на мое счастье, у нас в отделении работал тогда инженером замечательный человек — отличный компьютерщик, шахматист и мой друг Володя Просвиряков, ныне, к сожалению, тоже уже ушедший из жизни. Ему не было равных даже среди чернокожих профессионалов с манхэттенских перекрестков, предлагавших прохожим сразиться в шахматы на деньги; по его оценкам, они в среднем играли на уровне нашего «сильного первого разряда». Про «битву двух К» мы с ним писали вместе.

Внутренняя логика

Со стороны вся эта мозаика, видимо, кажется хаотичной, но в ней была своя внутренняя логика. Конечно, обязательным для освещения считалось все, что касалось нашей страны и советско-американских отношений. А в них и на излете холодной войны шли жаркие идеологические споры.

Одним из самых затяжных и упорных был спор по правозащитной тематике, и редакция просила нас искать для него аргументы. В результате мы регулярно писали, например, об американских политзаключенных, в частности, об одном из лидеров Движения американских индейцев Леонарде Пелтиере и об активисте организации «Черные пантеры» и журналисте Мумиа Абу Джамале. Оба они, между прочим, до сих пор остаются за решеткой (первый с 1976, а второй — с 1981 года), хотя при

Бараке Обаме произошел очередной всплеск ожиданий, что Пелтиера, которому тогда уже перевалило за 70, могут помиловать.

Впрочем, идеологическими препирательствами советского «государства рабочих и крестьян» с заокеанским «миром чистогана» дело совсем не ограничивалось. Мы старались искать и высвечивать в США и «полезный опыт».

Помню, один из московских академических «толстых журналов» перепечатал мою «почтовку» о том, как американцы борются с магазинными кражами. В другом случае я взял большое интервью у Дэвида Рокфеллера об организации благотворительной деятельности знаменитого фамильного клана, который он на тот момент возглавлял.

Другие темы именитый банкир обсуждать не пожелал, но на эту согласился и принял меня в своей штаб-квартире на 56-м этаже соседнего с нашим небоскреба Рокфеллер-центра. По ходу беседы его удивило, откуда мне было уже известно довольно много подробностей о его семье. Я сослался на только входившую тогда в моду компьютерную базу данных LexisNexis, и он строго осведомился у помощника, имеется ли такая у них самих. Тот, конечно, заверил, что они идут в ногу с веком.

Примерно тогда же я написал для нашего тассовского журнала «Эхо планеты» про то, как американцы внедрили у себя поточный метод строительства жилья. После окончания Второй мировой в США шла массовая демобилизация военнослужащих, которым при возвращении «на гражданку» полагались подъемные. Но жить им было, как правило, негде, и некто Уильям Левитт придумал строить для них дешевые типовые коттеджи, чтобы первый взнос покрывался суммой этих самых подъемных. Роль конвейера выполняла цепочка сменявших друг друга бригад, каждая из которых выполняла только одну определенную строительную операцию. Вскоре на картофельных полях близ Нью-Йорка, а затем и в окрестностях других американских городов закипело массовое строительство коттеджных поселков — Левиттаунов.

В нашей стране публикация, как говорится, вызвала общественный резонанс. «Эхо» напечатало тогда подборку писем читателей, в одном из которых, присланном из Армении, предлагалось направить статью для обсуждения в Кремль.

Из России с мольбою

Конечно, не могу я не вспомнить и еще пару эпизодов из

опыта своей работы в Нью-Йорке. Как-то раз растерянные коллеги из АП принесли мне в отделение ТАСС растерзанный конверт с письмом и фотографией ребенка. Дескать, взгляни, пожалуйста, а то адресовано вроде нам, но мы не знаем, что с этим делать.

В письме семья инженеров из российской глубинки на ломаном английском просила оказать любую возможную помощь для сбора средств на лечение тяжело больной дочери. Теперь в Москве я регулярно слышу подобные истории с телеэкранов, но тогда мне это было в диковинку.

Горю родителей нельзя не посочувствовать, но я задумался и о том, что такое же послание из США в другую страну, наверное, невозможно. И не только потому, что там не бывает нищих инженеров. Как раз с деньгами-то проблемы могут возникнуть где угодно. Десятки миллионов американцев не имеют медицинской страховки, и понятие «катастрофического заболевания» — не в медицинском, а именно в финансовом смысле — родилось не где-нибудь, а в США.

Разницу я вижу в том, что даже и в такой ситуации американцу просто в голову не придет обращаться за помощью за границу, даже если он и в состоянии написать такое письмо. Просить же о поддержке он станет (если станет: им как индивидуалистам сложнее решиться на это, чем нам) семью, соседей, местную церковную общину, возможно — социальные учреждения своего города и штата.

Один мой американский приятель помог больному племяннику, обратившись в ассоциацию людей, страдавших тем же недугом. Мальчика проконсультировали, а затем и прооперировали бесплатно.

Благотворительный стартап

А вот другой случай. В 1991 году, перед самым распадом СССР, когда даже в Москве на полках продовольственных магазинов было шаром покати, в наше нью-йоркское отделение позвонила некая Эми Кэртис. Насмотревшись репортажей об угрозе голода в Советском Союзе, домохозяйка из штата Кентукки решила материально поддержать одну из нуждающихся семей, но только — что она особо оговорила — без всяких посредников.

Я написал об этом заметку, а потом и журнальную статью, и к Эми хлынул поток писем (я ее, кстати, предупреждал, что так и будет). Через пару месяцев она уже уезжала в Россию с первым контейнером благотворительной помощи.

Потом о ней сделала репортаж одна из крупных

американских телекомпаний, после чего мне позвонил другой человек, уже из Нью-Йорка, и попросил помочь ему в таком же начинании. Я согласился, а Эми, узнав об этом… закатила мне по телефону скандал.

«Это мой проект, — кричала она. — Я даже с мужем развелась, только этим теперь и занимаюсь. Этот тип из Нью-Йорка не имеет права копировать то, что я придумала». Пришлось объяснить даме, превратившей благотворительность в своего рода бизнес, что у нас с ней разные интересы в этом деле.

Вопрос свободного человека

Мораль сих басен для меня не в нравоучениях, тем более что ни хвалить, ни осуждать по большому счету некого. Это просто примеры того, как, на мой взгляд, никогда не поступили бы в одном случае американцы, в другом — россияне, хотя для другого народа такое поведение, видимо, нормально.

А вместо морали позволю себе привести любимую выдержку из классической работы экономиста Чикагской школы, нобелевского лауреата Милтона Фридмана «Капитализм и свобода». Он оспорил известный призыв Джона Кеннеди: «Не спрашивай, что может сделать для тебя твоя страна; спрашивай, что ты сам можешь сделать для родины» (лозунг, кстати говоря, вполне советский).

Вот аргументы Фридмана: «Ни первая, ни вторая половина этого высказывания не отражает таких отношений между гражданином и его правительством, которые достойны идеалов свободного человека в свободном обществе… Для свободного человека страна — это сообщество индивидуумов, а не нечто стоящее выше их и над ними… Свободный человек не станет спрашивать, ни что может сделать для него его страна, ни что он может сделать для родины. Он скорее спросит: „Что мы с соотечественниками можем сделать с помощью правительства“ для исполнения своих индивидуальных обязанностей, достижения наших раздельных целей и устремлений и, самое главное, для защиты нашей свободы».

Между прочим, при выходе его книги в 1962 году ее встретил «заговор молчания». К юбилейному изданию 1982 года и книга, и ее автор были знамениты. А в 2002 году на торжественной мемориальной церемонии в Белом доме президент Джордж Буш-младший отмечал, что идеи Фридмана живут и побеждают не только в самих США, но и по всему миру, включая Россию. Я это с удовольствием освещал, поскольку это входило в мои прямые

профессиональные обязанности.

Зачем нужны идеалы

А уже в самое последнее время в Москве я убедился, что те же идеи постепенно прививаются и у нас. Во всяком случае российские социологи, с которыми я общался, это подтверждают. По их словам, доля «самодостаточных» граждан, готовых рассчитывать при решении насущных жизненных проблем не на помощь государства, а на собственные силы, растет в России настолько интенсивно, что можно говорить о «тихой социальной революции». Признаюсь, меня это радует, хотя сам термин мне и не нравится: хватит с нас революций.

Вся история Америки подтверждает, что главная сила демократической республики, как и писал Фридман, — свободная воля свободных людей. И в Новом Свете переселенцы, искавшие лучшей доли, изначально добровольно объединялись для того, чтобы соответствующим образом устроить свою жизнь.

Когда понадобилось создать федеральное правительство, ему сознательно уступили минимум власти, без которой оно не могло выполнять свои обязанности. Жесткие ограничения этой власти были прочно закреплены в конституции страны. Сильное государство изначально воспринималось не как общественный идеал, а напротив — как потенциальная угроза для прав и свобод. И на моем профессиональном веку американские консерваторы, начиная с Рональда Рейгана, всегда повторяли, как мантру, что правительство — «часть проблемы, а не решения».

В последние годы в США усиливаются идейный разброд и шатания, но все же некоторые фундаментальные вещи остаются пока незыблемыми. Главенство закона и охраняемый им принцип «разрешено все, что не запрещено», — это та основа личной свободы, вокруг которой и по сей день естественным образом объединяются левые и правые, простой народ и интеллектуальная элита.

Правда, сразу стоит оговориться, что, насколько я могу судить, и самые высокие идеалы для американцев все же не самоцель. Это не советская идеология, которая была важнее жизни и под которую надо было подстраивать жизнь.

Американцы же, наоборот, готовы принять любые идеалы, в том числе и социалистические, если, что называется, жизнь заставит. В 2020 году споры о социализме, системном расизме и неравенстве неожиданно оказались лейтмотивом президентской предвыборной гонки. Тогда же грянула пандемия коронавируса,

потребовавшая резкого усиления роли государства в экономике…

В целом в США свобода, демократия и власть закона возведены в абсолют постольку, поскольку помогают нации хорошо жить. Естественно, по-своему. Фактически это средство защиты национальных интересов, как их понимает большинство населения.

Как к этому относятся в других странах, американцев не очень волнует. Упрекать их за это бессмысленно. Извиняться за то, что они живут, как им нравится, они не склонны.

Верный штамп

Один из штампов советской пропаганды в свое время сводился к тому, что мы с симпатией относимся к американскому народу, но критически оцениваем деятельность его правительства. Чем дольше я жил за океаном, тем больше убеждался, что противопоставление было в принципе правильным.

Американцы, какими я их знаю, в подавляющем большинстве своем нормальные, умные и порядочные люди. У себя в стране они достаточно удачно организовали свою жизнь и, в частности, создали устойчивую систему, способную регулярно корректировать политику через механизм выборов.

Именно в Нью-Йорке я в свое время впервые начал вникать в устройство этого сложного механизма. Ходил на избирательный участок, куда, правда, меня полицейские не пустили, отправлял письма с вопросами участникам президентской предвыборной гонки 1988 года.

Позже по предложению газеты Christian Science Monitor написал об этом своем опыте. Публикацию вынесли на первую полосу, а мне прислали двойной гонорар: сразу два чека на заранее оговоренную сумму — по 125 долларов.

Обналичивать оба чека я побоялся, по принципу «как бы чего не вышло». Посоветовался с Руфи Фишер, и один платеж мы вернули. Почему не позвонил в газету уточнить, уже не помню — может, по молодости лет просто постеснялся.

Ездил я, причем в одиночку, и на предвыборный съезд Демпартии США, который летом 1988 года проходил в Атланте (штат Джорджия). С непривычки политическое шоу меня оглушило: делегаты, наводнившие город, так рьяно скандировали партийные лозунги, убеждая себя и других, будто «вся Америка» поддерживает их кандидата Майкла Дукакиса, что я чуть было в это не поверил.

На деле же ближайшей осенью безоговорочную победу по всей стране одержал республиканец Джордж Буш-старший. Это был редкий случай, когда американцы оставили в Белом доме представителя одной и той же партии больше чем на два четырехлетних срока.

Им нравился предшественник Буша — Рейган, запомнившийся во внешней политике как напористой готовностью к «звездным войнам» против «империи зла», так и сговорчивым лозунгом «доверяй, но проверяй» — якобы популярной русской пословицей, которой его научила писательница Сюзан Мэсси.

А Буш-отец, на мой взгляд, заслуживал большего. Он остался в памяти как умный, осмотрительный и дальновидный политик, вежливый и приятный в общении человек. Он многого добился для своей страны на международной арене, и не его вина, что после начала рейгановско-горбачевской оттепели в отношениях США и СССР американские избиратели вздохнули с облегчением и переключились на домашние заботы.

Буш тогда обещал народу не повышать налоги и даже предлагал читать эту фразу у него по губам, но слово нарушил. Чем и воспользовался молодой арканзасский ловкач Билл Клинтон со своей подначкой: «Все дело в экономике, глупые!» (англ. It's the economy, stupid).

Искушение Техасом

В силу распределения обязанностей между тассовскими отделениями в США очевидное преимущество ньюйоркцев заключалось в сравнительно большей возможности поездок по стране. И мы этим пользовались. Для меня, например, одной из самых памятных и «долгоиграющих» стала первая же «внутренняя» служебная командировка — в том же 1988 году в университет A&M в штате Техас. Позже Буш-старший разместил там свою президентскую библиотеку; да и вообще Техас — своего рода вотчина одного из самых влиятельных современных политических кланов Америки.

В те времена я сам был недавним студентом, и увиденное, конечно, произвело на меня впечатление. Университет, выросший из «сельскохозяйственно-механизаторского колледжа» (буквы в названии означают Agriculture & Mechanics) в захолустном городке с непритязательным названием Колледж-Стейшн, стал одним из крупнейших в стране и по размаху исследовательских программ, включая космическую, и по числу учащихся, и по

размерам дарственного фонда, а также земельных и морских наделов. Помню, я только молча сглотнул, когда один из кадетов, встречавших нас в аэропорту, мимоходом указал на стоявший в отдалении комплекс зданий промышленно-футуристического вида и пояснил: «Это наш ядерный реактор».

Кадеты там сновали потому, что университет — один из шести вузов США, где ведется подготовка офицеров-резервистов для вооруженных сил. А «нас» в данном случае означало советских участников и гостей конференции, посвященной политике «перестройки и гласности» в СССР. Из Нью-Йорка на нее были приглашены сотрудники советского постпредства при ООН во главе с послом. Среди них был и один из старших дипломатов — Сергей Лавров. Устроителем международного форума выступала ассоциация студентов университета.

После Нью-Йорка кампус удивил меня прежде всего тем, что казался чисто белым по составу населения. Когда я этим поинтересовался, мне ответили, что у техасских афроамериканцев «свои школы».

Следующим сюрпризом стал семинар по русской литературе. Вместо примитивного «ликбеза», на который я внутренне настраивался, посчастливилось поприсутствовать на одном из самых интересных разборов притчи о «Великом инквизиторе» и искушениях Иисуса Христа, какой я когда-либо слышал. Впрочем, особо удивляться не следовало, поскольку, как позже выяснилось, вела занятие профессор-литературовед, эмигрантка советской школы.

Кстати, я теперь вдруг подумал, что ведь не только отдельные личности, но и целые народы могут, видимо, подвергаться искушениям. В том числе — и властью над миром, то есть мировым господством. И история последних десятилетий, возможно, как раз и показывает, чем кончаются подобные искушения для тех, кто их не выдерживает.

Впрочем, пути Господни неисповедимы, а в Техасе я искушал студентов одним и тем же вопросом. Всех подряд спрашивал: если после выпуска придется выбирать между интересной и любимой работой при плохом заработке и обратным вариантом, что предпочтете? Все отвечали одинаково: я-то лично за идеалы, но уверен, что все остальные выберут деньги…

С тех пор это описание прагматизма и идеализма служит для меня точкой отсчета в самых разных ситуациях, связанных с настройкой морального камертона, — и не только в США. В Москве я уже не раз предлагал тот же вопрос группам российских и американских студентов и убеждался, что молодежь и теперь мечтает о журавле в небе, но на деле часто предпочитает синицу

в руках.

Приятное с полезным

«Что вы все о работе да о работе? — упрекнет меня читатель. — Вы же, наверное, за океаном все-таки иногда и отдыхали?»

Разумеется. Хотя ничего особо нового на эту тему я, пожалуй, не скажу. Знакомились с городом, включая знаменитый у нас Брайтон-Бич. Осматривали окрестности, прежде всего в долине Гудзона. Если позволяло время, совершали более дальние автомобильные вылазки — вплоть до Ниагары и Канады. Летом иногда ездили на выходные на посольскую дачу — ту самую, которую позже, при Бараке Обаме, США у России отобрали.

Ну и, конечно, самым стандартным времяпрепровождением был шопинг. Забавно, что по работе я тогда старательно разбирался в феномене американской рекламы, писал о нем, знал и повторял тезис о том, что самый уязвимый для воздействия рекламы человек — тот, кто уверен, что на него она не влияет. Сам числил себя таким вот «неподдающимся», но при этом регулярно рыскал по распродажам — «сейлам».

Впрочем, мне казалось, что так или примерно так вели себя в советской колонии едва ли не все. Оправданием служили ссылки на необходимость обеспечивать не только себя, но и остававшуюся дома в условиях дефицита родню.

Жили «колонисты» замкнуто. Общения с «аборигенами», не вызванного прямой служебной необходимостью, было мало. Правда, отчасти положение начало меняться после того, как нашим детям разрешили учиться в американских школах. Волей-неволей расширился круг знакомств и у родителей, большинство которых сразу воспользовалось новым правом. Во второй класс местной нью-йоркской школы пошла тогда и моя старшая дочь Аня.

Что касается культурного досуга, журналистам его отчасти позволяла заполнять работа. Для официально аккредитованных в городе и «знающих ходы» репортеров доступно было многое — от музейных выставок до театральных премьер.

Однажды меня занесло даже на выступление известного индийского гуру Шри Чинмоя: он битых два часа разгуливал по сцене в белых одеяниях и носках без обуви, что-то приговаривал и играл на разных музыкальных инструментах. Меня эта экзотика совершенно не впечатлила; в зале я даже задремал, а по пути домой воображал, как буду насмешливо комментировать

увиденное. Пока не обратил внимание на то, что чувствую себя удивительно бодрым и отдохнувшим, хотя после примерно таких же по продолжительности партсобраний «чугунная» голова обычно гудела, как колокол…

Впрочем, в первую очередь мы, конечно, старались не пропускать выступления отечественных исполнителей — тем более что за океан охотно ездили и наши звезды первой величины.

Например, в 1989 году в США прилетал на гастроли знаменитый советский актерский дуэт — Алиса Фрейндлих и Владислав Стржельчик. Показывали они постановку Георгия Товстоногова по пьесе американца Нила Саймона «Этот пылкий влюбленный». И нашим, и Саймону вручали награды Международного драматического общества за вклад в преодоление культурных барьеров.

При этом спектакли шли в тот раз в Нью-Йорке на сцене актового зала — университетского, чуть ли не школьного. В один из вечеров на глазах у изумленной публики на эту сцену поднялась из зала плотная коренастая дама в норковой шапке и с фотоаппаратом в руках. Подошла вплотную к артистам, навела на них камеру и принялась щелкать затвором.

К счастью, Фрейндлих не растерялась. Оставаясь в сценическом образе, она развернулась к непрошеной гостье, как-то по-кошачьи выгнулась, оскалилась и чуть ли не зашипела, растопырила скрюченные пальцы-«когти» и пошла в атаку.

Женщина-папарацци ретировалась. Я думал, что ее выведут или она сама уйдет из зала, но она, видимо, совсем не была смущена. Невозмутимо прошествовала обратно на свое место и уселась. Спектакль продолжался.

Позже в главной советской партийной газете «Правда» появились полемические заметки о том, что, мол, негоже любимцам нашего народа опускаться до гастролей на таком уровне. Я не согласен. Вся жизнь — театр, и все мы в нем актеры, даже если и мним себя порой постановщиками. И звезды — тоже обычные люди. Им тоже хочется и мир посмотреть, и себя показать, да даже и подзаработать.

Незримая граница

Хотя, конечно, аудитория у наших артистов в Нью-Йорке тогда была специфическая — в основном, эмигрантская и, в основном, еврейская. Между этой диаспорой и советскими командированными пролегала незримая, но отчетливая

«государственная граница».

Впрочем, как раз мы, журналисты, пересекали ее свободнее, чем «официальные лица». Среди моих тогдашних приятелей был, например, Александр Сумеркин, бродивший по Нью-Йорку в чем-то вроде долгополой кавалерийской шинели.

Он был редактором эмигрантского издательства «Руссика», и мы сошлись на любви к печатному слову. Он готовил к выпуску «шемякинский» трехтомник Высоцкого, а я страстно жаждал его заполучить. Для этого предлагал написать о выходе новинки и думал, с кем бы ее обсудить.

«Может, с Бродским?» — спрашивал я у Саши. «Можно и с Бродским, — отвечал он. — Только знаешь, он все-таки и сам поэт. Будет неловко, если ты станешь говорить с ним только о Высоцком…»

Стыдно и горько признаться, но с творчеством Иосифа Бродского я тогда был совершенно не знаком, хотя позже бредил его стихами. И эпиграфом к этой вот книге вполне может служить его строчка: «Моя песня была лишена мотива, но зато ее хором не спеть…»

Разговор тот в итоге так и не состоялся, хотя одна мимолетная встреча с Бродским у меня в Нью-Йорке все же произошла. Я представился ему после одного из его поэтических вечеров в еврейском культурном центре «92Y» на Манхэттене и даже договорился об интервью. Но так и не поехал — опять же по причине своего тогдашнего дремучего поэтического невежества…

Сумеркин позже стал литературным секретарем Бродского, получившего Нобелевскую премию. А я сейчас, копаясь в Интернете для перепроверки своих воспоминаний, нашел в одном из эмигрантских изданий упоминание о том, что Бродский встречался с Высоцким и подарил ему книжечку своих стихов с надписью: «Лучшему поэту России, как внутри ее, так и извне». Конечно, это справедливо: у Высоцкого добрая половина строк вошла в пословицы.

Сергей Довлатов в своих воспоминаниях о Бродском рассказывает, как тот вручил ему однажды сборник переводов с элегантным экспромтом: «Двести восемь польских строчек / дарит Сержу переводчик». Вскоре выяснилось, что ровно то же самое он писал и другим своим знакомым, меняя только имена. Но рассказ завершается словами: «И все равно он гений».

Самого Довлатова гением при жизни никто не считал. Слава пришла к нему посмертно и одно время, на мой взгляд, была даже погромче и пошире, чем у Бродского.

Посмертным было и мое заочное прикосновение к судьбе Довлатова. Когда он в 1990 году умер, я узнал об этом среди

ночи, написал короткую заметку и, поскольку время было еще советское, принялся гадать, выпустят такую новость на ленту ТАСС или нет. Выпустили. А два десятка лет спустя, когда слава Довлатова в России уже гремела, я получил из архивов ФБР выдержки из его следственного дела. Но это уже другая, вашингтонская история и о ней рассказ еще впереди.

Смысл пропал

В Нью-Йорке же в 2010 году тихо скончалась вскоре после своего столетнего юбилея старейшая и самая известная русская эмигрантская газета в Америке — «Новое русское слово» (НРС), где Довлатов в свое время печатался. Трудно отделаться от впечатления, что после прекращения идеологического противостояния между Востоком и Западом она просто лишилась смысла своего существования. А с ним, надо полагать, отмерли и источники финансирования.

Хотя, когда в мои нью-йоркские годы НРС вдруг стала активно использовать материалы ТАСС, мы воспринимали это очень позитивно — как признак оздоровления и самого издания, и общего состояния отношений между русскоязычной эмиграцией и ее исторической родиной на почве деидеологизации.

Ан поди ж ты: после всплеска активности, вызванного интересом к очередной «смене вех» в России, газета, получается, стала просто не нужна. Невольно вспомнишь поговорку о том, что с желаниями надо поосторожнее: вдруг сбудутся…

Вообще у всего есть своя внутренняя логика. Вот, к примеру, в рамках той же деидеологизации меня в свое время пригласили на Русское радио Нью-Йорка делать еженедельные обзоры международных новостей и отвечать на вопросы радиослушателей.

Это давало ощущение востребованности, а к тому же и приносило небольшой дополнительный доход. Поэтому я охотно вел программу месяца два или три — до тех пор, пока меня однажды не спросили, в чем все-таки корень бед в давнем арабо-израильском противостоянии.

Я не специалист по Ближнему Востоку, но незадолго до того побывал в Израиле и как раз об этом спрашивал своего коллегу-тассовца, который на этой теме, что называется, собаку съел. Честно пересказал в эфире его ответ, который, мягко говоря, был не слишком произраильским. Уже тогда понимал, что, наверное, зря это делаю. И на следующий же день передачу с моим участием «временно приостановили» — чтобы больше уже не

возобновлять.

А чего вы хотели? Свободы слова? Как сказали бы мои тогдашние слушатели с Брайтон-Бич, не делайте мне смешно…

1.3. О чем мы думали

Из-за просоветского августовского путча 1991 года в Москве у меня в Нью-Йорке утащили с парковки автомашину.

В те дни я как раз работал в ночную смену. Передавал в редакцию обзоры американского телевидения и газет, которые, как и вся мировая пресса, неотрывно следили за развитием драматических событий в советской столице.

Кстати, благодаря восьмичасовой разнице во времени в Москве зачастую знакомились со свежими выпусками New York Times или Washington Post даже раньше, чем в самой Америке. Причем не только в наших обзорах, но и в оригинале, поскольку ключевые статьи пересылались для перевода по факсимильной связи.

Помню, именно оригиналы стал затребовать себе после возвращения на родину со своей рекордной посольской вахты в Вашингтоне в 1986 году легендарный наш дипломат Анатолий Добрынин. А мы и рады были служить. Обработка публикаций в любом случае входила в обязанности тассовцев и заменяла собой в доцифровую эпоху агрегаторы наподобие «Инопрессы» — во всяком случае, для подписчиков, получавших соответствующую рассылку.

Я сам первые годы работы в ТАСС занимался переводами и порой невольно усмехался цензурному парадоксу: бывали случаи, когда статьи из зарубежных газет с массовыми тиражами переводились и направлялись в наши «инстанции» в единственном экземпляре. Но зато школа работы с текстами была отличная и к тому же выгодная: переводческий труд даже в советское время оплачивался в агентстве пострaнично, и я мальчишкой зарабатывал, как какой-нибудь министр.

Впрочем, при первой же возможности я все равно ушел из отдела переводов в региональную редакцию, открывавшую путь к зарубежной корреспондентской работе. И вот в день победы над путчистами из ГКЧП по сути ретранслировал в Москву из Нью-Йорка в режиме реального времени то, что передавали с места событий американские телеканалы.

Дома это было востребовано: советское телевидение, как я понимаю, таких передач не вело, а Интернета еще не было. Американцы же в своих репортажах делали и попытки анализа ситуации, давали оценки, которые вливались в общий хор

«откликов» со всего мира, обобщавшихся для советского руководства и СМИ в «доме под глобусом» на Тверском бульваре.

«Вы уж там потише…»

Оторвался я тогда от телеэкрана, разумеется, не по формальному графику, а лишь после того, как меня сменил утренний дежурный. Естественно, все сроки разрешенной ночной парковки на улице в самом центре города давно прошли, и моей служебной машины там, где я ее оставил накануне вечером, уже и след простыл.

Пришлось ехать за ней на штрафную стоянку, а затем с ворохом квитанций являться в суд. Признаюсь, дорожка туда была проторена: хотя в Нью-Йорке в те времена и существовали специальные парковочные места для автомашин с пресс-номерами (кто бывал на Манхэттене, тот поймет, насколько это редкая и ценная привилегия), спорные ситуации, связанные с необходимостью «отсуживать» штрафы, возникали не раз.

Поэтому порядок действий я знал. Дождавшись вызова к судье, сказал, что признаю себя виновным, но прошу выслушать мое объяснение. И дальше изложил все как было: дескать, сами знаете, ваша честь, что творится в Москве.

Вердикт последовал незамедлительно. «Дело прекращено!» — громко провозгласил судья, освобождая меня от ответственности. Стукнул молотком, сделал пометку в бумагах и, чуть наклонившись в мою сторону, вполголоса добавил: «Только уж ради Бога вы там у себя постарайтесь потише, чтобы нам всем вместе с вами не взлететь на воздух!»

Сжав в кулаке копию полученной индульгенции, я, конечно, обещал сделать для этого все от меня зависящее…

Миф о «конце истории»

И Господь миловал: в огне ядерного пожарища мир пока не сгорел. Хотя некоторые специалисты считают, что и сегодня — почти тридцать лет спустя — угроза сохраняется, а может быть, и усиливается.

Вот ведь тогда отпустивший мне грехи судья — по сути рядовой клерк в мантии, следивший за порядком на нью-йоркских улицах, — в целом понимал, чем чревато чрезмерное обострение отношений между нашими странами. А теперь часто кажется, что и высокопоставленные политики в Вашингтоне не

очень-то отдают себе в этом отчет. И ломают или демонтируют один за другим механизмы стратегической стабильности в этих отношениях. По сути — пилят сук, на котором все мы сидим.

Впрочем, удивляться особо не приходится. В декабре 1991 года — через четыре месяца после описанных выше событий — Советский Союз прекратил свое существование. Для всех нас, его бывших граждан, этот общий наш жизненный водораздел стал величайшим геополитическим и личным потрясением, а для миллионов людей — и подлинной катастрофой.

Но за океаном он был однозначно воспринят как подтверждение полного и окончательного триумфа Америки и ее либеральных ценностей, породил даже нелепую теорию о «конце истории». А нынешнее поколение американских политиков — из тех, кому сейчас «за сорок» и кто примеривается к высшей власти в США, — как раз и выросло на подобных мифах.

Крепость задним умом

Да что кивать на американцев. Мы же сами тогда гордились и восторгались Михаилом Горбачевым и его реформами, приветствовали провозглашение «общечеловеческих» универсальных ценностей.

Жаждали и требовали перемен, радовались «ускорению» исторического процесса — еще не подозревая, как быстро бурный поток сметет все на своем пути, как будут беспомощно барахтаться и тонуть в нем высвободившие ему путь реформаторы. И как, кстати говоря, будут не без удовольствия наблюдать за этим с иных берегов люди, которые прежде как раз и подзуживали тогдашних советских лидеров соваться в воду, не зная броду.

Помню, кстати, как в самые тяжелые годы реформ американцы с участливой улыбкой спрашивали: «Вы, должно быть, ужасно счастливы? У вас же теперь свобода!» Я отвечал: «Реформы в рекордно короткий срок сделали то, над чем десятилетиями безуспешно билась советская пропаганда: восстановили россиян против Запада, а заодно и всех его идеалов».

Все опросы тогда показывали, что в России люди ставили «сильную экономику» куда выше «сильной демократии», хотя в Америке и вообще на Западе было наоборот. Конечно, выбор (сам по себе, кстати, некорректный) делался по пословице «у кого что болит». «Свободы», а точнее, дикой вольницы, россияне «наелись» в те годы, кажется, до изжоги. Хотелось просто пожить по-

человечески.

Внутренний покой

Лично для себя я извлек из распада СССР несколько важных уроков. Прежде всего — о том, что по-настоящему опираться в своей жизни можно только на то, что у тебя внутри. Потому что все внешние опоры, какими бы незыблемыми они ни казались с виду, могут в одночасье обрушиться.

Осознал заодно и то, что намеренно крушить такие опоры, не создав заранее взамен ничего лучшего, просто глупо. Это же был не первый крутой вираж в нашей истории. Это о нас Саша Башлачев пел, что мы прежде того «вытоптали поле, засевая небо». И это наша пословица: «Что имеем, не храним, потерявши плачем».

Между прочим, там же, в Нью-Йорке, меня поразил разговор со сверстником — единственным известным мне человеком, который признался, что в свое время был рад, когда высшим руководителем в СССР после Леонида Брежнева и Юрия Андропова стал Константин Черненко.

«Подумал тогда: значит, еще поживем», — сказал этот парень, который был простым школьным учителем и не имел, насколько мне известно, никакого отношения к советской элите.

Это один из немногих моих тогдашних разговоров, которые твердо врезались в память. При Горбачеве практически все, с кем я общался — и русские, и американцы, в том числе профессиональные политологи и дипломаты, — смотрели на краткое правление его неизлечимо больного предшественника как на некое постыдное недоразумение, рецидив долгого брежневского «застоя».

Но вот, однако же, даже тогда и даже в нашем молодежном кругу нашелся человек, если не сознававший, то нутром чуявший губительность «великих потрясений». Задолго до того, как стало вновь модным вспоминать Петра Столыпина с его заветом: «Дайте государству 20 лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете России».

Поражение лучше победы

Еще одним важным для меня уроком был вывод, что поражение может быть полезнее и ценнее победы. Потому что оно заставляет задумываться о причинах неудачи и искать пути ее

преодоления, избавляться от заблуждений. А успех лишь усиливает гордыню, укрепляет ошибочное и опасное ощущение собственной непогрешимости.

По-моему, именно в эту ловушку и угодили в период распада СССР американцы. На мой взгляд, внутренняя зависимость человека от «окружающей среды», господствующих в обществе мнений, включая те, что именуются в Вашингтоне «патриотическим консенсусом», была тогда в США гораздо сильнее, чем в России.

Да и чему удивляться? Ведь «общечеловеческие» ценности на поверку оказались ценностями глобалистскими, то есть американскими. И США совершенно искренне исходили из того, что им самим в «смелом новом мире» под лозунгом Pax Americana никакой закон не писан.

Я считал и считаю, что советская система разрушилась прежде всего из-за того, что не говорила людям правды. Люди, жившие в условиях тотальной лжи, в конечном счете избавились от нее, как от попавшей в организм отравы.

Но откровенная ложь достаточно легко распознается, и именно благодаря этому, как правило, вызывает отторжение. Нас ведь когда еще Александр Галич учил: «Не бойтесь войны, не бойтесь чумы, не бойтесь мора и глада, а бойтесь единственно только того, кто скажет: я знаю, как надо… Он врет! Он не знает, как надо!»

А у американцев нет пока своего Галича. Да и вообще это гораздо труднее: усомниться во внешне логичном и справедливом порядке, который к тому же выгоден для тебя и твоей страны (или, как я это в шутку для себя называю, «для твоего обезьяньего племени»). Думаю, в основном из-за этого американцы, как у нас говорят, «в чужом глазу соломинку видят, а в своем бревна не замечают».

На самом же деле их — точно так же, как и нас, — несет по течению исторического потока. В котором тоже возникает немало неожиданных завихрений и водоворотов. Просто американцы старательно делают вид, будто у них все под контролем. Национальный характер вынуждает их делать хорошую мину при любой игре.

Примат формы над содержанием

Это, кстати, тоже было важным прорывом в моем персональном «открытии Америки». Банальный пример: помню первое впечатление от обычного универсама в Ривердейле —

районе на северной окраине Нью-Йорка, где мы поселились по приезде в США. Там располагался жилой комплекс представительства СССР при ООН, и все командированные старались размещаться неподалеку от его бытовых удобств, включая школу, библиотеку, детский сад и медпункт.

Так вот, в универсаме — после советских магазинов с пустыми или полупустыми полками — у меня поначалу зарябило в глазах от изобилия разнообразных нарядных коробок. С непривычки оно казалось неисчерпаемым, и лишь много позже я понял, что на самом деле за ним скрывался достаточно ограниченный и стандартный набор разносортных продуктов, отнюдь не обязательно отличавшихся высоким качеством и рассчитанных не столько даже на разный вкус, сколько на разный кошелек.

А со временем осознал и то, что примат формы над содержанием — это общая норма жизни за океаном, распространяющаяся не только на товары, но и на людей. Что в погоне за жизненным успехом, за своей личной «американской мечтой», каждый старается подороже «продать» свои таланты и умения, а для этого старательно наряжает свой «фасад».

Самым наглядным тому подтверждением стал со временем Дональд Трамп, не стесняющийся заявлять журналистам: «Я президент, а вы нет!» Он, между прочим, и по выговору, и по повадкам — плоть от плоти своего родного Нью-Йорка, причем даже не Манхэттена, а Куинса, территориально крупнейшего из городских округов.

И он на самом деле никакое не исключение, а самое что ни на есть правило. В Америке как раз принято выставлять богатство и успех напоказ. Наверное, еще и поэтому тамошние мои друзья советуют «никогда не сравнивать то, что у другого снаружи, с тем, что у тебя внутри». Это заведомо проигрышное занятие.

При этом дочь одного моего приятеля, учившаяся в престижном Колумбийском университете в Нью-Йорке, рассказывала, что ей там бывало скучновато общаться с однокашниками, поскольку, на ее взгляд, те в массе своей стихийные конформисты.

Дескать, у нас спроси десяток людей о той же Америке — и услышишь столько же разных мнений. А там, что ни спроси, все говорят примерно одно и то же, словно под копирку. Вот тебе и богатый внутренний мир.

«Страна красивых упаковок»

Я это не к тому, чтобы кого-то судить, — Боже меня упаси. Я и стремление к богатству и славе как таковое не осуждаю, считаю естественным.

Помню, в свое время мне порекомендовали прочесть статью известного московского публициста, пояснив, что так думают многие. Автор ругал «новых русских» — политиков и бизнесменов — за то, что те кичатся невесть откуда взявшимися богатствами, и советовал им хотя бы для собственного блага прятать нажитое подальше от людских глаз.

Самому мне прятать особо нечего, но я тогда с грустью подумал, что нас опять призывают врать и вновь из якобы благих побуждений. Но если заставлять стыдиться богатства, то его никогда ни у кого и не будет.

К тому же состоятельные люди всюду, в том числе и в России, обладают большей, чем у остальных, личной свободой и большими возможностями ее защищать. У нас эти возможности еще могут пригодиться, причем не только самим толстосумам, но и нарождающемуся гражданскому обществу.

«Деньги — это чеканная свобода», — отчеканил в свое время тот же Столыпин. В Америке к ним примерно так и относятся.

В общем, все мы — и русские, и американцы — обычные люди, и ничто человеческое нам не чуждо. Но при этом мы все же разные. И с американцами у нас, на мой взгляд, гораздо меньше общего, чем нам часто хочется думать.

Это касается и имиджа, проецируемого нами вовне. Вспомните наши собственные стереотипы — о себе любимых, но хмурых и неприветливых, и о «лицемерных» янки, сияющих белозубыми улыбками. У нас про это еще говорят, что неискренняя вежливость лучше искреннего хамства.

Я не берусь огульно судить о том, «что внутри» у американцев, и уж тем более не сравниваю их с коробками в торговых рядах. Вообще не люблю потребительского отношения к людям. Но про себя давно и привычно называю Америку «страной красивых упаковок».

1.4. Сходство и различия

В принципе задача иностранного корреспондента — изучать и описывать жизнь и нравы чужой страны и народа. Но и наблюдать с дальнего берега за собственным отечеством тоже удобно. Во-первых, большое видится на расстоянии. Во-вторых, есть возможность сравнивать свое и чужое, чтобы лучше понять не только других, но и себя.

Для меня это вообще давно стало любимым занятием. Ради

этого, собственно, я все это сейчас и вспоминаю. Хочу ощутить движение времени и с его помощью еще в чем-то разобраться.

Расхожее мнение о том, будто русские и американцы очень похожи, родилось, скорее всего, еще в досоветский период — как проявление симпатии к первопроходцам, осваивавшим огромные пространства Нового Света. Многие исследователи усматривают духовное родство двух наций и в присущем им мессианстве, которое лишь усилилось в годы противостояния СССР и США.

Между прочим, еще Алексис де Токвиль, проницательный француз, живший в первой половине XIX века и составивший первое подробное описание американской демократии, предсказывал Америке и России положение сверхдержав. При этом, однако, он противопоставлял их, как воплощение свободы и рабства. При всей нелестности для нас этого сравнения оно не раз помогало мне в размышлениях о том, почему мы с американцами так непохожи.

Токвиль путешествовал по Америке в 1831 году. В 1825 году в России произошло восстание декабристов. Я не раз бывал в поместьях «отцов-основателей» американского государства, превращенных благодарными потомками в музеи. И почти всякий раз меня посещала мысль о том, что эти люди — Джордж Вашингтон, Томас Джефферсон, Бенджамин Франклин и их сподвижники, провозгласившие 4 июля 1776 года Декларацию независимости США от британской короны, — были своего рода «декабристами». Только американскими — и победившими.

«Ты меня уважаешь?»

Впрочем, вернемся в наши дни. Я по опыту знаю, что россияне в американцах нередко видят хамоватых простаков, пусть и грамотных в профессиональном смысле. Помню, еще в советское время один мой нынешний добрый приятель, выступая в Доме журналистов, свой рассказ о работе в США начал словами: «Американцы — очень наивные люди».

С подобными оценками сочетается недоумение: почему при этом они так хорошо живут? В свою очередь, американцы, особенно русофилы, которых я встречал немало, не могут понять, почему сравнительно хорошо образованные, «культурные» россияне живут в целом заметно хуже.

При чем здесь, однако, токвилевские рассуждения о свободе и несвободе, спросите вы. Ну, как же. Вот в России, к примеру, до сих пор говорят: «Нельзя, но если очень хочется, то можно». Для американца «нельзя» однозначно означает «нельзя».

Россиянин может посмеиваться над законопослушными американскими «олухами», покупающими два комплекта компьютерных программ для общения друг с другом через Интернет вместо одного, который вполне можно скопировать. Но разве это хихиканье не свидетельствует, что наши соотечественники относятся к законам собственного государства по-холопски: подчиняются из страха, но норовят обмануть?

Или другой стереотип: россиянин может обижаться на американца, который не выпивает с ним при первой же встрече водки и не отвечает взаимностью на излияния «русской души». Но разве наша собственная «открытость» в такой ситуации не является в конечном счете проявлением неких комплексов — внутренней несвободы, зависимости от чужого мнения, стремления «нагрузить» другого своими сугубо личными проблемами, да еще и произвести при этом впечатление, пустить пыль в глаза?

Не отсюда ли, если вдуматься, идет и знаменитое «Ты меня уважаешь?!» Американцы в подобных подтверждениях, как правило, не нуждаются, им достаточно собственной самооценки, обычно достаточно высокой. Как говорят мои американские друзья, «что думают обо мне другие — меня не касается».

Форма критики

Примеров психологических несовпадений, идущих от разных внутренних установок, неисчислимое множество. Мне, например, в свое время показался поучительным опыт русского программиста, который, устроившись на работу на предприятие «Майкрософт» в Сиэтле, быстро справлялся с первыми поручениями и от нечего делать пытался помогать соседям.

Те же его от себя гнали и даже жаловались начальству, пока до новичка не дошло, что и с лучшими намерениями не стоит без приглашения соваться в чужие дела. Как говорят мои американские друзья, «непрошеный совет есть форма критики».

Или вот россиянам старшего и среднего поколения с детства внушали, что общественное выше личного, что индивидуализм — это плохо, а коллективизм — хорошо. У американцев в целом иной взгляд на эти вещи.

Интересно, что среди тех, кому они им обязаны, — наша бывшая соотечественница Алиса Розенбаум, которая в 1925 году перебралась в США и прославилась как писатель и философ под творческим псевдонимом Айн Рэнд. Между прочим, в число ее учеников и последователей входил Алан Гринспен, который при

четырех президентах — от Рейгана до Джорджа Буша-младшего — был главным государственным банкиром США и дирижировал по сути не только американскими, но и мировыми финансовыми рынками. Я еще застал время его финансового «правления»; тогда его величали не иначе, как легендарным.

Сама Рэнд с первых своих работ приобрела известность яростной критикой коммунизма и защитой моральных преимуществ капитализма, причем в те годы, когда левая идеология была на подъеме по всему миру. В романе «Источник» она дала определение «настоящего эгоиста», что в ее представлении было синонимом истинно свободного человека, делающего свое дело без оглядки на чужие мнения, а так, как он сам считает нужным, — не живущего ради других, но и ни от кого не ждущего помощи.

В США ее книги, которые поначалу никто не хотел издавать, теперь сравнивают по массовости тиражей с Библией. Они были одним из ярких литературных открытий моей нью-йоркской молодости. Теперь я с удовольствием вижу их на прилавках московских магазинов. Хотя по сути своей ее взгляды всегда казались мне спорными и чересчур радикальными; впрочем, это было объяснимо, учитывая ее личные счеты с советской властью.

Совсем не «страна советов»

Схожих с Рэнд взглядов на образ мышления и поведения свободного человека придерживался и Бродский, во многом повторивший ее жизненный путь (правда, невольно: она уехала из Советской России сама, его из СССР выслали). Оба они, кстати, были родом из Санкт-Петербурга.

Бродский писал, что «свобода — это когда забываешь отчество у тирана». Для него человек, привыкший искать виноватых и ответственных за свою судьбу вне себя, по определению, несвободен. В Америке же он слышал звуки внутренней свободы даже в строе английской речи — склонной к отчуждению, ироничной, чурающейся патетики.

А вот из России один знакомый американец, много лет работавший в Москве, привез иные лингвистические впечатления. Как он мне рассказывал, его долго смешили и приводили в недоумение названия населенных пунктов вроде «Ненашево» или «Нехорошево». Для русского уха, согласитесь, вполне привычные.

Вместе с тем в быту сугубый индивидуализм нередко выходит американцам боком. Они, например, почти никогда не просят встречных прохожих указать дорогу к нужному месту и

предпочитают самостоятельно блуждать в трех соснах (до эпохи навигаторов точнее было сказать «в трех кварталах», потому что в то время это происходило главным образом за рулем).

Может, это и к лучшему, поскольку полагаться на «советы постороннего» я бы в США никому не рекомендовал. Совет-то дадут, если попросить, поскольку сознаться в неосведомленности тоже не по-американски, но это вовсе не значит, что человек действительно знает, о чем говорит.

Сам я напрочь лишен пространственного воображения и к тому же просто по натуре люблю советоваться с окружающими («страна советов» — презрительно говорит о такой привычке мой друг Макурин). Поэтому множество раз попадал впросак, когда на улицах или в торговых центрах американцы в ответ на мои вопросы наобум направляли меня не в ту сторону.

Совсем не знак согласия

Отработав в Нью-Йорке несколько лет, я освоился и чувствовал себя достаточно уверенно, чтобы не сказать нахально. Однажды дошел даже по парковочным делам до апелляционного суда, поскольку приговор первичного счел несправедливым.

Но получил щелчок по носу: во-первых, тройка судей заслушала аудиозапись моих пререканий с их коллегой из низшей инстанции. Я этого не ожидал, и это меня слегка смутило. А во-вторых, мне объяснили, что ограничения рабочей пресс-парковки по времени действуют даже тогда, когда прямо не обозначены на уличных знаках (из-за этого правила нам в отделении ТАСС приходилось каждые три часа срываться с рабочих мест и нестись перепарковывать машины на улицах; парковка в гараже, на Манхэттене ужасно дорогая, бюджетом не предусматривалась).

Ценность урока заключалась еще и в том, что никто со мной не спорил и ни в чем меня не убеждал. Я уехал домой в полной уверенности, что судьи согласились с моей правотой (ведь молчание — знак согласия, верно?) Позже, однако, получил по почте уведомление о том, что апелляция моя отклонена.

Опять-таки пришлось делать выводы. Прежде всего о том, что в Америке молчание — совсем не обязательно знак согласия. Скорее это признак того, что с вами не считают нужным спорить. А иногда — и продолжать разговор.

Вообще наше известное «не читал, но скажу», — совсем не про американцев. Сколько я их знаю, они до пустопорожних споров и разговоров об отвлеченных материях не охотники.

Соваться в то, что их прямо не касается, всюду вставлять, как у нас говорят, «свои две копейки» не любят. Скорее молча выслушают, примут к сведению, а сделают все равно по-своему, как считают нужным.

И даже если их что-то не устраивает, то не станут «выяснять отношения» нос к носу, а обратятся в полицию или в тот же суд. Естественно, речь идет о нормальных людях, а не об отморозках, которых везде хватает.

Возможно, кстати, что и нежелание оспаривать общепринятую точку зрения, кажущееся со стороны проявлением конформизма и чуть ли не ограниченности, — на самом деле сдержанность той же самой общей природы.

⁂

Впрочем, осознал я все это далеко не сразу. Вообще по части выводов и уроков я скорее всего забежал далеко вперед. Из Нью-Йорка я уезжал в возрасте 33-х лет; при всей моей любви к «размышлизмам» вряд ли я уже тогда четко сознавал то, о чем теперь рассуждаю.

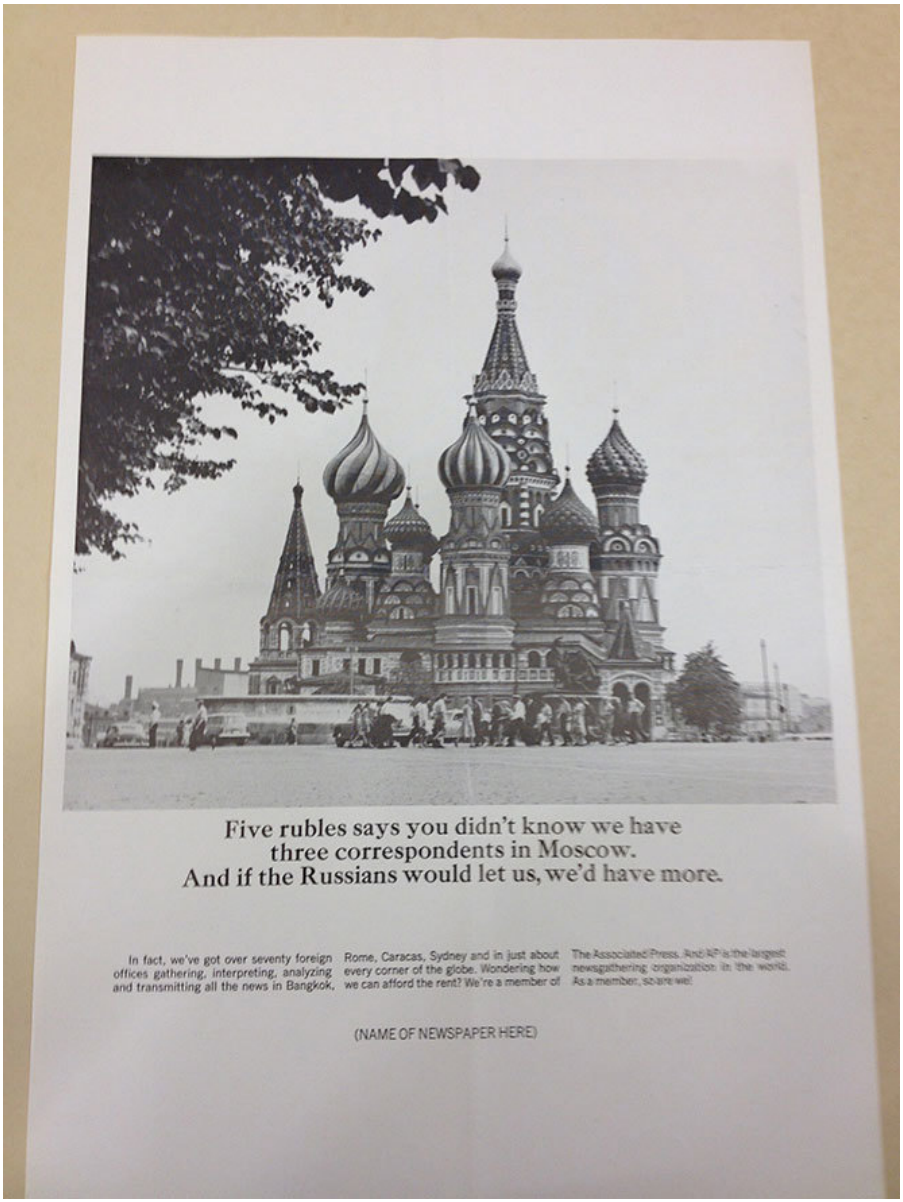
Но все же молодые годы не прошли даром. Я постепенно проходил свои американские «университеты», отписывался по итогам и, надеюсь, проваливал не все жизненные и профессиональные экзамены.

А главное — годы те были счастливыми. В Американской редакции ТАСС у нас была поговорка: кто где начинает, тот то и любит. И я по-настоящему полюбил город на Гудзоне и его обитателей, хотя в США к ним относятся примерно так же, как в России к Москве и москвичам. Дескать, «Нью-Йорк — это еще не вся Америка».

Я знаю. После четырехлетней передышки на родине я вернулся уже в Вашингтон, который на двадцать с лишним лет стал моим вторым домом вдали от дома.

Фото к Главе 1:

1.1. Нью-Йорк. Зима



1.2. Друзья-соперники. Выставка в штаб-квартире Associated Press. Сентябрь 2013

1.3. Бар «Свинья и свисток». Манхэттен, Нью-Йорк. Июнь 2014

1.4. Таймс-сквер. Полицейское управление

Глава 2. Дом вдали от дома. Вашингтон. 1996–2017

Отделение ТАСС в американской столице располагается в Национальном доме печати (National Press Building, NPB) на 14-й улице северо-западной части города, у пересечения с Пенсильвания-авеню. Это самый центр Вашингтона: ближайшая станция местной подземки так и называется «Метро-центр».

У истоков лоббизма

Через дорогу от NPB стоит отель «Уиллард», где, по американским политическим преданиям, родилась сначала практика лоббизма, а затем и само это слово. Считается, что 18-й президент США Улисс Грант в середине XIX века частенько коротал вечера в баре этой гостиницы за бокалом бренди и сигарой, а в лобби его караулили разного рода просители со своими челобитными. Правда, британцы, как обычно, придираются и все портят: по их словам, и у них в парламенте, и даже в самой Америке, термин «лоббизм» употреблялся и задолго до Гранта.

Как бы то ни было, для вашингтонцев история выглядит правдоподобно хотя бы потому, что противоположным от NPB боком «Уиллард» выходит на Минфин США, а тот в свою очередь граничит с Белым домом. То есть президенту до отеля действительно было рукой подать.

Понятно, что такое соседство чрезвычайно удобно и для журналистов. Дом печати, построенный около ста лет назад, привлекал и привлекает СМИ всего мира прежде всего местом своего расположения (в доцифровую эпоху еще очень важны были специально подведенные коммуникации). И до сих пор под крышей этого 14-этажного «терема-теремка», с виду напоминающего скорее улей, работает целый интернациональный рой журналистов; например, нашими ближайшими соседями по этажу при мне всегда были японцы.

А незадолго до моего отъезда из Вашингтона коллеги из китайского агентства Синьхуа пригласили посмотреть их будущие хоромы. Было чему позавидовать. Половина верхнего этажа, в здании рядом с NPB. И Пенсильвания-авеню, и Белый дом с прилегающей территорией оттуда — как на ладони.

И клуб, и центр

Помимо всего прочего в NPB располагаются Национальный клуб печати США и Центр иностранной печати (FPC) Госдепартамента. И тот и другой регулярно устраивают для журналистов встречи с разными интересными и полезными людьми, так что и это соседство профессионально выгодное.

Кстати, клуб находится на 13-м этаже: NPB — одно из немногих зданий в Вашингтоне, где такой этаж имеется в наличии. Обычно американцы при нумерации пропускают его из суеверия.

Что касается FPC, это вообще первое место, куда иностранным журналистам положено являться при аккредитации в Вашингтоне. Там репортеров «ставят на учет» и оформляют им пресс-карточки. Туда же люди, как правило, обращаются потом и с различными текущими вопросами — от профессиональных до бытовых.

Нам это делать было сподручно, потому что наше отделение и офис FPC находились буквально через этаж: мы на десятом, они на восьмом. Так что общались мы по-соседски тесно, и со временем рабочие отношения нередко перерастали в приятельские, почти дружеские. Я и «официально» и публично, на новогодних и прочих приемах, и с глазу на глаз много раз говорил сотрудникам центра, что считаю их нашими лучшими друзьями в Вашингтоне.

Eye Candy

Вот, кстати, забавная иллюстрация, показывающая, как к рабочим отношениям примешиваются личные нотки. Как-то раз наш «куратор» в FPC (обязанности там делились среди сотрудников по регионам), молодая симпатичная латиноамериканка, шутливо выговорила мне за то, что в ТАСС уж слишком красивые стажерки.

А к нам и впрямь тогда одну за другой присылали из Москвы на стажировку девушек просто модельной внешности. Вокруг них сразу начинали увиваться вашингтонские кавалеры, в том числе и преклонных лет, из числа моих знакомых. Но, оказывается, и местные дамы следили за конкурентками весьма ревниво.

Раз уж об этом зашла речь, добавлю, что женской красотой Америка меня никогда не поражала (ну разве что изредка в афроамериканском варианте). Меня это даже немного удивляло: казалось, что воистину глобальное смешение рас и народов

должно приносить более яркие и привлекательные плоды.

Тем не менее факт остается фактом. Голливудские эталоны пользуются всемирной известностью, но в обычной жизни мужскому глазу в Вашингтоне или Нью-Йорке зацепиться было особо не за что (кстати, один мой местный приятель так это и называл: eye candy, то есть услада для глаз). Вернувшись домой, я нередко думал и говорил, что в поезде метро в Москве больше красивых и элегантных женщин, чем на американском конкурсе красоты.

«Обязательная программа»

Как и в Нью-Йорке, тассовская бригада в Вашингтоне состояла из заведующего и четырех корреспондентов, периодически усиливаемых стажером. Рук постоянно не хватало, но зато скучно не было. Рабочий ритм в городе на Потомаке был в целом более напряженным, чем на Гудзоне, — прежде всего из-за «обязательной программы».

При мне она включала практически ежедневные брифинги в Белом доме и Госдепартаменте, который, кстати, тоже находился от нас недалеко: минут 15–20 пешком. Кроме того, раз-другой в неделю журналистов собирали на брифинги в Пентагоне (туда, в вашингтонский ближний пригород Арлингтон, при необходимости приходилось ехать на машине или на метро), а время от времени, без строгой периодичности, и в других правительственных ведомствах, включая тот же Минфин или Минюст.

В Конгрессе США (с полчаса от нас пешком по Пенсильвания-авеню) в различных комитетах и комиссиях бесконечно тянулись слушания, обычно многочасовые. Брифинги, конференции и тому подобные встречи устраивались в международных организациях — МВФ и ВБ.

Сверх того, журналистов зазывали к себе на «посиделки», как я их называл, всевозможные политологические конторы, которые мы в шутку именовали «думающими танками», поскольку по-английски они называются think tanks (другой расхожий эпитет — brain trusts, то есть мозговые тресты, термин, родившийся при Рузвельте, в наши дни уже канул в Лету).

В Вашингтоне подобных заведений не один десяток, поскольку они варьируются не только по исследовательскому профилю, но и по идеологической ориентации. Они вырабатывают политические оценки и рекомендации, преподносят их правительству, Конгрессу и всем, кто готов

слушать, а также служат временным пристанищем для чиновников, оказавшихся не у дел в результате очередной ротации партий во власти, но рассчитывающих со временем еще «порулить».

Вся эта публика плодила бессчетное множество докладов, исследований и тому подобных бумаг, которые также требовали внимания.

Не конкуренты, а союзники

Иностранные посольства, торгпредства и культурные центры тоже проводили собственные мероприятия для прессы по различным поводам. А в Вашингтоне ведь представлен весь мир!

Российское посольство в США при мне возглавляли поочередно Юлий Воронцов, Юрий Ушаков, Сергей Кисляк и Анатолий Антонов. Все были профессионалами высшей пробы, я у них учился, как и у Алексея Можина, который в те же годы бессменно представлял Россию в МВФ. Но в повседневной работе я все же старался замыкаться не на послов, а на их заместителей и других старших дипломатов. Многие по сей день остаются моими добрыми друзьями.

Вообще я, честно говоря, никогда не понимал смысла межведомственного соперничества и ревности, хотя и сознавал, что они существуют. На мой взгляд, с теми же дипломатами мы, журналисты, не конкуренты, а естественные союзники. И если сегодня я делюсь с сотрудниками посольства добытой информацией (оговорив, конечно, что от них она не должна «утечь» в другие СМИ), то завтра они мне расскажут о своих планах или подскажут какой-нибудь осмысленный вопрос ньюсмейкеру.

И даже когда я в силу профессиональных ограничений не все могу сказать коллегам (а такие случаи тоже бывали, поскольку нормальный журналист никому не раскрывает конфиденциальных источников), они отнесутся к этому с пониманием, поскольку и сами неукоснительно соблюдают служебные правила. Вообще главное — знать и понимать эти самые правила, не подводить друг друга и стремиться к обоюдной выгоде: win-win, как говорят американцы. Я всю жизнь из этого исходил и пока еще ни разу не пожалел.

Служба службой, а дружба дружбой

Помимо российских мы, естественно, всегда выделяли в общем ряду представительства постсоветских государств. В те годы их дипломаты только начинали обживаться в американской столице, и я всем им искренне предлагал нашу помощь. И далеко не сразу осознал, что даже искренний благожелательный интерес с нашей стороны отнюдь не всех радует. Некоторые наши бывшие соотечественники — и не только прибалты — подчеркнуто старались держаться от нас подальше.

Хотя случались и исключения. Так, некий новоиспеченный посол, пришедший в дипломатию со стороны, однажды попросил меня… написать за него годовой отчет. Я, естественно, поблагодарил за доверие, но вежливо отказался, ссылаясь на занятость.

В целом у нас выработался подход, при котором мы никому не навязывались, но дружили с теми, кто был к этому готов. Например, несколько лет готовили видеоматериалы из Вашингтона по запросам казахстанских СМИ (это был спецпроект, согласованный руководством национальных информагентств двух стран).

Тесно общались мы поначалу и с украинцами, которых я считал и считаю братским народом. Один из глав МИД Украины вместе со свитой даже однажды заглянул к нам в отделение ТАСС, и мы беседовали там «в тесноте, да не в обиде». В другом случае киевский МИД распространил как свой документ написанный мной текст о визите в США еще одного их министра. Посольство попросило для этого мою заметку, а я, разумеется, был этим только польщен.

Правда, позже произошла и загадочная история с украинскими санкциями. В 2015 году меня по причинам, которые мне и до сих пор доподлинно не известны, внесли в Киеве в некий черный список вместе с несколькими другими российскими журналистами. На следующий год так же внезапно и необъяснимо из него исключили («искупил, значит», пошутил по этому поводу один мой приятель).

Но и то и другое мне всегда казалось лишь примером бюрократического головотяпства. Велели украинским дипломатам по всему миру «представить рекомендации» на заданную тему, они и назвали мало-мальски подходящие кандидатуры. Я же, например, действительно задавал неудобные вопросы украинским политикам в Вашингтоне, а пару раз и опережал их с новостями о том, даст или не даст МВФ кредиты Киеву.

В общем, все как обычно: дружба дружбой, а служба службой. Но, между прочим, даже после начала вооруженных конфликтов в

Грузии и Украине не все личные контакты с их дипломатами и журналистами в Вашингтоне у нас были прерваны.

Заодно скажу, что среди ярких впечатлений вашингтонских лет память хранит поход в 2010 году на концерт «Океана Эльзы» в одном из столичных американских клубов, разговор с лидером группы Станиславом Вакарчуком. Он тогда с улыбкой вспоминал, как один из фанатов спрашивал его, кому пришла в голову «фишка» петь по-украински, и уверял, что у русского языка в Украине проблем никогда не будет.

Грех жаловаться, но подобные мероприятия были для нас и дополнительной нагрузкой. Ведь нормальные зрители после «встречи с прекрасным» едут отдыхать, а журналисты — отписываться, работать. Но, конечно, это нисколько не умаляло удовольствия от общения с любимыми артистами — от маэстро Валерия Гергиева и Пласидо Доминго до Бориса Гребенщикова с «Аквариумом» или хора Сретенского монастыря.

Хор, кстати, пел и на службах в вашингтонских храмах. А о православных церквах — и американской, в которой на моих глазах сменились несколько предстоятелей, и русской зарубежной, базировавшейся в Джорданвилле (владыка Лавр, Царствие ему Небесное, был истинный монах), нужно бы писать отдельные книги. Хотя есть кому и без меня: представлял же своих «Несвятых святых» в Вашингтоне отец Тихон Шевкунов, который тогда еще не был митрополитом.

Букет пропусков

Чтобы везде бывать, нужны пропуска. Минимальным стандартом у нас считались аккредитации FPC и пресс-галереи Конгресса США. Но по ним далеко не везде пускали, особенно после ужесточения режима безопасности после терактов 11 сентября.

Соответственно, приходилось обзаводиться дополнительными. Мой личный «букет» пластиковых жетонов был самым пышным в тот период, когда в него входили помимо двух названных карточек пропуска в Белый дом, Минфин и МВФ. Наиболее ценным был, конечно, первый, обновлявшийся каждый год и менявший при этом цвет.

Носилась вся эта коллекция на тонкой металлической цепочке на шее. Наподобие какой-нибудь гирлянды цветастых амулетов, украшающей дикаря.

К тому же, как и положено в племенной культуре, пропусками принято было гордиться, как свидетельством

принадлежности к касте избранных. Многие клерки в Вашингтоне как бы ненароком выставляли их напоказ. В местной прессе это даже описывалось, как некий курьезный культурный феномен.

«Думать некогда, трясти надо»

Суть нашей работы заключалась в том, чтобы добыть или отфильтровать из местных информационных потоков все наиболее важное и интересное для России. Думаю, из уже сказанного понятно, что главная проблема при этом заключалась не в нехватке, а наоборот, в избытке служившей нам сырьем «словесной руды».

Ситуация усугублялась тем, что во многих случаях некогда было… подумать. Совсем как в старом анекдоте: «Что тут думать? Трясти надо!»

Виноваты информационные технологии. В доброе старое время до прямых эфиров пределом оперативности у нас считался личный поход на брифинг — скажем, в Белый дом. Если там становилась известной какая-то важная новость, можно было позвонить в отделение и продиктовать сообщение для передачи в Москву в редакцию. Главным ограничителем при этом был доступ к стационарному телефонному аппарату, и ТАСС гордился тем, что имел в этом смысле в пресс-пуле привилегии наряду с американскими новостными агентствами.

Но походы в Белый дом — дело достаточно хлопотное, особенно если необходимо заказывать и получать разовые пропуска (а постоянный и в лучшие времена был у нас один на все отделение, причем не общий, а чей-то персональный). Да и времени уходила уйма: скажем, пришел ты на брифинг, а его за 15 минут до начала отложили на полчаса или на час. Уходить глупо: пока дойдешь до офиса, надо собираться обратно. Приходилось чертыхаться и ждать.

Поэтому без особых причин (скажем, ожидания важного объявления или необходимости задать собственный неочевидный вопрос) на брифинги мы, как правило, не ходили. Оперативные новости брали с лент местных информационных агентств, комментарии запрашивали по телефону, а для полной уверенности в том, что ничего не пропущено, спокойно ждали транскрипта, то есть стенограммы. А она поступала, если брифинг был с утра, где-то после обеда, а то и ближе к вечеру.

Вот тогда можно было сначала думать, а уж затем писать. Но все изменилось. Телевизионные, а затем и сетевые трансляции позволили смотреть те же брифинги живьем. Причем где угодно

— можно в Вашингтоне, а можно и в Лондоне или Москве, — и не в одиночку, а хоть всей редакцией.

Ну и понеслось. С тех пор при передаче новостей счет идет буквально на секунды. И в выигрыше остается не тот, кто лучше всех знает тему и может о ней внятно и интересно рассказать. А тот, кто заранее сделал шаблонную заготовку наподобие «Белый дом заявил, что…», потом по ходу брифинга вбил в нее переведенную кое-как с голоса цитату и первым нажал кнопку «Выпуск».

Свежесть первая и единственная

Я утрирую, но не сильно. Примерно так все сейчас и работают — и наши СМИ, и не наши. Ну и огрехи у всех в итоге примерно одинаковые.

Информация — вообще уникальный товар. Как и осетрина, новость бывает только первой свежести.

Пока она под спудом, ей, может быть, цены нет. Но как только утекла наружу, стала общеизвестной, сразу и обесценилась. Именно поэтому тем, кто добывает и распространяет новости, трудно юридически и коммерчески защитить плоды своих трудов.

К тому же «качество товара» в нашем деле почти целиком зависит от содержания самого известия, а не от того, насколько умело оно препарировано и преподнесено. Если смысл понятен, остальное по сути неважно. Я во время работы «в поле» специально интересовался у начальства, востребованы ли подписчиками качественные, грамотные, подробные тексты. И мне честно отвечали: «В общем-то, скорее нет».

Залог успеха

Хотя это, пожалуй, требует уточнения. Не востребованы красоты, стилистические изыски, которые информационщикам только мешают, если затемняют смысл.

Но есть другие критерии умелой и продуктивной работы. Прежде всего — знание темы, понимание того, что в данный момент интересует аудиторию, включая тех же дипломатов и специалистов вообще. Что, собственно говоря, является новостью, а что — нет, о чем именно сейчас надо спрашивать.

Второй столь же важный залог успеха — знание того, где, из каких источников можно добыть нужную информацию и кто в

состоянии правильно оценить, истолковать и прокомментировать. Поэтому источниковедение — главная наука профессионального журналиста. А доступ к качественным источникам — главный профессиональный ресурс.

Как он добывается, я расскажу позже, но во всяком случае ясно, что работать надо как можно ближе к этим самым источникам. Именно поэтому никакой опыт сидения в редакции не заменит работы «в поле», особенно если «поле» это находится от Москвы за тридевять морей.

«В городе мне жить или на выселках?»

Работая в Вашингтоне, жили мы поначалу в его южном пригороде. Он помещается в пределах кольцевой автодороги, но административно относится уже к другому городу — Александрии и даже штату — Вирджинии.

В свое время там в так называемых Hamlets (это просто название микрорайона; по-русски оно означает «поселки» или даже «хутора», но в быту его звали, разумеется, не иначе как «Гамлеты») селились советские и затем российские дипломаты. Но потом они съехали, поскольку в конце прошлого века Россия обзавелась в США новым посольством с собственным жилым комплексом.

Остальные российские граждане, включая и тассовцев, продолжали жить на выселках, поскольку за посольскую ограду на Висконсин-авеню их не звали, да они туда и не стремились. Жилье в «Гамлетах» в сравнении с вашингтонским было неплохим: сравнительно просторным, недорогим и окруженным зеленью.

Имелся, правда, и существенный недостаток: дорога в город шла по мосту, и на ней регулярно скапливались огромные пробки, потому что вела она аккурат мимо Пентагона — крупнейшего в мире административного комплекса с несколькими десятками тысяч (!) штатных сотрудников.

К тому же на наших глазах «Гамлеты» стали приходить в упадок: дома ветшали, доля белого населения заметно сокращалась. В районе стали, что называется, «пошаливать»: время от времени становилось известно о квартирных кражах или даже уличных грабежах. А нашим симпатичным стажеркам, о которых я уже упоминал, иной раз приходилось довольно поздно в одиночку возвращаться домой с дежурства, в том числе и общественным транспортом.

В общем, в конце концов мы также перебрались в город.

Поближе и к собственному офису, и посольству, куда все равно приходилось регулярно мотаться не только по рабочим, но и личным делам: например, в школу, детский сад или поликлинику.

Мне лично посольские знакомые порекомендовали и дом, где можно было снять жилье. Последовав их совету, я неожиданно для себя оказался… в общежитии. Как выяснилось, множество квартир там арендовали вскладчину студенты расположенного неподалеку Американского университета. Соседство доставляло некоторые неудобства: порой бывало шумновато, в коридорах время от времени стелились клубы дыма, и не всегда табачного. Попытки наши с этим бороться успеха не приносили, зато обогащали новым опытом.

Интересно, что в паре соседних домов ситуация была обратная: там студентам сознательно давали от ворот поворот, а основной контингент жильцов составляли старички и старушки. Вот там шуметь запрещалось категорически: даже якобы чрезмерная резвость маленьких детей могла стать поводом для жалоб. Одна из наших тассовских семей поселилась в таком доме и тоже порой сетовала — на кладбищенскую атмосферу. Так что мы по зрелом размышлении решили, что жить среди молодежи скорее приятно.

Что касается посольства, мы воочию наблюдали, как из года в год усиливалась его охрана и ужесточался пропускной режим. И началось это задолго до резкого обострения американо-российских политических отношений при Обаме. Следя за ростом железобетонных фортификаций, я грешным делом поначалу думал, что просто деньги некуда девать: средства выделены и надо их осваивать. Но вот в ретроспективе тот же процесс выглядит уже завидной предусмотрительностью.

Поскольку уж пришлось упомянуть о деньгах, добавлю, что зарплаты у тассовцев по сравнению с советскими временами выросли к тому времени как минимум втрое. Но при этом мы стали еще больше отставать от дипломатов, поскольку у тех оклады увеличились еще солиднее, а прежние «увязки» по уровню оплаты труда были отменены.

Но ведь и в самой России в бизнесе времена уже были другими. Помню шутливые пересуды, возникшие после того, как один из бывших представителей России во Всемирном банке перешел на работу в крупную отечественную компанию и вернулся в Москву без потери в зарплате. С ним мы, разумеется, равняться не могли; но все же и нам, что называется, грех было жаловаться.

Да и вообще со временем я, конечно, полюбил Вашингтон.

Привык к нему, как к спокойной и уютной гавани, куда приятно возвращаться хоть бы и из гораздо более динамичного и блистательного Нью-Йорка.

Конечно, мегаполис на Гудзоне претендует на звание неофициальной «столицы мира». Но на самом деле он не является и столицей собственной страны. Законодательная, административная, судебная власть в США сосредоточены в бюрократически помпезном городе на берегах Потомака, носящем имя первого президента североамериканской республики генерала Джорджа Вашингтона.

Фото к Главе 2:

2.1. Работа. Национальное здание печати

2.2. Рабочее место

2.3. Автор с Валерием Гергиевым на приеме в посольстве России, 2010

2.4. Автор с о. Тихоном Шевкуновым

2.5. На приеме. В парадном Золотом зале представительского здания Посольства России в США

Часть 2. «Книга Царств»

Глава 3. Вприглядку к президентам. От Горбачева до Путина

В Америке я работал, получается, при шести президентах — от Рональда Рейгана до Дональда Трампа. Даже самому немного удивительно задним числом это сознавать, поскольку, например, Рейгана, чьи тексты я переводил в Москве, живьем видеть не доводилось ни разу.

И при мне, и до меня в нашей «американской» тассовской команде существовало разделение труда между отделениями: Вашингтон отвечал за партию власти, а Нью-Йорк — за оппозицию. Еще и поэтому в первой своей заокеанской командировке я только «вприглядку» следил с берегов Гудзона за президентом-республиканцем Рейганом, а сам ездил в Атланту и наблюдал за быстротечной «минутой славы» демократа Дукакиса.

Хотя вообще-то при составлении «книги царств» нам, наверное, логичнее исходить не из американской, а из собственной отечественной хронологии. По ней моя работа за океаном длилась от первого и последнего президента СССР Михаила Горбачева до второго и четвертого президента России Владимира Путина.

С Горбачевым в Канаде

Всех наших правителей я тоже видел в Америке. Но видеть в данном контексте не обязательно означает напрямую с ними общаться, потому что с лидерами и дома, и на выезде работает сопровождающий их президентский журналистский пул. Так у всех заведено — хотя бы потому, что так удобнее и привычнее для охраны.

Зарубежные же корреспонденты подключаются для освещения саммитов с принимающей стороны и выполнения разных вспомогательных функций. Например, в мае-июне 1990 года Горбачев нанес государственные визиты сразу в Канаду и США. Меня тогда отправили в Оттаву на подмогу нашему канадскому корреспонденту и поручили заниматься так называемой второй программой, то есть освещением мероприятий с участием супруги советского лидера.

В силу, скажем так, повышенной требовательности Раисы Горбачевой и необходимости в тщательном согласовании текстов такая нагрузка считалась у журналистов довольно

обременительной. Но я был рад и побывать в соседней стране, и, как всем нам тогда казалось, приобщиться к истории.

Кстати, принимали Горбачевых в Канаде, а потом в Америке действительно очень тепло. Незадолго до этого на Мальте советский лидер вместе с новым американским коллегой Джорджем Бушем-старшим, сменившим в Белом доме Рейгана, фактически объявили об окончании холодной войны.

Перспектива перехода от конфронтации к сотрудничеству, если не партнерству сверхдержав, многим кружила голову. Это проявлялось и на оттавских улицах, по которым советский гость прогуливался в сопровождении охраны и нас, журналистов, наслаждаясь изливавшимися на него потоками всеобщего обожания.

В итоге, как известно, они его не спасли. Горбачев не удержал бразды правления в собственной стране, что привело к ее распаду и колоссальным геополитическим, экономическим и иным потерям. А Буш и другие его западные партнеры не устояли перед соблазном прикарманить нежданно свалившийся на них «подарок судьбы».

Позже и Буша, и особенно Горбачева за это жестко критиковали. Я в целом согласен с критиками, но не удивлен тем, как все произошло. На мой взгляд, политики — тоже обычные люди, которые не столько формируют ход истории, сколько приноравливаются к нему и по мере сил и умения используют подворачивающиеся возможности.

Годы спустя я спорил на эти темы в Вашингтоне с молодым симпатичным парнем, американским чиновником средней руки. Вяло отбиваясь от упреков в лицемерии и вероломстве, он мне говорил: «А если бы вы победили в холодной войне, вы что, действовали бы иначе? Да нам бы еще хуже пришлось…»

Как Ельцин меня отшил

Но история сослагательного наклонения не терпит, а журналистам приходится писать ее, как теперь говорят, в режиме реального времени. Естественно, наброски, как правило, не отличаются особой точностью и силой предвидения.

В июне 1991 года — буквально через несколько дней после избрания президентом России и еще до вступления в должность (!) — Борис Ельцин впервые приезжал в США. Визит был организован по приглашению Конгресса, но включал и встречу с президентом Бушем.

Трехдневная программа поездки включала посещение Нью-

Йорка, ознакомительные экскурсии на Уолл-стрит и почему-то на швейную фабрику. Плотной охраны и пресс-пула у Ельцина еще не было, и в какой-то момент я к нему подошел просто для того, чтобы попросить расписаться на статье о нем в New York Times.

В принципе я равнодушен к такого рода сувенирам и никогда в жизни их не собирал. Но два или три исключения все же случились, и это было одно из них. Я почему-то был уверен, что в противостоянии с Горбачевым Ельцину не устоять, и хотел сохранить о нем память. Судите сами, насколько я был силен как политический аналитик:).

Но автографа он мне не дал. Рыкнул: «Я вам не Пугачева!» — и зашагал вниз по лестнице, на которой я его подстерег. И поделом мне: нашел, с чем соваться. Благо бы вопрос какой-нибудь толковый задал. Хотя в советскую печать отчеты о том визите и не давали, делали только подборки подробных откликов для сведения руководства страны.

В общем, правильно он меня тогда отшил, я считаю. А мне — урок на память.

В следующий раз я его увидел ровно год спустя в Канзасе, куда он приезжал по приглашению влиятельного сенатора Роберта Доула уже полновластным хозяином Кремля. Кстати, в ходе церемонии встречи в аэропорту он тогда заявил: «Я привез в каждую канзасскую семью мир и спокойствие. Русские и американцы никогда не будут воевать. Я как президент в этом убежден». Как говорится, его слова — Богу в уши.

Программа визита включала посещение крупного мясокомбината. Осмотрев предельно автоматизированное производство, Ельцин назвал его «чудом», каких он прежде не видал, и пообещал «построить 20 таких заводов», чтобы «накормить Россию».

А когда руководитель предприятия преподнес ему в дар фирменную кожаную куртку, гость стремительно сделал ответный жест: стащил с плеч пиджак и под аплодисменты и одобрительный смех собравшихся напялил его на директора. После я мельком видел, как президентская охрана на ходу — точнее, почти на бегу, потому что все перемещения происходили в достаточно быстром темпе, — выдирала из его внутренних карманов то, что дарить, видимо, было не положено.

Примерно по той же схеме проходило и посещение Канзасского университета в Уичито. После выступления Ельцина администрация вуза объявила об учреждении в местной школе бизнеса двух специальных стипендий для молодых россиян в размере 10 тысяч долларов каждая. Поблагодарив за подарок, президент РФ… попросил рассмотреть возможность создания в

университете дополнительно пяти персональных стипендий его имени для лучших учащихся.

Грядет ли «американский Путин»?

Наблюдать все это со стороны было довольно неловко, хотя намерения у российского лидера были, конечно, самые добрые, и в искренности их никто не сомневался. Просто приходилось вносить поправку на состояние экономики России, которое не составляло секрета для специалистов.

Сошлюсь на бывшего главного экономиста Всемирного банка нобелевского лауреата Джозефа Стиглица, с которым не раз доводилось сталкиваться в Вашингтоне. Вспоминая позже то время, он указывал, что «переход от коммунизма к капитализму в России после 1991 года должен был принести беспрецедентное процветание, но не принес. К началу кризиса с рублем (то есть дефолта. — *Прим. авт.*) в августе 1998 года объем производства упал почти наполовину, а масштабы нищеты выросли с 2 % более чем до 40 % населения».

После дефолта ситуация, естественно, еще более обострилась. И 31 декабря 1999 года Ельцин добровольно досрочно ушел с президентского поста.

Так что в одночасье дать своему народу процветание он в тех условиях никак не мог. Скорее всего и сам это понимал или во всяком случае догадывался. Ну и давал взамен то, что было в его силах: смелые обещания и радужные надежды, показную уверенность, свободу, переходящую во вседозволенность.

По стилистике, если не по содержанию, мне все это немного напоминает нынешнюю бурную деятельность популиста, националиста и волюнтариста Трампа в США. Возможно, отчасти поэтому Трамп мне и симпатичен.

Но дальше сама собой рождается мысль о том, что вслед за ним может прийти и американский Путин…

«Люди-тексты»

Путина я наблюдал и в Вашингтоне, и в Кеннебанкпорте (штат Мэн) в гостях у старшего Буша, и в техасском Кроуфорде, на ранчо у Буша-младшего. По контрасту с предшественниками в нем меня всегда подкупала сдержанная корректность в общении с американскими партнерами. Никогда на моей памяти он не выказывал ни малейших претензий на особую близость с ними.

Но не допускал и намека на фамильярность или снисходительность по отношению к себе или к России.

Вообще же для меня политики, с которыми я лично не знаком, суть прежде всего «люди-тексты». Я пользуюсь этим определением, чтобы подчеркнуть, что сужу о них в основном по их публичным выступлениям — устным и письменным. Понимаю поверхностность такой оценки, но все же склонен думать, что внимательный читатель многое может увидеть в статьях и стенограммах, в том числе и между строк. А я уже несколько десятилетий по работе читаю почти все, что говорят и пишут высшие руководители России и США.

И должен вам сказать, что, на мой взгляд, тексты Путина на порядок интереснее, чем у американцев. Сначала я даже думал, что он просто умнее. Потом понял, что он прежде всего несравненно свободнее своих западных коллег в том, что ему позволяет говорить внутриполитическое окружение.

Однако же и это не все. Путин — лидер страны, поднимающейся после сокрушительного удара. Ему приходится объяснять причины случившегося себе и другим, думать о том, чтобы впредь не наступать на те же грабли. Как я уже упоминал, для критического анализа поражение может быть полезнее победы.

А американцам застит глаза их «историческая правота». Они даже после чудовищных терактов 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке и Вашингтоне утверждали, что, дескать, олицетворяют собой «силы добра», и только поэтому «силы зла» их и атакуют. Вряд ли такой анализ способствует работе над ошибками.

Тексты Путина я не раз обсуждал с помощниками президентов США по России. Мне было интересно, читаются ли в Белом доме целиком эти стенограммы — хотя бы в переводе. Никто мне этого не подтверждал, заверяли лишь, что содержание выступлений докладывается руководству.

Был и полуанекдотичный случай. На одной из вашингтонских политологических конференций на вечную тему «Что на уме у Путина?» я напомнил участнику, отставному руководителю одной из британских спецслужб, что наш президент сам постоянно пытается объяснить свои взгляды западной аудитории. Дает интервью, публикует статьи, устраивает большие пресс-конференции.

На вопрос о том, читают ли западные коллеги Путина эти выступления и другую информацию из открытых источников, британец только махнул рукой и ответил примерно так: «Милый мой, да мы про это все уши начальству прожужжали. Но все равно бумаг без грифа секретности никто не читал и не читает…»

К этой теме мы еще вернемся в разговоре о российско-американских отношениях и о пропаганде в США. Пока же пора переходить к американской «книге царств».

Глава 4. Уильям J. Клинтон, 1993–2001. От Ванкувера до Югославии
The President Who Did It Just Because He Could

Основным американским партнером для Ельцина и первым для Путина был 42-й президент США Билл Клинтон.

Ельцин называл его своим другом Биллом. И между ними действительно существовала взаимная симпатия. Это было видно невооруженным глазом: по тому, как они себя вели на совместных публичных мероприятиях, начиная с первой личной встречи в Ванкувере в апреле 1993 года. И обнародованные четверть века спустя записи их бесед и переговоров тоже это подтверждают.

Но настоящей дружбы не было, да, пожалуй, и не могло быть, поскольку не было равенства. А тому откуда было взяться, если россияне ездили тогда в Вашингтон в основном с протянутой рукой?

«Птичий» язык

Я помимо всего прочего освещал работу МВФ и помню, как люди типа бывшего главы Госплана СССР Юрия Маслюкова учились в ходе визитов в штаб-квартиру Фонда рассуждать о макроэкономике и вообще говорить с проповедниками неолиберального «вашингтонского консенсуса» на их профессиональном жаргоне — настолько специфическом, что со стороны он всегда казался мне «птичьим» языком.

Кстати, не удержусь от небольшой похвальбы. Могу ошибаться, но, по-моему, это я ввел в русский экономический лексикон термин «специальные права заимствования» (СПЗ — условная расчетная единица МВФ, можно сказать, его валюта).

По-английски она именуется Special Drawing Rights (SDR), и в самом начале работы в Вашингтоне я дотошно выспрашивал у сотрудников российской дирекции в Фонде, как ее правильно называть по-русски. Но они меня заверяли, что переводом не озадачиваются, а довольствуются калькой — СДР.

Вздохнув, я им тогда сказал, что для меня это не годится: новостные заметки должны быть понятными. Придумал СПЗ и стал использовать в работе. Может, термин существовал и прежде — в конце концов, это перевод, — но я его точно брал не из словарей.

Что касается отношений между США и Россией, в них все пошло, как в известной песне Высоцкого: «И не друг, и не враг, а так…» Шанс построить настоящее партнерство был упущен.

Почему? Для меня — и не только для меня — ответ очевиден.

В 1993 году на политологической конференции в Лос-Анджелесе бывший президент США и соавтор недолговечной поздней разрядки в советско-американских отношениях Ричард Никсон предупреждал: «При обсуждении России прежде всего необходимо развеять миф. Русские холодную войну не проигрывали. Ее проиграли коммунисты. Соединенные Штаты со своими союзниками сыграли ключевую роль в сдерживании и отбрасывании назад коммунизма, но нокаутирующий удар коммунизму нанесла 14 декабря 1991 года демократическая Россия. Поэтому нам следует относиться к сегодняшней России не как к побежденному врагу, а как к союзнику и другу, который вместе с нами громил коммунизм».

Призыв не был услышан. Летом 2019 года глава Центра за национальный интерес (бывший Никсоновский центр) Димитри Саймс констатировал, что если Никсон «стремился к примирению с Россией и был уверен, что при достаточной дальновидности и дипломатическом такте Вашингтон может этого достичь», то «сегодня можно с определенностью утверждать, что Америка провалила решение этой задачи».

И начиналось это все при Клинтоне. Я еще в 2003 году по итогам его правления писал, что при его администрации работать в Вашингтоне было сложно и довольно неприятно. И дело не только в том, что не было доступа к творцам американской политики, что раздражал внешне дружелюбный, а по сути снисходительно-менторский тон в отношении России. Главное — на наших глазах фактически искажались итоги холодной войны и, соответственно, основы новых отношений между вчерашними антагонистами.

Я считал и считаю, что советские люди, почти бескровно разрушившие тоталитарную систему и оказавшие тем самым большую услугу всему миру, имели как минимум столько же оснований праздновать победу и пользоваться ее плодами, что и американцы. Вашингтон, однако, признавал за ними (то есть за нами) такое право лишь на словах, да и то как-то странно: его высказывания оставляли порой впечатление, будто и собственную свободу народы бывшего СССР получили чуть ли не из его рук. В столичных американских салонах шли по сути оскорбительные дебаты о том, «доросли» ли россияне до демократии, и даже о

том, «кто потерял Россию».

Лукавые «дивиденды»

Что касается «дивидендов мира», США ими не только не делились с другими, но и отказывались даже признавать их значение для собственного мощного экономического рывка. Я знаю — я прямо об этом спрашивал чиновников американского Минфина. А они мне кивали на технический прогресс и роль компьютеров.

Конечно, это было лукавство. Помню, в 2002 году в вашингтонском институте им. Катона известный шведский экономист Андерс Ослунд представлял свою новую книгу «Строя капитализм: трансформация бывшего советского блока». Тему он знал, что называется, из первых рук, поскольку подвизался в качестве консультанта по реставрации «свободных рынков» и в России, и в других постсоветских и восточноевропейских государствах.

Американцев тогда в основном интересовало, сможет ли Россия погашать долги по кредитам, которые ей предоставлялись. И Ослунд, и Стэнли Фишер из руководства МВФ хором заверяли, что Москва платить сможет и будет (так оно позже и вышло; долги были погашены полностью).

Но попутно возник вопрос и о западной помощи России за постсоветский период. Ослунд назвал эту помощь «крохами» в сравнении с теми материальными выгодами, которые принесло самому Западу окончание холодной войны.

Так, по его подсчетам, только у США «дивиденды мира» за предыдущее десятилетие составили около 1,36 трлн долларов, тогда как американская помощь России за то же время равнялась всего 2,6 млрд долларов. Причем под дивидендами в данном случае понималась одна лишь экономия средств в результате сокращения военных бюджетов, которые, по словам Ослунда, в 1982–1989 годах составляли в США около 6 % ВВП. Понятно, что реальные выгоды этим не исчерпывались.

Так что не случайно при Клинтоне в США был отмечен рекордный по продолжительности на тот момент период экономического роста, а федеральный бюджет стал профицитным. Президент даже предлагал полностью погасить к 2015 году госдолг США (ныне Вашингтону опять остается об этом только мечтать). В общем, выжимал все до последней капли из своего выигрышного предвыборного лозунга о том, что «все дело в экономике».

Впрочем, когда ему это было выгодно, политикой он тоже не пренебрегал — например, в важнейшем и наиболее болезненном для России вопросе о расширении НАТО. Согласно рассекреченным за последние годы архивным документам, Клинтону нужны были голоса избирателей восточноевропейского происхождения в ключевых штатах — Висконсине, Иллинойсе и Огайо, — и он обещал им раздвинуть границы альянса, невзирая на любые возражения, протесты и даже предложения негласной «джентльменской договоренности» со стороны «друга Бориса».

Добавлю к этому еще одно собственное воспоминание. Именно советник Клинтона по России, Украине и Евразии Марк Медиш в свое время доходчиво объяснил мне подход Вашингтона к постсоветским государствам. «Мы понимаем, что для вас они всегда были, есть и будут ближними, — сказал он. — Но свою задачу видим в том, чтобы при этом они всегда оставались для вас зарубежьем».

Яснее, пожалуй, не скажешь. И в этом смысле, по-моему, с тех пор ничего и не изменилось.

«Не подряд»

Впрочем, я несколько забежал вперед. Для меня Клинтон был первым американским лидером, которого я мог наблюдать с близкого расстояния. Я приехал в Вашингтон сразу после его переизбрания и присутствовал на его второй инаугурации. Заключительные четыре года его работы проходили у меня на глазах. Я считаю, что он был одним из самых одаренных президентов в новейшей истории США. И уж точно — самым удачливым, поскольку правил сразу после распада СССР и пользовался плодами американской гегемонии: и экономическими, и политическими.

Официально Клинтон находился у власти в 1993–2001 годах. Но для людей, непривычных к американскому политическому календарю, стоит уточнить, что на самом деле правильнее, видимо, считать не от инаугурации до инаугурации, а от выборов до выборов. По сути власть нового президента в США начинается с момента избрания, хотя по форме ему приходится ждать официального вступления в должность в январе следующего после выборов года.

В данном случае в ноябре 1992 года молодой арканзасский губернатор-демократ победил по итогам всеобщего голосования действующего президента страны республиканца Буша-старшего, которому помимо всего прочего серьезно помешал независимый

кандидат техасский миллиардер Росс Перо (то есть и в этом Клинтону повезло). Но восемь лет спустя Буш-младший «отомстил за отца», одолев Альберта Гора, который был вице-президентом, то есть «вторым номером» в клинтоновской администрации.

22-я поправка к Конституции США, принятая после смерти Франклина Делано Рузвельта, позволяет главе американской республики занимать свой пост не более двух четырехлетних сроков. Клинтон перед самым окончанием своей восьмилетки публично предлагал уточнить и ослабить это ограничение, дополнив его одним словом — «подряд» (two consecutive terms).

Теоретически это могло дать ему возможность после перерыва вновь баллотироваться в президенты; он был уверен, что выиграл бы. Идея подхвачена не была, но он все же пытался вернуться в Белый дом в качестве супруга Хиллари Клинтон. Та дважды участвовала в президентских гонках, но проиграла сначала однопартийцу Бараку Обаме, а затем республиканцу Трампу.

Она почти открыто предлагала избирателям голосовать в ее лице сразу за двоих, то есть и за нее саму, и за ее супруга. Дескать, в случае возвращения к власти править будем вместе. Но американцев, которые в большинстве своем ее откровенно недолюбливают, это не прельстило.

«Служебный роман»

Думаю, Биллу Клинтону при всей его талантливости и удачливости вряд ли доставляет большое удовольствие оглядываться на годы своего президентства. Помнят его и будут помнить прежде всего из-за позорного служебного романа с юной стажеркой Белого дома Моникой Левински.

Этот скандальный адюльтер едва не стоил Клинтону высшего государственного поста. Он стал всего вторым президентом в истории США (после Эндрю Джексона в 1868 году), подвергшимся импичменту, хотя и удержавшимся все же у власти. Третьим позже стал Трамп. Никсон, как известно, перед лицом неминуемого изгнания из Белого дома из-за Уотергейтского скандала сам ушел в отставку.

Ключевая, на мой взгляд, фраза Клинтона была произнесена по поводу того же скандала с Левински. «Я это сделал по наихудшей возможной причине — просто потому, что мог» (I did something for the worst possible reason — just because I could), — признал он однажды, объясняя причины своего поведения. То есть

мог себе это позволить, был уверен в своей безнаказанности.

Лично я ему за эту цитату признателен. По-моему, она хорошо объясняет не только его персональные грешки, но и комплекс вседозволенности в поведении Вашингтона на международной арене.

Кроме того, цитата напоминает, что отсутствие иных возможностей — это благо, которое надо принимать с благодарностью. С желаниями лучше быть осторожными. Бог знает, до чего они бы нас довели, если бы мы могли все их реализовывать.

Жена за плечом

Американцы шутят, что за каждым успешным мужчиной стоит женщина, а за этой женщиной — его жена. Сколько дам за спиной у Клинтона, я судить не берусь, но жена у него за плечом маячила постоянно.

Хотя и ей скорее всего аукались его грешки. Как уж они там выясняли отношения между собой, это их дело (со слов самого Клинтона известно, что после скандала с Левински они с женой и дочерью больше года проходили курс семейной реабилитации с психотерапевтами), но со стороны их регулярные публичные рассказы «по секрету всему свету» о том, как они в студенчестве познакомились и полюбили друг друга, всегда выглядели насквозь фальшивыми. А Хиллари по всем опросам как раз и вызывала у избирателей наибольшую неприязнь и отторжение своей неискренностью.

В целом как минимум с вашингтонского периода их брак производил впечатление не семейного, а скорее политического союза двух достаточно циничных людей, преследующих общие цели — не только политические, но и финансовые. Но после бесславного завершения второго президентского «забега» Хиллари акции фамильного предприятия обрушились. Билеты на совместные выступления Клинтонов в 2019 году продавались, по язвительному определению делового издания Investor's Business Daily, «дешевле бургеров» в «Макдоналдсе».

Впору было пожалеть и бывшего президента с повадками плейбоя, вызывавшего у меня ассоциацию с антигероем стихотворения Евгения Евтушенко «Дитя-злодей», и его супругу. Хотя уж ее-то кому бы и жалеть, но не нам. В должности госсекретаря США она, «колеблясь вместе с линией партии», поначалу заверяла Москву в готовности Вашингтона «ехать вместе много миль» в одной машине, заведенной с помощью

«перезагрузки» отношений, а затем пришла к откровенной русофобии.

Знающие люди утверждают, что непритворной с ее стороны была антипатия. Зато оптимистичное сравнение с машиной я слышал лично, поскольку оно прозвучало в интервью ТАСС, которое я же и организовывал. Тогда, кстати, мой шеф Михаил Гусман буквально вытряс из Клинтон обещание еще одного разговора на телекамеру в случае избрания ее президентом США. Но ловить ее на слове нам не пришлось.

«Начальная школа»

Работу, заставляющую постоянно учиться, принято сравнивать с жизненными университетами. Но для меня четыре года взаимодействия с администрацией Билла Клинтона были, пожалуй, скорее «начальными классами» — и очень даже полезными — вашингтонской журналистской и политической школы.

Главный ее предмет — это источниковедение в самом широком смысле, включая поиск и прокладку троп к самым ценным информационным источникам в ближайшем окружении президента. Кстати, сразу скажу, что в команде Клинтона для меня «потолком» был выход на его друга Строуба Тэлботта, курировавшего отношения с Россией в должности первого заместителя госсекретаря. Да и то для решения профессиональной задачи пришлось тогда скооперироваться с коллегами-журналистами из малых стран Западной Европы.

Вообще, конечно, освоение бюрократических премудростей давалось нелегко. Например, я с ходу допустил с виду мелкую, но на самом деле значимую оплошность: отдал другому тассовцу, своему другу, приглашение на Рождественский прием для прессы в Белом доме, поскольку приглашение было на два лица, а я прибыл к новому месту службы поначалу без семьи.

Сделал это из лучших побуждений — чтобы друг сходил на праздник с женой, но в итоге сам был вычеркнут из списков и восстановиться в них смог уже только при Буше. И приглашений «на елочку» к президенту мы три года вообще не получали. А это, между прочим, одна из самых зримых и весомых привилегий, распределяемых пресс-службой Белого дома. Точнее в нашем случае ее подразделением в Совете национальной безопасности (СНБ США), поскольку контактами с иностранной прессой ведает именно он.

Впрочем, не исключено, что в лишении нас этой привилегии

не было, как говорят американцы, ничего личного, что намек был шире. Позже, когда мне доводилось договариваться для своего начальства об интервью с хозяевами Белого дома, я приватно боролся за корпоративные интересы ТАСС, но публично всегда подчеркивал, что честь оказывается не конкретным журналистам и даже не агентству в целом, а стране.

А при Клинтоне таких интервью не было. И вообще нам исподволь, но достаточно недвусмысленно давали понять, что больше не видят смысла особо с нами церемониться. Так, и постоянный рабочий пропуск в Белый дом — так называемый hard pass — мне тоже оформили уже при Буше, когда и Россия, и российско-американские отношения становились уже несколько иными.

Возможно, я утрирую. Но мне кажется, что и в подобных мелочах проявлялась фундаментальная двусмысленность подхода клинтоновской команды к нашей стране.

На приставном стуле

Хотя напоказ все выставлялось в лучшем виде. В 1997 году США на правах страны — хозяйки саммита «Большой семерки» в Денвере (штат Колорадо) пригласили туда Россию; группа переформатировалась в «восьмерку». Ранее Россия вступила в МВФ и Всемирный банк и при поддержке Вашингтона стала одним из их крупных заемщиков. Стартовали переговоры о присоединении к ВТО.

В двусторонних отношениях нам также обещали содействие в преобразовании экономики и поддержании на должном уровне безопасности, прежде всего ядерной. Разумеется, под американским контролем. Москва и по сей день старается объяснить Вашингтону, что на самом деле безопасность может быть только общей — единой и неделимой.

Еще на Ванкуверском саммите 1993 года была учреждена межправительственная Российско-американская комиссия по экономическому и технологическому сотрудничеству. Позже она сильно разрослась и несколько раз меняла название, но для меня навсегда останется «комиссией Гора — Черномырдина» — по именам уже упоминавшегося вице-президента США и незабвенного ЧВС, главы российского правительства и источника целой россыпи блестящих словесных перлов-«черномырдинок».

Их ценили даже мои американские друзья, которым я старался переводить на английский и гениальное «хотели, как лучше, а получилось, как всегда», и мое любимое «никогда такого

не было и вот опять», и многое другое.

Гор, кстати, выказывал российскому визави подчеркнутое почтение и старательно, чуть ли не по слогам выговаривал его имя-отчество: Виктор Степанович. А мне вспоминаются больше не официальные мероприятия, а всякая сопутствующая мишура.

Например, одна моя вашингтонская знакомая, русская американка, решила подсуетиться и раза два или три приурочивала к заседаниям межправкомиссии американо-российские кинофестивали собственного производства. Кинозал под это дело она выбивала аж в Кеннеди-центре, но в остальном это была, конечно, чистой воды любительщина.

Однажды она даже залучила на открытие своего самодеятельного шоу самого ЧВС. Забавно было наблюдать, как тот с недоумением оглядывал «фуршет» с бумажной одноразовой посудой. Со стороны казалось, что один его костюм стоил дороже, чем весь фестиваль.

Впрочем, в Америке с ее показным демократизмом подобные казусы не особенно удивительны. Да и вообще: какой может быть спрос с посторонних, если организационные ляпы просматривались и в работе самой комиссии Гора — Черномырдина?

Достаточно сказать, что первые годы та собиралась зимой в Москве и летом в Вашингтоне. Говорят, сделать наоборот сопредседателям в конце концов подсказали жены. Иначе обе чиновничьи рати так безропотно и продолжали бы тогда понапрасну то мерзнуть, то задыхаться от жары.

Хотя, конечно, сама по себе комиссия была полезна. Ведь все, включая и министров, обычные люди: начальство требует — надо выполнять. И к каждому заседанию готовились отчеты и новые планы, ведомства старались друг друга перещеголять на ниве двустороннего сотрудничества и сами добивались создания все новых профильных рабочих групп. Теперь уже почти не верится, что все это существовало в российско-американских отношениях, причем совсем недавно.

Но напряжение накапливалось уже и тогда. В «восьмерке» Россия сидела по существу на приставном стуле; к обсуждению глобальных экономических проблем наших финансистов не допускали. В МВФ и ВБ нам давали деньги, но при этом постоянно читали лекции и нотации, любые попытки оспорить постулаты «вашингтонского консенсуса» пресекались.

Забегая вперед, скажу, что переговоры о вступлении в ВТО длились мучительно, как визит к зубному врачу, и растянулись в итоге на целых 18 (!) лет. Да и печально известная дискриминационная поправка Джексона — Вэника, введенная еще

в 1974 году якобы в ответ на ограничение еврейской эмиграции из СССР, продолжала действовать и против России, где никаких ограничений уже не было. А отменена была лишь в 2012 году — и то не просто так, а… по новому санкционному закону имени Сергея Магнитского.

То есть опять та же самая двойственность: одной рукой якобы что-то дарим, другой — отбираем.

«Петля Примакова»

В общем, когда я теперь обо всем этом думаю, у меня перед мысленным взором встают две картинки. Вот Клинтон обнимает за плечи друга Бориса и до слез смеется его шутке. А вот он же через минуту, отвернувшись, прыскает в кулак у него за спиной.

Кончился весь этот праздник жизни для США, как известно, сначала «петлей Примакова», а потом и выдвижением Путина. Чего они, собственно, до сих пор и не могут простить нашему действующему президенту.

Евгений Максимович Примаков в 1998–1999 годах был главой правительства России и сопредседателем той самой межправкомиссии. В марте 1999 года он летел в Вашингтон на ее очередное заседание, когда силы НАТО начали бомбить Югославию.

Примаков развернул свой самолет над Атлантикой и вернулся в Москву. Более жесткого способа выразить свой протест у него тогда не было. Беспрецедентный жест был по достоинству оценен и в России, и во всем мире.

Американцы пытались делать хорошую мину при плохой игре: тот же Тэлботт заявил, что предупредить Примакова заранее не было никакой возможности, что «преднамеренно обидеть» его никто не хотел и что «было бы еще хуже», если бы удары по Белграду были нанесены во время пребывания российского премьера в Вашингтоне.

Лукавые отговорки, конечно, мало кого убеждали. Но дома Примаков, несмотря на всенародные симпатии и благодарность, через считаные недели лишился своего поста. Его отправили в отставку, заменив на Сергея Степашина.

У меня с этим связана пара личных воспоминаний. Во-первых, в июле того же года Степашин в свою очередь приезжал в гости к Альберту Гору — опять на ту же самую комиссию. Мне было поручено организовать его встречу с американской прессой за рабочим обедом в Национальном клубе печати США.

Прежде устраивать приемы на подобном уровне мне как-то не

доводилось, и я натерпелся страху, но в конечном счете все обошлось: приглашенные пресс-гранды, включая хозяйку Washington Post Кэтрин Грэм, буквально за две минуты до начала собрались за главным столом. Встречей все остались довольны, но сам Степашин после вояжа за океан в премьерском кресле также не задержался.

Во-вторых, год спустя профессиональные правозащитники из нью-йоркского Комитета защиты журналистов представляли свой традиционный отчет о гибели сотрудников СМИ по всему миру за 1999 год. И я заметил, что в Югославии погибшими были указаны шестеро: три китайских корреспондента, убитых при попадании натовской ракеты в посольство КНР в Белграде, двое немецких репортеров в Косово и издатель одной из сербских газет, застреленный неизвестными.

Между тем сам КЗЖ ранее признавал, что 23 апреля 1999 года при бомбежке авиацией НАТО комплекса государственного телевидения Сербии в югославской столице погибли 16 человек. На мой вопрос о том, почему эти люди не были учтены при составлении профессионального мартиролога, координатор европейской программы КЗЖ Эмма Грей заявила, что комитет «осуждал сам факт бомбежки» телерадиоцентра, но погибших решил все-таки «не считать журналистами», поскольку они, дескать, «участвовали в пропаганде насилия».

Видно было, что ей стыдно: она мялась и отводила глаза. Но она все это произнесла.

Я ей тогда сказал, что больше никогда не стану верить их докладам. Потому что по их логике и меня можно убить и задним числом «исключить» из профессии. И потом сделать вид, будто никакие права, свободы и ценности, принятые в свободном демократическом обществе, не нарушены.

Как бы то ни было, главой правительства России к этому времени был уже Путин. Ни на какие «смотрины» в Америку он не ездил. Ельцин заочно хвалил его Клинтону, но того это уже мало интересовало, как и вообще судьба сотрудничества с Россией. Вместе с Гором и всей Америкой он был целиком поглощен подготовкой к президентским выборам 2000 года.

Выиграл в итоге эти выборы Джордж Буш-младший. Но прежде, чем перейти к рассказу о нем, мне надо сделать важное отступление.

Глава 5. Первый водораздел. АА: программа на один день и на всю жизнь

В мае 1999 года, за несколько дней до своего сорокалетия, я присоединился к сообществу «Анонимных алкоголиков».

Вообще-то, как видно из самого названия, публично признаваться в этом не положено. И не ради себя любимого, а ради самой программы АА — чтобы не примазывались люди, потенциально способные ее дискредитировать.

Выходит, я опять поступаю по-советски, а не по-американски: правила знаю, но сознательно их нарушаю. И ссылки на то, что в самой Америке такие признания давно стали привычными, в том числе и со стороны людей очень известных, в принципе не работают: каждый отвечает за себя.

Беру на душу этот грех, поскольку программа спасла мне жизнь, стала неотъемлемой ее частью. И я себе не представляю, как без нее честно и полно рассказать и об этой жизни, и о моем понимании Америки.

Кстати, большинство ссылок на «моих американских друзей» в тексте — тоже оттуда, из АА. Поэтому они и анонимные. А один из друзей, которого я считаю своим наставником в программе и к которому обратился со своими недоумениями по поводу этих вот откровений, благословил: «Пиши!»

Рукотворное чудо

Знакомство с АА началось для меня в реабилитационном центре «Эшли» в штате Мэриленд на берегу Чесапикского залива, более известном как центр отца Мартина. Американцы там лечатся в основном по страховке, но у меня страховки тогда не было и меня приняли бесплатно.

Большинство чудес в нашей жизни совершается добрыми людьми, и мой случай не был исключением. К тому времени у «Эшли» уже имелись давние и устойчивые связи с Россией. Наладить их помогли предприниматель, меценат и трезвый алкоголик Лу Бэнтл и его российский друг и партнер врач-психотерапевт Евгений Зубков.

Именно их стараниями в течение ряда лет несколько сот россиян, включая и меня, прошли в «Эшли» курс реабилитации. Они же создали в 1996 году под Санкт-Петербургом «Дом надежды на горе» (ДНГ), который был первым и единственным в

России бесплатным частным лечебным центром для людей с химической зависимостью.

Бэнтла, скончавшегося в 2010 году, в ДНГ до сих пор вспоминают как «отца-основателя», любимого и незабвенного «папу Лу». А Зубков стал моим близким другом, которому я по гроб жизни буду обязан и благодарен не только за трезвость, но еще и за совместные паломничества на Святой Афон.

Диагноз, а не приговор

Что касается АА, то разработанный в этой программе метод так называемых «12 шагов» к избавлению от зависимости я без всяких шуток считаю одним из главных вкладов США в мировую цивилизацию за весь прошлый век. На мой взгляд — а я пристрастно изучал этот вопрос, в том числе в профильных медицинских исследовательских центрах в США, — появление этого метода привело к тому, что алкоголизм и наркомания из смертного приговора превратились в обычный медицинский диагноз.

То есть болезнь как таковая никуда не делась и под влиянием разных факторов может порой получать даже большее распространение — как в последние годы с так называемой опиоидной эпидемией в США. Но никакой безысходности это не вызывает, поскольку все заинтересованные стороны — от самого заболевшего человека и его родных и близких до врачей, правоохранительных органов и судебных властей — в принципе знают, что с ним делать.

Ему предлагают лечиться и в случае согласия создают благоприятные условия вплоть до смягчения или полной отмены судебных приговоров за грехи, которые он успел совершить. Разумеется, только после прохождения курса реабилитации. Я сам однажды присутствовал на подобной «выпускной церемонии» в вашингтонском специализированном наркосуде.

Разумный эгоизм

Лечение опирается на те самые «пошаговые» программы. Тут срабатывает уже их внутренняя парадоксальность: с одной стороны, они сугубо эгоистичны и каждый приходит в них исключительно по своей воле (заставлять все равно бесполезно) и ради собственного выздоровления. Но достичь нужного результата в одиночку невозможно: необходимы опыт и

поддержка товарищей по несчастью.

Поэтому люди объединяются в группы, где все заинтересованы в успехе каждого. Общаются, делятся силами, опытом и надеждой и помогают друг другу оставаться трезвыми. Считается, что «только на один сегодняшний день», хотя со временем дни, разумеется, складываются в недели, месяцы и годы.

Внутренняя атмосфера в сообществе братская. У нас в России прямо называют друг друга братьями и сестрами, в Америке в ходу шутливое выражение «братья от разных матерей» (He's my brother from another mother). Мне всегда казалось, что в группах американцы обретают то самое дружеское общение, которого в жизни им сильно недостает.

Находить общий язык помогает и то, что групп великое множество и разнообразие. Любая из них открыта для всех членов сообщества, но при этом может иметь свою специализацию по тематике и формам проведения собраний или по составу участников.

Я, например, наугад отправившись на первое свое собрание в Вашингтоне, случайно попал в студенческую молодежную компанию. Уехал тогда под большим впечатлением от рассказа девушки-ирландки, которая по возрасту годилась мне в дочери, а по жизненному опыту кое в чем могла и дать фору.

Болезнь, кстати, по словам специалистов, вообще молодежная; просто первые 15–20 лет обычно пропадают для лечения, поскольку люди либо вообще не сознают наличия проблемы, либо отказываются ее признавать. Но в Америке давно не редкость и совсем юные члены АА.

Еще одно важное преимущество групп в том, что они совершенно бесплатны для участников и не только не требуют, но и не приемлют ни финансовой, ни организационной поддержки со стороны государства.

Кстати, я первое время после прихода в АА шутил, что это единственное известное мне сообщество, по-настоящему успешно работающее на коммунистических началах. Американцы на групповых «митингах», как я их до сих пор называю, потому что meeting — это просто встреча, в ответ охотно смеялись.

Но позже я осознал, что принципы в АА все же не коммунистические, а либертарианские. Что это то самое свободное объединение свободных людей для решения общей задачи, о котором писал в свое время Милтон Фридман. Не удивлюсь, если вдруг выяснится, что тот и сам был в программе.

«Зачем» или «как»?

Почему простой разговор по душам с человеком, который тебя по-настоящему понимает, избавляет от тяги к алкоголю эффективнее любых кодирований, медицинских снадобий и колдовских наговоров, никто до сих пор толком не знает и не понимает. Но американцев это не смущает. Они по жизни прагматики, что мне в них и нравится.

Вообще вопросы «зачем» и «почему» (типа «зачем дана человеку жизнь?»), на мой взгляд, чисто русские, словно нарочно придуманные для того, чтобы доставлять «мильон терзаний» нашей «загадочной русской душе». А американцы этим не заморачиваются. Им достаточно немудрящего ответа маленькой девочки: «Жизнь подарена мне Богом, и я живу для того, чтобы отблагодарить его за этот подарок».

На самом деле типично американский вопрос — «как?». Например, как сделать свою жизнь наиболее удобной, разумной и счастливой? И в программе АА мои друзья заинтересуются скорее не тем, почему она работает, а тем, как заставить ее работать эффективнее и безотказнее. Вроде как у нас в анекдоте: «Так вам шашечки или ехать?»

Ну и я стараюсь брать с них пример. Хотя раньше всегда носился как дурак с писаной торбой, со знанием и пониманием. Мол, пока я чего-то не понимаю, это вроде как по-настоящему и не существует, во всяком случае, не считается. Даже наивно полагал, будто именно мои знания, убеждения и чувства и делают меня тем, кто я есть.

Теперь же я совершенно искренне верю, что это вообще не важно — что я там знаю, думаю и даже говорю и пишу. А важно только то, что я делаю, чтобы оставаться по мере сил приличным и трезвым человеком.

В программе вообще склонность к рефлексии не приветствуется. Способность человека к самообману безгранична, алкоголь ее только усиливает, и в АА шутят, что оставаться наедине с собственным мозгом опасно. Бутылку, как говорится, не переспоришь.

Помню, в том же «Эшли» один довольно неприятный чернокожий тип, послушав некоторые мои «размышлизмы», саркастически заметил: «Этот — безнадежен. Слишком умный. Найдет, как себя уболтать».

В то время меня это задело, но задним числом я ему признателен. Во-первых, он был прав: «убалтывать» себя и других я всегда умел, и это мне аукалось еще в школе. А во-вторых, я в какой-то мере до сих пор доказываю ему и себе, что он тогда ошибался.

Из этого вытекает и еще один принципиально важный для меня урок программы. Знаменитый афоризм Козьмы Пруткова: «Если хочешь быть счастливым — будь!» — чисто программный постулат. Я по опыту знаю, что чувства счастья, радости, благодарности, любви к жизни и людям можно и нужно испытывать по собственной воле.

Любой алкоголик вам скажет: если бы с вами жизнь обходилась так же, как со мной, вы бы тоже пили. Я и сам так думал до тех пор, пока вдруг по прошествии многих лет трезвости не осознал, что… забыл, какие такие неутолимые печали заставляли меня искать спасения и истины в вине.

На самом деле алкоголик пьет не с горя и не с радости, а потому, что он алкоголик. Это медицинский факт, очевидный для меня теперь и как факт моей собственной прошлой жизни.

И с эмоциями та же история. Люди привыкли находиться в плену у своих эмоций, особенно страха и злости, и подчиняться их диктату. Считается, что давать волю чувствам даже полезно — чтобы их «не скрывать» и «не подавлять».

Как говорится, вольному воля. Но мои американские друзья говорят, что лучше не поведение подчинять эмоциям, а наоборот. Act your way into feeling. Fake it till you make it («действуй, потом почувствуешь», «притворяйся, пока не получится»), — повторяют они. И я стараюсь так и поступать — просто для того, чтобы лучше себя чувствовать.

Конечно, кто-то скажет, что это чистое самовнушение, то есть самообман. Не вижу смысла спорить: как я уже говорил, здесь в конечном счете выбор между тем, что для кого важнее: быть (то есть на самом деле чувствовать себя) правым или довольным.

Кстати, несколько лет назад я вне всякой связи с АА изучал отношение американцев к счастью и несчастью. В частности, прочитал новую тогда книгу гарвардского профессора-психолога Дэниела Гилберта «Спотыкаясь о счастье». И убедился, что его подход сродни программному.

Ученый утверждал, что люди плохо умеют предвидеть собственные эмоциональные реакции. Например, думают, будто какое-то внешнее событие — скажем, очень крупный выигрыш в лотерею или потеря одной из конечностей в результате аварии — способно сделать их на всю жизнь счастливыми или несчастными. И на обширном эмпирическом материале показывал, что на самом деле это не так, что некий привычный эмоциональный баланс довольно быстро восстанавливается даже после сильнейших потрясений.

Чтобы не разминуться со счастьем, Гилберт советовал опираться не на собственные ожидания, а на чужой практический опыт. Попросту говоря, советоваться с людьми, уже переживавшими схожую ситуацию.

По большому счету ровно то же самое предлагает и АА. Для этого существует даже механизм «спонсорства», когда опытные выздоравливающие «проводят по шагам» новичков. Я по-журналистски пытался узнать у Гилберта, случайно ли это совпадение, но он от общения уклонился: дескать, этап продвижения книжки через прессу у него прошел, а просто так ему общаться недосуг.

Что ж, это тоже типично, по-американски. Зачем тратить собственное время на то, что нужно не тебе, а кому-то еще? В программе, правда, как раз это норма, но там это разумный эгоизм.

Единственное условие

Одна из традиций АА гласит, что политика сообщества во внешних связях, включая отношения со СМИ, «основывается на привлекательности наших идей, а не на пропаганде». На самом деле в английском оригинале сказано: based upon attraction rather than promotion, то есть «основывается на привлечении» людей, «а не на инициативном продвижении» своих взглядов.

Программу действительно никто никому не навязывает, и в этом, на мой взгляд, чуть ли не главная ее притягательная сила. Даже когда ей пытаются мешать, — например, те, кто видит в ней инструмент западного прозелитизма или помеху для распила бюджетных ресурсов, выделяемых на продвижение здорового образа жизни, — она на это не реагирует, и правильно делает.

Тех, кто уверен, что чудеса возможны только под их личным чутким руководством, все равно не переубедить. Но те, кому программа нужна, кто мечтает об избавлении от зависимости, как о манне небесной, те сами ее найдут. Например, отношение к АА в руководстве Русской православной церкви, насколько я знаю, в целом довольно настороженное. Но при этом мне не раз встречались «анонимные» православные батюшки — и в Америке, и в Москве, и на Афоне.

Согласно тем же традициям, единственное условие для членства в АА — это желание бросить пить. А самым серьезным препятствием на пути к трезвости считается «органическая неспособность быть честным» с собой и другими. Хотя даже и те, у кого этот недостаток кажется «прирожденным», все-таки не

безнадежны: у них просто «меньше шансов», чем у остальных.

Кстати, и когда я говорю, что сознательно культивирую в себе чувства благодарности и счастья, — это совсем не призыв к нечестности. Просто на любую ситуацию можно смотреть под разным углом зрения. Вот я и стараюсь — ради собственного блага — видеть в жизни и в людях побольше хорошего.

А чтобы не судить окружающих, вспоминаю притчу о блуднице и о том, кому бросать первый камень. И слова, которые где-то услышал или прочитал о не слишком праведном священнике: «Вы видите, как он грешит. Но видите ли вы, как он кается?»

Благодать и благодарность

За океаном 12-шаговые программы давно общепризнаны и по сути институционализированы. В этом, кстати, большая заслуга отца Джозефа Мартина, одного из основателей «Эшли». Он и жил по соседству с центром, в поселке Гавр-де-Грас, до самой своей смерти в 2009 году.

Отец Мартин был католическим священником, который после собственного присоединения к АА сделал борьбу с зеленым змием главным содержанием своей пастырской миссии. В начале 1970-х годов в США приобрела общенациональную известность видеозапись его беседы об алкоголизме — так называемый Chalk Talk, то есть «Разговор с мелком в руке» (по ходу выступления он иллюстрировал свой рассказ надписями и диаграммами на школьной доске).

Эта пленка стала стандартным «учебным пособием» по профилактике алкоголизма сначала в ВМС США, а затем и во множестве других американских государственных организаций и учреждений. Сейчас там повсеместно действуют ведомственные программы борьбы с зависимостями — разумеется, анонимные.

Я знавал в Вашингтоне отставного военного и дипломата Хэла Марли, руководившего такой программой в Госдепартаменте США. Он всем, включая и меня, дарил значки с надписью Attitude of Gratitude, то есть «Умей быть благодарным!» Его так и называли: «Д-р благодарность». А уже после его смерти я прочитал, что в 1974–1975 годах он внедрял программу АА в практику работы внешнеполитического ведомства и зарубежных посольств США по прямому указанию госсекретаря Генри Киссинджера.

Виделся я однажды в «Эшли» и с самим отцом Мартином. Он мне подарил свою книжку и спросил, как я понимаю Божью

благодать. Я воспринял вопрос как своего рода экзаменовку для не совсем обычного гостя и ответил, что, по-моему, это милость Божья, которая может быть даже и непрошеной. Патер удивленно хмыкнул и пожелал мне такой милости.

Первая видеозапись «Разговора с мелком в руке» отца Мартина для ВМС США была сделана в 1972 году. В 1974–1977 годах президентом США был Джеральд Форд. В 1978 году его супруга Бетти по настоянию семьи согласилась пройти курс лечения от алкогольной и опиоидной зависимости.

Но подходящих для бывшей первой леди реабилитационных центров тогда не было. Лечилась она в госпитале ВМС США в Лонг-Бич (штат Калифорния). А в 1982 году с помощью близкого друга семьи, шинного магната Леонарда Файрстоуна, открыла в калифорнийском Ранчо-Мираж собственную именную клинику.

Та превратилась с тех пор в многопрофильный реабилитационный центр и действует до сих пор. Кстати, ее пример повлиял, надо полагать, и на создание в 1983 году мэрилендского «Эшли». Теперь подобных учреждений за океаном пруд пруди.

Без стигмы?

В свете подобной предыстории мне долгое время казалось, что социальная стигматизация алкоголизма и наркомании в США в основном изжита, что участвовать в 12-шаговых программах чуть ли не модно. Не случайно же о принадлежности к ним открыто заявляют знаменитости вроде рокеров Ринго Старра (Beatles) и Джо Уолша (Eagles), а заодно и их жены (они женаты на сестрах). Совокупный стаж трезвости двух звездных семейных пар более века.

Но звезды звездами, а у обычных людей, включая и политиков, афишировать принадлежность к АА все же не принято. Помню, при выписке из «Эшли» мне советовали помимо посещения групповых собраний первое время походить к психотерапевту. Но рекомендованный специалист отказался меня принять, ссылаясь на то, что к нему «ходят люди и из Белого дома». Распугивать ему клиентуру я не стал.

Известно, что в молодости большие проблемы с алкоголем были у 43-го президента США Джорджа Буша-младшего. Во время его первой президентской предвыборной кампании тема открыто обсуждалась в печати. А газете Washington Post он даже дал на эту тему развернутое интервью.

В публикации на его основе газета тогда, в частности писала:

«Буш с гордостью говорит, что никогда не участвовал в таких реабилитационных программах, как „Анонимные алкоголики“, но указывает, что руководствуется более широкой философией АА, основанной на вере в Бога… Буш, по его словам, не считает, что был „клиническим алкоголиком“».

Что ж, об этом каждый волен судить по своему разумению. Но могу сказать, что если он в самом деле «завязал» самостоятельно (кстати, как и я, на свое сорокалетие) и затем оставался трезвым без посторонней помощи, то это редчайшее исключение.

Это же как в известной шутке: «Бросить пить проще простого. Я сам сто раз бросал…»

Программа учит не «бросать», а жить трезвым и получать от этого удовольствие, даже несмотря на сохранение обычных житейских проблем и неурядиц. В группах не редкость люди, которые благодарят судьбу за то, что оказались алкоголиками и вынуждены были обрести этот навык вместе с другими.

Буш утверждает, что справился в одиночку? Ну, во-первых, не факт, что я в это верю. А во-вторых, чем гордиться-то? Скорее уж впору об этом пожалеть. Известно, что состояние так называемой сухой трезвости, когда человек не пьет, но реально и не выздоравливает, бывает пострашнее запоев.

А вот еще одна любопытная история. В августе 2019 года та же Washington Post напечатала статью о том, как действующий президент США Дональд Трамп в свое время «давил на своего брата-алкоголика по поводу его карьеры», а теперь «жалеет об этом» и сам остерегается употреблять спиртное.

Старший брат нынешнего хозяина Белого дома Фред Трамп умер от последствий алкоголизма на 43-м году жизни. В публикации приводились слова его близкого друга и адвоката Дэвида Миллера: «Множество раз я пытался уговорить его обратиться за помощью, попробовать завязать. Если бы я знал о существовании „Анонимных алкоголиков“, я бы его за шкирку туда притащил».

Выходит, Миллер был не в курсе дела. И просто наблюдал, как друг, на которого он к тому же еще и работал, спивается. Хотя, надо полагать, искренне ему сочувствовал и хотел помочь.

«Трезвость — это свобода»

Честно говоря, меня это поражает. Сообщество АА — не секта, его ресурсы общедоступны и, как мне всегда казалось, общеизвестны всем, кто интересуется этой проблемой. Уж во

всяком случае в США, где движение и зародилось.

Между тем Фред Трамп-младший (по американской традиции сын-первенец был назван в честь отца) умер в 1981 году. К тому времени сообщество существовало уже более 45 лет.

А в 2020 году дочь Фреда и племянница Дональда Мэри Трамп опубликовала сенсационную книжку про своего дядю: «Слишком много и никогда не достаточно: как моя семья создала самого опасного человека в мире». В заголовке я сразу опознал популярную в программе присказку: «Одной рюмки — много, а тысячи — недостаточно».

Удивляться не приходится: во-первых, автор — профессиональный психолог, обязанная достаточно ясно представлять себе и природу зависимости, и основные способы борьбы с нею. Во-вторых, у нее, судя по тексту, и собственных психологических проблем пруд пруди.

Моментом рождения АА считается встреча «отцов-основателей» — бизнесмена Билла Уилсона и врача Боба Смита — в 1935 году в захолустном Акроне (штат Огайо). Двое безнадежных алкоголиков излили тогда друг другу душу и испытали сильное облегчение. Так родился сначала метод, а потом и методическое пособие — Большая книга АА, первое издание которой вышло в 1939 году.

Теперь по всему миру, включая и Россию, существует великое множество самых разнообразных 12-шаговых программ — вплоть до неких «анонимных недозарабатывающих». С их помощью к освобождению от всевозможных зависимостей идут десятки, если не сотни миллионов человек.

Между прочим, отец Мартин на торжествах по случаю двадцатипятилетия «Эшли» говорил, что трезвость, выраженная одним словом, — это свобода.

А после его кончины один из множества известных пациентов центра — бывший руководитель аппарата сотрудников Белого дома в администрации Рейгана Майкл Дивер — вспоминал: «До того, как я приехал в „Эшли“, мне случалось общаться с президентами и королями, папами и премьер-министрами. Но отец Мартин был самым могущественным человеком из всех, кого я встречал. Он обладал способностью менять людей, делать их лучше, возвращать им утраченную цельность».

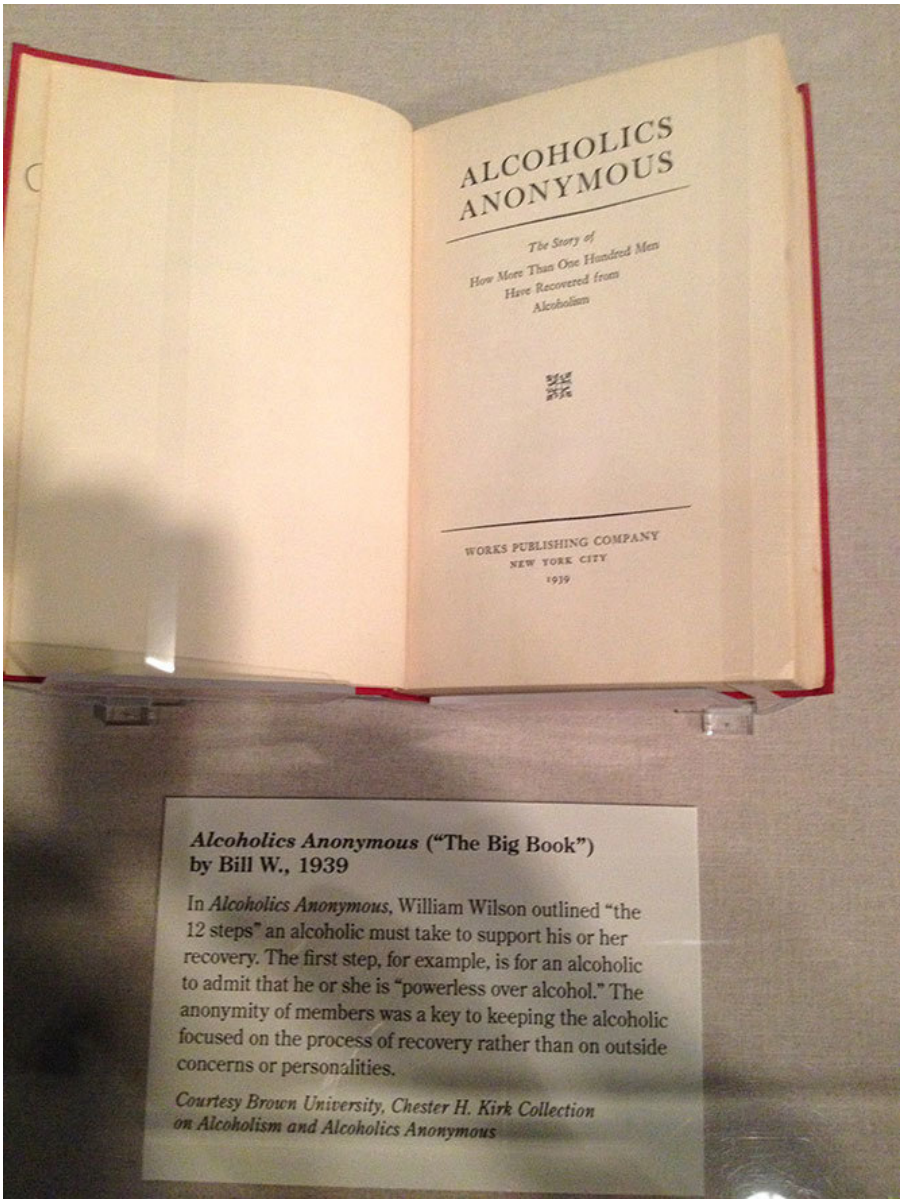
Боюсь, что нам в России до подобной открытости в обсуждении этих вопросов пока еще далеко. Директор Института наркологического здоровья нации Олег Зыков однажды сказал мне по этому поводу: «Если бы у нас президент Ельцин, будучи очевидным алкоголиком, в какой-то момент признал свой алкоголизм, конечно, это сыграло бы очень важную роль. Но пока

еще наше общество не готово к тому, чтобы публичный человек открыто признал свою зависимость…»

Если уж об этом говорить, я бы прежде всего напомнил, что программа АА могла помочь самому Борису Ельцину, как и тому же Фреду Трампу. Но, как бы то ни было, и Зыков, и многие другие специалисты считают, что нарушение анонимности известными и влиятельными людьми может вопреки традициям идти программе АА не во вред, а на пользу.

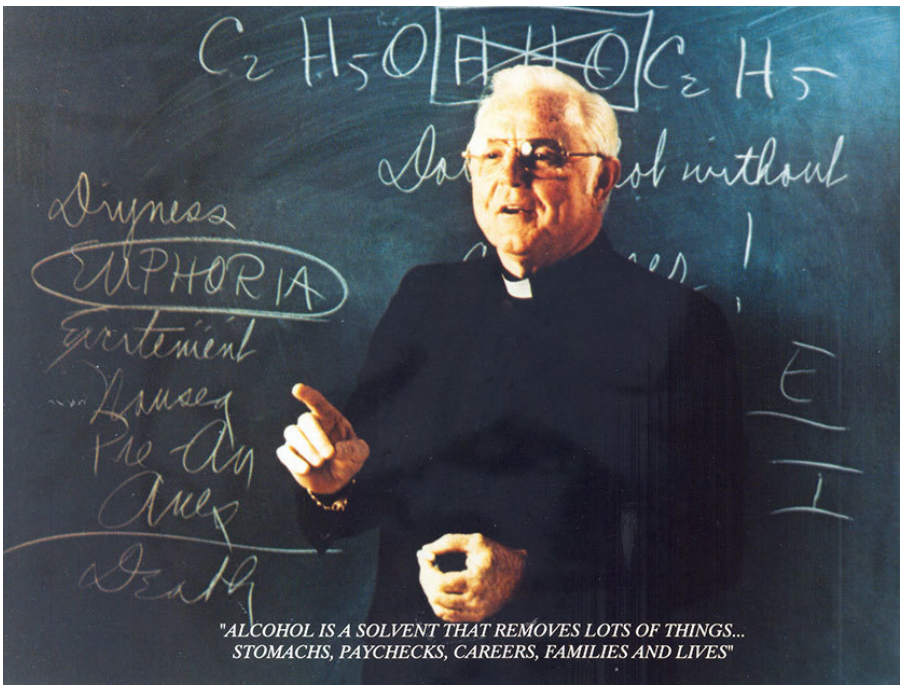
Ну, и я буду на это уповать, хоть я ни с кем и не равняюсь. Ведь те десятилетия трезвости, которые программа подарила мне лично, у меня в любом случае уже не отнять.

Фото к Главе 5:



5.1. Большая книга АА. Первое издание. Выставка Spirited Republic в Национальном архиве США, Вашингтон, 2015

5.2. Тостующий и тостуемый: Л. И. Брежнев и Дж. Форд. Там же



5.3. О. Джозеф Мартин, «Разговор с мелком в руке»

5.4. Бизнесмен и трезвый алкоголик Лу Бэнтл, сооснователь «Дома надежды на горе» под Санкт-Петербургом, США

Глава 6. Джордж W. Буш, 2001–2009. От Любляны до Цхинвала
The Decider Who Was Misunderestimated

Джордж Уокер Буш, или просто Джордж Дабл-ю, как его называют в отличие от покойного отца, тоже Джорджа Буша и тоже экс-президента США, был самым приятным и любезным хозяином Белого дома на моей памяти.

Американцы выбирают себе лидеров сердцем, а не рассудком. Во всяком случае, в этом уверены их политологи, утверждающие, что больше шансов на выборах в США имеет не вождь или пророк, вещающий с высокой трибуны, а простой человек, «с которым приятно выпить пивка». Такой, чтобы не сильно намозолил глаза даже за 8 лет, если постоянно пускать его к себе в гостиную (разумеется, на телеэкранах). Неназойливый.

Вот Буш-сын, по общему мнению, и был таким. И выгодно отличался этим даже от своего родителя — патриция по облику и манерам, в присутствии которого окружающим невольно хотелось выпрямить спину, поправить костюм и прическу. Я и сам это видел и читал подобные сравнения между 43-м и 41-м президентами США в американской прессе.

Хотя по части манер младший, пожалуй, и не уступал старшему. Еще в предвыборной гонке, на фоне клинтоновского «Моникагейта», одним из его лозунгов было «восстановление достоинства президентства» как такового. То есть ему было обидно за державу, честь которой Клинтон, на его взгляд, замарал.

Буш сразу завел в Белом доме строгий дресс-код, который, например, запрещал кому бы то ни было являться в Овальный кабинет президента без пиджака и галстука. Ему были свойственны и обычная человеческая учтивость, и редчайшая для высшего начальства форма вежливости — пунктуальность.

Как принимают гостей в Белом доме

Не забыть первый при Бушах Рождественский прием для прессы в Белом доме. Мы с женой впервые были приглашены туда по такому поводу, замешкались на входе из-за пристрастной проверки документов и в итоге оказались последними в очереди на фотографирование.

Надо сказать, что для гостей едва ли не главный смысл таких

приемов заключается в возможности получить на память совместное фото с президентом и первой леди США. Для этого каждому при входе вручается цветная бирка, обозначающая, когда можно будет занимать место в очереди. В остальное время приглашенные свободно разгуливают по открытой части резиденции (то есть по ее первому этажу), общаются друг с другом и сотрудниками аппарата Белого дома, угощаются яствами, приготовленными на президентской кухне, рассматривают украшения, включая расставленные повсюду елочки, фотографируют себя и других.

Для хозяев же, принимающих гостей в отгороженном ширмами зале на цокольном этаже, процедура официальной фотосъемки — форменная пытка. Каждый прием длится часа три-четыре, а в день их бывает и по два, и чуть ли не по три (только для прессы при нас устраивались два — отдельно для снимающей и для пишущей, а кроме того ведь есть еще и дипломаты, военные, дети, собственная администрация и невесть кто еще).

Конечно, для отдыха президентской четы делаются перерывы, но круговерть гостей все же адская. Мне, например, приходит на ум в качестве отдаленной аналогии разве что булгаковский «бал у сатаны».

В общем, когда мы, замыкая очередь, наконец добрались до хозяев, на Лоре Буш буквально лица не было. Точнее сказать, оно было бело как мел. Но вот у самого президента даже в этот момент искорки в глазах не погасли. Он нашел в себе силы сказать нам что-то приветливое и улыбнуться своей фирменной улыбкой — одновременно простецкой и хитроватой.

«Он у нас сирота»

Позже я к этой его манере привык, потому что президент, следуя заведенному им самим строгому распорядку, регулярно общался с прессой — и американской, и иностранной. Форматы бывали разные: от общих пресс-конференций до встреч в узком составе, посвященных конкретным событиям или темам. Например, такие групповые беседы проводились перед саммитами лидеров «Большой восьмерки» мировых держав.

А перед своей первой поездкой в Россию в 2002 году Джордж и Лора Буш дали развернутое интервью ТАСС и российскому телевидению для авторской программы Михаила Гусмана «Формула власти». Я готовил ту встречу и помню, как мы прощупывали возможность разговора еще и с отцом действующего президента, но одна из его помощниц нам по этому

поводу в шутку сказала: «Он у нас сирота!»

С самого детства Джордж Буш-младший шел по стопам отца — учился в том же университете, пилотировал боевые самолеты, занимался бизнесом, — но никак не мог достичь уровня отцовских успехов и проигрывал заочные сравнения. Его даже считали слегка недотепистым: этаким «троечником» из хорошей семьи, джентльменом из техасской глубинки.

Но он сначала стал губернатором родного штата, а затем опять же по стопам отца пришел и в Белый дом. Тут уж, как говорится, все ставки обнулились. Сын не только вышел из отцовской тени, но и превзошел родителя — хотя бы тем, что добился переизбрания и отработал на президентском посту два полных срока.

Да, он по-прежнему во многом опирался на отцовский опыт и на отцовскую команду, но теперь уже был сам себе хозяин и однажды даже публично назвал себя «человеком, который все решает» (the decider), чтобы подчеркнуть, что в его администрации последнее слово всегда оставалось за ним.

Слово это по-русски не имеет прямого аналога («решала» — из другой оперы), да и по-английски звучит довольно неуклюже. Вообще 43-й президент США иногда коверкал свои слова; живой язык при нем обогатился целым рядом «бушизмов» — хоть, на мой вкус, и не таких ярких, как наши «черномырдинки», но тоже по-своему вполне симпатичных. Однажды он, например, сказал, что его «недопооценивают» (misunderestimate).

Это неологизм, образованный, судя по всему, слиянием слов misunderstand (неправильно понимать, недопонимать) и underestimate (недооценивать). Культуролог и романист Кристофер Хитченс позже писал, что термин очень экспрессивный и удачный, что языку пригодится слово, означающее «недооценивать по ошибке».

«Хватит с нас Бушей!»

Между прочим, Буш-старший прекрасно понимал положение сына и наследника и постоянно ему подыгрывал. Теперь уже он сам старательно держался в тени, и мы так и не добились отдельной встречи с ним и его супругой Барбарой.

Вот она-то, кстати, по всем отзывам, пользовалась очень большим влиянием и на мужа, и на детей. Первенец был с ней настолько близок, что за глаза его иной раз и в президентские годы называли «маменькиным сынком».

Именно она окоротила среднего сына — Джеба, экс-

губернатора Флориды, когда тот попытался вслед за старшим братом бороться за Белый дом. «Что, в нашей великой стране других фамилий нет, что ли?» — публично спросила она тогда и отрезала: «Хватит с нас Бушей!» На мой взгляд, если уж говорить о «бушизмах», то этот по смыслу вне конкуренции.

А вот в распространенные домыслы о том, будто в Вашингтоне на самом деле правят некие закулисные кукловоды, я не верю. При младшем Буше эта роль чаще всего приписывалась вице-президенту Ричарду Чейни. Но я никогда не видел и не слышал, в том числе от осведомленных более моего американских коллег, будто тот реально «рулил» в Белом доме.

Как журналист, я убежден, что рано или поздно все тайное становится явным, если о нем знают хотя бы два-три человека. Все президенты США боролись с утечками информации, в том числе из своего ближайшего окружения, но еще ни один в этом не преуспел. Поэтому конспирологические теории, на мой взгляд, несостоятельны.

Живучая «утка»

Публично ближайшим советником Буша — «лицом за плечом», как я это называю, — по всем внешнеполитическим вопросам служила его помощник по национальной безопасности, а затем госсекретарь Кондолиза Райс. Она, кстати, тоже была еще «папиной» назначенкой: легендарный вашингтонский аппаратчик генерал Брент Скоукрофт, возглавивший в 1989 году аппарат СНБ США, пригласил ее туда на должность эксперта по советским делам, а Бушу-старшему она приглянулась.

Вспоминают, что советские чиновники не сразу привыкли видеть рядом с президентом в качестве советчицы по нашим делам молоденькую афроамериканку. Говорят и пишут также, что она совершенно свободно владеет русским языком. Но сам я не имел случая в этом убедиться, хотя много раз с ней общался.

Заочно мы с ней познакомились еще во время предвыборной кампании 1999 года. Доктор Райс, как ее официально именовали в знак почтения к ее академическим заслугам (неофициально она всегда была просто Конди), не поленилась тогда мне рассказать, что в американо-российских отношениях пора менять курс. А первую личную встречу с ней в Белом доме мне уже после выборов устроил Майкл Антон, откомандированный в аппарат СНБ, как он сам рассказывал, от ЦРУ США.

Позже, уже при Трампе, он занял в СНБ одну из командных позиций, и мы возобновили знакомство. Только так — «с

терпеньем и не вдруг» — и «гнутся дуги» при налаживании рабочих журналистских контактов в Вашингтоне.

Впрочем, при Буше в таких контактах недостатка не было — во многом благодаря тому, что вышколенный аппарат знал и четко исполнял свои функции. Это обеспечивало довольно регулярный доступ к ключевым ньюсмейкерам, включая предшественника Райс на посту госсекретаря США отставного генерала Колина Пауэлла, а порой и самого президента.

Именно тогда в ТАСС с подачи моего начальства и без всякого моего участия родился миф о том, будто Буш не начинал пресс-конференций, не убедившись в моем присутствии. «Утка» эта жила потом долгие годы, как я ни пытался ее удавить.

Хотя по сути это была чистая выдумка: реально у меня никогда не было даже своего постоянного места в «пресс-сарае» Белого дома, как я называл для себя пристройку для брифингов. Собственно, я не очень-то и рвался его получить, поскольку считал профессионально более перспективным постоять часок на ногах у стенки поближе к подиуму, чем сидеть и тянуть вверх руку где-нибудь в самом заднем ряду.

На самом деле, не считая встреч в узком составе за круглым столом (однажды этот стол был чайным: нас пригласили в жилые апартаменты на втором этаже Белого дома), Буш только раз сам предложил мне задать ему вопрос. Было это в 2004 году на пресс-конференции по итогам саммита лидеров «Большой восьмерки» на острове Си-Айленд (штат Джорджия).

Разумеется, в этом контексте смысл вопроса мог быть только один — об итогах личных бесед американского президента с российским коллегой Владимиром Путиным на форуме. Но мне приятно вспоминать, что сформулировать вопрос удалось достаточно корректно, чтобы он казался не чисто протокольным, но и новостным.

Кстати, ради участия во встрече «восьмерки» Буш тогда пропустил официальную церемонию прощания с усопшим республиканским кумиром Рональдом Рейганом, проходившую под сводами Капитолия в Вашингтоне. А мне пришлось в командировке встретить свой 45-й день рождения.

Возможно, поэтому мне тогда и «подарили» вопрос президенту. Такого рода маленькие знаки внимания при нем были возможны, а с его пресс-секретарем мы, естественно, были знакомы. Но заранее меня никто не предупреждал и темой вопроса не интересовался. Хотя Буш и сам ее с ходу угадал.

Как угодить президенту

Чтобы закруглить этот сюжет, расскажу еще об одном эпизоде, ставшем для меня и личным, и профессиональным уроком. Обычно на встречах Буша с иностранной прессой Россию представлял я один, но однажды пригласили и корреспондента из другого издания. Друг-соперник оказался предусмотрительным и по завершении разговора достал книжку Буша, чтобы попросить автограф.

Нужно было видеть, как сразу изменился весь облик президента США. До тех пор он играл роль радушного и снисходительного хозяина, который понимает, что гости слегка робеют, и старается их ободрить. Но при этом отчасти над ними и подтрунивает — как человек, стоящий неизмеримо выше их по общественному положению и понимающий, насколько важна для них эта встреча. У Буша вообще было хорошее чувство юмора, унаследованное, говорят, от матери.

Но тут перед ним был человек, купивший его книжку, то есть положивший пусть и копеечную, но реальную прибыль в его карман. И вот уже не гость ему, а он гостю демонстрировал свою признательность. Учтиво поблагодарил за интерес к книге, переспросил, на чье имя писать посвящение, и старательно вывел несколько добрых слов.

Ну и еще одно пояснение заодно. В собственной своей книжке я пишу о себе, вольно или невольно выпячивая тем самым свою роль. Но я прекрасно понимаю, что без проектов М. С. Гусмана, прежде всего той же «Формулы власти», в моем послужном списке не было бы целой серии важнейших встреч — и с президентами США, и с другими ключевыми ньюсмейкерами, включая председателя Верховного суда, руководителями многих министерств и ведомств, высших военачальников.

Эпизоды при этом случались уникальные. Однажды в Пентагоне Гусман буквально «продавил» заход в служебный кабинет председателя Комитета начальников штабов ВС США, куда до него наверняка не ступала нога советских и российских журналистов. Тогда даже я сам наступил на горло профессиональному любопытству и не пошел со всеми, а предпочел от греха подальше подождать в коридоре. Рассудил, что бригада-то уедет, а мне в Вашингтоне еще работать…

Так вот двери перед нами открывались потому, что собеседников устраивал предложенный формат доступа к русскоязычной аудитории. И, как я уже отмечал, уважительное внимание они проявляли прежде всего к России, а уже затем — к представителям конкретного СМИ.

С бандитами накоротке

Несмотря на весь показной политес, для российско-американских отношений период правления Буша-младшего был далеко не безоблачным. Поначалу приход новой вашингтонской администрации вообще казался мне скорее шагом назад — нарушением той преемственности в отношениях, которую олицетворял прежний вице-президент США и сопредседатель двусторонней межправительственной комиссии Гор. Я был знаком с его помощником по национальной безопасности Леоном Фертом и некоторыми другими людьми и до сих пор иной раз пытаюсь себе представить, что было бы, если бы они тогда остались у власти.

А с командой Буша разговор начался со скандала. В самом начале 2001 года власти США объявили об аресте высокопоставленного сотрудника ФБР Роберта Ханссена, который, по их словам, больше 20 лет работал на советскую и российскую разведку и причинил американским спецслужбам колоссальный ущерб. В знак протеста те выслали из Вашингтона большую группу российских дипломатов, на что, естественно, получили зеркальный ответ.

У России хватало собственных встречных претензий к американцам. Например, те охотно привечали главарей чеченских сепаратистов и призывали Москву к «политическому диалогу» с ними. Сегодня россиянам, в чью память навсегда врезались такие топонимы, как Буденновск, Беслан, Дубровка, не надо объяснять, насколько болезненной и острой была эта тема.

Я, кстати, как раз при Буше, в 2003 году, беседовал с Норой Волкоу — правнучкой Льва Троцкого, приглашенной в США из Мексики, чтобы возглавить Национальный институт проблем наркомании. Говорили мы в основном о природе химических зависимостей, но попутно собеседница выразила мнение, что и в терроризме присутствует элемент патологии, поскольку в крайних своих проявлениях фанатичная приверженность идеологическим или религиозным догмам может доводить до самоуничтожения.

В США заигрывание с бандитами тянулось с клинтоновских времен. Помню, например, визиты в Вашингтон Аслана Масхадова, картинно вылезавшего из лимузина в папахе, которую, он, похоже, не снимал и в машине.

На одной из встреч с журналистами он мне публично подтвердил, что считает не террористами, а «героями» участников рейда боевиков в 1995 году в Буденновск, в ходе которого была захвачена больница и погибло около 130 мирных жителей. Это не мешало американцам с ним общаться и даже предоставить убежище его эмиссару Ильясу Ахмадову.

Правда, когда организатор бандитского налета на Буденновск Шамиль Басаев был в 2006 году наконец ликвидирован, пресс-секретарь Белого дома Тони Сноу официально заявил мне, что без этого человека всему миру стало лучше. Никто не оплакивал в Вашингтоне и Масхадова, когда его также настигло возмездие. Но при всем том Ахмадову продолжали предоставлять трибуну и годы спустя.

Делалось это, разумеется, исключительно в пику России. Когда в 2011 году, уже при Бараке Обаме, наш МИД в очередной раз выразил протест против выступления Ахмадова в Вашингтоне, президент Джеймстаунского фонда Глен Говард с нескрываемым злорадством сказал мне: «Чем больше вы кричите, прыгаете и размахиваете руками по этому поводу, тем больше привлекаете внимание к таким событиям».

Действительно, сами по себе подобные пропагандистские посиделки и тогда уже ни у кого не вызывали интереса, но вот протесты вполне годились тому же фонду для отчетности перед Конгрессом, финансирующим агитпроп США. Исходно Jamestown Foundation опекал советских перебежчиков, но те перевелись, и он переключился на другие проекты, включая чеченский.

Поэтому с Говардом трудно было не согласиться. Другое дело, что в спорах на подобные темы я старался тоже не оставаться в долгу. Однажды, например, как раз при Буше, от души поблагодарил одного из начальников в Пентагоне за войну США в Ираке.

Тот взглянул на меня удивленно, и я объяснил, что чем больше своей и чужой крови американцы льют в этой стране, тем меньше приходится проливать ее россиянам у себя дома. У собеседника заиграли желваки на скулах, но он смолчал.

В моих словах была «подначка», но, по сути, я сказал то, что думал и думаю. В той же Чечне ситуация стала нормализоваться именно после того, как американцы вторглись в Ирак и отвлекли на себя ресурсы джихадистов. И там, и в Афганистане Вашингтон фактически платил за всех, кому грозит исламистская террористическая опасность, — и не только кровью, но и деньгами, и международным авторитетом.

Возможно, отчасти и поэтому настоящего скандала вокруг иракской авантюры США никто не раздувал, хотя сама по себе эта авантюра была серьезным раздражителем в отношениях Вашингтона с Москвой и со многими другими столицами. Диалог, в том числе и на высшем уровне, в те годы на подобных основаниях не прерывался.

Показательная хронология

Это наглядно видно из небольшой хронологической памятки, которую я для себя составил, готовясь к одному из выступлений. Опирался на информацию из самого надежного известного мне источника — справочной службы ТАСС.

По этим данным в 2001–2008 годах состоялось в общей сложности более 30 российско-американских встреч на высшем уровне — как отдельных, так и на полях международных форумов. Всем памятен первый саммит в Любляне, на котором Буш, по его словам, заглянул в глаза Путину, счел его очень прямым и заслуживающим доверия партнером и даже смог почувствовать его душу — как человека, глубоко приверженного родной стране и ее интересам.

Дома 43-го президента США за этот отзыв сразу принялись беспощадно шпынять. Поскольку демонизация Путина с тех пор не прекращается и даже усиливается, время от времени аукаются Бушу эти слова и до сих пор. Но он от них никогда не отказывался: во всяком случае, я такого не видел.

В Словении он пригласил нового российского друга на свое техасское ранчо в Кроуфорде, и в ноябре того же 2001 года — вскоре после чудовищных терактов 11 сентября в Нью-Йорке и Вашингтоне — этот визит состоялся.

А в декабре того же года США вышли из Договора по ПРО, считавшегося краеугольным камнем всей системы международной безопасности. Кстати, мы в ТАСС через приезжих российских законодателей узнали тогда о точной дате этого события чуть заранее и, как жаловался госсекретарь Пауэлл, «украли гром» его объявления на эту тему.

Россия была категорически против данного шага США, но юридически те имели на него право, и становиться в «позу обиженной» наша сторона не стала. Просто сразу честно предупредила, что будет принимать ответные меры. А Буш в мае следующего года впервые приехал с визитом в Москву и Санкт-Петербург и нашел там самый радушный прием.

В марте 2003 года США с группой своих союзников развязали войну в Ираке и вскоре добились смены режима Саддама Хусейна. Формальный casus belli был откровенно надуманным; все в мире считали, что Буш просто хочет еще раз «отомстить за отца», которого попрекали нерешительностью в первом иракском конфликте.

Опять-таки Россия, как и многие другие страны, в том числе и союзные США, была категорически против войны. Но в июне вновь гостеприимно приняла американского лидера на торжествах по случаю 300-летия Санкт-Петербурга. А два года спустя Буш приезжал в Москву и на 60-летие Победы стран

антигитлеровской коалиции во Второй мировой.

Были и встречные примеры. В феврале 2007 года Путин задал шороху западным партнерам своей речью на международной конференции в Мюнхене. Но в июне он первым из иностранных лидеров гостил по приглашению сразу двух президентов США в родовом поместье Бушей в Кеннебанкпорте (штат Мэн). Поймал там рыбу и к удовольствию хозяев, оставшихся без улова, объявил этот успех плодом командных усилий.

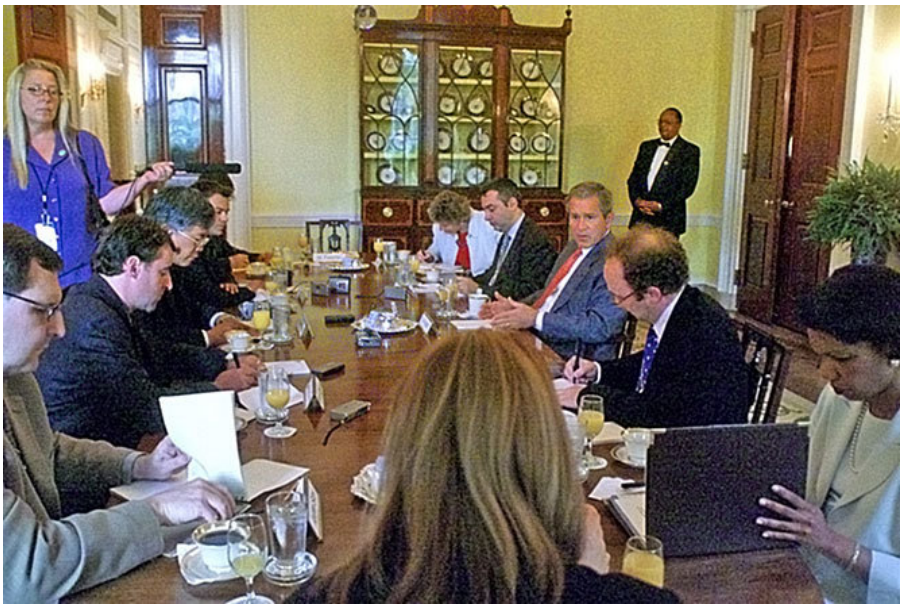
В августе 2008 года произошел вооруженный конфликт в Южной Осетии, спровоцированный массированным обстрелом Цхинвала и гибелью российских миротворцев. В Вашингтоне вину за возникновение этого кризиса возложили на Москву, произошел приступ острой антироссийской истерии. Помню, я вынужден был даже публично возражать Кондолизе Райс, хотя и не мое дело спорить с госсекретарем США. Но в ноябре в Вашингтоне состоялся первый саммит лидеров «Большой двадцатки» мировых держав, и от России в нем участвовал президент Дмитрий Медведев.

Так что худо-бедно, а общение всегда продолжалось. Обе стороны сознавали его необходимость на разных направлениях, но прежде всего — в сфере безопасности. Почаще вспоминать об этом не худо было бы и теперь.

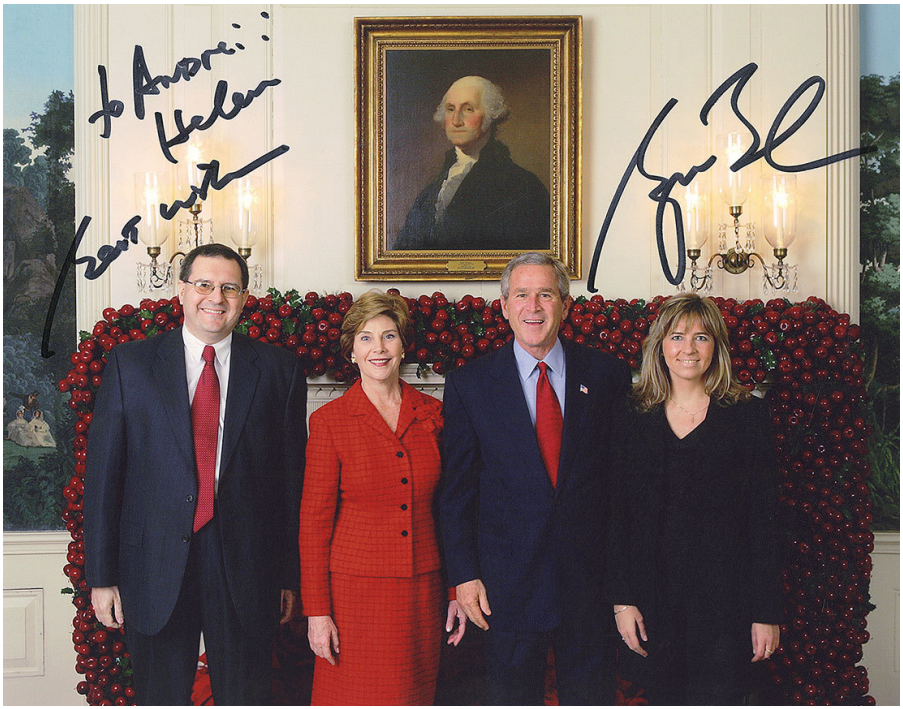
А при Буше-младшем настрой на конструктивное взаимодействие наиболее наглядно проявился в самом начале его правления. Америка содрогнулась тогда от чудовищных терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне, а Россия первой протянула ей руку помощи.

Фото к Главе 6:

6.1. На одной из встреч Дж. Буша с иностранными журналистами



6.2. На одной из встреч Дж. Буша с иностранными журналистами



6.3. Парадное фото с Рождественского приема в Белом доме с Джорджем и Лорой Буш. Автор с супругой, Еленой Шитовой. 2004

Глава 7. Второй водораздел. 09/11: черный день американского календаря

Утром 11 сентября 2001 года мы с женой и четырехмесячным сыном были на приеме у педиатра.

Без страховки и сами роды, и медицинское обслуживание до и после них в США непомерно дороги. Но мы нашли какую-то невероятную для Америки (во всяком случае, так ее нам описывала одна из медсестер) и посильную для себя церковную программу для малоимущих.

По ней же и возили ребенка на осмотры в некий коммунальный медицинский центр у самой границы респектабельной части города (Вашингтон, похожий в картографической проекции на бубновый туз, делится по осям на четыре части, из которых лишь одна — северо-западная — считается состоятельной и престижной). Мобильник я там то ли выключил, то ли он просто не работал, поскольку врачебные кабинеты располагались в полуподвале.

Уже на выходе в лифте какой-то чернокожий парень возбужденно кричал в телефонную трубку: «Слышал, самолет в башню врезался?» Но я пропустил это мимо ушей: самолетов, в том числе маленьких и частных, в Америке пруд пруди, и ЧП с ними случаются не так уж редко.

А тут как раз и у меня самого зазвонил телефон. Мой друг и коллега Иван Лебедев, дежуривший по отделению ТАСС, человек спокойный и немногословный, спросил, где я нахожусь и могу ли говорить. Я ответил, что собираюсь отвезти семью домой после медосмотра и сразу приеду в офис. Он сказал: «Окей» — и отключился.

В машине у меня всегда работало новостное радио, поэтому еще через пять минут уже я сам кричал ему в трубку: «Что же ты мне ничего не сказал?!» Вопрос был риторический. Бросить жену с ребенком я все равно не мог, так что план действий оставался прежним.

Путь домой для нас лежал по 395-му осевому шоссе на юг, мимо Пентагона, который уже горел как раз со стороны автодороги. На придорожном откосе пристроились телекамеры и снимали здание, которое чадило, как керосинка. Останавливаться смысла не было, я проехал мимо.

Дом, где мы тогда жили, стоял немного дальше у той же дороги, но возвращаться по ней обратно я уже не мог: все десять ее полос (по четыре в каждую сторону плюс две выделенные

центральные экспресс-полосы для пассажирского транспорта) работали только на выезд из города. Поэтому, чтобы попасть в центр, мне пришлось дать кругаля по окружной и потом добираться до нашего офиса в Национальном доме печати с северной стороны.

Помню, как по радио постоянно напоминали о необходимости соблюдать правила и пропускать спецтранспорт. И почему-то — видимо, от шока и растерянности — все причитали: «Ну надо же! Ведь день-то какой погожий!» Словно это имело значение.

День, кстати, впечатан с тех пор в коллективную память американцев, как черная дата, не требующая пояснений — 9/11. В американской традиции число ставится позади, а не впереди месяца.

Оказавшись наконец на рабочем месте, я передал в Москву небольшой репортаж. Теперь перечитал и понял, что и задним числом все равно лучше не расскажу ни о том, что происходило в городе, ни о том, чем мы занимались. Вот он (время в исходных данных московское):

Источник: ИТАР-ТАСС НОВОСТИ
Дата выпуска: 11.09.2001 22:47
Заголовок: В Вашингтоне царит напряженное спокойствие

ВАШИНГТОН, 11 сентября. /Корр. ИТАР-ТАСС Андрей Шитов/. В центре американской столицы воцарилось напряженное спокойствие. Город, потрясенный взрывом в Пентагоне и сообщениями о чудовищных терактах в других местах страны, замер и обезлюдел. Корр. ИТАР-ТАСС только что убедился в этом, совершив вынужденную поездку по Вашингтону по пути к месту работы…

Уже сейчас ясно, что сегодня Америку постигла национальная трагедия, сравнимая по своим масштабам с Перл-Харбором. Тем не менее паники в Вашингтоне не было и нет. Белый дом и Конгресс США оцеплены полицией в радиусе примерно одного квартала. Под усиленную охрану взяты также национальные святыни, наподобие монумента Джорджа Вашингтона в центре города.

По сообщениям местного радио, в воздух над Вашингтоном и Нью-Йорком подняты боевые самолеты, имеющие приказ сбивать любые приближающиеся самолеты, кажущиеся подозрительными. Как известно, для почти одновременных ударов по ряду объектов были использованы угнанные террористами пассажирские авиалайнеры с людьми.

Местные СМИ утверждают, что из-за удара по Пентагону

центр координации действий силовых ведомств в сложившейся ситуации перемещен в ФБР. Однако в пресс-службе этого ведомства корр. ИТАР-ТАСС не подтвердили эту информацию, равно как и сведения о будто бы готовящейся там пресс-конференции. Там сообщили лишь, что ко всем местам происшествий направлены оперативные бригады сотрудников ФБР и что «сейчас главное внимание уделяется спасению пострадавших».

Губернатор штата Вирджиния, прилегающего к столичному федеральному округу Колумбия, объявил о приведении в повышенную боеготовность подразделений национальной гвардии штата. Переведена на усиленный режим работы столичная полиция. Ранее в самый высокий уровень боеготовности были приведены по решению федеральных властей вооруженные силы США.

Судя по личным впечатлениям корр. ИТАР-ТАСС, эвакуация десятков тысяч людей из центра Вашингтона в основном завершена. Правда, на дорогах из города по-прежнему стоят пробки, но движение на въезд работает нормально. Открыты почти все мосты через реки Потомак и Анакостия. Водители ведут себя корректно и, повинуясь повторяемым по радио призывам, оставляют открытыми крайние полосы на дорогах для движения специального транспорта. В системе метрополитена закрыты лишь некоторые станции — прежде всего в Пентагоне и рядом с ним.

В Вашингтоне некоторые университеты приняли решение об отмене занятий. Но вот трогательная деталь: местные школы и детские сады сразу объявили, что учителя и воспитатели не покинут рабочих мест, пока не убедятся, что всех детей благополучно забрали родители. Кстати, очень большой детский сад находится и непосредственно в Пентагоне. Но он располагается далеко от места взрыва и, по свидетельству очевидцев, там никто из детей не пострадал.

Как тассовец спасал американцев и как те спасли его самого

Позже стало известно, что непосредственно в результате терактов 11 сентября в США погибли почти 3 тысячи человек, включая детей. Свыше 6 тысяч получили ранения и травмы. Общий материальный ущерб составил по меньшей мере 10 млрд долларов. При японской атаке на Перл-Харбор в 1941 году, приведшей к вступлению американцев во Вторую мировую войну, людские и материальные потери США были меньше.

В Нью-Йорке террористы атаковали двумя угнанными авиалайнерами башни-«близнецы» Всемирного торгового центра. Крупнейший в мегаполисе комплекс небоскребов был разрушен этими ударами, большинство людей погибло и пострадало именно там. Позже это место стало известно в Америке и во всем мире, как Ground Zero — «нулевая точка», «эпицентр».

Там же, прямо у подножия горевших башен, находился в тот день один из моих нью-йоркских друзей и коллег тассовец Юрий Кирильченко. Сразу после первого взрыва он кинулся к своей машине и успел проехать к ВТЦ до того, как вокруг было выставлено полицейское оцепление. Первый небоскреб сложился как карточный домик и превратился в громадную груду камня, стекла и металла буквально у него на глазах.

Наш корреспондент передавал из эпицентра событий сообщения о том, как пылали и рушились здания, как гибли люди, как пожарные, медицинские и другие службы экстренного реагирования отчаянно сражались за их спасение. Большой и сильный человек двухметрового роста, он и сам не оставался в стороне. Помогал дезориентированным, впавшим в панику людям покидать опасную зону, кого-то выносил буквально на своих плечах.

И в прямом смысле слова надорвал себе сердце. К вечеру, в очередном разговоре с заведующим отделением Алексеем Бережковым пожаловался на плохое самочувствие. Алексей вместе с женой Юрия Оксаной кинулись спасать уже его самого.

Прорвались сквозь полицейское оцепление (трудно даже себе представить, чего им это тогда стоило) и успели. Нашли Юру, который и в полубессознательном состоянии не выпускал из рук телефонную трубку, вызвали скорую.

Врачи сказали, что необходима немедленная операция. Трое американских хирургов в течение семи часов не отходили от операционного стола, работали на открытом сердце и спасли нашего товарища. Теперь он живет и трудится в Москве.

«Вызов всему человечеству»

Президент Буш в день терактов находился в поездке по стране. Как стало позже известно, он не сразу понял, что произошло. А когда понял, не вернулся немедленно в столицу, а принялся петлять по авиабазам. Оттуда же и проводил в режиме телеконференции совещания со своими силовиками и лидерами Конгресса США, созванивался с зарубежными коллегами, включая президента России.

Помощникам Буша пришлось оправдываться за его задержку с возвращением в Вашингтон. Пресс-секретарь Ари Флайшер ссылался на «конкретную и достоверную информацию» о том, что Белый дом и президентский авиалайнер ВВС-1 также должны были подвергнуться нападениям.

Он не уточнял, какая опасность могла грозить «крылатому штабу» президента в далеких Флориде или Луизиане, — тем более после того, как все самолеты в небе Америки по приказу властей совершили экстренную посадку. Кстати, полный запрет на полеты гражданской авиации в воздушном пространстве США сохранялся тогда не один день.

Флайшер утверждал, что Буш сразу взялся за формирование «международной коалиции по борьбе с терроризмом», для чего позвонил руководителям России, Китая, Англии, Германии, Франции и Канады. При этом с Путиным они беседовали в течение дня даже дважды и договорились, по словам пресс-секретаря Белого дома, о «тесном сотрудничестве».

Позже Буш сам публично рассказывал, что после терактов первый телефонный звонок ему от иностранного лидера поступил от президента Путина. Напомнив, что в прошлом повышение уровня боевой готовности вооруженных сил США автоматически влекло за собой такое же встречное решение со стороны России, он сказал, что в данном случае «смысл звонка сводился к тому, что, мол, не беспокойтесь: мы знаем, с чем вы столкнулись, мы на вашей стороне и не станем поднимать по тревоге свои войска».

Кстати, наверное, не все помнят, что помимо двух телефонных разговоров Путин тогда направил Бушу телеграмму соболезнования, выступил с телеобращением по поводу терактов в США и объявил в знак траура минуту молчания.

«Сегодняшнее событие в США выходит за рамки национальных границ, — сказал в телеобращении российский лидер. — Это наглый вызов всему человечеству, по крайней мере всему цивилизованному человечеству, и то, что произошло сегодня, лишний раз подчеркивает актуальность предложения России объединить усилия международного сообщества в борьбе с террором, с этой чумой XXI века».

А позже выяснилось и другое. Оказывается, Путин еще на саммите в Любляне — за три месяца до 9/11 — предупреждал США об опасности, исходившей от боевиков международной террористической группировки «Аль-Каида».

Вот что писала об этом в своих мемуарах, вышедших десять лет спустя, Кондолиза Райс: «Путин неожиданно поднял проблему Пакистана. Он устроил разнос режиму Первеза Мушаррафа за поддержку экстремистов и за связи пакистанской

армии и разведслужб с талибами и „Аль-Каидой“. Все эти террористы финансируются Саудовской Аравией, сказал он, и вопрос времени, как скоро это доведет до какой-нибудь большой беды»…

«Меня поразили встревоженность и горячность Путина, я их списала на горький осадок, оставшийся у россиян от поддержки Пакистаном афганских моджахедов, нанесших поражение Советскому Союзу в 1980-х годах, — продолжала американка. — Но Путин был прав: „Талибан“ и „Аль-Каида“ были бомбами с часовым механизмом, взорвавшимися 11 сентября 2001 года. Связи Пакистана с экстремистами стали для нас одной из самых серьезных проблем».

Проведенные США расследования подтвердили, что трагедия 9/11 была делом рук боевиков «Аль-Каиды». Почти все угонщики самолетов в тот день были саудовцами. Главаря группировки Усаму бен Ладена американский спецназ годы спустя уничтожил в пакистанском Абботабаде.

Россия свои обещания, данные американским партнерам, выполнила. Достаточно сказать, что войска США и НАТО, введенные в Афганистан сразу после 9/11, почти полтора десятилетия снабжались в основном по «северному маршруту», созданному и поддерживавшемуся при содействии Москвы. Остановлен транзит был лишь после того, как наши западные «партнеры» сами принялись сворачивать все и всяческие проекты взаимодействия на фоне антироссийской истерии последних лет.

А тогда, в 2001 году, Буш говорил о наступлении «новой эры» в американо-российских отношениях. Хвастался землякам-школьникам в техасском Кроуфорде, что специально пригласил туда — на свою американскую малую родину — своего друга и партнера Владимира Путина, и не жалел в его адрес добрых слов.

Говорил о США и России: «Мы долгое время были врагами. Когда я учился в школе, Россия была нам врагом. Теперь же старшеклассники могут узнавать Россию как друга, [видеть], что мы вместе работаем над разрушением старых [представлений], чтобы утвердить новый дух сотрудничества и доверия, чтобы можно было вместе делать наш мир более мирным».

Две башни

Да, надежды такие были. Но сбудутся ли они когда-нибудь, неясно. Сейчас мы от этого, пожалуй, отстоим дальше, чем были на стыке веков.

Россия могла и всегда хотела стать Западу надежным

партнером. Но при этом с самого начала предупреждала, что готова к сотрудничеству только на условиях равноправия, взаимной выгоды и общей неделимой безопасности. А когда убедилась, что на этих условиях ее знать не хотят, набиваться в друзья перестала. Насильно мил не будешь.

Само по себе крушение нью-йоркских башен-близнецов было и остается скорее символом разрушения прежнего мира, чем создания нового. Со временем оно стало у меня прочно ассоциироваться с крахом двухполярной модели мироустройства, основанной на противостоянии между Востоком и Западом.

При этом для меня в этой модели всегда принципиально важна была ее цельность, неразрывная, хотя и не всегда очевидная для сторонних наблюдателей взаимосвязанность полюсов.

Вспомните: «восточную» геополитическую башню расшатывали сознательно и целенаправленно, извне и изнутри. Ликовали, когда она наконец рухнула. Считали, что «западная» будет впредь стоять незыблемо, даже придумали глупую теорию «конца истории» и воцарения на веки вечные глобально-либерального Pax Americana.

Но прошло всего-то десять лет — срок по историческим меркам ничтожный, — и вторая башня тоже начала осыпаться. Даже чисто физическая, военная ее неуязвимость, как показали события 9/11, оказалась мифом. А трещины тут же зазмеились и в социально-экономическом, и в политическом ее фундаменте.

Я убежден, что это не случайное историческое совпадение. Многих об этом спрашивал — от главного на тот момент американского государственного банкира Бена Бернанке до нашего ведущего американиста академика Сергея Рогова, видного предпринимателя, хорошо знающего США, Виктора Вексельберга и даже экс-президента СССР Михаила Горбачева.

Бернанке просто ушел от разговора, сказав, что это слишком сложная тема, а россияне в один голос отвергли гипотезу — если не считать того, что, как сказали Рогов и Вексельберг, в мире вообще все взаимосвязано.

Зато Горбачев привел любопытный пример того, как расшатывали советскую «башню». На втором году перестройки нефть подешевела до 10–12 долларов за баррель, напомнил он. Позже выяснилось, что США тайно договорились с Саудовской Аравией опустить цену. Задним числом это признал бывший помощник Рейгана по нацбезопасности Роберт Макфарлейн.

«Дом, разделившийся сам в себе, не устоит»

Теперь уже Америка даже внешне ветшает и, например, состоянием своей инфраструктуры все больше напоминает Советский Союз времен застоя. На это жалуются за океаном многие, начиная с президента Трампа. Собственно говоря, его ведь для того и избрали, чтобы он попытался «сделать Америку снова великой», вернуть прежний блеск и привлекательность быстро тускнеющей «американской мечте».

«Дом, разделившийся сам в себе, не устоит», — учит нас Священное Писание. Мы это знаем по своей бывшей сверхдержаве, но сейчас я не про Советский Союз — я про Америку и американцев.

Если кто и расшатал за последнюю четверть века их «башню», то только сами американские власти, своими руками. Хотя им, разумеется, не хочется в это верить, и они маниакально ищут кругом следы чужого «зловредного вмешательства».

Подвела их, на мой взгляд, банальнейшая, но и опаснейшая из греховных страстей — гордыня. А впали они в нее из-за того, что после распада СССР возомнили свою страну «пупом земли», «маяком» для всего человечества в «однополярном» мире.

Прежде наличие реальной альтернативы, чужой «башни», их все-таки дисциплинировало — и у себя дома, и за пределами собственных границ. Требовало от творцов вашингтонской политики хотя бы по минимуму учитывать интересы и собственного народа, и своих «друзей и союзников». Потом этого тормоза не стало, и они пустились во все тяжкие.

Вовне США с тех пор почти непрерывно воюют, зачастую под демократизаторскими лозунгами. Поддерживают повсюду — от Латинской Америки до арабского мира и постсоветского пространства — всевозможные «цветные революции» и смену режимов. По существу, пытаются насильно загонять людей в свой воображаемый демократический рай.

Не замечают или не хотят замечать, что тем самым только разжигают антиамериканские настроения, портят отношения даже с традиционными партнерами, подстегивают процессы международной миграции и по сути льют воду на мельницу собственных врагов, создавая питательную среду для новых поколений экстремистов и террористов. В этом смысле, хоть сам бен Ладен и умер, но дело его живет.

Ведь это он со своими джихадистами выманил американцев сначала в афганские горы, а затем и в иракские пустыни, где тех было гораздо легче убивать. А в 2004 году заявил, что его цель — «обескровить Америку до состояния банкротства». И задним числом это не выглядит просто пустым бахвальством, абсолютной фантастикой.

Войны стоят немалых денег, а Буш к тому же в угоду партийной доктрине и собственным политическим интересам принялся снижать в США налоги. «Дивиденды мира», накопленные при Клинтоне, растаяли как дым. Это никого не смутило: воевать (в целом весьма неудачно) продолжали в кредит.

Одновременно в Америке происходила деиндустриализация: промышленные производства выводились туда, где дешевле рабочая сила, меньше экологических и иных барьеров, легче вести бизнес не по закону, а «по понятиям». В Вашингтоне и в этом не видели большой беды: считалось, что страна будет жить за счет экспорта капиталов и современных технологий, прежде всего финансовых, то есть делать деньги из воздуха. Соответственно, либеральные глобалисты еще при Клинтоне до предела ослабили регулирование финансовых рынков.

К тому же американцы убедили себя и других, что в их стране недвижимость может только дорожать. В итоге колоссальный пузырь, надувшийся на ипотечном рынке, лопнул с такой оглушительной силой, что похоронил целый ряд крупнейших инвестиционных банков, страховых и других финансовых компаний на Уолл-стрит.

Специалисты считают, что финансовый кризис 2007–2008 годов чуть не обрушил всю американскую экономику и породил Великую рецессию на мировых рынках. Властям США пришлось спасать системно важные компании за счет налогоплательщиков и спешно закручивать обратно гайки финансового регулирования.

Понятно, что все это сопровождалось и сильнейшими социальными потрясениями. В Америке резко обострились проблемы имущественного неравенства, усилилось политическое и идеологическое размежевание общества на «враждующие племена». Наметился общий кризис либерализма, очевидный даже для самых рьяных его апологетов наподобие журнала Economist.

В конечном счете дело дошло до того, что миллиардер-популист Трамп возглавил политическое восстание «убожеств» (deplorables, выражение Хиллари Клинтон), то есть народных масс, против либеральных элит с их удушающей политкорректностью. Те в ответ тоже пошли по пути радикализации: вплоть до публичных дискуссий о возможности социализма в Америке, попытки импичмента законно избранного президента страны, а затем — и до «войн исторической памяти», опрокидывания монументов, фактического подстрекательства к мятежам и погромам под лозунгами борьбы против системного расизма и социальной несправедливости.

Свет в конце тоннеля?

Еще совсем недавно — во времена реальной холодной войны между Востоком и Западом, а не ее нынешнего суррогата — ничего подобного в Америке невозможно было даже себе представить. Я считаю, что в этом единстве и борьбе противоположностей и проявляется на современном этапе та взаимосвязь процессов исторического развития, которая воплотилась для меня в образе рушащихся одна за другой башен-близнецов.

Кстати, при всей ее внешней апокалиптичности меня эта аллегория скорее обнадеживает. Потому что открывает путь к конвергенции — в идеале, к соединению всего лучшего, что наработано до наших дней капиталистической и социалистической системами, фактически к их слиянию.

В СССР эта буржуазная теория считалась вредной идеологической ересью, да и известна была в основном понаслышке — главным образом в связи с травлей придерживавшегося ее академика Андрея Дмитриевича Сахарова. В сегодняшней же России, по-моему, она может быть сведена к констатации того, что наш исторический опыт по-прежнему значим и ценен, — и скорее всего не только для нас самих.

Американские власти со своей стороны вроде бы никогда не мешали работать теоретикам конвергенции — от Питирима Сорокина до Джона Кеннета Гэлбрейта. Но при этом всегда чувствовалось, что сливаться они ни с кем с самого начала не собирались, а скорее надеялись, что в результате всех этих трудов идейный враг просто разоружится и капитулирует. И того же Сахарова поддерживали, видимо, с такой же задней мыслью.

А уж когда Советский Союз распался, они и вовсе уверовали в свою историческую правоту, не подозревая, как скоро придется смирять гордыню и использовать, например, «идейно чуждый» опыт госрегулирования.

Прошу прощения за эти «размышлизмы», как я их называю, но для меня они составляли и составляют если и не основное содержание, то общий фон, важный контекст всей моей повседневной журналистской работы. Семена их сеялись еще при Клинтоне, а первые плоды появились при Буше и его преемниках в Белом доме.

Фото к Главе 7:

7.1. В эпицентре. В. В. Путин и Ю. О. Кирильченко в Нью-Йорке, 2001. Фото предоставлено ИТАР-ТАСС, (с) С. Величкин, В. Родионов

7.2. Нью-Йорк без «Близнецов»

Глава 8. Барак Н. Обама, 2009–2017. От «перезагрузки» до «Руссогейта»
The President Who Wanted To Lead From Behind

Когда 47-летний афроамериканец по имени Барак Хусейн Обама был в 2008 году избран 44-м президентом США, это само по себе явилось историческим прорывом. Но ему этого было мало: он мечтал, чтобы его правление стало одним из самых успешных и результативных в американской истории.

Сразу скажу: не сбылось. Руководителем он в конечном счете оказался вполне заурядным. Ключевые его принципы: «Не наступать в дерьмо по глупости» (Don't do stupid shit) и «Лидировать сзади» (Lead from behind) — больше всего напоминают мне таланты грибоедовского Молчалина: «умеренность и аккуратность».

Хотя справедливости ради надо сказать, что лозунг насчет лидерства на самом деле заимствованный и в силу этого не совсем точно переведенный. Это кумир Обамы Нельсон Мандела в своей автобиографии уподоблял лидера пастуху, который «держится позади стада, позволяя самым проворным [животным] забегать вперед, чтобы остальные следовали за теми по пятам, не сознавая, что находятся все это время под управлением сзади».

Пастырь и стадо — образы классические, известные с библейских времен. Но в современном политическом контексте, на мой вкус, сравнение общества со стадом (кого? скота?) выглядит все же весьма сомнительно. Во всяком случае, для демократической страны.

Наконец, Обаме — человеку рассудочного, профессорского склада, — по-моему, всегда было важнее разобраться в проблеме и убедиться, что он хорошо ее понимает и может объяснить другим, чем реально что-то сделать на практике. Как сказали бы мои американские друзья, он из тех, кто «все понимает, но ни во что не въезжает» (understands everything but realizes nothing). Больше того, в последние и самые бесплодные для него два года пребывания у власти в качестве «хромой утки»[1] ему, на мой взгляд, даже несколько поднадоело быть президентом.

Для меня это стало еще одной наглядной иллюстрацией к вопросу о том, что такое настоящее лидерство.

Нобелевский аванс

Впрочем, поначалу Обама многих, включая и меня, увлек своей мечтой, «дерзостью надежды» — благо красиво говорить и писать он умел, а я по долгу службы все это читал и слушал. Достаточно напомнить, что ему почти сразу авансом присудили Нобелевскую премию мира: по существу, за одни только добрые намерения.

Собственно, и они были ему просто приписаны — по контрасту с предшественником. Буша-младшего даже союзники США изображали к тому времени в основном в образе техасского ковбоя, склонного сначала стрелять, а потом уже разбираться, что к чему. А Обама сумел стать воплощением надежды на перемены — и в самой Америке, и за ее пределами.

Между тем даже его Нобелевская речь по сути представляла собой апологию мира с позиции силы, пусть и на фоне разглагольствования об идеалах. Рассуждая о необходимости давать отпор злу, он в ней договорился до того, что «США должны служить образцом того, как надо вести войну».

Конечно, ему досталось тяжелое наследство. Страна воевала в Ираке и Афганистане, а у себя дома все глубже погружалась в пучину финансово-экономического кризиса. Буквально через пару месяцев после прихода к власти новый президент проводил в Белом доме совещание с руководителями 13 крупнейших коммерческих банков страны и предупредил их: «Моя администрация — это единственное, что стоит между вами и вилами», то есть волной народного гнева против толстосумов с Уолл-стрит…

За счет государственного вмешательства в экономику наихудшего тогда удалось избежать. Позже Обама попытался, опять же с помощью государственного регулирования, решить одну из самых застарелых, острых и позорных американских социальных проблем. Имеется в виду отсутствие в богатейшей стране мира всеобщего медицинского страхования, а соответственно, и гарантированного доступа к медицинской помощи.

Судьба профильной программы реформ, прозванной в его честь «Обамакэр», до сих пор остается под вопросом. Но я лично очень ему за эту программу признателен: благодаря ей все тассовцы в США наконец оформили медицинскую страховку, когда та стала обязательной по закону. До тех пор мы ее не имели.

Хвастаться нечем

Но в целом надежды, возлагавшиеся на молодого провозвестника перемен, не сбылись. Других прорывных достижений за ним не числится.

Войны, которые он обещал закончить, продолжаются до сих пор и дают метастазы. Обама увеличил группировку войск США в Афганистане, расширил географический охват «войны с террором», активизировал боевое использование беспилотников на Ближнем Востоке и в Африке. В Ливии при нем и его ставленнице Хиллари Клинтон воцарился кровавый хаос, аукающийся теперь всей Европе.

В отношениях с Россией команда Обамы прошла путь от попытки их «перезагрузки» и налаживания конструктивного сотрудничества до такой оголтелой антироссийской истерии, какую трудно припомнить и во времена классической холодной войны.

Картина с его подачи рисовалась поистине шизофреническая: с одной стороны, наша страна изображалась исторически обреченной и слабой (одна только «разорванная в клочья экономика» чего стоит!), с другой — способной на действенное вмешательство в политические и иные процессы по всему миру, включая и США. Отсюда и пресловутый «Руссогейт» — обвинения Трампа в предвыборном сговоре с Россией.

В самой Америке при Обаме продолжал накапливаться груз проблем и противоречий. Не вдаваясь в подробности, упомяну два системных порока, которые больше всего меня поражали и удручали.

Начну с парадокса. При первом в истории темнокожем президенте США межрасовые отношения в стране не улучшились, а обострились. Причем настолько, что уже не только полиция стреляла в черных сограждан, но и те начали давать вооруженный отпор.

Первое случалось в США достаточно часто, никого особо не удивляло и практически всегда сходило с рук стражам порядка, что бы те ни учиняли. Но в 2016 году в Далласе как раз во время демонстрации протеста против жестокости полиции по отношению к афроамериканцам некий Мика Хавьер Джонсон открыл снайперскую стрельбу по полицейским. Прежде, чем его самого уничтожили, он успел пятерых из них застрелить и еще девятерых ранить.

Конечно, расстрел правоохранителей был воспринят как вызов, требующий ответа на общенациональном уровне. Проводить погибших в последний путь приехали сам Обама, его вице-президент Джозеф Байден и экс-президент Буш — все с женами. Звучали потоки красивых слов, за которыми, однако, не

просматривалось никаких реальных решений.

Хотя я их, собственно, и не ждал. Потому что массовые вооруженные расправы в США, как бы чудовищно это ни звучало, — дело почти обыденное. И я уже знал, как на них реагируют. Это и есть мой второй пример.

В декабре 2012 года в начальной школе «Сэнди-Хук» в Ньютауне (штат Коннектикут) рехнувшийся юнец-человеконенавистник расстрелял два десятка ребятишек и шестерых взрослых. Перед этим он убил у себя дома собственную мать. По словам очевидцев, в школьных чуланах, где прятались дети, кровь кое-где стояла по щиколотку.

Все нормальные люди были тогда повергнуты в шок и оторопь. У меня самого сын учился в американской школе, знакомые там мне признавались, что от известия о новой «кровавой бане» на них в буквальном смысле накатывали приступы тошноты.

Обама на траурной церемонии поминовения погибших в Ньютауне публично признал, что Америка не справляется с главной своей обязанностью — обеспечить хотя бы физическую безопасность (!!!) своих детей. Он подчеркнул, что «это более нетерпимо», что стране «придется меняться» и что сам он как президент «использует все властные полномочия своего поста», чтобы «не допустить повторения подобных трагедий».

Однако на деле ничего так и не изменилось. Несмотря на весь свой административный ресурс, ужесточить контроль над оборотом стрелкового оружия Обама не сумел и в дальнейшем подобных обещаний больше не давал. А на ритуальные заклинания о том, что у всех американцев общие ценности и им надо относиться друг к другу по-человечески, внимания давно никто не обращает ни в Вашингтоне, ни где бы то ни было еще.

Для меня расправа над детьми в «Сэнди-Хук» показательна по всем параметрам. Более вопиющего напоминания о том, что системная проблема существует и ее надо решать, невозможно себе представить.

И политические возможности для решительных действий у президента имелись: буквально за месяц до трагедии он убедительно выиграл всеобщие выборы, добившись переизбрания на новый срок.

Причем срок это был последний, то есть необходимости дальше копить политический капитал у него не было. Можно было при желании принять самые решительные, в том числе и наиболее непопулярные меры.

Но этого сделано не было. Пойти на прямую конфронтацию с оружейным лобби Обама не решился. Как обычно, президент-

оратор принялся распутывать узел проблем вместо того, чтобы попытаться его разрубить. А когда понял, что только еще больше запутывается, — отступился.

В плену иллюзий

И этим, и многим другим Обама всегда больше всего напоминал мне нашего отечественного лидера-краснобая Михаила Горбачева. Оба умные, талантливые и хорошо образованные люди — юристы и политики. Оба хотели спасти и укрепить свои системы — социалистическую и капиталистическую, — обновив их и избавив от эксцессов и перегибов.

Оба на момент прихода к власти были сравнительно молоды и воплощали надежды своих народов на то, что смена поколений во власти изменит жизнь к лучшему. Оба не оправдали этих надежд.

На мой взгляд, прежде всего потому, что жили по большей части не в реальном мире, а в плену своих иллюзорных представлений о нем. Как сказали бы мои американские друзья, «не надо верить всему, что сам думаешь».

У Обамы это очень наглядно проявилось, когда он пытался по окончании своей восьмилетки сдать дела в Белом доме Хиллари Клинтон, а вместо этого вынужден был вести заочную полемику с Дональдом Трампом о том, какая Америка настоящая. Добрая и прекрасная, как в его собственных фантазиях, или мрачная, недовольная, а порой и озлобленная, как в речах его оппонента.

Кстати, поэтому же и Обама, и Клинтон позже никак не могли уняться с раздуванием «Руссогейта». Они, на мой взгляд, действительно верили, что «их» Америка — гуманная, либеральная, политкорректная — никак не могла проголосовать за такого человека, как Трамп, который прежде считал ее недостаточно великой, а потом, видите ли, взялся защищать. Значит, это не сами американцы его избрали, а кто-то со стороны вмешался и нахимичил, чтобы привести его в Белый дом.

А Трамп между тем прекрасно отбивал снобистские атаки на простых людей. Это он превратил в интернет-мем и обратил против Клинтон ее оскорбительное высказывание о его избирателях, как о «скопище убожеств» (basket of deplorables).

На самом деле даже такой перевод — дань политкорректности. Говоря по-русски без экивоков, Клинтон назвала массу американских избирателей «быдлом». И ей это, разумеется, аукнулось.

Общим заблуждением Горбачева и Обамы, как мне кажется, была и переоценка собственных возможностей. Судя по их поведению, оба исходили из того, будто стоит им чего-то пожелать, дать какие-то руководящие указания — и все исполнится само собой, словно по мановению волшебной палочки. А вести нудную, кропотливую и требующую компромиссов политическую работу по реализации своих замыслов они не любили и не умели.

Отговорки находились всегда. Например, для демократа Обамы оправданием обычно служило разделение властей в США. По итогам выборов 2012 года республиканская оппозиция сохранила контроль над нижней палатой Конгресса, а в 2014 году завоевала еще и Сенат. После этого в последние два года президент избрал так называемую тактику малых дел, то есть по существу просто досиживал свой срок. Как раз тогда у меня и появилось ощущение, что президентство, при котором его к тому же не очень-то слушаются, ему поднадоело.

Помнится, и Горбачев постоянно жаловался на сопротивление партийных аппаратчиков-ретроградов. Хотя дело ведь было не только в аппаратчиках.

«Нет пророка в своем отечестве»?

Недовольство народа плодами их политики оба лидера, насколько я помню, склонны были объяснять не ошибочностью собственных подходов или решений, а косностью самого народа. Для записных демократов — и советского, и американского — это кажется странным, но их, похоже, нечасто посещала мысль о том, что простые люди способны здраво судить и об их политике, и о них самих.

Еще в 2012 году в Вашингтоне наделала немало шума статья в газете Politico, доказывавшая, что так называемая элита в США весьма невысокого мнения о рядовых избирателях. «Первое, чему учишься в качестве специалиста по опросам общественного мнения, — это то, что люди глупые, — заявил изданию директор продемократической фирмы Public Policy Polling Том Дженсен. — Я по меньшей мере раз в неделю повторяю это клиентам, пытающимся разобраться во внутренне противоречивых результатах того или иного опроса».

Либеральная пресса США тогда хором заклеймила неполиткорректный тезис. Но год спустя вышла книжка Марка Лейбовича «Этот наш городок» (This Town), в котором тот получил неожиданное и неприятное для американского

политического бомонда развитие.

Автор — на тот момент главный вашингтонский корреспондент журнала New York Times Magazine, то есть свой в доску для либералов человек, — утверждал, что публикация в Politico «казалась верным отражением взглядов самого Белого дома на американский электорат», и более того, что «такой подход, как многие подозревали, исходил от президента и первой леди» США.

В подтверждение приводились слова Мишель Обамы, публично заверявшей сторонников президента: «Барак никогда не позволит вам вернуться к вашей обычной жизни — быть ни к чему не причастными, ни о чем не осведомленными…»

Тут же следовал и рассказ коллеги Лейбовича по New York Times Джоди Кантор, написавшей о тогдашней первой чете США биографическую книгу. По ее словам, еще со времен поездки в Норвегию за Нобелевской премией и особенно на фоне последующего снижения популярности Обамы в его окружении стала постоянно муссироваться «мысль о том, что американская публика просто недооценивает своего выдающегося лидера».

В частности, лучший друг президента Марти Несбитт любил повторять, что Обама «получил бы поддержку 70–80 процентов избирателей где угодно, кроме США».

Мне лично это напоминает позднесоветские пропагандистские восторги по поводу того, как популярен был Горбачев во всем мире. Я сам пользовался в те годы каждым удобным случаем (а в Америке их хватало), чтобы это подчеркивать.

Но, получается, мысль о том, что «нет пророка в своем отечестве», нравилась и Обаме…

Хуанита для президента

При всем том молодой президент-афроамериканец, почти мой ровесник, по-человечески мне всегда импонировал. Даже его рассудочность и занудство мне потому и бросались в глаза, что я в принципе по натуре сам такой же.

Да и профессиональные контакты с его командой у нас поначалу складывались совсем неплохо. Обама дважды давал нашей тассовской команде интервью на телекамеру: перед первым президентским визитом в Россию и потом еще раз в преддверии своего 50-летия.

Во втором случае и ему, и его помощникам осталось на память по бутылке водки Obamovka со вполне фирменными с

виду этикетками. Майкл Макфол, сколько я помню, хранил этот сувенир в своем кабинете в Белом доме до тех пор, пока его не отправили через год послом в Москву.

Дарил я такую бутылку и Бену Родсу — спичрайтеру и одному из главных внешнеполитических советников Обамы в аппарате Белого дома. С Беном я несколько лет подряд делал интервью по итогам года в американо-российских отношениях и вообще, насколько это было возможно в нашем положении, почти приятельствовал. Кстати, как раз он рекомендовал мне книгу Лейбовича.

А с Обамой они постепенно настолько сблизились, что для меня именно Родс, а не кто-либо из помощников или пресс-секретарей президента стал его «лицом за плечом» во всем, что касалось международной политики. Сам Бен знал ее феноменально — со всеми датами, именами и мельчайшими подробностями событий.

Что касается подарков, то это, конечно, вообще отдельная песня. По правилам службы безопасности президенту запрещено дарить что бы то ни было, предназначенное для приема внутрь, курения или нанесения на кожу. Тем не менее в Белый дом постоянно возят и еду, и напитки, и много чего еще. Объясняют, что это, мол, не для главы государства, а для кого-нибудь из помощников.

Помню, однажды нам с М. С. Гусманом удалось пронести роскошный букет цветов для первой леди, а в другом случае — с полведра меда. Сказал бы — кадушку или туесок, но мед на самом деле был запаян в пластик и помещен в деревянную емкость в виде Кремля, расписанную хохломскими узорами.

На КПП при входе состоялось незабываемое объяснение между начальником поста и одним из его подчиненных:

Первый:

— Чего это там у них?

Второй:

— Говорят, мед.

Первый, после паузы:

— А по виду чего?

Второй, открыв крышку ларца и потыкав пальцем в пластик:

— И по виду мед.

Первый, после долгой паузы, со вздохом:

— Ну, пускай несут…

Но, конечно, и этот эпизод меркнет на фоне совершенно фантастической истории, приключившейся при подготовке второго интервью с Обамой. На заключительном этапе, когда обсуждалась уже логистика и всякие технические подробности, из

Белого дома поступил неожиданный вопрос: «А визажист у вас в съемочной бригаде есть?»

Состав бригады мне был известен чуть ли не наизусть, но я все же переспросил начальство и ответил, что нет. Последовало еще более неожиданное уточнение: «А можно сделать так, чтобы был?»

Поняв, что дело нешуточное, я уже серьезно доложил Гусману, что от нас требуют визажиста. Тот ответил, что из Москвы никого, конечно, специально не повезет, и распорядился найти на месте.

Слава Богу, мне хватило ума не искать самому, а обратиться в Центр иностранной прессы Госдепартамента. Собственной штатной визажистки у них не нашлось, но проверенную в деле внештатницу Хуаниту мне рекомендовали. Ее я и нанял, убедившись только, что расценки не выходят за пределы разумного.

Хотите верьте, хотите нет, но Хуанита гримировала перед интервью и Гусмана, и самого Обаму. Она, кстати, была темнокожей, как и президент США, так что ей это было достаточно сподручно.

Почему так вышло, я не знаю и не понимаю до сих пор. Гусман, наделенный более богатой фантазией, позже утверждал, что Мишель Обама уволила из-за чего-то свою постоянную помощницу-стилиста.

Возможно. Я не проверял. Я только очень жалею — и не раз говорил об этом Гусману, — что нам не хватило тогда интуиции и смекалки просчитать ситуацию до конца и привезти собственную Хуаниту из Москвы. На всю жизнь сделали бы человеку профессиональную репутацию и рекламу.

Но мы просто были уверены, что подобного не может быть. Потому что не может быть никогда.

Хочет ли Обама попасть на деньги

А за следующую историю я всегда буду признателен Обаме лично. Потому что она касается не столько меня самого, сколько моего сына Вани.

Обычно я ходил на Рождественские приемы в Белый дом с женой, однажды водил туда старшую дочь, уже взрослую. А в 2009 году взял с собой на елку Ваню, которому было тогда восемь лет.

В очереди на фотосессию я его спросил, о чем он собирается поговорить с президентом (гостей всегда размещают по бокам:

мужчин — рядом с хозяйкой, женщин или детей — с хозяином).

Ваня буркнул, что мама не велела ему ничего говорить и что он просто вежливо поздоровается. Я принялся за уговоры: дескать, случай редкий, а может, и уникальный. Надо бы все-таки что-нибудь спросить: скажем, не знаком ли часом президент с Дедом Морозом и как у них в Белом доме обстоят дела с подарками.

Сын обещал подумать, а потом, уже на подходе к залу для фотографирования, вдруг сказал: «Мне интересно, хочет ли Обама попасть на деньги». «Это как?» — удивился я. Он объяснил, что рассматривал портреты американских президентов на долларовых банкнотах разного достоинства и вот теперь интересуется, хочется ли Обаме попасть в их число.

Вопрос мне очень понравился, и я посоветовал Ване обязательно его задать. Потом нас завели в зал, я сказал пару дежурных поздравительных фраз первой леди, выслушал ее столь же формальный ответ и только после этого сосредоточился на том, что происходило на соседнем фланге.

Оказалось, что Ваня — видимо, для перестраховки — завел-таки разговор про Деда Мороза. И Обама ему как раз объяснял, что лично он с Санта-Клаусом не встречался, но зато пишет ему по электронной почте.

Каждой паре при фотографировании уделяется от силы секунд 10–15. Наше время истекло, пора было откланиваться. Но я взмолился: «Господин президент, это он вам мой вопрос задал, который я ему подсказал. А у него свой есть, гораздо лучше».

Ваня спросил про деньги. И вот тут вообразите картину маслом. Обама присел на корточки, чтобы быть со своим маленьким гостем на одном уровне, и совершенно серьезно ответил: «Видишь ли, тут дело такое. На деньги помещают тех, кто уже умер. А я вроде пока еще умирать не собираюсь. Так что с этим придется повременить».

Вообще-то любые контакты на приемах по умолчанию происходят в режиме «не для печати». Но тут я отыскал пресс-секретаря Белого дома Роберта Гиббса и сказал, что у меня есть история про президента, которую я непременно хочу написать. Он сначала нахмурился, но, выслушав наше с Ваней объяснение, сменил гнев на милость.

«Обратная связь»

В общем, как я люблю повторять, и президенты — тоже обычные люди. Как правило, приятные в личном общении:

вежливые, отзывчивые, с чувством юмора. И не вина их, а скорее беда, что «переходить на личности» им, как правило, некогда. В обычных для них ситуациях судьбы и заботы конкретных людей заслоняются общими принципами и политическими соображениями.

Многие из них и сами это понимают, и стараются так или иначе компенсировать нехватку прямой «обратной связи». В России у нас, например, стали традицией многочасовые «прямые линии» с президентом Путиным.

В Америке такой традиции общения с народом в формате «вопрос-ответ» сейчас нет. Но вот Трамп придумал собственный способ прямой связи с избирателями — через Twitter. И прекрасно «общается» через эту соцсеть со своими персональными подписчиками, которых у него, между прочим, на момент написания этих строк более 84 миллионов.

А Обама, как он сам рассказывал, каждый день читал на ночь письма своих избирателей, а на некоторые из них и отвечал. Ему специально составлялись подборки таких обращений.

Я, кстати, несколько раз пытался узнать, включались ли в эти подборки и письма из-за рубежа, но ответа почему-то так и не добился. Люди в президентской пресс-службе, которых я об этом спрашивал, то ли действительно не знали, то ли не хотели говорить. Но у меня сложилось впечатление, что зарубежной корреспонденции скорее всего не было.

Однажды я даже сам пытался восполнить этот пробел. Предложил своей знакомой даме, работавшей директором московской средней школы, чтобы ее старшеклассники написали письма Обаме, а я бы их выборочно перевел и доставил в Белый дом.

Но собеседница — заслуженная немолодая женщина — замахала на меня руками и популярно объяснила, скольких согласований потребовала бы подобная инициатива. Так что я от идеи тогда отказался.

А теперь, при очередном затяжном обострении американо-российских отношений, уже и сам не мог бы ее реализовать. Хотя как раз сейчас, может быть, и хорошо бы начать танцевать «от печки» — с самых элементарных, наивных и жизненных «детских» вопросов о том, почему же нам все-таки никак не удается поладить.

Между прочим, такой прецедент у нас уже был. Это известная история американской школьницы Саманты Смит, которая в 1983 году написала советскому лидеру Юрию Андропову письмо о необходимости беречь мир и удостоилась ответа на свое обращение.

Я помню то время и понимаю, почему даже дети боялись войны. Рейган в том же году назвал СССР «империей зла», США приступили к развертыванию своих ракет в Европе, а Андропов встречно объявил, что на Америку будет нацелено больше ракет на советских подводных лодках. Сейчас, кстати, все идет к тому же.

Но тогда у меня точно мороз пошел по коже — отчетливо помню это свое ощущение, инстинктивную реакцию на уровне первой сигнальной системы. Помню, однако, и как позже страх отступил: пять лет спустя, гуляя вместе с Горбачевым по Красной площади, Рейган публично отказался от эпитета «империя зла».

Конечно, у нас это объясняют уступчивостью последнего советского лидера, граничившей, по мнению наиболее непримиримых критиков, с предательством национальных интересов. Но как бы то ни было, из всех президентов США на моем профессиональном веку Рейган пока остается единственным, при ком в американо-российских отношениях ледяная враждебность сменилась надеждой и потеплением, а не наоборот.

При всех последующих хозяевах Белого дома начальные упования на лучшее неизменно сменялись разочарованием. Даже Буш-старший, казавшийся воплощением джентльменства, начинал с декларации о прекращении холодной войны и наступлении эпохи «устойчивого взаимодействия» между Востоком и Западом, а заканчивал застенчивой (или беззастенчивой, кому как больше нравится) ложью Горбачеву устами своего госсекретаря и ближайшего друга Джеймса Бейкера о том, что НАТО после воссоединения Германии «ни на дюйм» не продвинется на восток.

При Клинтоне был пройден путь от объятий с другом Борисом в Ванкувере до натовских бомбежек Югославии, при Буше — от разговора по душам в Любляне до обстрелов грузинскими властями Цхинвала и оправдания этой акции Вашингтоном, при Обаме — от «перезагрузки» до поддержки Западом государственного переворота на Украине.

Наконец, при Трампе (хотя эта история пока не окончена) — от объявления американского лидера еще на этапе предвыборной кампании о намерении «поладить» с Москвой до обвинения его на этом основании традиционным вашингтонским истеблишментом чуть ли не в государственной измене, а затем и до попытки импичмента. До разнузданной вакханалии демонизации современной России и ее руководителей, создания

законодательных, информационно-пропагандистских и иных барьеров на пути к нормализации двусторонних отношений.

Мои друзья, российские дипломаты-американисты, изначально видели свою задачу в выравнивании этого пути, постепенном сглаживании резких перепадов, «сужении амплитуды колебаний». Однако начиная где-то с 2013–2014 годов, движение вперед и вверх полностью прекратилось. Отношения валятся под откос, дна пока не видно, и непонятно даже, с чего и на какой основе может в конце концов начаться стабилизация.

Хотя главный приоритет для всех, в общем-то очевиден. Необходимо понять, как в нынешних условиях обеспечивать хотя бы чисто военную и прежде всего ядерную безопасность, и начать о ней договариваться. Альтернативы нет, точнее она просто самоубийственна для обеих сторон.

Остается лишь уповать, что дело это сдвинется с мертвой точки хотя бы после президентских выборов 2020 года в США. Но прежде, чем перейти к разговору о Трампе, мне надо сделать еще одно важное для меня отступление.

«Поджигатель войны»

В январе 2011 года американские СМИ при Белом доме записали меня в «поджигатели холодной войны». Для меня эта история стала одним из самых ярких и памятных эпизодов в профессиональной карьере. Я ее для себя называю «спором с Гиббсом о свободе».

Приключилась она нечаянно. 12 января Обама с женой и свитой улетел в Тусон, штат Аризона, чтобы навестить в больнице члена Конгресса США Габриэль Гиффордс. Несколькими днями ранее та стала жертвой очередной вспышки вооруженного насилия: напавший на нее маньяк застрелил 6 человек, включая 9-летнюю девочку, и ранил еще 13.

Уезжавшие с президентом вернулись в Вашингтон за полночь. Пресс-брифинг в Белом доме на следующий день был поздним и малолюдным: пул отсыпался. Для аутсайдеров вроде меня это открывало возможность задать вопрос президентскому пресс-секретарю Гиббсу, но и поводов подходящих не было: соваться с внешнеполитическими сюжетами на фоне аризонской трагедии казалось неуместным.

В итоге я спросил (разумеется, после выражения соболезнований), не кажется ли хозяевам Белого дома, что такого рода расстрелы — это оборотная сторона прав и свобод в том

виде, в котором они практикуются в США, своего рода «цена», которой Америка вынуждена расплачиваться за эти свободы. Точнее, естественно, за злоупотребление ими.

Подобную точку зрения мне не раз доводилось слышать от неамериканских знакомых, вот я и попросил Гиббса ее прокомментировать, тем более, что он перед этим сетовал, что тайна происшедшего может остаться неразгаданной.

Как и следовало ожидать, пресс-секретарь выразил «возмущенное несогласие» с тем, что подобные вспышки насилия могут восприниматься как мрачная и трагичная, но все же неотъемлемая часть образа жизни в США, что это — «тоже Америка». «Это — не Америка!» — воскликнул он и произнес небольшой монолог об американских законах, свободах и ценностях.

На этом брифинг закончился для Гиббса, но не для меня. Обступившие меня американские коллеги-журналисты наперебой интересовались, какую политическую подоплеку я вкладывал в свой вопрос (я честно отвечал, что никакой) и удовлетворил ли меня ответ пресс-секретаря (по-моему, ничего другого при своей должности он сказать и не мог).

С одним из репортеров, заметившим, что момент общенационального траура — не лучшее время для подобных обидных дискуссий, я полностью согласился. Но мы оба с ним сознавали, что при Обаме и мне, и другим иностранным журналистам в Белом доме грех было не использовать любую возможность задать вопрос.

В результате корреспонденты телекомпании CNN, газеты Politico, журнала National Journal и целого ряда сетевых изданий в один голос написали в своих репортажах о возвращении в Белый дом холодной войны. Позже в других СМИ появились нападки на меня лично. Помню, мне польстило, что в Washington Post комментарий «Из России с завистью: лекция о свободе» был напечатан прямо под откликом на расстрел в Аризоне со стороны сенатора Джона Маккейна, известного русофоба, представлявшего в верхней палате Конгресса этот штат.

Ни до, ни после за все мои годы в США столь бурной реакции на свои слова я не встречал. По большому счету она меня не удивила — я всегда знал, что в вашингтонской журналистике, как на «Скотном дворе» у Джорджа Оруэлла, «все животные равны, но некоторые равны более, чем остальные». Но все же я был слегка озадачен тем, как откровенно и даже заносчиво это в данном случае демонстрировалось.

Выходит, когда американские журналисты задают в Москве острые вопросы чиновникам, то они герои и борцы за

демократию, а когда российский репортер пытается поднимать острые внутриполитические темы в США, то он чуть ли не поджигатель войны и враг американского народа? А где же та самая свобода слова, на которую сам Гиббс и ссылался?

На мой взгляд, эта свобода как минимум давала мне право на ответ. Я его написал и отослал в Washington Post. Но ни отклика, ни публикации не дождался и напечатал текст в Johnson's Russia List у Дэвида Джонсона. Это один из самых известных в США сетевых дайджестов по России.

Чья бы корова мычала

Что я имел в виду на брифинге? Прежде всего, конечно, право граждан США практически беспрепятственно приобретать и носить оружие. В Америке данная норма закона — по сути неприкосновенная идеологическая «священная корова».

За пределами США она вызывает недоумение и неприятие очень у многих. Один мой российский приятель, радикальный либерал, написал мне тогда, что полностью согласился бы со мной, если бы я ставил вопрос только об этом. Но другие, «более фундаментальные» свободы, включая свободу слова, по его убеждению, были совершенно ни при чем.

Однако, если это действительно так, то почему, собственно, мне по сути предложили заткнуться и помалкивать в тряпочку? Хотя в самой Америке тогда разгорелась жаркая дискуссия о пределах допустимого в словесных политических баталиях (опять же — почему?).

Почему небезызвестной республиканке Саре Пэйлин, которая в паре с тем же Маккейном баллотировалась в вице-президенты США на выборах 2008 года, пришлось спешно убирать со своего сайта страницу, на которой избирательный округ демократки Гиффордс был помечен значком ружейного прицела?

Почему аризонский шериф Кларенс Дупник, курировавший ход расследования, сразу указал на «атмосферу ненависти и фанатичной нетерпимости» в национальном политическом диалоге, которая, на его взгляд, могла повлиять на нападавшего? «Возможно, это свобода слова, но она не остается без последствий», — сказал он и сам тут же получил словесный нагоняй от консервативных комментаторов за то, что «слишком распустил язык».

Почему, наконец, сам президент Обама в своей яркой, прочувствованной и «глубоко личной», по определению того же Гиббса, речи на проводах погибших в Аризоне сетовал на «резкую

поляризацию» внутриполитических дискуссий в США и призывал соотечественников говорить друг с другом так, чтобы слова «лечили, а не калечили»?

Ссылаясь на Библию, Обама рассуждал о том, что причины существования зла в мире и его конкретные проявления зачастую недоступны человеческому пониманию и не поддаются рациональному объяснению. Возможно. Но известная житейская мудрость гласит, что наши недостатки — обычно продолжение наших достоинств. А если в данном случае это правило неприменимо, то чем его заменить? Почему все-таки в Америке школьники расстреливают одноклассников? Почему под пули психопатов попадали даже президенты?

Однозначного и всеобъемлющего ответа на эти вопросы, разумеется, не существует. Но после каждого нового подобного психологического шока американцы заново его ищут.

Например, специалисты из Секретной службы США, отвечающей за охрану высшего руководства страны, тщательно изучили все известные попытки покушения на политиков с 1949 года и пришли к выводу о том, что у этих покушений почти никогда не бывало политических мотивов. Чаще всего нападавшими двигала жажда славы — пусть и одиозной, герострatовской.

«Культ личности»

Американцы гордятся своим индивидуализмом. Можно сказать, у них существует своего рода «культ личности» — отдельной свободной человеческой личности. Самостоятельность и самодостаточность приветствуются и поощряются. Считается, что «за правду» можно и нужно идти и одному против всех. Образ подобного «героя-одиночки» — один из самых распространенных голливудских стереотипов.

В целом подобное отношение к правам человека, наверное, хорошо и правильно. Но что если «своя правда» понимается извращенно? Разве не может она в таких случаях становиться весьма опасной негативной ценностью? Не говоря уже о том, что, если опираться на Библию, эгоцентризм вообще греховен.

Еще советским пропагандистским штампом было и существование в массовой культуре США «культа насилия». Для меня самоочевидно, что он сохраняется и поныне, в том числе в детских мультфильмах. Более того, с появлением Интернета и сетевых игр он неизмеримо разросся. Надо полагать, он тоже защищен творческими и коммерческими правами и свободами.

Связь виртуального насилия с реальным, на мой взгляд, как минимум вероятна.

Некоторые мои американские критики утверждали, что мне с моими взглядами место в тоталитарном обществе. По-моему, это само по себе не имело отношения к обсуждаемой теме. Но зато позволяло наглядно проиллюстрировать мой исходный тезис.

Представим себе, что американские власти вдруг взяли и отменили гражданские права и свободы, заменив их жестким полицейским режимом. Скорее всего стрельбы на улицах в США в результате поубавилось бы. Но «правительство народа, из народа и для народа», как определял его Авраам Линкольн, на это сознательно не идет. Свободы сохраняются. Продолжается и стрельба. Это вопрос политического выбора.

Честно говоря, последнее рассуждение — не мое. Его мне подсказал один из анонимных американских участников дискуссии в Интернете по поводу моего обмена мнениями с Гиббсом. Мне оно кажется совершенно правильным.

Откликов вообще в Сети было множество. Из них явствовало, что даже в США многие верно поняли смысл моего вопроса. А что касается иностранцев, то, например, один канадец написал: «Я не поклонник российской системы, но этот русский поднял вопрос о вашей стране, которым задается и весь остальной мир…»

Хватало, разумеется, и ругательных отзывов. Это нормально. Я, собственно, только и хотел, чтобы американцы наконец придумали (и договорились между собой), как им избежать новых кровавых боен. Так сказать, и свободы соблюсти, и безопасность обрести.

«Цена свободы»

Выше я уже упоминал, что через два года после Аризоны грянул еще более кошмарный Сэнди-Хук. И Обама публично ставил горький вопрос: «Готовы ли мы признать, что такое насилие, которому раз за разом подвергаются наши дети, — якобы цена нашей свободы?»

А я ведь как раз и спрашивал ровно то же самое, только без «якобы». Конечно, для Обамы вопрос был риторическим. Но, если на то пошло, точно так же его воспринимают и повсюду в мире. Просто подразумеваемые ответы — прямо противоположные…

И, кстати, ссылки Белого дома на «сложность и неоднозначность» проблемы насилия также не срабатывают за пределами США. Все же знают, что таких серийных криминальных кошмаров, как в Америке, не происходит больше

нигде в мире, хотя чудовищные теракты случались и в иных местах, включая Россию.

То есть другие страны все-таки находят способ не давать кому попало беспрепятственно вооружаться. А американцы расплачиваются, во-первых, за то, что еще при «отцах-основателях» своей республики возвели право граждан на ношение оружия в конституционный принцип (этому посвящена Вторая поправка к Конституции США), а во-вторых, за сохранение в стране до сегодняшнего дня чрезвычайно богатого и влиятельного оружейного лобби во главе с Национальной стрелковой ассоциацией.

Но на мой вопрос о том, может ли быть востребован в США зарубежный опыт внутриполитического «контроля над стрелковыми вооружениями», следующий за Гиббсом пресс-секретарь Обамы Джей Карни промямлил, что дело не в международных сравнениях и что с сором в своей избе американцы будут разбираться самостоятельно.

Ну и чтобы закруглить этот разговор. Осенью 2017 года, уже при Трампе, в Лас-Вегасе был поставлен мрачный антирекорд: вооруженный преступник застрелил 58 и ранил 422 человек (еще несколько сот пострадали в давке). Один из самых популярных консервативных комментаторов в США Билл О'Райли подчеркнул, что эта жуть была «оборотной стороной американской свободы».

А весной 2018 года по Америке прокатилась волна выступлений школьников и студентов под общим названием «Марши за нашу жизнь». После очередной бойни школяры пытались доказать взрослым политикам, что естественное право людей на жизнь все же важнее права на ношение оружия, пусть даже и конституционного.

Но снова все ушло в песок. Дело дошло до того, что некоторые американские либералы даже возлагают надежду на ненавистного им волюнтариста Трампа: может, хоть ему удастся разрубить этот узел?

Хотя, по-моему, вряд ли.

Фото к Главе 8:

8.1. Автор с сыном Ваней на Рождественском приеме в Белом доме, 2009

8.2. После интервью. Бригада Гусмана, 2011

8.3. Автор на Рождественском приеме в Белом доме при Бараке Обаме

Глава 9. Дональд J. Трамп, 2017– … От «Руссогейта» до… чего? Удастся ли поладить России и США? *The Donald Who Said «I'm President and You Are Not!»*

9.1 Случайный президент

45-й президент США Дональд Трамп стал последним американским лидером, при котором я работал в Вашингтоне. По сути я застал самое начало его правления.

Мне жаль, что так получилось, потому что он же был и самым необыкновенным и интересным хозяином Белого дома на моем профессиональном веку. Олигарх-миллиардер, которому антикварная музейная обстановка в президентской резиденции вполне могла казаться скромной, если не «бедненькой».

И при этом популист, защитник «униженных и оскорбленных» соотечественников, националист и волюнтарист. Человек, которого первая жена, чешка Ивана Зельничкова, вопреки языковым нормам называла The Donald (Тот самый Дональд) и который уже на нынешнем этапе своей карьеры не стеснялся осаживать журналистов словами: «Я президент, а вы нет!»

Кстати, президент он случайный — в том смысле, что и сам не ожидал победы на всеобщих выборах 2016 года. По свидетельству одного из первых хроникеров его правления Майкла Вулфа, автора скандального бестселлера «Огонь и ярость», летом того же года, за несколько месяцев до голосования, Трамп торжественно обещал своей третьей и пока последней супруге, словенке Меланье, что переезжать в Белый дом той не придется, «поскольку выиграть он просто не может». В этом же был уверен и весь его штаб.

Но случайный президент еще не значит неудачный. Я, например, всегда считал, что и американец Буш-младший, и наш Путин оказались на политическом Олимпе, так сказать, непреднамеренно. Ни тот, ни другой вроде бы исходно наверх не рвались, и начало карьеры у них подобного взлета не предвещало.

Но тем интереснее сравнивать, как каждый из них сумел распорядиться благосклонностью Фортуны — для себя и своей страны. На мой взгляд, это сравнение не в пользу техасца.

Что касается Трампа, могу во всяком случае за себя сказать, что всегда относился и отношусь к нему с безотчетной симпатией. Чудится мне в нем что-то наше, родное и знакомое. То ли от гоголевских персонажей (этакая смесь Ноздрева с Собакевичем), то ли из русских сказок про Иванушку-дурачка, совершающего нелепые с виду поступки и вечно недооцениваемого, но умеющего при этом одолеть каких угодно супостатов и выпутаться из любых передряг.

При том что Трамп, разумеется, — стопроцентный американец, со всеми их родовыми чертами. Что бы ни говорили и ни писали на этот счет в США его непримиримые критики и недоброжелатели. А их тьма тьмущая — этих обитателей «вашингтонского болота» и «глубокого подполья» в бюрократическом аппарате.

Кстати, оба определения если не придуманы, то во всяком случае введены в широкий оборот самим хозяином Белого дома. Он вообще гордится умением хлестко припечатывать своих врагов. Отсюда, видимо, и его любовь к «Твиттеру», напоминающему в его руках крупнокалиберный политический пулемет.

Ведь и на выборах он победил во многом благодаря своей способности приковывать к себе внимание прессы и всей общенациональной аудитории. Он же в прошлом еще и шоумен, ведущий популярной телевизионной программы. Вообще по части рекламы и особенно саморекламы Трамп, на мой взгляд, безоговорочно гениален.

А вот для политического американского истеблишмента, причем двухпартийного, он, конечно, человек изначально чужой — как и те, кто стояли и стоят у него за плечом.

И это не номинальные советники-помощники и другая обслуга. Не какой-нибудь Шон Спайсер, первый его пресс-секретарь, которого я знавал еще при Буше-младшем заурядным пресс-чиновником во второстепенном внешнеторговом ведомстве.

Вспоминаю Шона просто как показательный пример. Новый государь с ходу поставил перед ним задачу, совершенно стандартную для наших сказок («пойди туда, не знаю куда»), но по американским меркам почти немыслимую.

Хотя требовалось-то всего-навсего доказать, что инаугурация Трампа напрочь затмила все предыдущие подобные торжества и вызвала небывалый ажиотаж в самой Америке и во всем мире. Конечно, цифры и рейтинги прямо этого не подтверждали, но, по сути, ажиотаж действительно присутствовал, так что натяжка

была не так уж и велика.

Спайсер честно пытался выполнить приказ и даже сказал журналистам, что, дескать, «порой мы можем не соглашаться с фактами». Но звучал неубедительно, подвергся обидному осмеянию и вынужден был оправдываться.

Президент остался очень недоволен. Нерасторопного порученца, как и положено в сказках, политически казнили, то есть отправили в отставку. Не совсем сразу, но скоро — через полгода.

В таком же сказочно-былинном духе можно продолжать и дальше. Например, у Леонида Филатова в «Сказке про Федота-стрельца» сказано, что «был у царя генерал…»

Вот и у Трампа были в свите свои генералы — от начальника аппарата сотрудников Белого дома Джона Келли до министра обороны Джеймса Мэттиса по прозвищу «Бешеный пес». Говорят, они ему просто нравились как колоритная часть антуража.

Но достаточно быстро он их всех прогнал за непослушание. Можно сказать, за непонимание сказочных реалий. Как по-моему, так и скатертью дорога.

Жаль только отставного генерала-разведчика Майкла Флинна, который шел с Трампом с самого начала сюжета и был в этой сказке несомненным добрым молодцем. Трамп отдал его болотной нечисти, когда та пыталась утянуть в трясину «Руссогейта» его самого, сразу после начала его президентского срока.

Причем вменялись Флинну даже не контакты с тогдашним послом России в Вашингтоне Сергеем Кисляком как таковые, а то, что он якобы недостаточно полно отчитался об этих контактах перед вице-президентом США Майклом Пенсом. На самом деле его подловили, конечно, чтобы с его помощью попытаться выудить более крупную рыбу. Противники нового президента тогда еще свято верили, что предвыборный «сговор» его штаба с Москвой будет доказан бравым обер-прокурором Робертом Мюллером.

Многие знающие люди говорят, что Трамп задним числом сильно кручинился об утрате Флинна. И тоже, я считаю, правильно, если так.

Не уступи он тогда, может, и антироссийский морок по поводу мифического «сговора» рассеялся бы скорее. Но ведь кабы знать наперед, где стелить солому…

За плечом — семья

Реально за плечом у Трампа стоят не какие-то приблудные бюрократы, а свои люди, прежде всего «родня и кумовья». Это в первую очередь его дочь от первого брака Иванка со своим мужем Джаредом Кушнером, старшая сестра Мэриэнн Трамп-Барри, ушедшая в 2019 году на покой с должности федерального судьи, а из прочих, например, беззаветно лояльная Келлиэнн Конуэй. Вот она-то как раз при необходимости готова спокойно и уверенно объяснить любому, что «факты» бывают и «альтернативными».

Лично с ними я, к сожалению, поладить не успел, хотя к Конуэй однажды подходил представиться и передать челобитную насчет президентского интервью. Ответа не дождался, что и не удивительно: все связанное с Россией тогда уже было в Вашингтоне абсолютно политически «зачумленным». Скорее надо удивляться тому, что меня вообще еще пускали на порог Белого дома.

Особенно мне хотелось познакомиться с Кушнером — из-за его поистине сказочной семейной истории. Зять президента США оказался внуком… белорусских партизан, о чем сам же и рассказал перед выборами 2016 года на страницах принадлежавшей ему газеты New York Observer.

Как выяснилось, его бабушка Рая спаслась из Новогрудского гетто и встретилась со своим будущим мужем Иосифом в партизанском отряде братьев Бельских. После того как я пересказал для ТАСС статью Кушнера, об этом много писали в российской и белорусской прессе.

Но вот внятного объяснения того, как советский партизан Иосиф Кушнер, перебравшийся в 1949 году за океан в возрасте 27 лет в качестве беженца, стал крупным магнатом-застройщиком и меценатом, завещавшим семье перед смертью за несколько дней до своего 63-летия уйму недвижимости, пока на глаза не попадалось. А интересно было бы почитать.

Как бы то ни было, Джаред написал тогда о своих предках в газету для того, чтобы доказать избирателям, что его тесть — кто угодно, но только не антисемит и не расист. Подозрения на этот счет сохраняются, кстати, и по сей день, даже несмотря на то что Иванка, выходя замуж, приняла иудаизм. Трамп позже говорил, что очень этому рад, хотя это и «не было запланировано».

Ныне и дочь, и зять — старшие советники президента США в аппарате Белого дома. И круг обязанностей у них весьма широкий. У Джареда он распространяется от американских инноваций до внешней политики.

Если верить книге Вулфа, именно Кушнер «с помощью Генри Киссинджера» организовывал первую личную встречу Трампа с

председателем КНР Си Цзиньпином во Флориде, запомнившуюся прежде всего тем, что во время нее США нанесли ракетный удар по Сирии. Упоминается и о неких «встречах с россиянами», к которым Киссинджер якобы тоже прикладывал руку, и о консультациях с ним по поводу Мексики.

Кушнеру по молодости лет и неопытности (ему только в 2021 году должно исполниться 40, жена на несколько месяцев моложе) покровительство патриарха американской геостратегии было и лестно, и реально полезно, поскольку ему помимо всего прочего поручено было заниматься Ближним Востоком. А Трамп, по словам Вулфа, не раз повторял: «Генри Киссинджер говорит, что Джаред станет новым Генри Киссинджером».

Автор, правда, считает, что в этих словах «комплимент сочетался с издевкой». Он также приписывает Киссинджеру фразу о том, что при Трампе в Белом доме на первых порах шла «война евреев с неевреями».

Оставляя это на совести Вулфа, можно констатировать, что внутренние распри в президентском окружении действительно всегда были, есть и, надо полагать, будут. И, например, Стивен Бэннон, бывший «главный стратег» Белого дома, считавшийся заодно и главным идеологом популизма, продержался считаные месяцы после того, как Джаред решил, что он слишком много на себя берет. Должность незадачливого серого кардинала была упразднена, а функциональные обязанности переданы Конуэй.

Под конвоем

Самого Трампа я живьем видел буквально несколько раз — сначала на предвыборной встрече в его именном вашингтонском отеле, а потом в Белом доме. А из личного опыта общения с его командой мне, конечно, памятна прежде всего история с… Петром Порошенко.

В июне 2017 года тот приезжал с очередным визитом в Вашингтон в качестве президента Украины. Я отправился в Белый дом, где его принимали, в расчете на то, что на выходе он, как часто бывало с такого рода гостями, остановится покрасоваться перед американскими телекамерами и скажет что-нибудь местному журналистскому пулу прямо у подъезда. Или, как тоже случалось, пешком пройдет пару сотен метров до Пенсильвания-авеню, где его за оградой резиденции ожидал собственный украинский пул. С Юлией Тимошенко я в свое время прошагал эту дистанцию бок о бок и успел по дороге что-то у нее спросить.

Но в этот раз украинский гость, ничего не сказав, сел у

подъезда в лимузин и поехал к КПП у ворот. Я бегом припустил следом, чтобы успеть к началу общения с журналистами. Но охрана меня притормозила, пояснив, что сначала должна пропустить кортеж.

В итоге, когда я выскочил из железной калитки, Порошенко уже стоял на Пенсильвания-авеню и общался с людьми. Долговязую фигуру его было хорошо видно, и я нацелился прямо на нее, на бегу доставая диктофон. Подбежал и сунул ему под нос.

И только тут понял, что говорит-то он (кстати, по-русски) не с репортерами, а со своей свитой. То есть общение с журналистами еще и не начиналось, и те продолжали томиться чуть поодаль, метрах в десяти-пятнадцати.

Я тут же убрал руку с диктофоном, извинился и пошел по направлению к телекамерам. Но сзади раздался окрик по-английски: «Эй, ты! Стой!»

Конечно, английское you — это скорее «вы», чем «ты». Но в данном случае тон не оставлял сомнения в том, как ко мне обращался высокий и немолодой американский охранник в штатском.

Я остановился, обернулся и услышал новую команду: «Вали отсюда!»

Вот это уже становилось интересным. «С какой стати, офицер? — спросил я. — Мы с вами на улице, в публичном месте. Я журналист, вот мое удостоверение и пропуск в Белый дом. Вон там сейчас будет подход к журналистам, я имею полное право в нем участвовать. Туда и пойду».

«Нет, не пойдешь», — твердо ответил охранник. А на еще одну мою попытку «качать права» просто подозвал пару агентов в форме и велел меня увести.

Те, пока конвоировали меня, успели объяснить, что, с их точки зрения, мы находились все-таки не в публичном, а в закрытом охраняемом пространстве. Отрезок Пенсильвания-авеню перед Белым домом и Минфином США действительно был отгорожен желтыми полицейскими лентами. Это там обычное дело — тем более, что со времени терактов 11 сентября 2001 года этот участок дороги вообще не проезжий, а пешеходный. Вот за это оцепление меня и отвели.

Однако парадоксальность ситуации заключалась в том, что пропуск в Белый дом позволял мне проходить сквозь это оцепление. И хотя общение с Порошенко на улице я уже упустил, мне все-таки логично было не шагать несолоно хлебавши в свой офис, а вернуться в «пресс-сарай», как я называл владения пресс-службы президента США, чтобы попытаться добыть хоть какие-то

подробности состоявшихся встреч.

Охранник, стерегший проход через оцепление, при моем приближении слегка опешил. «Это разве не вас сейчас выводили?» — спросил он. «Меня», — согласился я и предъявил пропуск. Он еще больше удивился, но проконсультировался со своим начальством и все же меня пропустил.

Под санкциями

Задним числом вся эта цепочка событий кажется мне совершенно понятной. Убрать меня наверняка попросили украинцы. Если и не сам Порошенко (хотя и с ним мы в Вашингтоне до этого уже сталкивались: я обращался к нему исключительно по-английски, величал не иначе как Mr. President и получал ответ на свои вопросы), то кто-то из его окружения. С ним стоял, например, украинский посол в США, который уж точно знал, кто я такой.

Я ведь уже упоминал, что в 2015–2016 годах, работая за океаном, невесть почему находился под украинскими санкциями. Теперь поясню: с какого-то перепугу мне в числе других рядовых российских журналистов был запрещен въезд в Украину. Потом, в том числе и под давлением западных правозащитных структур, эти ограничения были сняты.

Помню, когда все недоумевали и возмущались по поводу введения санкций (было даже, как в старое время, сделано официальное заявление ТАСС), генеральный директор нашего агентства Сергей Михайлов рассказал мне анекдот про двух клоунов. Оптимист жалуется: «Никуда не зовут выступать, забыли». Пессимист возражает: «Никуда не зовут выступать. Помнят…»

Но это предполагает, что я все же был чем-то виноват перед Киевом. А я такой вины не знаю, не считая разве только того, что раз-другой мне удавалось опережать того же Порошенко с новостями о решениях МВФ по украинским займам. Но там все было «в рамках правил»: у меня имелись в Фонде свои источники, которыми я и пользовался…

Мы не сделали скандала

Как бы то ни было, история с конвоированием была, конечно, вопиющей. Я считал и считаю, что если бы нечто подобное произошло с кем-нибудь из американских журналистов в Москве,

то хай по поводу свободы слова и прессы был бы поднят до небес.

Мы скандала не раздували: я сам же первый и рекомендовал своему руководству этого не делать. Каюсь, счел более выгодным просто записать это лыко в строку, чтобы за Белым домом числился должок. Хотя в итоге он так и остался неоплаченным.

Претензии я предъявил тогда вышеупомянутому Спайсеру. Он досиживал в кресле пресс-секретаря последние недели и на всякий случай пригласил на разговор еще Сару Хакаби-Сандерс, которая позже его сменила.

Когда я им рассказал о случившемся, они поначалу просто не хотели верить, что американская охрана могла вмешаться в подобную ситуацию, тем более за оградой Белого дома. Согласились, без особой уверенности, «попробовать навести справки».

Советовали обратиться еще в Ассоциацию корреспондентов при Белом доме, в которой я состоял. Сказали, что никаких интервью Трампа зарубежным СМИ не планировалось, в том числе и перед готовившимся тогда саммитом лидеров «Большой двадцатки» мировых держав. Обещали «иметь в виду» и нашу тассовскую заявку.

В ассоциацию я обратился, но без всякого толку. Впрочем, и сам, конечно, заведомо не питал в данном случае никаких иллюзий по поводу «журналистской солидарности». Пометил себе на будущее, что в подобных ситуациях обязательно надо записывать фамилию и должность охранника или другого чиновника, допускающего самоуправство.

Но в целом сделал вывод о том, что надо либо сразу скандалить и качать права, либо уж следовать русской пословице: после драки кулаками не машут.

«Лучше горькая, но правда…»

Возвращаясь к Трампу и своим симпатиям к нему, могу добавить, что мне в нем импонирует еще и непримиримая ненависть к политкорректности.

Да, он бывает неуклюж и даже грубоват в стремлении называть вещи своими именами (как говорят американцы, «лопату называть лопатой»). Да, я сам не раз говорил и писал, что притворная вежливость лучше, чем искреннее хамство.

Но политкорректность, как она практикуется сейчас в США, — это в конечном счете удушливая, подкрепленная обычаем, а порой и законом неправда. Системная, маскирующаяся под правду и справедливость и этим, по моему

убеждению, даже более опасная, чем обезоруживающее в своей откровенности бахвальство нынешнего американского лидера. Чем она чревата, наглядно показали в 2020 году беспорядки и погромы под лозунгом «Жизнь черных имеет значение!»

В принципе, конечно, хрен редьки не слаще. Но я согласен с Филатовым, который в своей сказке писал: «Лучше горькая, но правда, чем приятная, но лесть». И на месте американцев я без раздумий инстинктивно проголосовал бы за Дональда, если бы мне пришлось выбирать между ним и Хиллари.

Собственно, за исключением либеральной элиты, добрая половина Америки так в 2016 году и сделала. А если та же элита это отрицает, то лишь расписывается в собственном антидемократизме.

Кстати, мне иной раз доводилось чувствовать себя большим демократом, чем сами американцы, когда я доказывал в США недовольным, что и Буш-младший, и Обама, и Трамп были законно избраны народом по установленным в стране правилам. Чувство было странное, но не скажу, что неприятное…

Трамп давно «одержим Россией»

Что до нас в России, то нам, конечно, не могло не нравиться декларируемое Трампом стремление поладить с Москвой. Об искренности и истоках его судить сложно, но доподлинно известно, что оно во всяком случае очень давнее. Известный американский врач и ученый-медик, создатель дефибриллятора Бернард Лаун в свое время рассказал журналу Hollywood Reporter, что Трамп еще в 1986 году «был одержим Россией».

На момент, когда пишутся эти строки, самому Лауну 99 лет и он живет на покое в Ньютоне (штат Массачусетс), хотя и продолжает числиться почетным профессором кардиологии в Гарвардском университете. Но три-четыре десятилетия назад он активно занимался и научной, и общественной деятельностью. В 1985 году они с советским коллегой Евгением Чазовым получили Нобелевскую премию мира, которой была удостоена возглавлявшаяся ими организация — Врачи мира за предотвращение ядерной войны. Тогда же их принимал Михаил Горбачев.

А вскоре после этого Трамп неожиданно напросился к Лауну в гости, чтобы расспросить его о советском лидере. Вот рассказ медика, чья семья в свое время перебралась в США из Литвы, об этой встрече:

«Он мне сказал: „Я слышал, Вы встречались с Горбачевым и

долго с ним беседовали. А вы врач, так что можете правильно оценить, что он из себя представляет…“

Я его спросил: „А вам это зачем?“, и он ответил: „Хочу позвонить своему доброму другу Ронни [Рейгану], чтобы он меня назначил полномочным представителем Соединенных Штатов у Горбачева“.

Прямо так и сказал. И заявил, что поедет в Москву, сядет с Горбачевым за стол… и „через час с холодной войной будет покончено“.

Я был поражен. Сидел и думал: „Что он о себе воображает? Он вообще в своем уме?“»

Напомню, что Трампу на тот момент не было еще и сорока лет. Лаун, по его словам, минут двадцать рассказывал гостю о своем общении с Горбачевым. Как ему показалось, собеседник слушал его невнимательно. «Он ерзал, и мне стало ясно, что внимание у него неустойчивое», — сказал специалист.

На это, кстати, Трампу пеняют до сих пор. Кое-кто даже усматривает у него со стороны симптомы «болезни Альцгеймера» (он, например, уже в президентские годы несколько раз публично утверждал, что его отец родился в Германии, хотя то был его дед) и требует углубленного обследования.

Лауну же показалось, что у его посетителя просто были на уме какие- то скрытые мотивы, которыми тот не делился. «Но во всяком случае это создает некий протяженный контекст, начиная с 1986 года, в плане этой его фиксации на России, тогда еще Советском Союзе», — сказал врач.

Больше они с Трампом, по его словам, никогда не общались. Но теперь мы знаем, что тот, став президентом США, сохранил интерес к теме ядерного разоружения и, в частности, активно занялся проблемой денуклеаризации Корейского полуострова. Это непреложный факт, даже если действующему президенту, как подозревают критики, просто не дают покоя лавры миротворца. Так или иначе, мне всегда казалось, что он не обращает особого внимания на детали, но в главном неуклонно гнет свою линию.

Люди важнее принципов

К тому же нынешний американский лидер в отличие от профессиональных политиков дает основание думать, что для него люди важнее принципов. Для меня это принципиально важно, уж извините за тавтологию.

Кто бы и в чем бы его ни винил, но новых войн Трамп пока не развязывал. А в июне 2019 года в последний момент отменил уже

подготовленный удар по Ирану после того, как ему доложили, что в результате погибнут до 150 человек. Решил, что это несообразно высокая цена за политический жест, который должен был стать ответом на уничтожение иранцами американского беспилотника.

Немного позже он отказался от важной встречи с афганскими талибами в своей загородной резиденции в Кэмп-Дэвиде из-за теракта в Кабуле, унесшего дюжину жизней.

«Они хотели немного улучшить свои переговорные позиции и для этого убили 12 человек, но со мной такое не проходит», — сказал журналистам хозяин Белого дома. И добавил, что для него это поставило крест на долгих и сложных переговорах, которые вел в Катаре его спецпредставитель Залмай Халилзад. Речь шла ни много ни мало о прекращении войны, которую американцы вели в Афганистане к тому времени 18 лет; договоренность считалась практически достигнутой.

В обоих случаях Трампа резко критиковали в США за импульсивность. Но он человек, а не робот. По-моему, это нормальная человеческая реакция: не желать, чтобы политические решения оплачивались кровью. И тем более делает ему честь то, что он эту кровь не делил на американскую и чужую — афганскую или иранскую…

Впрочем, пора перейти наконец к теме, больше всего отравляющей в последние годы американо-российские отношения. К вакханалии, устроенной в Вашингтоне вокруг приписываемого Москве «зловредного вмешательства» в американские выборы.

9.2 «Руссогейт», или Кто к кому вмешивается

По-моему, при обсуждении «Руссогейта» прежде всего следует четко разграничивать как минимум три разных понятия. Первое — это вмешательство или попытки вмешательства в чужие избирательные процессы, например, с помощью кибератак. Второе — реальное изменение или искажение результатов голосования вследствие таких усилий. Наконец, третье — сговор кого-либо из кандидатов с внешними силами для получения преимущества или завоевания победы на выборах.

Второе и третье не доказано. Как ни силился прокурор Мюллер найти следы «сговора» между штабом Трампа и Россией, как ни подзуживала его к этому вся антитрамповская и антироссийская рать, ничего у них не вышло. «Бились, бились, да только сами разбились», — как в сказке про военную тайну у Аркадия Гайдара.

Но первое обвинение американцы считают доказанным своей разведкой. И я, например, в отличие от российских госчиновников с этим не спорю.

Потому что считаю, что вмешиваются друг к другу по мере сил все, всегда и везде. А уж когда речь идет о такой важной для всего мира стране, как Америка, то тем более. Она на всех влияет, и все, в свою очередь, разумеется, хотят как можно больше про нее знать (шпионят же тоже все против всех, как сами США заявляли, например, в свое оправдание после разоблачений Эдварда Сноудена), а по возможности — и влиять на нее в свою пользу.

Повторяю, что, на мой взгляд, это касается всех — от ближайших соседей США, Мексики и Канады (Россия, кстати, тоже ближайшая соседка через Берингов пролив), до географически далеких мест вроде королевства Эсватини (это бывший Свазиленд, называю его исключительно ради экзотики).

А дальше, конечно, нужно в любом случае разбираться конкретно. Если попытки вмешательства выявлены, то от кого они исходят, причастно ли к ним государство, не являются ли они провокацией «под чужим флагом», чем все это подтверждается и т. д. и т. п. Я не специалист, но и по своему журналистскому опыту понимаю, что подобных вопросов и сомнений — тьма тьмущая.

Бледная немочь

Я читал выкладывавшиеся американцами в открытый доступ документы: от исходного публичного доклада Национальной разведки США и печально известного скабрезного «досье» на Трампа, составленного экс-сотрудником британских спецслужб Кристофером Стилом, до обвинительных заключений следственной бригады Мюллера, например, против россиян из «Агентства интернет-исследований» в Санкт-Петербурге.

Общее впечатление от этих бумаг — совершенно бездоказательная бледная немочь. Сляпанная «на коленке», причем явно на заказ — политический, а в случае со Стилом и коммерческий. Даже удивительно, как американские налогоплательщики своим силовикам деньги платят за подобное творчество.

Но главное даже не это. Я глубоко убежден, что если бы на выборах победила Клинтон, как все и ожидали, то никакого разговора на все эти темы вообще и не было бы. За океаном политологи и пресса задним числом признают, что в

администрации Обамы прекрасно знали и видели попытки вмешательства с разных сторон, но молчали, чтобы не бросать и тени сомнения на ожидавшуюся победу своей ставленницы. А скандалить принялись только после того, как получили на выборах отлуп от собственных избирателей.

Кстати, стоит пояснить, что Обама изо всех сил поддерживал Клинтон и без ограничений предоставлял в ее распоряжение свой «административный ресурс» из-за того, что боролся еще и за сохранение собственного политического наследия. По этой же причине он и после выборов продолжал активно подрывать легитимность президента-республиканца. А тот действительно сразу после вселения в Белый дом стал демонтировать все сделанное предшественником, начиная с его программы «Обамакэр».

Если уж кто и вмешивался в американские предвыборные процессы, так это прежде всего традиционные друзья и союзники Вашингтона, а заодно и те, кто старательно набивается ему в друзья, — вроде Украины. И, опять же, не для того чтобы повлиять на результат, который всем казался заранее предрешенным, а просто, чтобы «зафиксировать прогиб». За Клинтон и против Трампа открыто или почти открыто агитировали политики и СМИ в Европе и других местах.

Для меня лучшей иллюстрацией такого подхода служит опубликованная после выборов карикатура, на которой грустный арабский шейх, потупя взор, спрашивает у Клинтон: «Как насчет возврата?» А та, злобно глядя мимо него, в ответ отрезает: «Никаких возвратов!»

Ведь общеизвестно, что до выборов в семейный клинтоновский фонд — не избирательный, а благотворительный — деньги текли рекой, в том числе из-за рубежа. А сразу после подведения итогов голосования этот поток иссяк. И даже планы платных «прощальных гастролей» Билла и Хиллари в США и Канаде провалились.

Из этой же серии и история со Стилом и его досье. Известно, что компромат на Трампа, включая слухи и домыслы самого низкого пошиба, собирался на деньги предвыборного штаба Клинтон. Использовался этот компромат в том числе и американскими спецслужбами. По ходу дела экс-глава Национальной разведки США Джеймс Клэппер и бывший директор ЦРУ Джон Бреннан в отдельных случаях вводили в заблуждение Конгресс США, в чем сами же и признавались.

«Если и было совершено преступление в виде сговора официальных лиц США по использованию иностранцев для вмешательства в американские выборы, то усилия Бреннана —

хрестоматийный тому пример», — писал историк и политолог из Стэндфордского университета в Калифорнии Виктор Дэвис Хансон. И он, и другие аналитики не исключают, что дело еще может дойти и до суда как над британцем, так и над теми, кто его нанимал.

Цена демократии

А что до Трампа, то он, как уже упоминалось, вплоть до дня голосования сам абсолютно не верил в возможность своей победы. Так какой был смысл для кого бы то ни было с ним сговариваться? Попусту тратить время, силы и деньги на то, чтобы пытаться ему помогать?

Опять-таки и это задним числом по сути признают в США. Говорят и пишут, что Россия вмешивалась в выборы не столько для того, чтобы прямо помочь Трампу, сколько для того, чтобы просто посеять в Америке разброд и шатания, подорвать всю американскую демократию в целом.

Но тогда позволительно спросить: какова цена этой демократии, если ее, по признанию ее собственных апологетов, можно вот так вот издалека и задешево подорвать?

Стоимость президентских выборов в США в последних избирательных циклах измеряется в миллиардах долларов. Правда, Трамп в 2016 году из-за неверия в успех экономил и в целом потратил почти вдвое меньше соперницы-фаворитки (примерно 398 млн долларов против 768 млн долларов). Но на 2020 год и он поставил себе нижний порог по сбору средств в 1 млрд долларов.

По-моему, чтобы эффективно вклиниваться в подобные планы со стороны, никаких денег не хватит. Другое дело, что возможен, конечно, своевременный вброс компромата — информации или дезинформации. В Америке такие вещи называются «октябрьскими сюрпризами», хотя они и не всегда приберегаются до самого последнего момента.

Летом 2016 года позиции Клинтон были серьезно подорваны публикацией данных о том, что Национальный комитет Демократической партии (НКДП) США активно подыгрывал ей во внутрипартийной борьбе с основным соперником — сенатором Берни Сандерсом. Тогда же на весь мир прогремел издевательский призыв Трампа: «Россия, если ты слушаешь, надеюсь, ты сможешь найти 30 000 пропавших электронных писем. Думаю, ты скорее всего будешь щедро вознаграждена нашей прессой».

Имелась в виду якобы бесследно пропавшая переписка Клинтон по электронной почте, которую она даже в бытность госсекретарем США в нарушение всех правил секретности вела с домашнего компьютера. Перед выборами тема была у всех на слуху: спорили о том, почему Хиллари не привлечена к ответственности за нарушение режима; утверждали, что информацию из НКДП «слили» в прессу его собственные инсайдеры, а не добыли иностранные хакеры. Тем не менее публичный призыв Трампа был сразу воспринят демократами как чуть ли не прямое доказательство его «сговора» с Россией и предательства национальных интересов.

Сам Трамп, уже став президентом, объяснял, что тогда просто «саркастически шутил с аудиторией». И, конечно, вряд ли он мог бы себе позволить всерьез публично произнести подобное, если бы действительно хоть о чем-то тайно сговаривался с Москвой. Другое дело, что, как говорится, «в каждой шутке есть доля шутки».

Мышь родила мышь

Когда весной 2019 года двухлетнее расследование Мюллера наконец завершилось безрезультатно, президент России констатировал, что «гора родила мышь».

Но оппозиция в США на этом не успокоилась и заставила престарелого спецпрокурора дополнить доклад по итогам следствия многочасовыми показаниями в Конгрессе. Он выступил настолько неудачно, что, по определению гарвардского профессора-правоведа и закоренелого трампоненавистника Лоуренса Трайба, «не только не вдохнул новую жизнь в свой обличительный доклад, но и, напротив, высосал из него остатки жизни».

Трамп, который поначалу сильно нервничал, в итоге пришел в восторг. Он даже издевательски «поблагодарил» оппозиционную Демократическую партию в Конгрессе за организацию слушаний и резюмировал: «У демократов не было ничего. А теперь у них меньше, чем ничего».

Я же для себя после выступления Мюллера внес уточнение в крылатую фразу Эзопа. Как сказала, пусть и по другому поводу, жена одного моего приятеля, в данном случае «мышь родила мышь».

Американских либералов можно понять. Они страстно уповали на спецпрокурора и в своих мечтах наделяли его сверхчеловеческими способностями. Мюллера изображали в

образе Супермена, причем буквально — вплоть до пластиковых игрушечных фигурок и комиксов.

Для «страны красивых упаковок» это нормально. Но на самом деле грозный с виду обер-прокурор — тоже всего лишь обычный человек и чиновник, всегда умевший держать нос по ветру.

«Вера в Мюллера была рождена отчаянием, — писала британская Guardian. — На самом деле он был стареющим бюрократом-республиканцем и никогда не славился серьезными вызовами людям во власти. Он был апологетом иракской войны и массовой слежки за гражданами, надежным слугой вашингтонского истеблишмента. И чтобы увидеть в Мюллере рыцаря в красном плаще, требовалось большое умение выдавать желаемое за действительное».

Правда, без такого самообмана политика не живет ни дня. И теперь либеральные СМИ в США утешаются оброненной спецпрокурором фразой о том, что обвинения в создании помех правосудию теоретически можно предъявить президенту страны и после отставки…

Кто чаще

Для полноты картины к сказанному необходимо кое-что добавить. Прежде всего напомнить, что Соединенные Штаты чаще, чем любая другая страна в мире, пытаются вмешиваться в ход выборов в других государствах.

Россиянам, которые помнят историю с «коробкой из-под ксерокса» и прямое участие заокеанских «специалистов» в президентских выборах 1996 года в нашей стране, других доказательств скорее всего не требуется. Для остальных же такие доказательства собрал научный сотрудник Института политической жизни и стратегии при университете Карнеги-Меллона в Питтсбурге (штат Пенсильвания) американец израильского происхождения Дов Левин. Он как раз на эту тему защищал докторскую диссертацию, а тут вспыхнул «Руссогейт», вот сведения и пригодились.

По этим данным, за период с 1946 по 2000 год США по меньшей мере 81 раз пытались влиять на избирательные процессы в других странах. У СССР и России Левин насчитал за те же годы 36 подобных попыток. Рассказывая об этом Общественному радио США (NPR), он упоминал и другие страны — Китай и Венесуэлу при президенте Уго Чавесе, — но количественных оценок не приводил.

Эксперт подчеркивал, что выявлял и анализировал именно

случаи вмешательства в ход выборов, а не прямые попытки «смены режимов». «Я не говорю об организации тайных переворотов, как в Иране в 1953 году или в Гватемале в 1954 году, — сказал Левин. — Я беру только те случаи, когда США пытались прямо влиять на выборы в пользу одной из сторон. Если включать и другие типы вмешательства, то общее число, конечно, может быть выше».

На просьбу привести пример, когда бы действия США принесли конкретные плоды, политолог сослался на президентские выборы 2000 года в Югославии. «Слободан Милошевич боролся там за переизбрание, а мы не хотели, чтобы он оставался у власти, — сказал он. — Мы всеми способами поддерживали кандидата оппозиции Воислава Коштуницу. Финансировали оппозиционеров, организовывали их подготовку, обучали навыкам ведения кампаний. И, по моим оценкам, эта поддержка сыграла ключевую роль и позволила оппозиции одержать победу».

Известно, кстати, что сербский опыт активно использовался и тиражировался позже организаторами «цветных революций» в других местах, включая Украину.

Левин утверждает, что примерно в трети случаев вмешательство в чужие выборы осуществляется «публично», то есть открыто. В остальных случаях такие операции проводятся тайно, «без ведома избирателей в целевой стране перед выборами».

«Публичность» не кажется ему странной: с точки зрения «продвижения демократии» борьба против того же Милошевича была, по его мнению, «добрым делом».

Да и вообще американцы без всякого стеснения и даже с гордостью признают «поддержку демократии» по всему миру официальной целью своей политики. Я в этом не раз убеждался, разговаривая, например, с бывшим советником Обамы и послом США в Москве Майклом Макфолом.

А на вопросы о том, почему они свое вмешательство оправдывают, а чужое осуждают, в Вашингтоне на голубом глазу отвечают, что просто не видят тут никакого «морального эквивалента». По мнению президента Национального демократического института (NDI) США Кеннета Уоллака, одно вмешательство можно сравнить с «лекарством для спасения жизни», другое — со «смертоносным ядом».

Что за ширмой

Конечно, подобные разглагольствования — всего лишь цветная ширма в американском демократизаторском балагане. Конкретные кукловоды на публику стараются особо не высовываться, и механизмы управления марионетками тоже обычно не видны. Но американцы в отличие от россиян сами верят в свою пропаганду и к тому же любят саморекламу, что и помогало мне пару раз все же заглядывать за эту ширму.

Так, в начале 2005 года вашингтонская компания «Рок Крик криэйтив» с гордостью объявила, что создавала и поддерживала один из основных интернет-сайтов украинской «оранжевой революции» — www.ukraineineurope.com («Украина в Европе и мире»). Спустя две недели после «исторической президентской инаугурации Виктора Ющенко» американцы, приложившие руку к его победе, решили поведать «городу и миру» о своей роли и распространили соответствующий пресс-релиз.

Они без лишней скромности утверждали, что их сайт «служил основным публичным форумом, который делал возможным политический диалог в хаотичные 12 месяцев перед голосованием», и превратился в «виртуальную площадь свободы для демократического движения» в Украине. Фирма занималась также информационно-пропагандистским обеспечением международной конференции в Киеве с участием Виктора Ющенко, бывшего президента Чехии Вацлава Гавела и экс-госсекретаря США Мадлен Олбрайт.

Согласно пресс-релизу, базировался сайт в Европе — по всей видимости в той же Чехии. Во всяком случае его американские хозяева упоминали о лицензиях, полученных именно в этой стране. Серверы были специально оборудованы — как для защиты от хакеров, так и для скоростной загрузки на компьютеры, подключающиеся к Интернету с помощью набора обычного телефонного номера. В США учли, что именно такая низкоскоростная связь с Глобальной паутиной была наиболее распространена в Украине и вообще в Восточной Европе.

Занимались вашингтонские асы политического пиара и содержанием материалов, размещавшихся на сайте, — как они сами писали, «де факто [формулированием] политики». При этом, по словам главного интернет-стратега фирмы Пола Уорда, уделяли особое внимание тому, чтобы «посетители, даже самые искушенные, не различали никаких следов причастности США».

Хозяин компании Скотт Джонсон пояснял, что этого требовали интересы «заказчика и демократического движения» в Украине. «Мы разрабатывали такие тексты, которые внушали доверие и находили отклик у всей нашей разномастной аудитории — у украинских лидеров, украинского народа, в

других европейских странах и в международной прессе», — хвалился он.

Позвонив в штаб-квартиру «Рок Крик криэйтив» с вопросом о том, кто оплачивал все эти усилия, первых лиц компании я на месте не застал. А директор по маркетингу Кристина Бэрри заявила, что источник средств — загадка для самой фирмы. «Заказчик сознательно перечислял деньги через несколько промежуточных организаций, чтобы его самого не заподозрили в неподобающем вмешательстве в политический процесс», — сказала она мне и охотно согласилась с тем, чтобы эти ее слова были процитированы.

Мне оставалось только добавить, что прежде «Рок Крик криэйтив» занималась, в частности, продвижением таких своеобразных «брендов», как ЦРУ США и НАТО. Среди других своих клиентов она называла «различные правительственные ведомства США», а также крупнейший французский военно-промышленный концерн «Талес».

В моей памяти этот эпизод был и остается прологом к политическому кризису 2014 года в Украине. Поэтому я и рассказал о нем так подробно. Но он был не единственным. Так, еще в 2011 году мне на глаза попалась примерно такая же история, только с другой вашингтонской фирмой — «Орион стрэтеджис» и другой постсоветской страной — Грузией.

В том случае подоплека политического заказа просматривалась даже лучше, поскольку хозяин «Ориона» Рэнди Шейнеманн ранее был советником известных американских «ястребов» — Дональда Рамсфелда и Джона Маккейна. Раскопавшее этот сговор между антироссийски настроенными политиками в Тбилиси и Вашингтоне либеральное сетевое издание Salon.com с горечью подчеркивало, что поддержка режима Михаила Саакашвили могла быть выгодна самому этому режиму и даже его американским покровителям, но никак не налогоплательщикам в США.

История с предысторией

В Москве американские претензии по поводу приписываемого России вмешательства во внутриполитические процессы в США воспринимаются скептически не только из-за двойных стандартов. Помимо всего прочего у этого вопроса имеется еще и давняя предыстория, прямо проецирующаяся на сегодняшний день.

Еще в 1933 году, восстанавливая дипломатические

отношения с Москвой, прерванные из-за российской революции 1917 года, власти США во главе с президентом Франклином Делано Рузвельтом настояли на официальном закреплении договоренности о взаимном невмешательстве во внутренние дела. Но нынешняя вашингтонская администрация Трампа, как мне рассказывали российские дипломаты, по меньшей мере дважды отказывалась подтвердить такое же обязательство.

Обмен нотами по итогам длительных личных переговоров между Рузвельтом и советским наркомом по иностранным делам Максимом Литвиновым состоялся 16 ноября 1933 года. В то время Америка была охвачена Великой депрессией, а СССР быстро восстанавливался после революции и гражданской войны. Власти США откровенно побаивались его идеологического влияния, но при этом хотели заручиться поддержкой сильного потенциального союзника, прежде всего в противостоянии с Японией, а также получить доступ на советский рынок.

Инициатива восстановления отношений исходила от Америки, которая оставалась на тот момент единственной крупной державой, еще не признавшей советскую власть. Ноты о невмешательстве во внутренние дела были оформлены как письмо Литвинова с изложением обязательств СССР и ответ Рузвельта о «взаимном присоединении» США к этим обязательствам.

При этом очевидно, что если американская сторона всего лишь стремилась оградить себя от возможных будущих неприятностей, то советская напоминала о вполне реальной вооруженной интервенции, имевшей место незадолго до этого на Севере и Дальнем Востоке России. По итогам встреч было, помимо всего прочего, оформлено письмо за подписью советского наркома об отказе Москвы от любых претензий, «вытекающих из деятельности вооруженных сил Соединенных Штатов в Сибири» после 1 января 1918 года.

Согласно опубликованным позже записям Литвинова, Рузвельт в одной из бесед «признал, что сам всегда сомневался в моральном праве Америки на получение царских долгов и что интервенция в Архангельске ничем не оправдывается».

«Образумься, Америка!»

В наши дни, поскольку актуальность темы сохраняется и даже усиливается, Россия летом 2017 года предложила официально подтвердить приверженность принципу невмешательства во внутренние дела друг друга. С точки зрения Москвы речь могла

идти об обмене личными посланиями на эту тему между главами внешнеполитических ведомств — по аналогии с нотами Литвинова и Рузвельта.

Российская сторона даже предложила свой вариант текста, но ответа по существу так и не дождалась. Через год ту же идею изложили уже новому госсекретарю США Майклу Помпео. Но тот, как мне рассказали на Смоленской площади, «письменно отказался накануне саммита [Путина и Трампа в июле 2018 года] в Хельсинки».

С тех пор звучали и другие подобные напоминания, также оставшиеся безрезультатными. Поэтому в Москве имеют все основания полагать, что связывать себя обязательствами Вашингтон не хочет. Зато сами россияне не видят особого смысла отвечать на упреки по поводу «морального эквивалента».

Наши дипломаты подчеркивают, что в любом случае считают принцип невмешательства в чужие внутренние дела краеугольным камнем собственной работы. И недоумевают, как вообще строить отношения с США в условиях, когда американцы превратили эти отношения в предмет своих внутриполитических споров и склок.

«Если целью России было посеять в США распри, смуту и хаос, то тогда — на фоне всех наших слушаний, расследований и [меж]партийной ненависти — они достигли успеха, на который не могли рассчитывать и в самых смелых мечтах, — писал в свое время Трамп в „Твиттере“. — В Москве надрывают животы от хохота. Образумься, Америка!»

Совет хороший, хотя на самом деле Москве не до смеха. Политическая аритмия в американо-российских отношениях довела в последние годы до того, что пульс в них вообще почти не прощупывается. По мнению многих специалистов, ситуация схожа с тем старым анекдотом, в котором оптимист — это тот, кто думает, что хуже быть уже не может.

На самом деле, к сожалению, еще как может. Вспомните мрачную шутку американского поэта Роберта Лоуэлла о том, что «свет в конце тоннеля — это просто огни приближающегося поезда…»

9.3 «Ограниченный суверенитет» по-американски

Отношения между Вашингтоном и Москвой — это, конечно, тема для отдельной книги, и не одной. Пересказывать чужие взгляды бессмысленно. Поэтому изложу свой, как он у меня сложился.

Начать придется довольно издалека. После окончания

холодной войны между Востоком и Западом, крушения «восточной» несущей опоры двухполярного мироустройства Америка возомнила себя пупом земли, «единственной незаменимой державой» с глобальными интересами и такими же привилегиями.

Полвека назад французский финансист и политик Валери Жискар д'Эстен назвал «баснословной привилегией» США роль эмитента фактически главной резервной валюты мира — американского доллара. Мне нравится это определение, но деньгами, по-моему, дело не ограничивается.

В нынешнюю эпоху информационных войн я считаю не менее важным право определять глобальную новостную повестку дня: решать, что и как должно обсуждаться и на политических, и на обычных кухнях по всему миру, фактически сортировать новости на «годные» и «негодные». Странно, но и показательно, что против узурпации этого права традиционными СМИ США восстал в конце концов даже президент их собственной страны Трамп, воюющий с либеральной прессой.

Корень всех зол

Вообще главный, на мой взгляд, корень всех зол — это притязание американских элит на «историческую правоту». В их собственных глазах оно дает им не только монопольное право на использование силы или, например, карательных санкций, но и воистину баснословную привилегию проводить для себя и других границы между правдой и ложью, более того — между добром и злом. Отвергать как «моральный релятивизм» любые ссылки на то, что у других может быть своя правда, опирающаяся на свой набор фактов.

В Вашингтоне всегда предпочитали именовать все это «лидерством», в других столицах говорили о доминировании и даже гегемонии — смысл от этого не меняется. Для себя я его определяю, как американский вариант «доктрины ограниченного суверенитета» — по аналогии с той внешнеполитической концепцией, которая при Леониде Брежневе приписывалась на Западе Советскому Союзу.

Суть этого американского подхода, как я его понимаю, заключается в притязании на то, что в «зоне интересов» США ключевые решения должны если и не прямо приниматься в Вашингтоне, то как минимум его устраивать и с ним согласовываться. Причем встречное движение не предполагается: американцы чужим мнением интересуются только тогда, когда им

это зачем-нибудь нужно, а согласия вообще ни у кого и ни на что не спрашивают.

На постсоветском пространстве самая наглядная иллюстрация такого подхода — известный разговор, в котором помощник госсекретаря США Виктория Нуланд и посол США в Украине Джеффри Пайатт обсуждали в феврале 2014 года по телефону на Майдане, кому быть и не быть во власти в Киеве. В ответ на напоминание посла об особой позиции Евросоюза по этому вопросу Нуланд — моя давняя знакомая, к которой, на мой взгляд, замечательно подходит фраза русско-украинского нашего классика Николая Гоголя о «даме, приятной во всех отношениях», — матерно послала тогда партнеров из ЕС подальше. И европейцы «умылись» и даже возмущались позже по поводу утечки этого разговора в печать.

Известны и другие примеры. Скажем, эпизод, когда в 2003 году дипломаты из посольства США в Молдавии в последний момент сорвали подписание так называемого «меморандума Дмитрия Козака», содержавшего план урегулирования конфликта в Приднестровье, — под тем предлогом, что он не был заранее с ними согласован (!). В итоге эта «горячая точка» под боком у России сохраняется до сих пор.

Работая в Вашингтоне, я регулярно наблюдал и за тем, как США фактически по своему усмотрению назначали руководителей МВФ и Всемирного банка (номинально те выбираются на свои посты), и за тем, как «на смотрины» в американскую столицу чередой тянулись претенденты на другие высокие назначения. Причем не только в международных организациях (например, в НАТО и Евросоюзе), но даже в национальных правительствах отдельных стран.

Помню в этой роли и Михаила Саакашвили, и Виктора Ющенко, и Юлию Тимошенко, и Арсения Яценюка, не говоря уже об украинской американке Наталье Яресько. Я же говорю — ограниченный суверенитет!

«Свои» и «чужие»

Соответственно, внешний мир легко делится для США на «своих» и «чужих». То есть на тех, кто «одобряет и поддерживает» установленный американцами порядок и привычно ездит в Вашингтон за «ярлыками на княжение», и тех, кто осмеливается «дяде Сэму» перечить, свое суждение иметь. Верным вассалам позволяется многое — вплоть до физического расчленения политических оппонентов. С остальными периодически

возникают проблемы.

Конечно, это противоречит любым представлениям о демократии и вообще ценностям, которые сами США любят провозглашать фундаментальными и универсальными. Но американцев это совершенно не смущает.

Они говорят (а многие и действительно верят), что их страна — «сияющий град на холме», который, подобно маяку, указывает путь в светлое будущее для всего человечества. По умолчанию подразумевается, что остальные страны должны быть за это благодарны Америке. И что в ее собственной политике благая цель оправдывает любые, даже самые негодные средства.

А что до демократии в мировых делах, так ведь в Нью-Йорке функционирует штаб-квартира Организации Объединенных Наций. И там никто никому не запрещает вести любые дискуссии. Хотя США, между прочим, имеют наглость порой даже и поругивать ООН — за неэффективность и склонность к пустопорожним словопрениям.

Скажу крамольную вещь: по-моему, американцы на самом деле вообще не очень-то верят в демократию — во всяком случае, неуправляемую. Потому что слова на этот счет у них заметно расходятся с делами.

У себя дома они полностью подчиняют демократию диктатуре закона и гордятся этим. В принципе их можно понять: верховенство закона — традиция славная и завидная.

Но ведь закон закону рознь. А в Америке та же традиция освящает, например, архаичную непрямую систему выборов и такие правила финансирования избирательных кампаний и лоббирования законодателей, которые даже сами СМИ США нередко называют «узаконенной коррупцией».

Под сенью той же традиции преспокойно сохраняются и крупнейшее в мире тюремное население, и даже фактическое неравенство людей перед законом. Никто ведь не скажет, что богач и бедняк в Америке имеют равные шансы на справедливый приговор. Полицейских и других блюстителей порядка вообще, как правило, выгораживают и освобождают от ответственности, даже если те «при исполнении» стреляют в безоружных людей.

А на международной арене США считают альтернативой своему единоличному доминированию — фактически глобальному авторитарному режиму — не многополярную демократию, а хаос, анархию.

Графически это выражается в образе «группы зеро» (G-Zero) — в противовес «семерке» (G7), «двадцатке» (G20) и другим реальным и потенциальным конфигурациям ведущих мировых держав.

Если Вашингтон при Трампе окончательно «сбросит балласт глобального лидерства», то мир останется вообще без рулевого, сказал мне в свое время основатель и руководитель нью-йоркской аналитической «Группы Евразия» Иэн Бреммер. По его убеждению, такой G-Zero world «во многих отношениях гораздо опаснее» даже былой классической холодной войны между Востоком и Западом.

Причины и следствия

Я ушел в сторону от исходной темы, но, думаю, понятно, к чему я клоню. Россия сейчас — одна из главных сторонниц многополярного мироустройства, реальной международной демократии. Она позволяет себе действовать по своему усмотрению в самых разных обстоятельствах — от защиты русскоязычного населения в странах своего ближнего зарубежья до предоставления убежища американскому диссиденту Эдварду Сноудену или прокладки трубопроводов не по указке из Вашингтона, а туда и так, как хочется самой Москве и ее партнерам.

Президент России Владимир Путин в свое время называл это реальным суверенитетом. Как он подчеркивал, им обладают в мире немногие, но наша страна им никогда не поступится.

Вот, собственно, это и раздражает США. Я целиком и полностью солидарен с такой точкой зрения. Весь мой опыт жизни и работы в Америке ее подтверждает или во всяком случае ей не противоречит.

И «Руссогейт», грянувший в отношениях Вашингтона и Москвы в 2016 году, был, по моему убеждению, не причиной, а следствием радикального ухудшения этих отношений. Во всяком случае дело уж точно было не во вмешательстве в выборы как таковом. Ведь тогда, как я уже отмечал, традиционные друзья и союзники США и тайно, и явно поддерживали Клинтон — с политических трибун, через СМИ, по каналам спецслужб. И никто им на это не пенял и не пеняет.

Хотя, например, тот же одиозный британец Стил, реально повлиявший со своим досье на ход американской предвыборной гонки, не регистрировался в США в качестве иностранного агента. Россиянку Марию Бутину за отсутствие такой регистрации американские власти надолго упекли за решетку — при том что ее былая «художественная самодеятельность» по налаживанию неофициальных контактов между Москвой и Вашингтоном выглядела, как детский лепет, в сравнении с тем, что Стил творил

для дискредитации и Трампа, и России.

Правда, из этого же следует, что и считать «Руссогейт» чисто внутренней американской разборкой, по сути вообще никак не связанной с нашей страной, тоже не совсем правильно. У нас это достаточно распространенная точка зрения, и я сам не раз так говорил и писал, но теперь все же уточню: нет, стрелки переводились именно на Россию, сознательно и целеустремленно.

«Получилось, как всегда»

Почему — вопрос открытый, и потенциальных объяснений множество. Кому-то нравится думать, что наша страна сама «подставилась» своими «неосторожными» действиями. Собственно, в Вашингтоне России как раз и предлагают «по одежке протягивать ножки» и не претендовать на статус мировой державы.

Иные вспоминают личные обиды Обамы, вызванные, помимо всего прочего, и тем, что он, насколько известно, исходно рассчитывал иметь в качестве российского партнера не Путина, а Медведева и тратил свои силы и время на налаживание взаимопонимания с последним. Ведь и президентская комиссия по сотрудничеству России и США, работавшая в 2009–2014 годах и на пике превосходившая по размаху комиссию Гора — Черномырдина, неофициально вошла в анналы как комиссия Медведева — Обамы.

Конечно, сразу приходит в голову и самый простой из возможных резонов Вашингтона — поиск внешнего врага, необходимого для мобилизации внутренних ресурсов в условиях падения могущества и авторитета Америки на мировой арене.

После распада СССР среди вашингтонских «пикейных жилетов» предполагалось, что роль «главного противника» США достанется Китаю. В ходу были геополитические концепции наподобие «группы двух» держав (G2), якобы готовых впредь делить между собой ответственность за судьбы планеты.

Теперь торгово-экономические войны США с Китаем уже идут. Но вот в военно-политической сфере на амплуа основного своего антагониста Вашингтон вернул Москву.

Объяснения задним числом можно подобрать опять-таки на любой вкус: от идеологической инерции и неприятных воспоминаний о прошлом страхе перед «советской угрозой» до недобросовестной коммерческой конкуренции и стремления потрафить «клеветникам России» из числа ее близких соседей. В Америке, как я уже упоминал на примере Билла Клинтона, это

порой приносит и внутриполитические барыши.

Как бы то ни было, при всех президентах США на моей памяти, кроме Рейгана, отношения между Вашингтоном и Москвой развивались по одной схеме. Каждая новая американская администрация сулила начать их с чистого листа и улучшить, а заканчивала очередным скандалом и еще большим ухудшением. В общем, все шло по бессмертной фразе Черномырдина: «Хотели, как лучше, а получалось, как всегда» — и даже хуже.

«Виртуальная война»

Теперь вот дожили — неожиданно скоро — и до того, что впору пожалеть об эпохе прежней системной конфронтации между Востоком и Западом. Специалисты хором утверждают, что нынешний исторический этап, который пока даже не имеет устоявшегося названия, во многом опаснее той классической холодной войны.

Тогда «равновесие страха» перед взаимным гарантированным уничтожением заставляло обе стороны хотя бы минимально считаться с интересами друг друга, искать пути сосуществования и поддержания общей безопасности, создавать страховочные договорно-правовые механизмы. А на этой почве рождалось и мало-мальское взаимопонимание, и даже взаимное уважение.

Теперь страх во многом утерян даже в старшем поколении американских политиков, и «ястребы» вроде усатого Джона Болтона, экс-помощника Трампа по национальной безопасности, самозабвенно демонтируют те самые механизмы, чтобы они «не мешали» США. А следом к власти в Вашингтоне рвется и вовсе непуганая генерация: ее становление пришлось на недолгий период «однополярного» миропорядка, и она привыкла думать, что Америке море по колено.

Это я опять к вопросу о том, «может ли стать еще хуже», чем сейчас. О своем мнении я выше уже сказал; так же настроены и многие специалисты, причем по обе стороны Атлантики.

Вот примечательное совпадение. В начале сентября 2019 года бывший главный аналитик ЦРУ США по России Джордж Биби опубликовал книгу[2], в которой утверждал, что наши страны ведут друг с другом «виртуальную войну» почти без «тормозов» и «в основном без правил». Он опасается, что это чревато непреднамеренным срывом в смертельное пике, к «ядерной катастрофе», хотя и думает, что ее можно предотвратить.

Буквально через полторы недели с предостережением о том,

что «угроза ядерной войны и уничтожения человечества возросла — даже при отсутствии у сторон намерения ее развязывать», выступила группа российских исследователей во главе с Сергеем Карагановым. Опасения аналитиков в России и США оказались поразительно схожими, хотя работали те совершенно независимо друг от друга.

Мне определение «виртуальная война» кажется, к сожалению, вполне обоснованным. И я, как и Биби, не склонен забывать о том, что у обеих наших стран виртуальные возможности подкреплены абсолютно реальной и чудовищной по своему разрушительному потенциалу военной мощью.

Кстати, Запад считает, особенно после распада СССР, что он несравненно сильнее России по всем статьям — политической, экономической, военной. Допустим, пусть так. Москва и сама всегда подчеркивает, что не лезет на рожон, а лишь купирует, причем как можно более экономно, угрозы для своей безопасности.

Но вот чего я не могу взять в толк: разве пытаться загнать Россию в угол — это правильная, безопасная стратегия для самой Америки? Даже для тех же «ястребов»? И уж тем паче — для увенчанного нобелевскими лаврами либерала Обамы?

Кашу-то ведь нынешнюю еще он заваривал. Где же был его хваленый рационализм? Он же вроде божился «не вляпываться в дерьмо по глупости». А тут ради чего рисковал будущим своих детей? Ради мелочных партийных интересов? Или просто исходил из того, что его время истекло и это в любом случае уже не его проблема?

Я этого не понимал и не понимаю.

«Беззападность»: кто в изоляции?

Ну и уж заодно, в том же духе. О друзьях и союзниках.

Сколько в мире должно быть «полюсов», пусть разбираются специалисты. Сам я вообще-то считаю, что мир всегда был, есть и, видимо, будет сложнее любых умозрительных схем.

Но вот признанный корифей геополитики Киссинджер еще полвека назад вывел формулу «треугольника» в составе США, России и Китая. По его убеждению, среди трех вершин этой стратегической фигуры в лучшем положении находится та, которая ближе к двум остальным, чем те друг к другу.

Наверное, всем ясно, что сейчас самая удаленная от других вершина — в Вашингтоне. И американские специалисты наперебой предупреждают власти собственной страны о том, что

те своей политикой фактически толкают Москву и Пекин в объятия друг друга.

Об этом же толковали в 2020 году и участники Мюнхенской конференции по международной безопасности, включая глав МИД России и Китая. Главной темой форума стал выразительный политический неологизм — «Беззападность».

После распада СССР, когда американцам хотелось побольнее уколоть Россию, они язвили, что, мол, все ее друзья и союзники чохом переметнулись на Запад. А саму ее, дескать, чуть ли не из милости сначала пригласили присоединиться к «Большой семерке» ведущих западных держав, но потом исключили из этого клуба. И грозили дальнейшим усилением «международной изоляции».

Но вот теперь при Трампе Москву по сути зазывают обратно. Она прямо не отказывается, но и большого энтузиазма не проявляет.

И не только потому, что дорожит своим суверенитетом. Наряду с принципиальными есть и более приземленные, прагматичные причины. Ведь и по численности населения, и по размерам экономики (по паритету покупательной способности) «семерка» уже уступает группе БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР). В управлении мировыми финансово-экономическими процессами ведущую роль взяла на себя «Большая двадцатка».

А у США столько проблем с собственными традиционными союзниками и партнерами, включая Францию и Германию, что американская и в целом западная пресса постоянно пишет о международной изоляции… Вашингтона.

Причем прежде всего — именно в G7. Буквально каждый саммит группы при Трампе сопровождается рассуждениями специалистов и СМИ по обе стороны Атлантики о том, что никакой единой «семерки» больше нет, а есть формат «6 + 1», в котором партнеры США пытаются общими усилиями урезонить, а порой и обуздать капризного и непредсказуемого «старшего брата».

И даже публично все чаще признают — как, например, хозяин саммита 2019 года француз Эмманюэль Макрон, — что эпоха западного доминирования, когда члены клуба могли келейно решать любые вопросы в своем узком кругу, безвозвратно уходит в прошлое.

«Ладить — это хорошо»

В американо-российских отношениях в обозримой перспективе никто ничего хорошего не ждет. В доктринальных документах силовых ведомств США наша страна официально отнесена к стану неприятелей. Смысл наших собственных доктрин мне один знакомый дипломат в свое время сформулировал предельно доходчиво: «Наша линия — как в свое время на электрических столбах писали: „Не влезай, убьет!“».

Биби в своей книге призывал открыто отказаться от стремления к партнерству и заняться вместо этого инвентаризацией разногласий и вообще «антикризисным управлением». Караганов с коллегами предлагали «поставить в центр общей политики укрепление взаимного ядерного, стратегического сдерживания». Призывы аналитиков, насколько мне известно, резонируют и в официальных «коридорах власти».

Но я все же считаю, что не все так плохо. Прежде всего потому, что простые американцы, по-моему, всегда хотели и теперь хотят не враждовать с Россией, а поддерживать с ней нормальные отношения. И совсем не случайно чуткий популист Трамп даже в разгар «Руссогейта» твердил, что «ладить» с Москвой — «это хорошо, а не плохо».

Да, под влиянием оголтелой антироссийской пропаганды последних лет общественное мнение в США о нашей стране меняется не в лучшую сторону. Но даже на своем личном веку я уже не раз наблюдал приливы и отливы подобных настроений.

Летом 2019 года я общался с группой американских студентов, приезжавших учиться в Москву. Спрашивал их, в частности, о том, что им кажется ошибочным в представлениях россиян об Америке. «Вам кажется, будто мы все время думаем про вас плохо, а это не так», — ответила мне одна темнокожая девчушка из американской глубинки.

Сколько раз я слышал за свою жизнь нечто подобное — не перечесть. И смысл не в том, будто американцы на самом деле думают про нас хорошо, а в том, что они в подавляющей массе своей вообще про нас не думают. И это правильно, так и должно быть: все заняты своими делами и оглядываться на чужих людей, живущих где-то за тридевять земель, совершенно не обязаны.

О таких вещах голова должна болеть «у начальства». А в этом смысле я сохраняю определенные надежды на Трампа и его единомышленников.

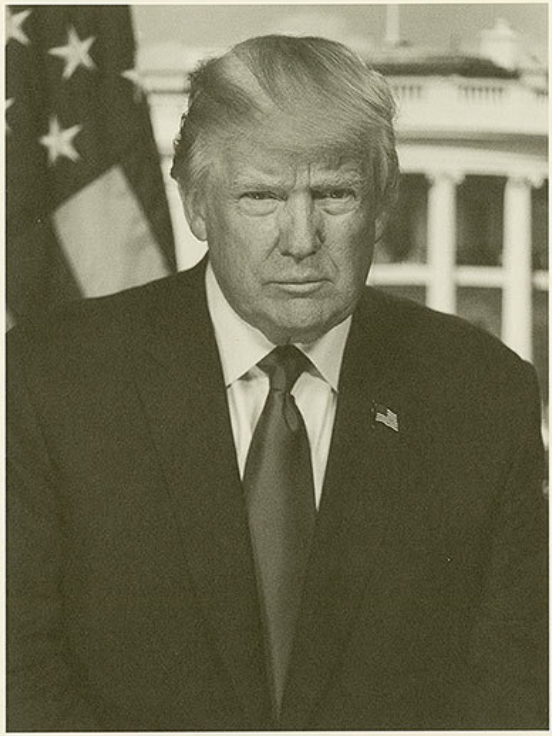
Понятно, что власти США от своих претензий на глобальное доминирование без боя не откажутся. Но Трамп, будучи американским националистом, признает и чужое право на защиту национальных интересов. Для него суверенитет — не пустой звук.

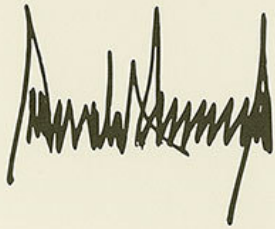
«Будущее не принадлежит глобалистам; будущее

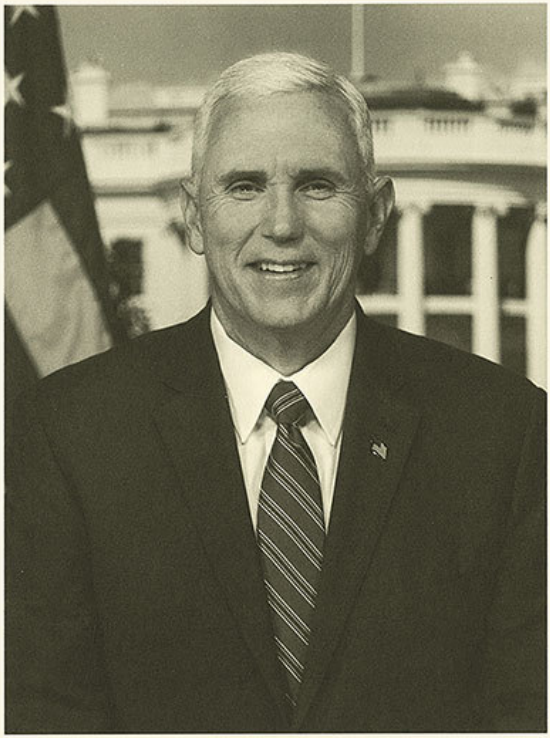
принадлежит патриотам», — сказал он осенью 2019 года с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН. И добавил: «Прописная истина: если хочешь свободы, гордись своей родиной. Если хочешь демократии, береги свой суверенитет. А если хочешь мира, люби свой народ».

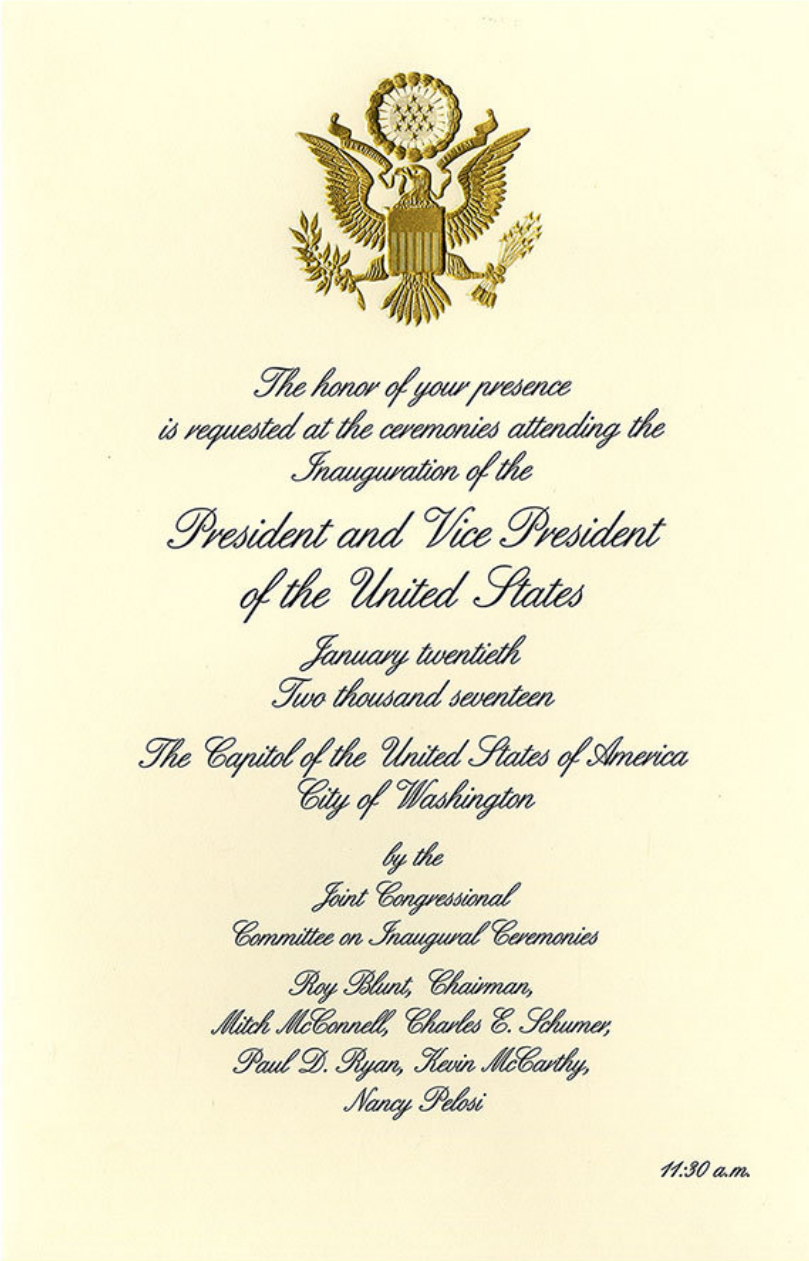
По-моему, с этим трудно не согласиться руководству любой страны. А значит, и в отношениях с США все же еще не все потеряно. Поладить все-таки можно. Просто заниматься этим придется, на мой взгляд, уже не нынешнему, а следующим поколениям лидеров.

Фото к Главе 9:









9.1 Приглашение на церемонию инаугурации Д. Трампа и М. Пенса с их фотографиями, 20.01.2017

9.2. Первый пресс-брифинг генерала Майкла Флинна в Белом доме, 1 февраля 2017 года. Слева — Шон Спайсер

9.3. Делегация ТАСС в Белом доме: автор, М. С. Гусман, пресс-секретарь президента США Джей Карни, В. Н. Игнатенко, С. В. Михайлов

9.4. Полицейский поит лошадь из фонтана у Белого дома

Часть 3. Профессиональный разговор

Глава 10. «Пресс-сарай»: быт и нравы журналистского корпуса при Белом доме

По молодости лет глаза у меня были завидущие, и я нередко ревниво сравнивал чужой фасад со своей изнанкой. Но как-то в Вашингтоне мне пришло в голову, что завидовать надо самому себе.

Я не знаю места более щедрого на профессиональную отдачу для журналиста-международника, чем северо-западная калитка Белого дома на Пенсильвания-авеню. (Ну разве что штаб-квартира ООН при съезде высоких гостей на открытие очередной сессии Генеральной Ассамблеи.) Если возле нее стоять, как я нередко говорил себе и другим, то рано или поздно мимо тебя пройдет почти весь мир. Тем более, что оттуда и до МВФ и Всемирного банка рукой подать.

В двух шагах от Овального кабинета

В Белом доме этот вход — ближайший к рабочему западному крылу и тому подъезду, охраняемому морскими пехотинцами, от которого гостей проводят в Овальный кабинет. Там постоянно дежурит шеренга телекамер, там же рядом располагается и «пресс-сарай», как я его называю, то есть пристройка с залом для брифингов и кабинетами сотрудников пресс-службы президента США.

Многие годы работы в Вашингтоне я был единственным российским журналистом, имевшим постоянный рабочий пропуск в Белый дом, так называемый hard pass. Возможно, дело было в том, что я его получал еще до терактов 9/11, когда режим безопасности в госучреждениях США был, на мой взгляд, довольно беспечным.

Хотя и после этого получить пропуск, пройдя предварительные проверки, было вполне реально. Среди моих знакомых в пресс-пуле Белого дома было немало иностранцев: от англичан и канадцев до немцев, французов и итальянцев; от японцев и китайцев до симпатичной турчанки и пары индийцев.

Правда, некоторые зарубежные СМИ, прежде всего те же японцы, предпочитали отправлять на брифинги своих нанятых на месте сотрудников-американцев. Но в любом случае почти все мы из этой интернациональной журналистской братии все же не были по-настоящему полноправными обитателями «пресс-сарая».

Например, ни у кого, кроме англичан, не было постоянных, закрепленных за ними кресел в небольшом по размеру зале, выстроенном на том месте, где при Франклине Делано Рузвельте, нуждавшемся в водных процедурах, размещался президентский бассейн. Но британские СМИ по понятным языковым и политическим причинам вообще действуют в США практически наравне с местными и, скажем, агентство Reuters (Рейтер) имеет в Белом доме кресло в первом ряду — вместе с американским Associated Press и ведущими местными телекомпаниями.

Права и обязанности

Помимо привилегий, принадлежность к основной части пресс-пула налагает и определенные обязанности. Прежде всего — по участию в посменных дежурствах, как в самом Белом доме, так и на выезде. Организуются они для того, чтобы любая информация, поступившая от президента или из его окружения, гарантированно дошла до всего журналистского корпуса.

Дежурства, конечно, не круглосуточные: расписание главы государства обычно известно заранее, да и по ходу дела пресс-служба может давать отбой, оповещая журналистов, что до такого-то часа новостей можно не ждать. Но все же участие в ротации — дело довольно обременительное. Особенно если президент, скажем, отправился в выходной день играть в гольф, а пресс-пул томится от безделья где-нибудь неподалеку.

При этом дежурство ответственное. Пересказать своими словами, где президент был и чем занимался, недостаточно. Если он или его гости что-то публично говорили, нужны дословные цитаты, пригодные для использования всеми членами пула. А в нем участвуют самые разные издания: и американские, и международные; и столичные, и провинциальные; и политические, и экономические; и общего профиля, и рассчитанные на конкретную целевую аудиторию, включая, например, ЛГБТ-сообщество, то есть сексуальные меньшинства.

В общем, наверное, понятно, почему я никогда не претендовал на полноправное участие в пресс-пуле. Был, правда, соблазн поддержать коллег-иностранцев в Белом доме, когда те в конце правления Обамы сформировали собственный пул и потребовали доступа на встречи с участием зарубежных гостей. Но я рассудил, что в конечном счете и эта овчинка не стоит выделки: куда мне было нужно, я, как правило, попадал и так, договариваясь с пресс-службой «на разовой основе».

Поэтому же я всерьез не добивался и постоянного кресла в

«пресс-сарае». Да, изредка случались аншлаги, когда оно точно пригодилось бы, даже и среди заднескамеечников. Но по большей части, на мой взгляд, было выгоднее побыть сквоттером, то есть занять чужое пустующее кресло в первых рядах. Или даже просто постоять час-другой в непосредственной близости от подиума — пусть на ногах, но зато и на виду, имея больше шансов на то, что твое желание задать вопрос будет замечено.

Закругляя тему, скажу, что однажды при Буше летал с пресс-пулом американским самолетом сопровождения в ходе президентского визита в Россию. Задним числом сильно пожалел: никаких особых удобств и привилегий, включая доступ к ньюсмейкерам, это тогда не дало, а счет потом — чуть ли не через год! — выкатили двойной или тройной по сравнению с расценками коммерческих авиалиний.

«Высокопоставленные источники»

В мое время брифинги в Белом доме проводились практически ежедневно, и это, конечно, было важным подспорьем в работе. Всегда можно было попробовать получить из первых уст — от пресс-секретаря или другого помощника президента США — комментарий по текущим событиям, что называется, на злобу дня.

Это, разумеется, было гораздо лучше, чем письменно просить об откликах пресс-отдел Совета национальной безопасности, курировавший иностранную прессу. Правда, ссылка на Белый дом обеспечивалась в любом случае, поскольку СНБ входит в состав аппарата президентской администрации. Но его сотрудники гораздо реже пользовались правом говорить от своего имени, предпочитая анонимность.

Из-за этого нам приходилось так часто ссылаться в своих корреспонденциях на «высокопоставленных представителей» правительства США, что в какой-то момент редакция даже попросила не злоупотреблять этим термином для описания источников. В Белом доме ведь так именовались все подряд, включая юных клерков, зачитывавших по бумажке утвержденные их начальством надиктовки.

Вообще, видимо, стоит пояснить, что право выступать с комментариями регламентируется гораздо жестче, чем многим кажется. Например, темы, связанные с курсом доллара и вообще способные влиять на ситуацию на рынках, в Вашингтоне от своего лица могут освещать лишь руководители Минфина и Федеральной резервной системы, то есть центрального банка

США.

Пресс-секретарь Белого дома этих вопросов, как правило, не касается, а переадресует в профильные ведомства. Хотя у него обычно есть помощник, делегированный из тех же ведомств, способный в рабочем порядке и, как правило, анонимно отвечать на текущие запросы журналистов. Вообще аппарат СНБ США и Белого дома в целом в значительной мере формируется из «прикомандированных» специалистов разного профиля.

Надиктовки на заданную тему

В том, как в правительстве США поставлена работа с прессой, я довольно подробно разбирался весной 2014 года на примере освещения событий в Украине. Навел справки у полудюжины американских коллег — мэтров вашингтонской политической журналистики. Чтобы говорить откровенно, те просили не называть в печати их фамилии и места работы.

По их словам, на тот момент дело выглядело так: утром и вечером пресс-секретари правительственных министерств и ведомств под общим руководством Белого дома проводили летучки в формате телеконференций, на которых обсуждались события дня и порядок их освещения. По основным темам определялись ключевые тезисы, которых надлежало придерживаться в комментариях. В наиболее важных случаях давались конкретные развернутые формулировки.

Затем эти заготовки доводились до прессы на регулярных брифингах или в ответ на конкретные запросы. С ключевыми изданиями и авторами поддерживались личные контакты по телефону или электронной почте — как упреждающие, для «разъяснения контекста», включая порой и уговоры насчет «правильной» формы подачи, а то и «отсутствия новости» в том или ином повороте событий, так и итоговые, для «разбора полетов».

Кстати, в ходе опроса пресс-корпуса при Белом доме, проведенного той же весной журналом Politico, 77 % репортеров заявили, что им доводилось выслушивать от чиновников претензии по поводу своих материалов, причем у 16 % опрошенных это происходило «часто, очень часто или почти постоянно». На вопрос о том, случалось ли им когда-либо сталкиваться с ложью со стороны сотрудников аппарата Белого дома, половина респондентов ответила утвердительно, а 39 % сказали, что слышали и ругань в свой адрес. «Если для тебя непереносимо, что на тебя в Белом доме кто-то орет, значит, тебе,

скорее всего, пора менять профессию», — заметил по этому поводу один из журналистов.

Не думаю, что с тех пор что-то принципиально изменилось. При Трампе, как известно, отношения между властями и прессой США серьезно обострились. А приведенные количественные показатели даже тогда были занижены: Politico ведь опрашивал и иностранных корреспондентов, аккредитованных при Белом доме, включая и меня. А с нами выяснять отношения на повышенных тонах американским чиновникам никогда не имело смысла.

Применительно к событиям в Украине описанный механизм позволял властям США через СМИ выстраивать по ранжиру «участников мирных выступлений протеста», «активистов борьбы за демократию», «сепаратистов», «мятежников», а то и просто «головорезов» (thugs). Первые, разумеется, были только «украинскими», последние — исключительно «пророссийскими».

Правда, особо «тонкой работы» от государственных агитаторов в данном случае и не требовалось. Американская пресса, умеющая быть чрезвычайно въедливой при обсуждении самых заумных или щекотливых вопросов внутренней жизни страны, как только речь заходила об Украине, закрывала глаза даже на очевидные ляпы и нестыковки. Более того, она сама зачастую обходила их в своих вопросах, а темы, предполагающие ответную критику России, наоборот, поднимала в как можно более провокационной форме. В этом проявлялся так называемый патриотический консенсус, о котором я еще расскажу.

«Театр абсурда»

Возвращаясь к работе непосредственно в Белом доме, могу с полной уверенностью утверждать, что для иностранных репортеров (да и для многих американских) право задать там вопрос и получить ответ всегда было скорее декларируемым, чем реальным. На практике оно зависело от множества привходящих обстоятельств: прежде всего, от порядков, заведенных в «пресс-сарае» соответствующей администрацией. Особенно после того, как брифинги для журналистов стали транслироваться в прямом эфире.

Завел эту традицию в 1995 году, незадолго до моего приезда в Вашингтон, пресс-секретарь Клинтона Майкл Маккэрри. Вскоре он сам об этом горько пожалел: в 1998 году грянул скандал с Моникой Левински, и на брифингах стал обсуждаться, по его собственному определению, «оральный секс в Овальном кабинете».

В принципе телекамеры на встречах с журналистами и в Белом доме, и в госдепартаменте США стояли и прежде. Но прямая трансляция не велась, содержание находилось под эмбарго до окончания брифингов, а корреспондентам ведущих информационных агентств разрешалось запрашивать короткие перерывы для передачи срочных новостей.

Первым допустил какую бы то ни было съемку на брифингах официальный представитель Госдепартамента США Ходдинг Картер. Произошло это еще сорок лет назад — во время кризиса 1979–1981 годов с американскими заложниками в Иране. Пресс-секретаря это сделало тогда на время телезвездой, и почин был позже с энтузиазмом подхвачен и развит его коллегами.

Маккэрри тоже начинал в Госдепе, тоже считался в своей профессии звездой и не случайно получил приглашение перейти в Белый дом. Но разрешение прямых телевизионных трансляций он сам позже признавал провальным решением. Брифинги «стали перформансом, театром абсурда, — каялся он. — Это моя вина, и я это признаю».

Собственно, вот эту стадию я уже и застал. Репортеры из первого ряда красовались каждый перед своей телекамерой и зачастую мусолили в разных вариациях одну и ту же актуальную на данный момент тему. Пресс-секретари безропотно отбивали подачи, повторяя по несколько раз кряду свои тезисы с нужной подкруткой. Журналисты-заднескамеечники присутствовали в роли статистов и под занавес спектакля старались вклиниться со своими вопросами. Понятно, что у иностранцев при этом шансов было еще меньше, чем у всех остальных.

Оптимальный режим

При враждующем с прессой Трампе пресс-брифинги постепенно почти полностью прекратились. А среди его предшественников самый оптимальный режим работы с прессой, на мой вкус, завел после Клинтона Буш-младший. Его команда, в значительной мере унаследованная от отца, вообще отличалась отменной выучкой и высокой штабной культурой.

При нем в добавление к основному брифингу в Белом доме стали проводить утреннюю летучку без телекамер в личном кабинете пресс-секретаря.

Там возникала толкучка, но все равно это было очень удобно: во-первых, общий разговор шел гораздо живее, поскольку у телевизионщиков пропадал смысл по десять раз переспрашивать про одно и то же (на эти встречи вообще в основном ходили не

сами ведущие программ, обычно позирующие в кадре, а их продюсеры). Во-вторых, летучки начинались в то время, когда в Москве, опережающей Вашингтон в зависимости от сезона на 7–8 часов, был еще не поздний вечер, так что можно было успеть оперативно получить отклики на российские новости дня.

Это давало и дополнительное преимущество: вопросы возникали сами собой, их не приходилось высасывать из пальца. А осмысленный вопрос — это, по моему убеждению, главное профессиональное оружие журналиста. Хороший интересный вопрос может зацепить даже того, кто изначально вообще не был расположен разговаривать.

И наоборот: худший, по-моему, кошмар для репортера — это когда ньюсмейкер перед глазами, а подходящего вопроса на ум не приходит. Поэтому вопросы — самые разнообразные, на любые случаи жизни — я постоянно и целенаправленно коллекционирую. При всяком удобном случае прошу подсказок у специалистов и просто знакомых. Придумав, услышав или прочитав где-то удачную формулировку, спешу записать. Рано или поздно обязательно пригодится. Экспромты, как известно, лучше всего удаются, когда они тщательно подготовлены.

Брифинги же по идее устраиваются для того, чтобы комментировать ход текущих событий. Соответственно, на них допускаются и приветствуются любые вопросы на злобу дня, даже для уточнения самых мелких деталей. И наоборот, неконкретные отвлеченные темы никого не радуют: пресс-секретарей они раздражают тем, что их трудно предугадать, чтобы к ним подготовиться, а пул зачастую видит в «рассуждизмах», как я их называю, пустую трату времени.

«Момент „Спутника“»

Вот для примера: я уже рассказывал о своем публичном споре о свободе с пресс-секретарем Обамы Гиббсом. Тема была, я считаю, и злободневной, и абсолютно корректной, но все же несколько умозрительной.

Речь шла не о фактах, а об их интерпретации, как в знаменитом вопросе из культового фильма Балабанова: «Вот скажи мне, американец, в чем сила?» И хотя наш с Гиббсом диспут вызвал у коллег неподдельный интерес, мой исходный вопрос об оборотной стороне американской свободы был в этом плане все же не совсем комильфо.

Другой памятный эпизод приключился в 2011 году, когда в России широко отмечалось 50-летие полета в космос Юрия

Гагарина. Накануне 12 апреля я спросил в Белом доме у Джея Карни, который к тому времени сменил Гиббса на посту пресс-секретаря, нет ли у него какой-нибудь заготовки к этой дате. Спросил без всякой задней мысли, совершенно искренне и, как позже понял, наивно.

Повисла неловкая пауза. Кто-то из местных журналистов выдохнул: «Ну вот, опять момент „Спутника“». Карни пробормотал: «Даже и не знаю, что у нас есть на этот счет. Конечно, мы поздравляем российский народ с этим историческим достижением».

«На Луну мы добрались первыми», — продолжал он, вызвав этой репликой сочувственный смех в зале. «Но… это, конечно, поразительная история. Я жил в Москве (*в 1990–1993 годах, при распаде СССР, он работал там корреспондентом журнала Time) и знаю, как горячо чтили Юрия Гагарина за его выдающееся свершение».

То есть даже спустя полвека наш яркий праздник был американцам не в радость. Моментом «Спутника» они до сих пор именуют неприятное известие, требующее ответной мобилизации сил.

Позже я об этом думал и, кажется, понял, в чем дело. После окончания холодной войны люди в США вздохнули с огромным облегчением. Ушла угроза, психологически давившая на них на протяжении десятилетий. Это позволило им внутренне «распрямиться». И, естественно, никому не хотелось и не хочется даже в воспоминаниях возвращаться в прежние времена.

«Жена Цезаря выше подозрений»

А вопрос, за который я однажды удостоился похвал от американских коллег по пулу, мне в собственной работе даже и не пригодился. При Буше, во время войны в Ираке, на брифинге принялись обсуждать тему моральной поддержки своих солдат. Пресс-секретарь (если не ошибаюсь, тогда это была симпатичная Дана Перино) с воодушевлением рассказывала, как первая леди США Лора Буш организовывала отправку на фронт посылок, условно говоря, с теплыми носками и такими же теплыми именными приветствиями военнослужащим.

Меня эти патриотические излияния не интересовали, и я слушал вполуха. Но случайно вспомнил, как незадолго до того читал, что именные почтовые отправления американским джи-ай от посторонних людей запрещены по соображениям безопасности. Получалось, что на Лору Буш это общее правило не

распространяется: так сказать, «жена Цезаря выше подозрений».

Ну я об этом и спросил от нечего делать. И американские журналисты, которым то же самое, видимо, не пришло в голову, позже меня за это благодарили. Им это давало возможность лишний раз подчеркнуть один из самых гордых постулатов американской пропаганды — о том, что никто в США не стоит выше закона.

А ответа я уже и не помню, я его не использовал. Кажется, мне обещали просто выяснить, как обстоят дела, и сообщить дополнительно. Это стандартная отговорка пресс-секретарей.

Стоит ли быть «слишком вежливым»

Кстати, в пресс-службах у меня почти со всеми складывались хорошие отношения. Пользуясь случаем, можно теперь задним числом поблагодарить людей за это.

Всех не перечесть, но мне особенно приятно вспоминать Филипа Кроули при Клинтоне и Обаме (P.J., как его все называли, сначала работал в СНБ, а потом стал профильным помощником госсекретаря), ныне покойного пресс-секретаря Буша — Тони Сноу (он пришел в Белый дом уже с онкологическим диагнозом и отработал совсем недолго, но оставил о себе добрую память), наконец, того же Карни, который при Обаме первое время был пресс-секретарем вице-президента Байдена и помогал мне взять у того большое интервью.

Доброго слова, на мой взгляд, заслуживает и Джен Псаки, которую я знал и по Белому дому, и по Госдепартаменту США. Позже мне было стыдно за российских коллег, насмехавшихся над ней из-за ее фамилии, когда отношения между нашими странами испортились.

Кстати, помню только один — да и то курьезный — пример личной предвзятости по отношению к себе самому в Вашингтоне. Когда я еще не успел примелькаться в тамошних коридорах власти, задолго до всяких политических обострений, бдительная сотрудница пресс-службы Госдепартамента США однажды публично призвала коллег и журналистов пула быть со мной поосторожнее.

Мотивировала она это довольно неожиданно: на ее взгляд, я был… подозрительно вежлив в общении и хорошо одет. Отзыв попал в стенограмму брифинга и надолго стал поводом для шуток в нашей тассовской команде. Коллеги даже подарили мне майку с этой «персонализированной» цитатой, но я ее потом куда-то задевал.

Всех особенно веселило, что, хотя об учтивости я, конечно, в самом деле старался не забывать, элегантность в одежде — это точно не про меня. Но ни обид, ни вопросов по поводу этого эпизода у меня никогда не возникало. Все обычные люди, у всех своя работа, а с данной конкретной дамой мы и знакомы-то были шапочно.

Вообще, мне кажется, в рабочих отношениях обижаться в принципе неуместно и бессмысленно. В своей практике помню опять же только один случай, когда не без раздражения попенял другой сотруднице Госдепа еще в Нью-Йорке на сорванную командировку.

Но с той мы почти приятельствовали, об отмене поездки по каким-то техническим причинам она мне объявила впритык перед авиарейсом, а лететь я должен был в какой-то университет к пригласившим меня для выступления американцам. То есть Госдеп вредничал по отношению не только ко мне, но и к собственным соотечественникам.

Ну я ей и высказал без обиняков то, что думал об их порядках. Хотя, собственно, и тогда правильно было не злиться, а пожать плечами: «Служба есть служба, ничего личного».

Да и то еще: не хочешь быть разочарован — не раскатывай губу. Как говаривал Печорин у Лермонтова, «желать и добиваться чего-нибудь — понимаю, а кто ж надеется?»

Ключ, подходящий к множеству дверей

Были у меня в работе за океаном и другие профессиональные уроки. Мне они кажутся самоочевидными, но все же не бесполезными. Не только работа, но и вся жизнь убедили меня, что человек зачастую не замечает — или не хочет замечать — того, что находится у него прямо перед глазами.

Работаем мы для людей и информацию получаем от них же. Поэтому ключ к любому успеху в нашем журналистском ремесле — доверие. Стратегическая задача — поставить себя так, чтобы тебе доверяли.

Исходя из этого, я со временем даже придумал собственный забавный критерий профпригодности, во всяком случае в работе с источниками. Для меня наивысший знак качества — это когда не только я сам знаю по имени секретаршу нужного мне человека, но и она меня тоже сразу узнает и охотно соединяет со своим начальством. Так что я всегда внимательно слушаю, каким тоном говорят со мной секретари и помощники.

Способы завоевания доверия могут быть разными. Важно,

например, не забывать об обязательной программе: писать не только о том, что кажется самым существенным и интересным тебе самому (скажем, об ответе на заданный тобой вопрос), но и о том, чему было посвящено мероприятие в целом, что говорилось во вступительном слове или итоговом коммюнике. То есть ради чего все устраивалось, что хотели донести до тебя и других журналистов организаторы.

Необходимо также в обязательном порядке отчитываться о своей работе. Посылать ньюсмейкеру или его помощникам свой текст, подчеркивать в нем важные, спорные и негативные моменты. Впрочем, не возбраняется выделять и выигрышные — если это можно делать, не греша против истины.

Вообще, разумеется, самый главный принцип — быть предельно точным и аккуратным в своих сообщениях и уж во всяком случае не врать. Никогда и ни в чем. Ни для красного словца, ни когда тебя к этому понуждают обстоятельства или даже собственное начальство (к сожалению, пару раз случалось и такое). За текст, подписанный твоей фамилией, в конечном счете отвечаешь только ты сам. Единожды солгавший, кто тебе поверит?

Так что я лично предпочитаю перестраховываться. Например, маниакально перепроверять любые имена, названия и факты в своих заметках, не говоря уже об орфографии. А при составлении разного рода отчетов и планов — играть на снижение ожиданий, помнить о том, что бутерброд всегда падает маслом вниз, поменьше обещать.

По опыту знаю, что это помимо всего прочего просто безопаснее — к примеру, в общении с тем же начальством. А самому мне — еще и психологически удобнее. Памяти я не доверяю: ученые давно установили, что человек ее бессознательно корректирует, воспроизводя не столько реальные события, сколько свои воспоминания о них.

Так что чужие байки я слушаю с удовольствием, но сам стараюсь без особой нужды ничего не приукрашивать. Опасаюсь, да и вообще не вижу в этом смысла.

Доверяй, но проверяй

Привычка во всем сомневаться и все перепроверять ценна не только тем, что ограждает пишущего от ошибок и неизбежно вытекающих из них неприятностей. Практика работы в Вашингтоне показала, что это еще и профессиональный инструмент, открывающий поистине бездонный кладезь поводов

для новостных заметок в жанре опровержения.

Помню, в 2004 году «Новая газета» напечатала факсимиле разоблачительного «письма американских конгрессменов» о бывшем главе правительства РФ Сергее Кириенко. Буквально пары звонков в аппарат Конгресса оказалось достаточно, чтобы убедиться, что это фальшивка.

Кириенко мне позже звонил, благодарил за публикацию и признавался, что готов был подавать в суд на газету за клевету.

Я его просил этого не делать, но суд все-таки состоялся, и он его выиграл. Для меня же самым поразительным осталось то, что автор и издание, не удосужившиеся заранее элементарно проверить свою псевдосенсацию, и в дальнейшем продолжали ее защищать. Дескать, прежде данный источник не подводил, а стало быть, и в данном случае не было оснований в нем сомневаться.

В американском профессиональном журналистском сообществе, придерживающемся жестких стандартов, в том числе и кодифицированных, подобное было бы просто немыслимо. Виновного немедленно уволили бы с волчьим билетом.

Да и у нас любое заметное нарушение американцами тех же профессиональных стандартов, как правило, подвергается публичному осуждению и осмеянию, причем порой с высоких официальных трибун. Как в том анекдоте: «И эти люди запрещают нам ковырять в носу!»

Но если уж мы так к этому относимся, то спрос «по гамбургскому счету» надо начинать с себя. И отвечать и за свою работу, и за свои источники — хотя бы так, как те же американцы.

Напомню для примера, что Джудит Миллер из New York Times в свое время отсидела почти три месяца за отказ раскрыть свои источники в Белом доме при администрации Буша-младшего. Хотя, как позже выяснилось, те ее же и подставляли, скармливая ей дутые факты о подготовке США к войне в Ираке.

Когда это вскрылось, звездная журналистка, лауреат Пулитцеровской премии, враз лишилась профессиональной репутации. Газете тоже пришлось извиняться. А New York Times — не абы какое издание, а флагман и законодатель мод во всей американской журналистике. И язык не поворачивается сказать про нее, что, мол, и на старуху бывает проруха.

Легенда, разбившаяся о табу

Между прочим, в Белом доме я еще застал легендарную

Хелен Томас. Начинала она нести там свою репортерскую вахту аж в 1961 году при Джоне Кеннеди, была первой женщиной-журналисткой в составе президентского пула.

А при мне долго оставалась неофициальным дуайеном пресс-корпуса, сидела в самом центре первого ряда и пользовалась правом не только задавать первый вопрос на брифингах и пресс-конференциях, но при необходимости и намекать пресс-секретарям, что разговор затянулся и пора бы его сворачивать. Причем привилегии были чисто личные, а не корпоративные: агентство United Press International (UPI), где Томас оттрубила более полувека, к тому времени окончательно захирело, так что Хелен работала в Белом доме уже не от него, а от газетного треста Hearst.

Даже мимолетные встречи с ней надолго оставались в памяти. Как-то она представляла экс-президента США Джеральда Форда на встрече с журналистами в Национальном клубе печати и начала так: окинула его лукавым женским взглядом и томно произнесла: «Oh, to be eighty again!» Прямо как если бы спела: «В жизни только раз бывает… восемьдесят лет!»

Я всегда относился к Хелен с огромным пиететом не только из-за ее статуса и былых заслуг, но и потому, что она чуть ли не единственная среди американцев в зале для брифингов позволяла себе «свое суждение иметь» по наиболее важным международным проблемам. Во-первых и в-главных, неустанно донимала политиков и пресс-секретарей вопросами о том, ради чего Америка постоянно воюет вдали от своих берегов. От нее по сути отмахивались, но она поднимала эту тему снова и снова.

Надо сказать, что при всех администрациях от Клинтона до Обамы в американском пресс-корпусе при Белом доме по ключевым внешнеполитическим вопросам царил так называемый патриотический консенсус. Суть его, попросту говоря, сводилась к поддержке собственных властей. К тому, чтобы не ставить особо под сомнение их политику, включая и ее пропагандистское обеспечение.

Для себя самого я это объяснял примитивно просто: соображениями коллективного «национального эгоизма». Но при этом не раз просил и американских коллег: мол, растолкуйте мне, непонятливому, на чем основан такой некритический подход вашей свободной и независимой прессы.

Правда, внятного объяснения так и не добился. Помню, корреспондент одной из ведущих газет, весьма известная и уважаемая пресс-дама, ответила в том смысле, что, мол, репортеры должны передавать новости, а комментарии — это уже другой жанр. И что она лично вообще не позволяет себе на работе

иметь собственные мнения по политическим вопросам.

Но обычно мне говорили, что дело не в каких-то редакционных установках или тем более прямых указаниях властей, а в том, что востребовано или не востребовано аудиторией. Дескать, мы и наши СМИ следуем за своими зрителями и читателями.

Мне это, честно говоря, не казалось и не кажется убедительным. На самом деле, на мой взгляд, американская пресса скорее не подстраивается под предпочтения аудитории, а пытается их формировать, особенно в таких чуждых простым людям темах, как внешняя политика. И не думаю, что у UPI или Hearst мог быть какой-то особый подход. Скорее Томас просто на основании личного авторитета позволяла себе плыть против течения.

Хотя ни авторитет, ни возраст не спасли и ее, когда она в 2010 году, за пару месяцев до своего 90-летия, нарушила одно из неписаных вашингтонских табу: публично нелицеприятно отозвалась об Израиле и израильтянах.

Она была дочерью иммигрантов из Триполи и считала себя арабкой, хотя, по ее собственным словам, отца ее, ставшего в Америке Джорджем Томасом, на родине звали Георгием Антониусом, а мать — Марией. Христианские имена те дали и десяти своим детям. Вместе с тем в мемуарах Томас упоминала как о греческой православной церкви, куда, по ее словам, ходили глубоко набожные родители, так и о любимой присказке отца — «Иншалла!» (арабское — «Да исполнится воля Аллаха!»).

Как бы то ни было, однажды знойным вашингтонским летним днем (американская столица находится примерно на широте Ашхабада) Томас устало плелась от «пресс-сарая» к калитке Белого дома. К ней привязался с вопросами какой-то заезжий ортодоксальный иудей с видеокамерой. Она была не в духе и навешала ему словесных оплеух: в частности, сказала, что израильтянам лучше «убраться к черту из Палестины» и разъехаться обратно по странам, из которых они туда собрались.

Видеозапись попала в Интернет, и буквально в тот же день началась травля. Отметились и Гиббс, и первый пресс-секретарь Буша Ари Флайшер, и Ассоциация корреспондентов при Белом доме, которую Томас в свое время возглавляла. Несколько осуждающих слов сказал и сам Обама, хотя прежде всегда выказывал легендарной журналистке свое почтение и лично поздравлял с днем рождения, который у них был в один день.

В итоге Томас отовсюду уволили, лишили почетных званий и постов, а заодно и спонсорских рекламных контрактов. Позже она сказала по этому поводу в одном из редких интервью: «Меня

угораздило схватиться за контактный рельс. В нашей стране невозможно раскритиковать Израиль и уцелеть».

Впрочем, от своих взглядов она и тогда не открестилась. А через три года умерла.

По ком звонит колокол

Пока Томас работала в Белом доме, я, конечно, старался у нее учиться. Говорили и о табу, хотя ничего особенно проницательного на этот счет она мне не сказала. Разве что не оспаривала моих собственных гипотез и наблюдений, тоже не шибко оригинальных.

Например, о том, что в Америке считается позволительным публично ругать генералов, но не рядовых солдат. Или что после терактов 09/11 под запретом оказалась тема личной смелости боевиков, угнавших гражданские самолеты и превративших их в снаряды, начиненные живыми людьми. Это, кстати, правда: одного из журналистов, который об этом написал, в США под горячую руку даже уволили.

А однажды я спросил Томас, какими были самые резкие слова в адрес действующего хозяина Белого дома, которые ей доводилось слышать на своем веку. Она ответила мгновенно, без малейших колебаний (видимо, и до меня многие интересовались): «Господин президент, вы лжете!»

Вспоминая теперь об этом, я вижу, как меняются времена. При Трампе такое же обвинение (правда, все-таки заглазное) стало по существу обыденным. Ведущие либеральные газеты страны буквально соревнуются в отслеживании того, как часто глава государства, по их оценкам, грешит против истины.

Я, когда писал про Трампа, уже указывал, что он, по-моему, не столько врет, сколько привирает для красного словца. У нас в России это черта очень знакомая и узнаваемая — и в литературе, и в жизни. Для Америки она сравнительно непривычна, и относятся к ней там гораздо более нетерпимо.

Но обличая других, не грех почаще оглядываться и на себя. Качественные издания, включая ту же New York Times, в своем «крестовом походе за правду» против президента-республиканца сами все чаще позволяют себе нарушать профессиональные нормы и тем подрывают и свою собственную репутацию, и доверие к СМИ в целом. Я уже упоминал об ошибках в освещении темы Ирака, но были подтасовки и по России, и по Украине, а среди внутренних сюжетов — например, по выдвижению консервативного юриста Бретта Кавано на должность члена

Верховного суда США.

После одной из недостоверных публикаций как раз на последнюю тему разразился такой скандал, что Трамп писал: «„Седую старушку“ (*Это традиционное прозвище New York Times: из верности традициям газета одной из последних в США перешла с черно-белой на цветную печать) сломили: лишили достоинства и разрушили репутацию. При нынешнем руководстве ей своего величия не восстановить».

И добавил, перефразируя древний лозунг роялистов: «New York Times умерла, да здравствует New York Times!»

Я с таким лозунгом совершенно согласен. Исследовано и доказано, что в Интернете ложь распространяется гораздо быстрее правды. В этих условиях качественная журналистика, фильтрующая информационные потоки, важна в наши дни, как никогда прежде. И если в Америке гибнет один из эталонов профессионального мастерства, то колокол звонит по всей журналистике.

Win-win

Почти столь же важным и безусловным принципом нашей работы, как правдивость, принципиальный отказ от подтасовок и передергивания фактов, я считаю учет интересов источника информации. При малейшей возможности стараюсь создавать ситуацию обоюдной выгоды — и для себя, и для ньюсмейкера. Или, как любил говорить Обама, позицию win-win, то есть выигрыша обеих сторон.

В некоторых случаях принцип этот заложен, что называется, в правилах игры. Если ты, скажем, обращаешься в Белый дом с просьбой об интервью с его хозяином, то твой собственный искомый выигрыш всем заведомо ясен. А вот почему именно твоей заявке должно быть отдано предпочтение, потрудись доказать.

Нам это нередко удавалось. В рамках программы М. С. Гусмана «Формула власти» мы встречались и с президентами, и с другими ключевыми ньюсмейкерами — от министров и высших военачальников до вашингтонского мэра.

Это дало неоценимый навык: умение писать эти самые заявки. Поскольку до тассовских командировок я за границу не ездил и английский учил со словарем, теперь мне греет душу воспоминание о том, как госдеповский чиновник, читая мое письмо, обмолвился: дескать, мало кто из американцев на родном языке так напишет.

Встречи с главами государств и правительств — разумеется, крайний случай, но в принципе сказанное относится и к другим запросам об интервью или комментариях для печати. Причем несговорчивыми вполне могут оказываться не только политические лидеры или всемирные знаменитости, но и вполне заурядные чиновники. И тогда им тоже приходится объяснять, почему в том или ином конкретном случае им выгодно поступить вопреки ведомственным ограничениям или личным предубеждениям против журналистов.

Например, в 2013 году после операции по обезвреживанию в Бостоне братьев-террористов Джохара и Тамерлана Царнаевых в Рунете появилась конспирологическая «утка» о том, будто американские участники этой операции сами стали гибнуть, и двое из них выпали из вертолета на учениях. Конечно, это требовало перепроверки.

Я написал в ФБР и не просто запросил отклик, а объяснил, что слухи, распространившиеся в России, бросают тень на их службу. Видимо, они со мной согласились, поскольку вскоре представитель ведомства прислала краткое заявление: дескать, обычно мы «не комментируем участие конкретных людей в тактических операциях», но в данном случае «в интересах прояснения истины» сообщаем, что среди спецназовцев, причастных к аресту Джохара Царнаева в Бостоне, погибших не было. Заметка — я считаю, в общих интересах — увидела свет.

Золотое правило

В целом, на мой взгляд, универсальное золотое правило человеческого общежития — поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой, — вполне применимо и к нашей работе. Для себя я его ужал до еще более простой формулы: можешь помочь хорошему человеку — помоги.

Поделись информацией или контактами, напиши о детском утреннике или скучном брифинге, подскажи правильное решение или убереги от ошибки. Не жалей на это сил и времени. Все вернется сторицей, даже если ты этого и не ждешь.

К примеру, темой российских приемных детей в США я начал заниматься много лет назад — задолго до того, как она выдвинулась на первый план в отношениях между Москвой и Вашингтоном. Познакомился и подружился со множеством замечательных людей, деятельно заботившихся о наших ребятишках, — от Наташи Оуэн на Гавайях до Филлис Мэтти-Джонсон в Нью-Джерси и Дианы Блэк в Техасе. Помогал им, чем

мог, — естественно, не ради каких-то выгод, а просто по-человечески. Но ведь и профит профессиональный тоже был налицо: именно от них или с их помощью я не раз узнавал детские истории, гремевшие потом на всю Россию.

Кстати, попутно упомяну о еще одном важном уроке. В некоторых случаях нужно уметь наступить на горло собственной песне.

Возможно, кто-то из читателей помнит историю сестер и брата Климовых, усыновленных американцами, оказавшихся в Техасе и переживших там немало невзгод. Начиналась она с письма одной из сестер в адрес российского консульства. У меня была копия этого письма (сразу скажу, чтобы не подставлять людей понапрасну: получил я его не от дипломатов).

По своей взрывной силе текст был убойный. Но я все же решил его не печатать. Потому что написала его девочка-подросток, почти ребенок. Написала толково, но с некоторыми очень смелыми откровениями. И ради ее интересов — а дело в тот момент слушалось в суде — я ему хода не дал.

Пример для подражания

Я уже упоминал, что репортеру в своих же собственных интересах выгодно делиться плодами своих трудов с ньюсмейкерами и их пресс-секретарями. Теперь уточню: особенно если плоды эти горькие, критические.

За океаном это было для меня в порядке вещей. Мы же всегда старались писать об Америке с российской точки зрения; это неизменно предполагает сравнение, а очень часто и открытую либо подразумеваемую полемику.

Там это тоже все понимали и в целом воспринимали нормально — конечно, при условии соблюдения профессиональных норм. Но все же периодически приходилось слышать: дескать, чужие порядки ругать легко — попробовал бы свои, домашние.

В принципе это совершенно верное замечание, хотя и в США критика своих и чужих дозируется по-разному. В последние годы антироссийская риторика дошла там до того, что любые позитивные или даже просто нейтральные отзывы о нашей стране по сути оказались если и не под прямым запретом, то под сильным подозрением: уж не пропаганда ли это часом в пользу Москвы? И это уже тоже перебор, вредящий, на мой взгляд, самой Америке.

Что касается внутренней российской политики, нам в

Вашингтоне приходилось освещать ее в основном «по касательной» — через американские отклики на нее или выступления российских гостей.

Среди последних всегда было много отечественных оппозиционеров, привечаемых в США. У меня они никогда симпатий не вызывали, мне скорее близка позиция американцев, считающих, что за границей свою страну хаять негоже. Но профессионально мне задним числом дорог и отзыв Гарри Каспарова, который как-то печатно признал, что я «в очень корректной форме» осветил его выступление в Вашингтоне с резкой критикой российской власти.

Правда, вопрос, который я ему тогда задал — «почему взгляды оппозиции не пользуются популярностью у российского народа?», — ему не понравился. С его точки зрения, подход был позаимствован «из традиционного арсенала кремлевской пропаганды».

А мне действительно хотелось знать, что он думает по этому поводу. И как раз его ответ — потому, мол, в частности, что лично ему в России заказана дорога на телеэкраны, — представляется мне неубедительным. То ли себя человек обманывает, то ли других.

Признаться, меня очень долго удивляло и раздражало всеобщее стремление (оно свойственно не только России) по любому поводу и без всякого повода оглядываться и ссылаться на США. Потом я понял, что у него есть рациональная основа: в сегодняшнем мире Америка все еще остается законодателем мод — и не только бытовых, культурных и социальных, но и экономических и даже политических. Дующие оттуда ветры — либеральные или консервативные — рано или поздно доносятся и до чужих берегов. А людям, конечно, повсюду хочется знать, какая у них в обозримой перспективе будет «погода».

Вместе с тем, признавая это, следует помнить и о том, что сами американцы терпеть не могут жить по чужой указке. Они боготворят свободу и независимость, всю свою историю воспринимают как борьбу за то, чтобы обходиться исключительно своим умом, действовать без оглядки на какие бы то ни было посторонние моральные, религиозные, политические авторитеты. И это тоже пример, достойный подражания.

Правда, урок этот следует воспринимать с некоторыми очевидными оговорками, чтобы полезная самостоятельность не превращалась во вредную самонадеянность, как сплошь и рядом случается с теми же американцами.

На мой взгляд, главное лекарство от этого опасного недуга — способность и желание постоянно учиться, подвергать сомнению

не только чужой, но и свой собственный опыт. Готовность к этому я считаю одним из важнейших качеств настоящего журналиста. И очень благодарен профессии за то, что она не только помогает, но и просто-таки заставляет все время учиться меня самого.

Чтобы потом не жалеть

К сожалению, лучше всего люди учатся, как известно, на собственных ошибках. Я за свою жизнь написал десятки тысяч текстов. Даже лучшие из них достаточно быстро выветриваются из памяти. А вот упущенные возможности саднят и спустя десятилетия.

Я, например, ездил из Нью-Йорка в Принстон к Нине Николаевне Берберовой еще в конце 1980-х годов — до того, как имя ее вернулось на страницы советской печати. Мог ускорить это возвращение, но не написал тогда по совершенно нелепой причине: из-за отсутствия фотографий. Просто постеснялся попросить уже очень немолодую женщину дать мне возможность снять ее для журнала. А она принимала нас с женой очень тепло, сама — за рулем — возила обедать в любимый ресторанчик (мол, «если бы вы водили более полувека, как я, то понимали бы, что это совершенно не проблема»).

Нам показалось — рада была, что мы нарушили ее тогдашнее одиночество. Рассказывала о других гостях, включая Евгения Евтушенко. Тот, по ее словам, привез ей в подарок большой крест, а войдя в дом, прежде всего стал искать глазами красный угол с иконами. Не найдя, спросил у хозяйки, а она ему невозмутимо ответила, что в доме ее родителей в Санкт-Петербурге до революции «у кухарки были иконы, родители не запрещали».

Жалею задним числом и о том, что и в Нью-Йорке, и в первые годы в Вашингтоне небрежно относился к телефонным контактам, записывал номера на обрывках бумаги и терял их. Теперь-то я убежден, что нынешний мой рабочий список телефонов, занимающий в распечатке более ста страниц, — важнейший итог заокеанских командировок.

Хватился сейчас при подготовке книги и фотографий, которые тоже никогда не собирал и не берег. Забавная деталь: многим людям, в кои-то веки раз оказывавшимся в Белом доме, советовал сфотографироваться на память на трибуне, с которой вещают пресс-секретари, а порой и президенты, благо это не возбраняется. Сам же за двадцать с лишним лет так и не удосужился.

В целом вопреки советам классика настоятельно призываю

коллег прилежно вести личные архивы. Это для поэта самоповторы губительны, а для журналиста грамотно написанный текст — заготовка на долгие времена. Так что стараюсь хранить ключевые свои публикации. Отдельно записываю не только вопросы, но и удачные фразы и мысли, способные, на мой взгляд, пригодиться в работе.

Ищите, и обрящете

Между прочим, узнав об этой моей привычке, один из сослуживцев в свое время насмешливо переспросил: «Чьи мысли? Чужие? Ну, хорошо хоть не свои». Помню, меня это поразило: до какой же степени нужно не верить в себя, чтобы так презрительно относиться к плодам собственных раздумий? Ведь и вся сокровищница человеческой мысли в конечном счете имеет для каждого из нас смысл лишь постольку, поскольку мы, во-первых, знакомы с ее содержанием, а во-вторых, способны прилагать его к собственной жизни и работе.

Да и вообще, по-моему, наш век с предельной наглядностью свидетельствует о том, что ничего ценнее ярких, искренних, незаемных мыслей и чувств у нас нет. Возможность собирать, обрабатывать и распространять любую информацию сейчас практически безгранична. Но это лишь подчеркивает убожество львиной доли того контента, который выставляется на всеобщее обозрение, чрезвычайную редкость настоящего креатива. Так что если уж в безбрежном океане эрзаца отыскивается нечто способное вызвать отклик в уме и сердце, то, конечно, это нужно бережно сохранять.

В Библии об этом сказано: «Ищите, и обрящете». В справедливости этих слов я убедился в свое время на Афоне: приехал туда из Вашингтона по существу туристом, а уезжал благодарным паломником. По-новому взглянувшим на мир и на самого себя.

Между прочим, там в Ватопедском монастыре хранится чудотворная икона «Парамифия» («Отрада» или «Утешение»). На ней изображена Богоматерь с Младенцем, отводящая Его руку от своих уст. По преданию изначально образ был другим. Изменился он сам собой, когда на монастырь собирались напасть пираты, и Богородица хотела предупредить насельников об опасности. Сын пытался замкнуть ей уста, поскольку монахи жили грешно и заслуживали наказания, но она отвела божественный запрет и спасла обитель.

Мне это показалось высшим символом свободы слова,

неподвластной абсолютно ничьим ограничениям, не говоря уже о какой-нибудь цензуре. И с тех пор я всегда ношу с собой такую иконку.

Фото к Главе 10:

10.1. Автор с Джен Псаки в зале для пресс-брифингов Госдепартамента

10.2. Сессия руководящих органов МВФ и Всемирного банка, пресс-конференция Кристин Лагард, 2013 г. Автор в первом ряду

10.3. Срочные новости от МВФ: после пресс-конференции. Автор передает информацию из штаб-квартиры МВФ

10.4. Пресс-секретарь Обамы Джей Карни в период «перезагрузки» принимает в Белом доме группу российских журналистов. Момент «Спутника»

10.5 IMG_1626.JPG Перед пресс-конференцией: американские телеведущие готовятся к выходу президента в Белом доме. Театр

абсурда

10.6. Журналистский пост у рабочего входа в Белый дом. Вахта от «Пресс-сарая»

Глава 11. Пропаганда: споры о свободе и не только

11.1 Мальчик для битья

В феврале 2014 года меня пригласили на шоу Дианы Рим на Общественном радио США (NPR) для обсуждения Олимпиады в Сочи. Я согласился, хотя и понимал, что мало мне не покажется.

Это вообще норма: я не помню случаев, когда бы меня звали в американский телерадиоэфир в иной роли кроме как мальчика для битья. Казалось бы: какой тогда смысл ходить? Тем более, что за это никогда не платили (позже мне объяснили, что в России и многих других местах такое же амплуа обычно платное).

Но смысл был. Друзья-дипломаты, советам которых я доверял, давным-давно меня убедили, что все равно есть резон пойти и хоть что-то противопоставить местному «консенсусу», что бы ни служило тому в данный момент поводом для нападок на нашу страну, — будь то события в Чечне, состояние экономики или вот спорт.

Помню, например, как еще в самые первые постсоветские годы в популярной воскресной телепрограмме «Группа Маклофлина» однажды развернулась вроде бы сочувственная, а по сути издевательская дискуссия о том, что новой России нечем платить даже своим офицерам-ракетчикам, из-за чего те чуть ли не голодают. Я подал по сути только одну реплику: мол, если это и так, то это проблема не только самой России, но и тех стран, на которые ракеты могут быть нацелены. Но после этого заводилы троллинга осеклись, зрители, звонившие в студию, меня поддержали, и тон разговора изменился.

Кстати, обратите внимание: ни по Чечне и вообще территориальной целостности России, ни по ее экономическим проблемам, ни по российской военной мощи пропагандистских ток-шоу за океаном давно уже никто не устраивает. Темы отпали за ненадобностью, точнее, сменились новыми, поскольку пропагандистская мельница мелет без остановок.

Впрочем, вернемся к Диане Рим. Она была дамой в высшей степени респектабельной и даже влиятельной, считалась звездой NPR, и к ней на ее столичное DR Show (произносилось название, естественно, как Dear, то есть дорогая) хаживали интересные гости при чинах, должностях и званиях. Так что и профессиональный смысл «других посмотреть и себя показать» в ее престижной программе был налицо.

В общем, я в очередной раз собрался на экзекуцию. В предбаннике, который во всех студиях и вообще во всем американском шоу-бизнесе одинаково зовется Green Room (зеленая комната), меня уже ждали предполагаемые оппоненты: пара американских журналистов, имевших опыт работы в Москве. Одной из них была Сюзан Глассер — дама существенно более молодая, чем хозяйка, но тоже уже начальствующая, и вообще, по классическому гоголевскому определению, «приятная во всех отношениях».

Попутно выяснилась пикантная деталь. Темой дискуссии оказалась не «Олимпиада в Сочи», как мне сказали по телефону, а «коррупция на Олимпиаде в Сочи» (как говорится, почувствуйте разницу). Об этом сразу и заговорили, причем быстро стало понятно, что американцы черпали цифры и доводы из одного-единственного источника — российской оппозиционной брошюры, которую они принесли с собой.

Когда до меня дошла очередь, я сказал, что если бы даже все рассуждения о разбазаривании «миллиардных сумм» основывались на доказанных фактах, а не на домыслах из этой самой брошюры, то и тогда, на мой взгляд, лучше даже такой ценой строить спорткомплексы, дороги, отели и вообще развивать инфраструктуру целого региона, чем «сжигать» несравненно большие средства в войнах в Ираке и Афганистане, как это делали на моих глазах вашингтонские администрации — сначала Джорджа Буша-младшего, а потом и Барака Обамы.

Во время ближайшей рекламной паузы Рим сделала мне внушение. «Не надо говорить о наших войнах, — укоризненно вымолвила она. — Это к делу не относится». А чуть позже уже в эфире Глассер обвинила меня в том, что я, уклоняясь от темы, использовал «типичный прием советской пропаганды».

Поначалу я, конечно, внутренне вскипел и на обратном пути в свой офис продолжал заочный спор с обеими дамами по принципу «чья бы корова мычала». Придумывал, как надо было их срезать напоминаниями о том, что это они вели себя по отношению ко мне некорректно: подменили тему, пытались заткнуть рот, навешивали ярлыки.

Но тут же понял, что на самом деле им надо было сказать большое спасибо. Они подарили мне конкретный и наглядный пример того, как работает не советская, а американская пропаганда. И я этим примером с тех пор постоянно пользуюсь.

Да и сам урок поведения в подобных ситуациях тоже пригодился. Позже я не раз сознательно обострял такого рода

разговоры, вынуждая собеседников раскрывать карты.

«Факты и фикция»

Как раз в начале того же поворотного для отношений России с США и Западом 2014 года у американского агитпропа появился новый начальник. На пост заместителя госсекретаря США по публичной дипломатии заступил Ричард Стенгел, бывший главный редактор журнала Time. Вскоре он решил провести ознакомительную встречу с руководителями ведущих иностранных СМИ, аккредитованных в Вашингтоне. От России пригласили меня.

Объясняя нам тогда свой подход к делу, Стенгел приводил слова покойного американского сенатора Дэниела Патрика Мойнихэна: «Каждый имеет право на собственные мнения, но не на собственные факты». Он подчеркивал, что цитата нравится не только ему самому, но и его начальнику — тогдашнему госсекретарю США Джону Керри.

Крылатая фраза эта считается за океаном аксиомой, но сентенция на самом деле сомнительная, на что я и указал. Проблема как раз в том, что в сложных ситуациях, которых в мировой политике всегда хоть отбавляй, каждая сторона подбирает себе фактические достоверные или хотя бы неложные аргументы, подтверждающие ее позицию, а чужие просто игнорирует. И это еще в лучшем случае, поскольку в худшем факты подтасовываются.

Меня вообще жизнь давно научила, что люди живут верой, а не фактами. Что факты подбираются по вере, а не наоборот. Мне это казалось одним из моих американских открытий, пока я однажды не наткнулся на изречение знаменитого французского дипломата XVIII–XIX веков Шарля Мориса де Талейрана: «В политике важнее не то, в чем правда, а то, во что люди верят». Вот уж воистину: все новое — только хорошо забытое старое.

А наш спор со Стенгелом после первой встречи продолжался и очно, и заочно. Однажды уже в другом месте, но в том же контексте я попросил его прокомментировать бесспорные факты, которые на тот момент были свежими новостями: что власть законно избранного президента Виктора Януковича на Украине была свергнута стихией майдана без соблюдения конституционных норм и что США собирались (тогда это были еще планы) бомбить Сирию без согласия правительства этой суверенной страны.

Ответа по существу я, разумеется, не дождался. Стенгел

просто сказал, что мои факты — «фикция, которую можно оспорить». А вот США в своих обвинениях против России оперируют, по его словам, «абсолютно неопровержимыми фактами».

Опять-таки и ему я был задним числом очень признателен за его слова. Цитату о том, будто у США «факты», а у России «фикция», я с тех пор использовал бесчисленное множество раз. Каюсь, отчасти я его на нее спровоцировал формулировкой своего вопроса.

Вы, друзья, как ни садитесь…

Спор вообще был для меня не нов, поскольку до Стенгела я встречал в Вашингтоне и всех до единого его предшественников на посту замгоссекретаря по публичной дипломатии. Учреждена эта должность была в 1999 году при реорганизации американского агитпропа, включавшей упразднение Информационного агентства США (USIA). Функции этого ведомства были распределены между Госдепом и новообразованным Советом по вещанию, позже переименованным в Агентство США по глобальным СМИ.

Причины реформы секрета не составляли: после распада СССР американцы возомнили, что впредь будут единолично править миром и убеждать других в своей правоте им просто не придется. Поэтому на внешнеполитической пропаганде решили сэкономить. Хотя их многие предупреждали, что это серьезная ошибка.

Да они, по-моему, и сами в этом быстро убедились. И с тех пор постоянно ломали голову над тем, за что Америку в мире не любят и почему она постоянно проигрывает свои войны — не только информационные, но и обычные.

Хотя тоже мне, бином Ньютона. Поражения связаны с тем, что войны ведутся по приказу, а не по убеждению и не поддерживаются народом в самих США. Это не мои догадки, это оценки американских специалистов и прессы. Например, военный стратег Харлан Улман, соавтор доктрины «быстрого доминирования», более известной как Shock & Awe, то есть «шок и трепет», применявшейся вооруженными силами США в 2003 году в Ираке, писал об этом в книге «Анатомия провала: почему Америка проигрывает каждую войну, которую начинает». Есть и немало других подобных публикаций.

А в мире американцев терпеть не могут прежде всего за высокомерие и пренебрежение к другим. За попытки везде и

всюду устанавливать свои порядки, в том числе и силой оружия. Штыками гнать чужие народы к «свободе, демократии и процветанию» на единый американский манер.

Но признавать, что их проблемы порождаются их же собственной политикой, власти в США не хотят. И вместо того, чтобы сменить музыку, пересаживают с места на место исполнителей — как в басне дедушки Крылова про «Квартет».

За 20 пореформенных лет во главе вашингтонского агитпропа на моих глазах сменилась чертова дюжина начальников. Были среди них профессиональные медиаменеджеры, рекламщики и пиарщики, были дипломаты и журналисты. Но доказать, будто Америку недолюбливают просто за то, что она «на стороне добра», не удавалось никому.

А другие объяснения, как я много раз убеждался, госчиновникам не положены. Ну разве что за исключением упоминаемого вполголоса тезиса о том, что в мире «не любят сильных», известного с античных времен. Как там было у Фукидида: сильные ведут себя, как хотят, а слабые мирятся с тем, к чему их принуждают…

Как американцы хотели создать аналог RT

Стенгел вот придумал свести все к дезинформации и после ухода с госслужбы издал книжку на эту тему: «Информационные войны. Как мы проиграли глобальную битву против дезинформации и что нам с этим делать».

Объяснение, конечно, удобное: дескать, если Америку и побеждают, то только обманом. Но все же, на мой взгляд, поверхностное и неубедительное. Хотя бы потому, что в роли злодеев-супостатов, от которых автор отбивался из своего информационного окопа, в книге выведены не только Россия и экстремисты-джихадисты, но и… Дональд Трамп, избранный, несмотря на противодействие традиционного вашингтонского истеблишмента, президентом США.

Вдумайтесь, это же уму непостижимо: выводить главу собственного государства в качестве одного из главных дезинформаторов. По сути утверждать, будто тот сознательно и целенаправленно оболванивает своих сограждан. А американцы, за исключением автора и его единомышленников, это якобы покорно сносят. По-моему, это как минимум неуважение к собственному народу и демократии как таковой.

Это меня огорчило: я, честно говоря, рассчитывал, что Стенгел найдет какие-то новые интересные и весомые доводы в

нашем с ним заочном споре. Но в итоге его опус помимо алармистского названия (это, кстати, еще и коммерческий прием, призванный привлекать аудиторию) запомнился мне прежде всего рассказом о том, как в Белом доме вынашивался замысел создания американского аналога российского международного информационного телеканала RT. Придумано уже было и название новой структуры — Freedom News Network («Информационная сеть свободы»), но проект не нашел поддержки у Обамы.

Опять-таки, задним числом даже немного жаль, что затея тогда сорвалась. Во-первых, американцы готовы были угрохать на нее весь бюджет своего международного вещания — около 750 млн долларов в год. При этом им пришлось бы либо дублировать то, что уже делают их собственные частные телеканалы, либо конкурировать с ними. Во-вторых, аббревиатура названия новой сети — FNN — точно совпала бы с тем определением, которое Трамп позже дал распространителям «фейковых новостей».

В каком году родился Путин?

А из книжки Стенгела заодно выяснилось, что тот в качестве руководителя Time участвовал в 2007 году в той встрече с Путиным, когда американцы умудрились… перепутать год рождения президента России. Хотя сами же избрали его тогда в своем журнале «человеком года» и под этим предлогом выпросили у него интервью.

Вот выдержка из стенограммы, опубликованной на сайте Кремля:

«Хочу начать с первого вопроса. Вы родились в 1946 году, я — в 1948 году. Мы принадлежим к одному и тому же поколению…

В. Путин: Если позволите, я немножко поправлю вас по некоторым датам. Я вряд ли мог бы родиться в 1946 году, потому что отец у меня после войны был тяжело ранен, мама пережила блокаду в Ленинграде, и после того как они потеряли двух детей и здоровье, вряд ли у них могла бы сразу родиться мысль завести еще одного ребенка. И именно поэтому, я думаю, я родился несколько позднее — в 1952 году…»

Интервью брали несколько человек. Имена их в стенограммах не указаны — ни в американском журнале, ни на кремлевском сайте. Вопрос задавал скорее всего не Стенгел: у него тоже другой год рождения.

Но все же по любым профессиональным меркам подобная

ошибка — это epic fail, грандиозный провал. Даже в «полном тексте» интервью Time тогда этот кусок не напечатал.

В книге же Стенгел, как мне показалось, упомянул этот эпизод просто для того, чтобы еще раз похвастаться личной «многочасовой встречей» с Путиным и привлечь тем самым дополнительное внимание к своим воспоминаниям.

11.2. Про Путина

Тема личного отношения американцев к Путину довольно любопытна. Принято считать, что как минимум с крымской весны 2014 года президента России в США демонизируют. Как раз тогда Киссинджер опубликовал свое известное предупреждение о том, что для Запада такая демонизация — «это не политика, а алиби за ее отсутствие».

Но к нападкам всегда примешивалось и опасливое уважение, если не восхищение. Осенью 2015 года на фоне успехов российской контртеррористической кампании в Сирии влиятельный вашингтонский журналист и писатель Фарид Закария даже написал комментарий для газеты Washington Post и телекомпании CNN, который так и назвал: «Перестаньте восхищаться Путиным!»

Следом и экс-посол США в Москве Майкл Макфол поддал жару текстом «Миф о стратегическом гении Путина», напечатанным в New York Times. Понятно, что такого рода «опровержения» только привлекали внимание к тому, что авторы пытались отрицать. А об отношении Кремля к подобным наездам можно судить по тому факту, что летом 2016 года того же Закарию пригласили вести пленарное заседание Петербургского международного экономического форума с участием президента России.

Снизу вверх

Я застал в Белом доме тех же американских лидеров, с которыми Путину приходилось иметь дело, — от Клинтона до Трампа. Правда, как раз эти двое последних для общей картины, пожалуй, не показательны.

При Клинтоне к российскому президенту, сменившему Бориса Ельцина, в США только присматривались: дескать, достойная ли замена? Задним числом понятно, какой смысл вкладывался в эту оценку: насколько управляем новый хозяин Кремля? Ответ оказался для Вашингтона неутешительным.

При Трампе ситуация по сути дела перевернулась. Ныне уже российский лидер — ветеран мировой политики, а американский — неофит, сталкивающийся к тому же с большими проблемами у себя дома. Оба публично выказывают друг другу подчеркнутое уважение, за что Трампу нередко достается от домашних критиков на орехи. Но он продолжает гнуть свою линию.

Буша-младшего и Обаму, на мой взгляд, Путин переигрывал по всем статьям. Хотя никогда публично не демонстрировал своего превосходства, а наоборот, вел себя абсолютно корректно. Но все же контраст с Ельциным, которого Клинтон в свое время позволял себе снисходительно похлопывать по плечу, был разительным.

В Америке, между прочим, один из неофициальных титулов президента страны — «лидер свободного мира». Так прямо и говорят, и пишут еще с советских времен. И сами хозяева Белого дома тоже себя так воспринимают.

Вот и представьте себе: каково им было смотреть на российского коллегу снизу вверх? Тем более, что им постоянно кололи этим глаза в самой Америке.

Помните Сару Пейлин? Мелькала одно время на политической сцене такая глазастая дама-республиканка, экс-губернатор Аляски; еще говорила, будто ей чуть ли не с порога собственного дома видны российские берега. В 2008 году баллотировалась в вице-президенты США.

Так вот она после той же крымской весны в России в одном из интервью сказала: «Люди смотрят на Путина, как на человека, который борется с медведями и бурит нефтяные скважины. Они смотрят на нашего президента, как на человека, который носит мамины джинсы».

Это Обаму так подначивали по поводу старомодных вкусов в одежде. Ну и в целом, конечно, подтекст понятен: один — настоящий мужик, другой — рохля, маменькин сынок.

Я уверен, что слушать и читать подобное было обидно не только самому президенту США. Отчасти отсюда и та самая оголтелая демонизация России и Путина. Она же началась сразу после того, как в Вашингтоне решили, что хватит с Москвой говорить «по-хорошему», можно опять «по-плохому». Чаша терпения переполнилась — вот и бросили притворяться.

Ну а виноват кто? Да Путин, конечно.

Как я уже упоминал, для меня все политики — «люди-тексты», а у Путина тексты несравненно содержательнее и интереснее, чем у его американских коллег. Это признают и все мои знакомые американцы, которые судят не понаслышке. Я специально и давно этим интересуюсь. Один из бывших послов

США в Москве мне сказал, что читает стенограммы президента России от корки до корки, поскольку Путин «раскрывает порой гораздо больше, чем можно было бы ожидать».

Что касается американских лидеров, с ними «ситуация понятная, — продолжал дипломат. — Цена откровенности у нас куда выше. Наценка на риск чрезвычайно высока».

Однажды в либеральном сетевом журнале Salon мне попалась любопытная идея. Писатель и журналист Патрик Смит предлагал сравнить одно из программных выступлений Путина того же 2014 года с западными аналогами анонимно, строго по содержанию.

Сам он ставил это выступление в один ряд с речами Уинстона Черчилля и утверждал, что в нем «звучал авторитет» мировой истории.

А американские тексты, на его взгляд, и рядом не стояли. «Речь Путина на столько порядков более осмысленна и достоверна, чем все, что мы слышали из Вашингтона за невесть сколько времени, что надо или смеяться, или наоборот», — горько язвил комментатор.

Кто кому завидует

Правда, если в отношении к Путину за океаном порой чувствуется привкус зависти, то и сам он после разоблачения шпионских программ спецслужб США диссидентом Эдвардом Сноуденом однажды иронически обмолвился, что «завидует» американскому коллеге, «потому что он (Обама) может это сделать, и ему за это ничего не будет». Имелась в виду, как я понимаю, даже не прослушка всего мира как таковая, а то, что она безнаказанно сошла с рук Вашингтону.

Прокомментировать мне эту фразу тогдашний пресс-секретарь Белого дома Джей Карни отказался, а на дополнительный вопрос, завидует ли сам Обама способности Путина прямо и открыто высказывать свое отношение к любому острому вопросу, ответил: «Думаю, наш президент считает примечательным в нашей стране как раз то, что любой человек может говорить все, что хочет, о нашем правительстве. И мирно протестовать без всяких кар и последствий — например, по поводу коррупции в правительстве».

Намек был ясен, но речь шла все же не об этом. Из американских СМИ было известно, что в кругу близких помощников Обама не раз сетовал, что не может позволить себе говорить все, что думает по многим политически щекотливым вопросам.

В ответ на напоминание об этом бывший журналист Карни сказал: «Не стоит верить всему, что пишут в прессе. Как вы сами много раз наблюдали, наш президент, когда он общается с прессой, отвечает на вопросы репортеров, совершенно свободно говорит о своих политических взглядах, выражает свое мнение по вопросам как сегодняшнего дня, так и будущего. И ему это очень нравится».

Я нарочно полностью привел здесь ответы пресс-секретаря. Публичные высказывания самого Обамы, как правило, отдавали точно такой же казенщиной. Живое слово на его пресс-конференциях было такой редкостью, что журналисты за ним буквально охотились и ценили куда выше пространных лекций на любые политические темы. То есть один из главных недостатков политкорректного публичного дискурса в США заключался в том, что он был просто-напросто неимоверно скучен. И уже одно это позволяло и позволяет Трампу задиристо его громить.

Хотя справедливости ради расскажу, как однажды получил в разговоре на эту тему неожиданный и интересный отпор: дескать, не мне с моей сединой об этом судить. Когда я в одной вашингтонской компании упомянул о занудстве американской пропаганды, бойкая молодая особа смерила меня снисходительным взглядом и изрекла: «А она не вам адресована. У пропаганды, как и у любой рекламы, есть своя целевая аудитория. И сейчас главный ее сегмент — так называемое поколение тысячелетия (millenials). Люди в возрасте 20 – 30 лет с небольшим. А на остальных нет смысла воздействовать».

Что ж, как говорится, уела…

Кто и как спорит

Все в том же памятном 2014 году Путин публично вызвал американцев на спор. Выступая на заседании Валдайского клуба в Сочи, он выдвинул тезис о лояльности по отношению к США как главном системообразующем принципе западного мира и предложил опровергнуть его слова любому, кто с ними не согласен.

Тогда никто не отозвался, кроме гостьи-американки, сказавшей, что не узнает в предложенном им описании свою страну. Меня это заинтересовало, и я даже специально поспрошал в Вашингтоне знакомых — и действующих чиновников, и отставников.

Убедился в том, что знал и прежде: самих выступлений иностранных лидеров там никто, кроме профильных экспертов,

не слушает и не читает. Судят о них понаслышке: в лучшем случае со слов этих самых узких специалистов, в худшем — просто по изложению в прессе.

А что касается споров, тот же бывший посол США в Москве мне тогда сказал: «Мы с вами не спорим, потому что для вас это важнее, чем для нас. Россия хочет неких особых отношений с нами, а нам достаточно нормальных, обычных, как с любой другой страной. Для нашей самооценки вы нам не нужны».

Тогда я его поблагодарил за откровенность и теперь могу это только повторить. Но проблема в том, что с тех самых пор Америка и Запад в целом, по-моему, только и делали, что спорили, прямо или косвенно, с российским лидером. По самым разным поводам — от событий в Украине и навязших в зубах домыслов о «российском вмешательстве» в зарубежные политические процессы до проблем международной безопасности и контроля над вооружениями, от подходов к Сирии, Ирану и другим горячим точкам до отвлеченных рассуждений о будущем глобального либерализма.

В итоге, по-моему, уже, скорее, Путину надоели пустопорожние прения. И он стал вежливо и корректно, но недвусмысленно их пресекать. А на доводы тех, кто спорит вопреки фактам, то есть считает чужие факты фикцией, стал отвечать не словом, а делом.

Как это делается, мне лично подсказал в свое время военный комментатор телеканала Fox News отставной армейский разведчик Ральф Питерс. «Это не у Путина бред сумасшедшего, — сказал он тогда в эфире. — Это наш президент и его администрация бредят… Путин же создает факты на местах (facts on the ground)».

С тех пор последняя фраза стала в англоязычной блогосфере одним из популярных интернет-мемов, воспринимаемым зачастую как аксиома. И действительно: разве может быть лучший критерий в вопросе о том, чья политика основана на фактах, нежели способность эти самые факты создавать и менять? Вот Россия их и создает: и у себя дома, и в отношениях с другими странами, включая таких стратегических союзников, как Индия и Китай.

А на чужое бахвальство прямой ответ известен. Путин дал его на одной из встреч с Байденом, когда тот был вице-президентом США. Игорь Шувалов позже рассказал об этом американским членам дискуссионного клуба «Валдай», а один из них — профессор Род-Айлендского университета Николай Петро — передал его слова журналистам.

Байден в той беседе заметил, что Россия просто слишком

слаба, чтобы претендовать на глобальное лидерство. А в ответ ему предложили задуматься над тем, что это, может быть, и верно, но Россия достаточно сильна, чтобы определить, кто будет завтрашним лидером.

И от этого геополитического факта Америке тоже никуда не уйти. Я частенько вспоминаю эту цитату Путина, пусть и в чужом пересказе, поскольку жизнь дает для этого все новые поводы. Байден вот претендует теперь на возвращение в Белый дом уже в качестве президента США. И в предвыборной борьбе с Трампом пытается перещеголять его «ястребиным» отношением и к России, и к Китаю…

11.3. Про Трампа и Fake News

Весной 2005 года, при администрации Буша-младшего, руководство агитпропа США предприняло одну из самых интересных инициатив на моей профессиональной памяти. Оно всерьез попыталось показать, как бороться с ложными слухами и домыслами. Иностранным журналистам, созванным по этому поводу на брифинг, объявили о создании в составе Госдепартамента США рабочей группы по борьбе с дезинформацией во главе с неким Тоддом Левенталем, а заодно и профильного интернет-сайта.

Повод для этого начинания был понятен. После чудовищных терактов 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке и Вашингтоне расплодилось великое множество различных конспирологических теорий. Например, о том, будто Пентагон был поражен не самолетом, а ракетой. Или о том, будто в тот день 4 тысячи евреев не вышли на работу во Всемирный торговый центр и избежали смерти, поскольку якобы были заранее предупреждены о готовившемся нападении. Ну и т. д. и т. п.

Левенталь и приглашенный для пущей убедительности руководитель неправительственной программы «За блестящую журналистику» Данте Чинни доказывали нам, что все это неправда, и обещали, что правительство вскоре выпустит доклад на эту тему (он появился через год, но прошел практически незамеченным). Однако репортеры заваливали их встречными вопросами — от злободневных (в частности, о том, почему в Ираке так и не нашли запасов оружия массового уничтожения, на которые США ссылались в 2003 году при вторжении в эту страну) до «вечных» (например, о том, будто граждане США и других западных государств усыновляют детей в слаборазвитых странах, чтобы использовать их органы для пересадки богатым заказчикам).

Как правильно договариваться

Все это отчасти напоминало булгаковский «сеанс черной магии» без ее разоблачения. Конечно, голов вашингтонским конферансье-контрпропагандистам никто не отрывал, но они и без того стушевались.

Первый брифинг оказался и последним. Хотя я, например, специально интересовался в Госдепе, когда ждать продолжения.

Удивляться этому не приходится. Попытка была предпринята с явно негодными средствами. Доказать, как у нас говорят, «что ты не верблюд» (американцы это называют prove a negative), в принципе невозможно.

Во всяком случае, это считают аксиомой не только опытные журналисты или профессиональные пресс-секретари, с ходу отметающие такого рода вопросы, но и юристы (поэтому и существует презумпция невиновности; обвиняемый не обязан доказывать, что он чего-то не совершал), и ученые (я однажды ходил на академический брифинг по поводу разоблачения людей, приписывающих себе несуществующие научные заслуги).

Да и политики тоже. Я спрашивал главу МИД РФ Сергея Лаврова, как опровергать напраслину, которая возводится на Россию в разных областях в последние годы. Он признался, что не видит иного выхода, кроме как оперировать фактами со своей стороны и требовать предъявления доказательных фактов от партнеров по диалогу.

Но ведь для этого как минимум требуется обоюдное признание фактов как таковых. А я уже выше рассказывал, как в Вашингтоне относятся к «фактам» и «фикциям».

Поэтому я, как ни странно, считаю, что надо не от фактов идти к согласию, а от согласия к фактам. Сначала признать, что у каждого своя правда, а потом уже искать основу для компромисса. По-моему, в любых отношениях — от семейных до международных — только так и можно договориться.

Трампизм и вопросы языкознания

В американском контексте я вспоминаю историю с Левенталем как попытку бороться с fake news, то есть «лженовостями», еще до того, как это понятие вошло в нашу жизнь. То есть, попросту говоря, до Трампа и его главного информационно-пропагандистского оружия — соцсети Twitter.

Кстати, одна из моих американских коллег, бывший шеф бюро AP при Белом доме Дженнифер Ловен, в свое время

уверенно предсказывала, что попытка Трампа общаться с народом «через голову» СМИ обречена на провал. Дескать, люди воспримут это как проявление нечестности, стремление обойти «профессиональные фильтры» для информационных потоков. И, соответственно, с возмущением отвергнут подобный подход.

Когда я это слушал на конференции в Национальном клубе печати США, мне это казалось убедительным; потому и осело в памяти. Но Ловен-то давно не у дел, растит цветы в своем палисаднике. А Трамп все еще на коне и лихо воюет с традиционными СМИ США, именуя их «врагами народа».

При этом он с гордостью утверждает, будто сам и придумал для этих СМИ и их деятельности определение fake, то есть «подтасованный, сфабрикованный, поддельный», а по контексту — и «нечестный, лживый». «Для СМИ на самом деле подходящее слово, один из лучших терминов, которые я придумал, — это „фейк“», — сказал он на заре своего правления в интервью дружественному телеканалу.

Президента США в ответ подняли на смех. На самом деле слово, пришедшее в английский язык, скорее всего, из немецкого, а в общеупотребимую лексику — из воровского жаргона, известно по меньшей мере с конца XVIII века. Если же говорить не про этимологию названия, а про суть, так о том, что пресса «проституирована фальшью» и в ней «ничему нельзя верить», еще в 1807 году писал один из «отцов-основателей» США, главный автор американской Декларации независимости и третий президент страны Томас Джефферсон.

В более недавнем прошлом известен, в частности, вопиющий случай, когда полностью вымышленным оказалось «журналистское расследование», удостоенное в 1981 году самой престижной в США профессиональной награды — Пулитцеровской премии. Премию пришлось вернуть, вокруг лауреата, некой Джанет Кук, и газеты Washington Post, напечатавшей ее душераздирающее сочинение о жизни восьмилетнего наркомана, долго не утихал скандал. Многие специалисты считают, что современная эпоха «лженовостей» за океаном началась именно с той «истории Джимми», а отнюдь не с обвинений президента Трампа в «сговоре» с Россией.

Хотя, если нынешний хозяин Белого дома и погорячился по поводу своего вклада в языкознание, то к популяризации термина, созданию модного тренда он, безусловно, причастен. Именно с его легкой руки словосочетание fake news ворвалось в общественное сознание и политический лексикон в США, а оттуда разлетелось и по всему миру. В Америке некоторые лексикографы признали его «словом года» за 2017 год, в России и других

странах оно уже используется без перевода.

Время вранья?

В принципе оно, конечно, созвучно современной эпохе, которую на Западе нередко именуют временем «послеправды» (post-truth). Смысл названия — в том, что истина как таковая якобы теряет прежнее значение. В частности из-за мутных потоков лжи, домыслов и заблуждений в безбрежном океане интернета.

Мне это напоминает песню Высоцкого о том, как трудно «голой правде» тягаться с «хитрой ложью», скачущей «на длинных и тонких ногах» краденых лошадей. А американские ученые не так давно доказали, что в социальных сетях ложь и в самом деле разлетается гораздо быстрее и легче правды.

Группа специалистов из Массачусетского технологического института (MIT) провела крупнейшее в своем роде исследование: изучила распространение слухов в сети Twitter с момента ее создания в 2006 году по 2017 год. Непосредственным поводом для работы были теракты 2013 года в Бостоне, устроенные братьями Царнаевыми и породившие массу слухов и домыслов — как ложных, так и со временем подтвердившихся. Владельцы Twitter предоставили MIT доступ к корпоративным базам данных.

Исследователи убедились, что «правде требовалось примерно вшестеро больше времени, чем лжи, чтобы добраться до 1500 человек, и в 20 раз больше — для достижения 10-уровневой глубины каскада», то есть цепочки сообщений в сети. Самыми «заразными», или на профессиональном жаргоне «виральными» (от слова «вирус»), оказались политические лженовости. Распространялись фальшивки в основном людьми, а не «ботами», то есть роботами. В целом у лжи было «на 70 % больше шансов на ретвит, чем у правды».

Интересно, что ученые не проводили различия между «хорошими» и «плохими» новостями. Между тем у журналистов считается аксиомой, что «плохие» — страшные и неприятные — известия почти всегда вызывают больший интерес, чем хорошие и добрые. Я даже спросил об этом руководителя проекта Суруша Вусуги и он подтвердил, что это учитывалось в работе.

«Вы правы, — написал он. — Людям нравится делиться негативными, то есть „плохими“, новостями больше, чем позитивными, то есть „хорошими“. Это подтверждено исследованиями в сфере теории коммуникаций. А лженовости, как правило, более негативны, поэтому и делятся ими с большей

вероятностью».

При всей своей научной объективности исследователи из MIT сделали на основании полученных результатов вполне определенный политический вывод. «Дефиниция того, что истинно и что ложно, стала обычной политической стратегией и подменила собой дебаты, основанные на взаимно согласованном наборе фактов», — указали они.

По-моему, это ровно то самое, что я всегда утверждал в спорах с коллегами-пропагандистами в США. У каждого своя правда и каждый по-своему отличает ее от лжи. Читайте исследования MIT, дамы и господа.

11.4. Про пропаганду

Однажды в самом начале президентства Обамы меня пригласили в вашингтонский Музей новостей на встречу с группой старшеклассников из бывшего СССР. Ребят усадили перед электронной картой мира и принялись убеждать, что их страны, раскрашенные для наглядности в неприятные и зловещие темно-коричневые тона, — несвободные или в лучшем случае полусвободные. Большинство детей подавленно молчали, некоторые пытались горячо, но неумело возражать.

Когда пришла моя очередь говорить, я объяснил им, что это был урок пропаганды. Что ради нее, собственно, и возведен в самом центре Вашингтона у подножия Капитолийского холма музейный комплекс стоимостью под полмиллиарда долларов. Что люди, бессовестно пытавшиеся уговорить их не любить родину, служат в организации, именующей себя «Форумом свободы», и подобными лекциями отрабатывают свою зарплату. Что о чужой свободе они пекутся в основном тогда, когда это зачем-нибудь нужно самой Америке, хотя об этом — и, кстати, не только об этом — там не принято говорить вслух…

Разумеется, больше меня на подобные посиделки не звали. Зато сам я еще несколько месяцев пытался выяснить у «ответственных должностных лиц», включая тогдашнего юрисконсульта Госдепа, не противоречит ли увиденное законам самих США по части воздействия на чужих детей. Отстал только после того, как понял, что ничего вразумительного, кроме стандартных разглагольствований о «свободе мнений» и плюрализме, все равно не добьюсь.

Само слово «пропаганда» американцы не любят и даже считают для себя оскорбительным. Наверное, потому что оно ассоциируется у них с неправдой, а сами они искренне верят в свою пропаганду — пусть и под другими названиями. Дома она

почти неотличима в глазах большинства от патриотизма. Вовне, в том числе и в общении с иностранными гостями, включая тех же детей, ее обычно именуют «публичной дипломатией».

Кстати, Стенгел, курировавший в Госдепе эту самую «публичную дипломатию», позже признавал, что слово «пропаганда» его не смущает и что его самого на госслужбе «кое-кто называл главным пропагандистом» США. Но все же сам он, по его словам, предпочитал именовать себя «шефом маркетинга Америки как бренда». Что ж, тоже логично: если в стране все подчинено законам рынка, то почему пропаганда должна быть исключением?

«Не стыдиться своего лица»

Американцы откровенно гордятся тем, что они американцы. Тем, кого это раздражает, можно напомнить слова Федора Достоевского о том, что «не стыдиться своего лица, даже где бы то ни было, есть именно самый главный и существенный пункт собственного достоинства». Сказаны эти слова были в назидание соотечественникам, которым бывает свойственен «дрянной стыдишка за себя», за свое «данное Богом русскому человеку лицо».

Главная задача любой госпропаганды — доказать, что своя система работает. В идеале — что она наилучшая, если вообще не единственно возможная для нормального человеческого существования. В этом убеждают прежде всего свой собственный, но по возможности и чужие народы.

Я всегда считал и считаю, что в целом американская пропаганда сильнее советской, да и российской, и со своей задачей справляется хорошо. Что для населения США вера в существующий строй, в свой образ жизни по сути и есть главная «национальная идея». Что фактически там достигнуто то, к чему стремилось советское Политбюро: народ не только знает, но и разделяет идеологические установки правящих элит.

Но в последние годы и эти установки, и их восприятие заметно меняются. Сбылись и другие мечты Политбюро: престиж и влияние Америки в мире сильно пошатнулись — прежде всего из-за того, что страна глубоко расколота изнутри. Спор между либералами и консерваторами о том, что такое «американская мечта» и как ее правильно воплощать в жизнь, настолько обострился, что его часто сравнивают с идеологической и информационной «гражданской войной».

Сама «мечта» так потускнела, что среди молодежи в США

усиливаются сомнения в преимуществах либеральной демократии и свободного рыночного капитализма, растут интерес и симпатии к системным альтернативам, включая социалистическую модель развития. Зримым воплощением идейно-политического кризиса стали фигура и стиль правления действующего президента страны Трампа, а в предвыборной гонке 2020 года — идеологическая платформа социал-демократа Берни Сандерса, доходившего в своей риторике до призывов к «революционному» свержению «олигархической» власти крупного капитала в США.

О чем спор

В самом упрощенном, схематичном виде главный спор в Америке идет сейчас между либеральными глобалистами и консервативными националистами-традиционалистами. У нью-йоркских биржевиков или голливудских продюсеров одни мечты, а у пенсильванских шахтеров и металлургов, айовских фермеров и шоферов-дальнобойщиков из какой-нибудь Северной Дакоты — совсем другие. Первые считают, что деньги можно делать «из воздуха», зарабатывая на финансовых, военных и иных технологиях и услугах по всему миру. Для вторых важно, чтобы рабочие места с достойной зарплатой сохранялись в самой Америке.

Соответственно, первые — за то, чтобы США оставались мировым жандармом и поддерживали «порядок, основанный на правилах», включая свободу движения капиталов и товаров по всей планете. Вторые убеждены, что заниматься надо прежде всего домашними заботами — от ветшающей инфраструктуры до неуклонно дорожающих образования и медицинского обслуживания. А в чужие дела по возможности не соваться, в том числе и с военной силой.

У спора есть партийное измерение. Демократы и особенно социал-демократы считаются сторонниками большого правительства, играющего активную роль в экономической и социальной жизни страны. Республиканцы и либертарианцы уповают на частную инициативу.

В моральном отношении либералы ориентируются на «ценности и идеалы», в том числе и «всеобщие». Консерваторы считают более надежной ставку на прагматизм и индивидуализм, то есть на интересы, в том числе и корыстные.

Все это наглядно проявлялось еще на выборах 2016 года. Демократы во главе с Обамой и Клинтон изображали Америку

землей обетованной, а ее народ — уникальной нацией, показывающей пример и внушающей зависть всем остальным. Они презрительно насмехались над Трампом и другими националистами, утверждавшими, что ничего уникального в Америке нет, что свою родину так же любят, ценят и превозносят и другие народы.

Естественно, эти самые другие народны солидарны в этом споре скорее с Трампом и его единомышленниками. Я, например, считаю, что под лозунгами либерального глобализма Америка по сути грабит остальной мир, выкачивая из него к себе чужие мозги и деньги.

Собственно, она этого особо и не скрывает, а наоборот, даже гордится этим. Однажды на День независимости США я ездил на церемонию натурализации новых американских граждан и своими ушами слышал, как гражданство было названо «самым ценным товаром» (commodity), имеющимся в распоряжении властей США.

Дал тогда это определение, причем совершенно серьезно, один из богатейших людей и крупнейших меценатов американской столицы Дэвид Рубенстайн. Выступая с главной приветственной речью, он напомнил, что «страну построили иммигранты», и в подтверждение привел длинный список известных имен.

Среди тех, кого он назвал, были предприниматели-шотландцы Александр Белл и Эндрю Карнеги; бывшие госсекретари США Генри Киссинджер и Мадлен Олбрайт; музыканты Владимир Горовиц и Исаак Стерн (оба последних были родом с Украины), а также Ирвинг Берлин (уроженец Тюмени Израиль Бейлин) и Джон Леннон, Глория Эстефан и Йо-Йо Ма; спортсмены Мартина Навратилова и Хаким Оладжьювон; писатели Сол Беллоу и Эли Визель; архитекторы И. М. Пей и Фрэнк Гери; бизнесмены — сооснователи компаний Intel и Google Энди Гроув (уроженец Будапешта Андраш Гроф) и москвич по рождению Сергей Брин; всемирно известные ученые Энрико Ферми и Альберт Эйнштейн.

Ссылался Рубенстайн и на собственный пример. По его словам, в начале прошлого века его дед в десятилетнем возрасте приехал в США с Украины «после того, как там начались еврейские погромы». Отец был скромным почтовым служащим, не имел высшего образования. Зато он дал его сыну, а тот со временем был приглашен на работу в Белый дом в качестве советника президента Джимми Картера, а позже стал одним из основателей инвестиционной компании Carlyle Group, управляющей теперь активами на сотни миллиардов долларов.

Понятно, что Америка может быть довольна притоком чужих мозгов и талантов. Она в явном выигрыше. Но вот остальным надо, видимо, отчетливо понимать, за чей счет достигается этот выигрыш.

Пропаганда: хотите верьте, хотите нет

На мой взгляд, разное отношение к пропаганде сильно мешает американцам и россиянам понимать друг друга. Первые не только сами верят в свою пропаганду, но и считают, что другие думают и поступают так же. Известно, что в свое время Рональд Рейган, познакомившись с советским послом в Вашингтоне Анатолием Добрыниным, искренне недоумевал, как такой умный и обаятельный человек может быть убежденным коммунистом. При мне сотрудники аппарата Белого дома радостно удивлялись, что бывавшие там с визитами российские «силовики» не всегда заводили риторические споры — скажем, по поводу угроз со стороны НАТО.

С другой стороны, люди, имеющие за плечами советский опыт, не склонны доверять ничьей пропаганде — ни своей, ни тем более чужой. Вера американцев в идеологические клише их только раздражает, кажется им притворной, то есть лживой. Помню, высокопоставленный дипломат одной из стран СНГ в сердцах сказал об американцах: «Ладно бы они только с трибун вещали, как на партсобрании. Так ведь они и между собой так же разговаривают».

Получается парадокс. В принципе все — за честность. Но при этом одни верят в свою и чужую искренность, а другие — нет. И откуда же при этом взяться взаимопониманию и доверию? Американцы, правда, возразят: если у вас «одни слова для кухонь, другие — для улиц», то это ваша проблема. И будут совершенно правы. На самом деле вера в свой строй жизненно необходима любому народу.

В одном из классических конфуцианских текстов Учитель говорит, что в стране должно быть достаточно еды и оружия, а народ должен доверять власти. На вопрос о том, чем можно в крайнем случае пожертвовать, он называет сначала оружие, а потом и еду и добавляет: «Но без доверия народа государство не сможет устоять».

По словам историков, прежде всего поэтому — а не из-за каких-то материальных причин — рухнули и Российская империя, и Советский Союз. Что до американцев, то они, конечно, заблуждаются, воображая, будто весь мир только и мечтает быть

такими же, как они. Но кто осмелится бросить в них за это камень?

Впрочем, от рассуждений о теории информационной и пропагандистской работы пора, пожалуй, перейти к практике. Приведу для наглядности только одну тему — «наши дети в Америке». В годы моей работы за океаном она была, пожалуй, самой болезненной для российского общественного сознания: ничто не вызывало дома такого бурного отклика, как известия о том, что с «нашими детьми», оказавшимися волею судеб в США, что-то неладно.

11.5. Наши дети в Америке

В марте 2010 года мне в Вашингтон позвонила знакомая американка Филлис Мэтти-Джонсон. «Слушай, Андрей, тут такое дело, — сказала она. — Здесь у нас в нашем поселке ребенок умер. Говорят — приемный. И чуть ли не из России».

Сердце у меня екнуло. Переспросив у «бабушки Филлис», как я ее про себя называю, имя и фамилию ребенка, я наскоро покопался в Интернете и принялся звонить в наше консульство. Мне сразу подтвердили, что Натаниэл Крейвер из Кэрролл-Тауншип в штате Пенсильвания числится на консульском учете. Что настоящее имя его — Ваня Скоробогатов и что в 2003 году он был усыновлен американцами Майклом и Наннет Крейверами в Челябинске вместе с сестрой-близнецом.

Погиб Ваня на самом деле еще в августе 2009-го, следствие в отношении приемных родителей велось уже несколько месяцев и освещалось в местной печати. В публикациях просто не было упоминаний о российском гражданстве ребенка, поскольку для поселковых американских властей этот факт существенного значения не имел, а местные репортеры в детали, по всей видимости, не вдавались. Но сам факт смерти семилетнего мальчика сомнений не вызывал, о чем я и сообщил дипломатам.

Затем, отправив в Москву первые срочные сообщения, сам поехал в консульство посмотреть документы и обсудить ситуацию. Коллеги-дипломаты, тоже сразу переключившиеся на авральный режим работы, в благодарность за предупреждение поделились тем, чем сами располагали, включая фотографию Вани и Даши Скоробогатовых в большой подарочной коробке с лентами. Это, конечно, сразу многократно усилило эффект от трагического известия: одно дело слышать или читать о смерти маленького человечка и совсем другое — видеть его воочию: нарядным, улыбающимся, ждущим от жизни и взрослых только добра.

Впрочем, дополнительных «катализаторов» на самом деле не требовалось. В Москве и по всей России сразу грянул гром возмущения. Дело Вани Скоробогатова, которого, как позже выяснилось на следствии и суде, приемные родители уморили голодом и побоями, стало одной из последних капель, переполнивших чашу терпения российских властей.

В этом и других подобных случаях американцы не только не обеспечивали безопасность наших приемышей, но даже не ставили российскую сторону в известность, когда с теми что-то случалось. А счет происшествиям, в том числе и со смертельным исходом, шел на десятки. В итоге в 2012 году парламент РФ принял так называемый «закон Димы Яковлева» (по имени одного из погибших малышей), запрещающий усыновление наших детей гражданами США.

У меня, кстати, сохранилась служебная телеграмма по поводу того же нашумевшего дела, которую я в декабре 2008 года послал в Американскую редакцию ТАСС в Москве. Она, правда, немного хвастливая, но зато дает ясное представление о том, чем и как мы занимались на своей журналистской вахте. Названный в ней человек — мой товарищ, который был корреспондентом нашего отделения:

«Хочу привлечь внимание к отличной работе Андрея Суржанского по делу о погибшем Диме Яковлеве.

В понедельник мы первыми — без конкурентов — открыли судебный процесс. Подсказала местная знакомая американка. Во вторник с этой нашей подачи у зала суда, куда ездил Андрей, выстроилась батарея наших телекамер. Но Андрей все равно добыл больше информации, чем у других, потому что законтачил на месте с криминальным репортером из „Вашпоста“, который в вирджинском суде свой человек.

С подсказки этого же репортера Андрей в среду опять поехал в суд, хотя официально все говорили, что до пятницы никаких новостей не ожидается. НИКОГО из наших, включая посольских, там в этот день больше не было. Между тем судья вышел и объявил свой чудовищный по смыслу приговор, и Андрей тут же из коридора (при том, что формально в суд даже нельзя проносить мобильники) отдиктовался.

Посольство, куда мы сразу обратились за откликами, было не в курсе и вынуждено было просить нас поделиться информацией, что мы, естественно, и сделали, поскольку у нас она уже была на лентах. Для нас здесь это тоже важные „очки“ в нашу пользу.

Прошу доложить эту записку начальству и отметить работу Суржанского. Всем большой предпраздничный привет».

Бабушка-героиня

В моей собственной профессиональной практике случай с Ваней Скоробогатовым был не первым и не последним. Для меня самым поразительным в нем было невероятное совпадение. Тревогу подняла «бабушка Филлис», которая сама воспитывала на тот момент двух приемных братьев-близнецов из России — Женю и Володю Тулимовых, усыновленных ею после того, как еще один их брат, Виктор, в 2000 году погиб при точно таких же обстоятельствах, что и Ваня, но совсем в другом месте, в штате Нью-Джерси.

Загубили Виктора сын и невестка Филлис, взявшие на воспитание из России сразу трех детей, хотя у них было и четверо собственных. Кажется, они находились под влиянием своей церковной общины. За убийство мальчишки их осудили на 10 лет тюрьмы, но реально отсидели они лишь четыре, поскольку приговор дважды пересматривался, и они вовремя заключили удачную для себя сделку со следствием.

Филлис на суде стояла за правду и свидетельствовала против кровных родных. Когда убийцы оказались за решеткой и их собственных детей приютила та же община, близнецы, которых в Америке звали Джеймс и Джезайя, остались фактически брошенными. И тогда она забрала их к себе, из приемной бабушки стала им матерью и принялась растить на свою скромную пенсию и социальное пособие.

Познакомились мы с ними со всеми, когда она привозила детей в российское посольство на елку. Потом и они приезжали к нам с женой в гости в Вашингтон, и мы ездили к ним в Пенсильванию, куда они перебрались из родного штата, чтобы быть подальше от страшных воспоминаний и недоброй людской молвы.

Еще позже Филлис возила их на родину, в город Свободный на российском Дальнем Востоке. С билетами тогда по моей просьбе помог «Аэрофлот». Ребята встречались с родной матерью, братьями и сестрой. В Москве их приглашали на телевидение, да и вообще поездка широко освещалась в российской печати.

А потом близнецы выросли, пособие на их воспитание платить перестали. Учеба у них изначально не задавалась, да и денег на нее не было, хотя Филлис и пыталась помочь им приобрести какую-нибудь рабочую специальность. Был момент, когда те же телевизионщики опять поманили в Москву, но посулов своих не выполнили.

В общем, насколько я знаю, повзрослевшие братья (в декабре 2019 года им исполнилось 24) в Америке пока еще маются, ищут

свое призвание в жизни. И даже имена у них теперь разные. Один остался Джеймсом Джонсоном, другой называет себя не иначе, как Владимир Лутц-Тулимов.

Постаревшая Филлис написала книжку про пережитое и назвала ее «Голос Виктора». Но ни в Америке, ни в России история издателей не заинтересовала. Тому уж и я свидетель: сам ходил в Москве и спрашивал в нескольких местах. Чем еще можно было помочь, не придумал, хотя и не отпускает ощущение, что сделал не все, что мог.

Для меня «бабушка Филлис» — настоящая американская героиня. В тяжелейшей жизненной ситуации она сделала свой выбор по совести, больше от него не отступала и помощи ниоткуда не ждала и не просила. Достойно несла свой нелегкий крест.

И она, кстати, не одна такая. Среди моих знакомых есть американки (почему-то в основном именно женщины), вызывающие у меня благодарное уважение и даже восхищение.

Святочная история

Благодаря Бараку Обаме, устроившему в 2011 году саммит АТЭС на Гавайях, я знаю, что рай на земле существует и находится именно там.

А до тех пор этот американский штат ассоциировался у меня с одним человеком — русской американкой Наташей Оуэн. Эта женщина, по собственной воле превратившая необременительный статус почетного консула России на Гавайях в тяжкий крест неустанной подвижнической заботы о больных детях, служит для меня олицетворением лучших качеств обоих наших народов: русской душевности, отзывчивости к чужой беде и американской деловитости, привычки полагаться на собственные силы, умения собирать вокруг себя единомышленников для решения общих задач.

Познакомились мы с Наташей в 1999 году, под Рождество. История, которую я от нее услышал, была поистине святочной. Трехлетнему Алемжану Шелтику из поселка Моряк-Рыболов Тернейского района на севере Приморья была жизненно необходима операция. Малыш, страдавший детским церебральным параличом, находился в критическом состоянии, и спасти его могло лишь срочное шунтирование сосудов головного мозга. Для операции, однако, не было главного — самого шунта, то есть особого протеза, способного заменить пораженный сосуд.

На помощь пришли американские военные медики, которые

вместе с российским почетным консулом привезли тогда во Владивосток в качестве гуманитарной помощи оборудование и припасы из расформированного госпиталя ВВС США. 21 декабря — на следующий день после возвращения из России — хирург из Техаса майор Дэвид Смит позвонил Наташе Оуэн в Гонолулу и сообщил, что нашел нужный шунт.

Выяснилось, однако, что в канун Рождества по западному календарю прекращалось авиационное сообщение между тихоокеанским побережьем Америки и российским Дальним Востоком. Тем не менее благодаря совместным стараниям коллег Смита в Техасе и Пентагоне, представителей «Аэрофлота» в Сан-Франциско (штат Калифорния) и Сиэтле (штат Вашингтон) необычный груз был в ночь с 25 на 26 декабря доставлен во Владивосток последним в том году рейсом российской авиакомпании из Сиэтла. Днем ребенка прооперировали. Состояние его было обнадеживающим, хотя дальнейшей судьбы его я не знаю.

Позже мне доводилось встречаться с российскими и американскими участниками проекта, который с энтузиазмом «раскручивала» тогда моя знакомая. Замысел был во многом уникальным, поскольку предполагал гуманитарное сотрудничество военного Тихоокеанского командования США и гражданских властей Приморья. У него имелись сторонники, причем весьма влиятельные (как мне рассказывал тогдашний главный хирург ВВС США трехзвездный генерал Пол Карлтон, об американо-российской программе «Надежда», частью которой была эта инициатива, докладывали даже лично президенту Биллу Клинтону), но были и убежденные противники, остававшиеся по сути на позициях холодной войны.

После смены власти в Вашингтоне программа была свернута, но к тому времени в ее рамках было проделано уже немало. В частности, помимо отправки в Приморье и Магадан оборудования и медицинской техники, там был проведен медико-экологический мониторинг в школах и детских садах Владивостока.

А Оуэн, которая до этого несколько лет поддерживала школу-интернат для больных детей в Екатериновке и собрала с помощью российских дипломатов деньги на создание физиотерапевтического центра в Уссурийске, загорелась новой, еще более смелой идеей. По опыту общения с калифорнийскими медиками она знала, как много значит в борьбе с детскими раковыми заболеваниями не только само лечение, но и реабилитация: профессиональная медицинская, социальная и морально-психологическая поддержка маленьких пациентов, их родных и близких. Во многом благодаря такой заботе, как мне

тогда объясняли специалисты, в США излечиваются примерно три четверти детей, заболевающих раком.

И вот теперь в курортном поселке Седанка под Владивостоком работает реабилитационный центр для детей с онкогематологическими заболеваниями. Наташа вложила в этот проект всю душу, собрала около 2 млн долларов (она всегда особо отмечает предпринимателя из Сатки в Челябинской области Сергея Коростелева, давшего первые 200 тысяч), заручилась поддержкой патриарха Алексия и министра иностранных дел РФ Сергея Лаврова (собственно, дипломаты помогали «всем МИДом»). Позже, по ее словам, тогдашний председатель Госдумы РФ Геннадий Селезнев и главный детский гематолог страны академик Александр Румянцев помогли провести через парламент решение о создании профильной службы при Минздраве и сети реабилитационных центров для больных детей по всей стране.

Unhappy End

В принципе это могло бы служить тем самым «хеппи-эндом», который по канонам жанра полагается иметь всем святочным рассказам. Но, к сожалению, в случае с Наташей концовку испортила та же администрация Обамы. В январе 2016 года она решила закрыть пять из шести российских почетных консульств в США (одно оставили, потому что у американцев имеется в России одно собственное).

Такого не бывало даже в годы холодной войны, поскольку почетные консулы вообще не занимаются политикой, а помогают решать сугубо насущные вопросы наподобие поисков шунта для больного ребенка или оказания содействия соотечественникам, оказавшимся в сложной ситуации в чужой стране. В целом их главная функция — помогать налаживать контакты между людьми.

Власти США всегда утверждали, что ценят такие гражданские контакты так же высоко, как политические, экономические и иные связи. Но вот взяли и порушили работу почетных консульств по сути дела из чистой мстительности — в угоду сиюминутной политической конъюнктуре. Обаме было обидно, что «перезагрузка» отношений с Россией, которую он рассчитывал сделать одним из «коронных бриллиантов» своего политического наследия, в итоге вышла ему боком.

Наташа мне позже сказала по поводу закрытия консульств: «Они, наверное, рассчитывали на то, что люди, которые будут

страдать от этого, станут ненавидеть Россию. Но получилось не так, а ровно наоборот».

Изнанка детской «американской мечты»

В 2014 году Россия приостановила свое участие в американской образовательной программе для старшеклассников Future Leaders Exchange (FLEX, «Обмен будущими лидерами»). Тогда об этом говорили приглушенно, но задним числом можно пояснить, что случилось: один из юных участников программы вовремя не вернулся домой. А когда его стали искать, выяснилось, что он попал под влияние однополой «супружеской пары» и решил остаться в США, поскольку новые знакомые обещали ему свою опеку и помощь в учебе.

Российские дипломаты, которые пытались помочь родителям нашего недоросля и добивались от США выполнения условий программы (американцы всегда сами же настаивали на том, чтобы одним из таких условий было обязательное возвращение участников домой), в ответ слышали, что, мол, никто не имеет права вмешиваться в чужую личную жизнь. К тому же, если я правильно помню, доброхоты-опекуны юнца сразу обратились за его «защитой» в суд, а американской Фемиде исполнительная власть — не указ, даже если бы та и хотела вмешаться.

В России эти пикантные подробности были подавляющему большинству неизвестны, и многие доброхоты возмущались: вот, мол, собственные бюрократы не пускают наших детей в Америку. Ни насовсем, ни даже погостить. И даже за чужой счет, что почему-то вызывало особое раздражение.

Меня это, по правде говоря, сильно удивляло. Я много об этом думал, и вот к чему пришел.

Лозунг «Давайте отдадим наших детей в чужие руки, им так будет лучше» в моей голове не укладывается. По-моему, нормальные люди так рассуждать не могут. Даже крайний случай — «У нас ребенок умрет, а там его могут вылечить» — в принципе не составляет исключения. Да, в безвыходных ситуациях, очевидно, надо жертвовать всем ради жизни и здоровья ребенка. Но при этом ясно сознавать, что правильный подход — отправить на лечение туда, где оно есть, оплатить его из любых источников, включая государственные, а затем вернуть свое чадо домой. Так, как сделали бы любые нормальные родители. А просто сбыть с рук, с глаз долой, из сердца вон — это позор.

Кстати, как я уже отмечал, американцам в подобной ситуации и в голову не пришло бы рассчитывать на каких-нибудь

заморских благодетелей. Они и на своего собственного «дядю Сэма» в этом смысле не особо оглядываются. Главная опора в подобных случаях — родные и близкие, церковь, а также профильные общественные организации, прежде всего объединения людей, сталкивающихся с той же проблемой, включая тяжелые и редкие болезни. Здесь это называется «переплетением корней травы», и эти «сетевые технологии» существуют в Америке чуть ли не со времен ее основания, а при нынешнем уровне компьютеризации охватывают буквально любую нишу. И реально помогают реальным людям.

В самом начале своей работы в Америке я безоговорочно выступал за международные усыновления и с восторгом писал о подлинных чудесах любви и великодушия — наподобие случая, когда американский ветеран-инвалид Рональд Гринфилд, вернувшийся на одной ноге из Вьетнама, в буквальном и переносном смысле поставил на ноги двух мальчишек из Подольского детдома. Я сам видел, как те уже подростками чуть ли не чечетку отбивали на своих протезах на приеме в нашем посольстве.

Но, к сожалению, со временем мне открылась и изнанка детской «американской мечты». Я писал, наверное, обо всех местных ЧП с приемными детьми из России за два десятка лет. Был лично знаком и с некоторыми из наших ребят, и с теми, кто реально пытался помочь им в США — от «бабушки Филлис» до соцработницы из Техаса Дианы Блэк, опекавшей брата и сестер Климовых (она, кстати, тоже написала про этот свой опыт книгу и тоже пока не смогла ее издать). При этом с не меньшим уважением относился и к российским дипломатам в США, особенно юристам, делавшим все возможное для защиты интересов наших юных соотечественников.

В целом, как мне теперь ясно, усыновления в США — это бизнес. Конечно, очень специфический, но и весьма прибыльный. И дети в нем, как ни кощунственно это звучит, — своего рода «живой товар», предмет «купли-продажи», в том числе на профильных электронных «биржах».

В 2013 году британское агентство «Рейтер» опубликовало итоги своего журналистского расследования на эту тему. Публикация так и была озаглавлена: «Детская биржа. Взгляд изнутри на американский подпольный рынок приемных детей».

Российские дети всегда пользовались на этом «рынке» повышенным «спросом», как белые и сравнительно «недорогие» (хотя стоимость усыновления все равно исчислялась в среднем десятками тысяч долларов). В том числе и поэтому их в США было много — по некоторым оценкам, более 60 тысяч человек.

Все они как минимум до совершеннолетия оставались российскими гражданами. Именно поэтому наши дипломаты в меру своих сил и возможностей пеклись об их судьбе. И так было всегда — не только при нынешнем обострении отношений, но и в самые что ни на есть благополучные «перезагрузочные» годы. Не случайно именно тогда по настоянию Москвы было заключено профильное межправительственное соглашение.

Другое дело, что американцы всегда признавали законность этого российского интереса только на словах. Для них с момента получения иммиграционного статуса в США ребенок становился американским, а какое там у него еще гражданство, по большому счету никого не интересовало.

В теории это вроде бы не так уж и важно: как-никак, Америка считает себя образцом правового государства. На практике, однако, права и интересы детей удручающе часто нарушались, а защищать их если и удавалось, то с большим трудом и, несмотря на все договорные обязательства, при практически полном «невмешательстве» со стороны федеральных властей США.

Американский «пылесос»

Именно такая ситуация наблюдалась и в истории с подростком-«невозвращенцем», приведшей к приостановке программы FLEX. Мера была, конечно, крайняя, но вынужденная. Недовольных «запретом» я бы спросил: «А вы отпустите своего ребенка в гости, если он может и не вернуться оттуда домой? Если его там без спросу решат „приютить“, якобы для его же блага? И даже если сам недоросль будет с этим согласен?»

Таких программ я тоже перевидал достаточно. Первое, что в них бросается в глаза, — это несоответствие названия «обмен» сугубо одностороннему содержанию. Та же FLEX работала только на прием в США «будущих лидеров» в возрасте 15–17 лет из постсоветских государств, за исключением стран Прибалтики, Беларуси и Узбекистана. Выше я уже рассказывал, как однажды попал на сеанс «промывания мозгов» таким несовершеннолетним гостям в вашингтонском Музее новостей.

Собственных же школяров американцы направляли за рубеж по другим программам. Не припоминаю случаев, когда бы юных американцев за рубежом чем-то всерьез обижала принимающая сторона. Во всяком случае, в прессе упоминания о подобном никогда не встречал.

Средства федерального бюджета США на FLEX и другие подобные проекты тратятся, конечно, осмысленно. Доказывая их

необходимость, специалисты по «публичной дипломатии» неизменно подчеркивают, что это один из самых эффективных способов укрепления международного престижа США, интереса и симпатий к американскому образу жизни. Летом 2020 года Виктория Нуланд вообще предлагала открыть всем российским подросткам определенного возраста безвизовый доступ в США.

Хронический глобальный дефицит симпатий в Вашингтоне сознают и воспринимают достаточно болезненно; деньги на агитпроп выделяют исправно. А тот оголтело превозносит «права и свободы личности», как чуть ли не единственную «универсальную ценность».

При этом, кстати, невольно складывается впечатление, что эти самые права и свободы — не только боготворимая американцами святыня (это действительно так, пропаганда работает прежде всего в собственной стране), но и вполне прозаический инструмент государственной внешней политики США. Своего рода «американский пылесос», собирающий со всего мира чужие мозги и деньги за счет притягательной силы «идеалов». А не приноси они подобной осязаемой выгоды, ни в какой политический принцип Вашингтон бы их и не возводил.

Я уже упоминал, как в 2011 году ставил на брифинге в Белом доме вопрос об оборотной стороне американской свободы. Какой скандал вспыхнул из-за этого в вашингтонской прессе, как меня обвиняли не только в «покушении на святыни», но и чуть ли не в «разжигании новой холодной войны». Как позже тезис об оборотной стороне свободы публично оспаривал даже сам президент США Барак Обама.

Теперь же меня преследует еще более крамольная мысль. По-моему, своеволие, эгоизм, личная корысть — не оборотная, а самая что ни на есть лицевая сторона американской свободы. Потому что именно они создают главную «тягу» в том самом «пылесосе». Никто ведь не манит — и не едет — в Америку поработать на благо общества. Наоборот, подразумевается, а то и открыто говорится, что думать исключительно о собственной выгоде, делать для собственного преуспевания «все, что не запрещено законом» — правильно и даже почетно.

Получается, что и сама свобода так поступать нужна для поддержания тяги в «пылесосе». А хваленая «власть закона» в США в таком случае не более чем защитный механизм, выработанный обществом из-за того, что без него дикая вольница одержимых личным успехом людей, к тому же имеющих почти неограниченный доступ к оружию, просто опасна.

Конечно, свобода — дар Божий человеку — безусловная ценность. Но она по определению предполагает и личный выбор,

то есть ответственность за то, как этот дар используется. То есть известный тезис — «свобода лучше, чем несвобода», — как минимум требует уточнения: свобода от чего и во имя чего?

При всем том хороших людей повсюду, включая и США, несравненно больше, чем плохих. Американцы действительно устроили свою жизнь многим на зависть. И извиняться за это, а тем более уступать кому бы то ни было свое привилегированное положение совершенно не собираются. Наоборот, всеми силами стараются его сохранить и укрепить, в том числе и за счет приезжих.

А у тех — свой интерес. Вот конкретный пример: коллега-москвичка при мне несколько раз привозила ребенка с тяжелым заболеванием на обследования и лечение в Национальный институт здравоохранения США близ Вашингтона. За счет американцев, с проживанием в чудесной гостинице прямо при медцентре. И то, что приглашали ее хозяева в собственных научных интересах, ей было безразлично. Она мечтала о чуде, верила в него — и оно в ее жизни сбывалось.

Фото к Главе 11:

11.1. Аккредитации на американо-российский саммит в Кроуфорде, 14 ноября 2001

11.2. Крым наш. Брифинг в Белом доме 21 марта 2014 года. На трибуне пресс-секретарь Джей Карни. По бокам помощники президента Сюзан Райс и Бен Родс

11.3. Олимпийцев США принимают в Белом доме после их возвращения из Сочи. Апрель 2014

11.4. Общее фото подгруппы по СМИ президентской комиссии по сотрудничеству России и США после заседания в Вашингтоне, 2012

11.5. Автор с М. С. Гусманом на заседании подгруппы по СМИ президентской комиссии по сотрудничеству России и США в Санкт-Петербурге, 2013

Наши дети в Америке:

11.6. Ваня и Даша Скоробогатовы

11.7. Мои американские героини. Наташа Оуэн с мужем Тоби

11.8. Мои американские героини. Филлис Джонсон

11.9. Автор с Дианой Блэк и Алексеем Климовым в посольстве РФ в Вашингтоне. Июнь 2014

Часть 4. Штрихи к психологическому портрету американцев

Глава 12. Технологии жизни. Жадность и счастье

Профессия искажает взгляд. Глаз репортера-тассовца привычно выхватывает из череды событий те, которые годятся на ленту, то есть могут быть преподнесены либо как новости, либо как наглядная иллюстрация к хронике текущих событий.

При этом порой не видишь леса за деревьями. Забываешь о принципе американского генерала и президента Дуайта Эйзенхауэра, советовавшего в потоке «важных и срочных» дел и забот все-таки обязательно оставлять время и на «важное, хоть и не срочное». А вот тем, что «не важно и не срочно», стараться вовсе не заниматься.

При мне об этом напоминал в Вашингтоне Дональд Рамсфелд — бывший шеф Пентагона и завзятый афорист. Помните его фразы про «новую» и «старую» Европу или про то, что «неизвестное» в стратегических планах и расчетах может само по себе быть как «известным», так и «неизвестным»?

Задним числом я корю себя за то, что за четверть века в США успел сделать совсем не все, что стоило бы. Скажем, на промышленных предприятиях разного профиля бывал с пресс-турами, а вот у фермеров ни разу не гостил. Да и вообще об «одноэтажной Америке» судил по большей части «вприглядку».

Поэтому и на вопросы о том, «ладно ль за морем иль худо» и каковы американцы в реальной жизни, до сих пор отвечаю с большими оговорками. А то, что успел обдумать и написать на эту тему, называю для себя лишь штрихами к психологическому портрету своих американских друзей.

12.1. Люди, не живущие «на авось»

На идеально ровном искусственном газоне футбольного поля в вашингтонском школьном дворе немолодой лысоватый дядька обучал двух старшеклассниц навыкам обращения с мячом. Тренировка была явно «самодеятельной», но выглядела при этом вполне профессионально. Все были в спортивной форме и под палящим солнцем битый час настойчиво и методично отрабатывали технику дриблинга, игры в пас, отбора мяча. Я гулял неподалеку с маленьким сыном, изредка посматривал в их сторону и думал, что воочию наблюдаю едва ли не главный «секрет» американских успехов не только на спортивных площадках, но и вообще в жизни.

Заключается он, на мой взгляд, в организованном, упорядоченном, если угодно — технологичном подходе к любому делу. Чтобы знать, как правильно действовать, американцы этому учатся, а главное — неукоснительно применяют затем на практике это самое свое «ноу-хау» в виде отработанной последовательности шагов. В этом смысле их жизнь напоминает такие их прорывные успехи в организации производства, как промышленный конвейер или современные информационно-компьютерные технологии.

Конечно, подход этот с виду настолько самоочевиден, что при попытке его обсуждать американцы искренне поражаются: «А у вас разве не так?» «Так, да не так», — отвечаю я и думаю о попытках «перескакивать» целые этапы исторического развития при «строительстве социализма» в бывшем СССР или об экономических структурных реформах, которые мы все никак не доведем до ума и в современной России.

Это все политика, возразят мне, а на бытовом уровне отношение к жизни у всех примерно одинаковое. Опять же — и да, и нет, отвечу я и вспомню, как в дорожном разговоре со случайными американскими попутчиками — супружеской парой примерно моих лет — упомянул, что ничего не принимаю от застарелой гипертонии, поскольку, мол, от судьбы не уйдешь. «Какой нелепый фатализм!» — вслух воскликнула собеседница. «Какая возмутительная безответственность!» — услышал я в ее тоне.

Без «авосек»

Американцы не живут «на авось». Само это слово отсутствует в их лексиконе, оно им неизвестно и чуждо, как и стоящее за ним понятие. Они сознают и умеют отстаивать свои личные интересы, понимая, что никто другой за них этого не сделает. Они ставят цели и стремятся последовательно, шаг за шагом их достигать. А между прочим, один мой американизированный приятель, преподающий последние годы в престижном московском вузе, утверждает, что и у сегодняшнего поколения российских студентов практически нет привычки к планированию собственной жизни и карьеры на несколько лет вперед, постановке перед собой мало-мальски реалистичных задач.

Молодые американцы, конечно, тоже бывают и безответственными, и наивными. Да и финансовая грамотность у них нередко хромает. Помню рассказ знакомой, жившей на военной базе близ Вашингтона: ее юная соседка, поссорившись с

мужем, схватила в охапку грудного ребенка, побросала вещи в дорогую машину, купленную в кредит, и рванула через всю страну к родителям.

«Чем она собирается жить и как погашать кредит, — уму непостижимо, — резонерствовала знакомая, которая, по ее словам, пыталась до этого по-соседски вразумлять юную особу. — Хоть бы курсы для них какие-нибудь устраивали по семейному бюджету и вообще домоводству! Она ведь, кажется, вообще не понимает, что такое кредит, из-за которого эта машина станет им втридорога».

На самом деле американские недоросли почти наверняка все же лучше ориентируются в вопросах личного финансового планирования, чем их российские сверстники, — хотя бы в силу того, что заокеанская система высшего образования всегда была и остается платной и включает студенческие займы. В сегодняшней Америке это крайне болезненная тема: расплачиваться по таким кредитам приходится чуть ли не до седых волос. Между тем, по общему мнению специалистов, нынешнее молодое поколение — чуть ли не первое в истории страны, которое в материальном отношении уже живет и дальше будет жить хуже собственных родителей.

По расписанию

«Время — деньги», — говаривал один из отцов-основателей США Бенджамин Франклин, изображенный позже на стодолларовых купюрах. Теперь его благодарные соотечественники обращаются со временем так же аккуратно и расчетливо, как с деньгами.

Меня как-то раз оштрафовали за непристегнутый ремень безопасности, и по совету самого полицейского я обратился в суд, чтобы попробовать скостить штрафные баллы. Разбирательство состоялось… через полгода. К моему удивлению, мы с ним оба явились в суд точно в назначенный день и час, и все вышло так, как он говорил. Кстати, не приди он тогда, штраф бы вообще скостили. Втайне я слегка на это рассчитывал.

Конечно же, расписана американская жизнь и по пунктам служебных инструкций. Всякому, кто сдавал в США экзамены на водительские права, снимал жилье или записывал ребенка в школу — да хотя бы даже просто получал визу для въезда в Америку, — известно, что соблюдаются эти инструкции неукоснительно, без скидок на какие бы то ни было обстоятельства или просьбы войти в положение. Другое дело, что

в рамках тех же инструкций дорожный патруль в США вполне может выписать за нарушение правил не штраф, а только предупреждение.

И, конечно, даже речи быть не может о том, чтобы попытаться договориться с полицейским на месте, за наличный расчет. Историю про то, как заезжий кавказец пытался всучить взятку сначала патрульному, который его задержал, а потом и судье (причем из тех же изъятых у него при задержании денег), я в свое время слышал по нью-йоркскому радио, как невероятный до анекдотичности пример человеческой глупости. Каковым, собственно, она и была.

Впрочем, то, что борьба с коррупцией тоже во многом сводится к внедрению правильных форм и методов общения между населением и представителями власти, — давно не новость. Опыт США поучителен не столько знанием этих технологий, сколько опять же тем, что они реально соблюдаются.

Нельзя — значит нельзя

Кстати, упорядоченность, регламентированность жизни в Америке по определению означает наличие множества ограничений (хрестоматийный, растиражированный кинематографом пример — запрет открыто распивать спиртное в общественных местах, включая парки). Впервые сталкиваясь в США с различными запретами, приезжие часто диву даются: и это самая свободная страна в мире? Но на самом деле противоречие мнимое: сами американцы воспринимают эти правила не как посягательство на свою свободу, а как разумное и сознательное самоограничение ради общего блага.

Вспоминая о чудовищных терактах 11 сентября 2001 года, я уже рассказывал, как в пригородные жилые районы из центра Вашингтона устремились в тот день потоки машин. На дорогах были пробки, но не было хаоса. Никто не пытался прорваться вперед других по обочинам, не говоря уже о встречных полосах, не создавал помех для машин полиции, скорой помощи, пожарных. Перед лицом общей большой беды люди особенно остро ощущали необходимость поддержания порядка.

Да и не в столь драматичных, а в самых заурядных бытовых обстоятельствах показательно поведение американцев в очередях. «Хвосты» в присутственных местах или, скажем, крупных торговых центрах в США тоже бывают порой «километровыми». При этом ни занимать очередь и надолго отлучаться, ни тем более пристраиваться к знакомым не принято. Попытаться пройти

без очереди (если это заведомо не предусмотрено правилами — например, для стариков, как в собесе) никому и в голову не приходит. Люди спокойно и терпеливо ждут, не закатывают глаза при чужих заминках у заветного окошечка или кассы и тем более не скандалят.

Вообще, при общении с окружающими главный принцип — «не переходить на личности» и тем более не доводить дело до персонального «выяснения отношений». Если в многоквартирном доме соседи ночью шумят и мешают спать, никто не барабанит в потолок или по батарее. Звонят сразу консьержу, а то и в полицию. Нередко помогает — тем более, что обязанности жильцов, как правило, прописаны в арендных договорах куда подробнее, чем их права.

Прочная основа

В целом, конечно, вся американская «технология жизни» покоится на законах. На высшем государственном уровне это знаменитая конституционная система «сдержек и противовесов» между различными ветвями власти, а также между федеральным центром и штатами. Этот же гибкий и действенный защитный механизм предохраняет страну и от «перегибов» в области социального и экономического экспериментирования. Особую роль — своего рода «правового ОТК» — играют американские суды.

Кстати, одной из самых памятных для меня профессиональных удач за все время работы за океаном было интервью, которое я взял в 2003 году у члена Верховного суда США Антонина Скалиа. Он и при жизни считался своего рода «иконой» для консервативных сограждан, а после смерти, можно сказать, был окончательно политически «канонизирован». В моей практике это был, наверное, единственный случай, когда человек согласился на беседу, предварительно убедившись, что текст предполагается печатать в России, но не в США.

Он мне тогда сказал, что, на его взгляд, в американской конституции главное — не Билль о правах, включая гарантии свободы слова, вероисповедания, собраний и печати и т. п., а разделение ветвей власти, то есть те самые «сдержки и противовесы». «В советской конституции прав было записано больше, чем у нас, — заявил американский юрист. — [Но] не случайно ведь у слова „конституция“ есть и второе значение — строение, структура. Структура советского государства предусматривала сосредоточение власти в руках одной партии.

При этом любой билль о правах бесполезен…»

В Америке же, как я не раз убеждался, суды реально независимы и нередко поступают наперекор желаниям исполнительной власти. А законы помимо всего прочего задают рамки для инноваций, продиктованных стремлением к личной и общественной выгоде. Залогом и главным мерилом успеха — политического, коммерческого, творческого — служит его социальная востребованность. Между прочим, это позволяет общественности и прессе США нередко без тени иронии именовать выборных политиков «наемными слугами народа». Те отчасти и сами себя так воспринимают.

Как пример независимости судов расскажу хотя бы в двух словах о деле Азизы Мирзоевой. Ее в 2011 году задержали в Германии и затем выдали в США по требованию бывшего мужа, сотрудника международной организации, с которым они при разводе не поделили детей. Азиза была родом из Средней Азии, но имела российское гражданство; наши дипломаты ей помогали, я ездил к ней в тюрьму в пригороде Вашингтона и писал о ее деле.

По настоянию американской прокуратуры, обвинявшей ее в… похищении собственных детей, она полгода провела за решеткой. Но суд жестко пресек этот беспредел. Дело для нее закончилось тогда штрафом в 200 долларов за мелкое административное правонарушение, схожее по тяжести с превышением скорости на дороге. И даже судимость была с нее снята.

Где уместен креатив

Американцы гордятся своими технологиями и охотно предлагают их «на экспорт»: коммерческие — в прямом, а общественно-политические — в переносном смысле. При этом они, разумеется, рекламируют свой «товар», но надо признать, что он и без того пользуется спросом в мире. Тут можно вспомнить и избирательные политтехнологии, и всевозможные «лучшие практики» ведения бизнеса, и те же «12-шаговые» программы избавления от различных вредных зависимостей, о которых я тоже упоминал.

А промышленные инновации в США даже крадут, хотя практика показывает, что без сопутствующей «технологии внедрения» в виде необходимых экономических и правовых условий они нередко остаются лежать у похитителей мертвым грузом. Наоборот, их лучшие собственные разработки норовят «утечь» туда, где нужные условия налицо.

Кстати, отвечу заодно и еще на одно распространенное недоразумение. Многим кажется, будто «роботоподобное» соблюдение американцами всевозможных инструкций и предписаний свидетельствует об их «зашоренности» и чуть ли не узколобости, во всяком случае, отсутствии творческой фантазии. Я же склонен думать, что творческая мысль в Америке бьет ключом, но только там, где это уместно и необходимо, то есть опять-таки технологично.

Одно дело — изобретение и разработка нового лекарства. На этом этапе можно и нужно выдумывать, экспериментировать, творить. И американцы — мировые лидеры и по инвестициям в медицинские и прочие НИОКР, и по отдаче от них.

Совсем другое дело — внедрение и употребление лекарств. Я хочу, чтобы мой врач был в курсе новейших разработок, но при этом умел и правильно, строго по назначению, их применять. Я буду только приветствовать такой педантизм и решительно возражать против импровизаций. И меня радует, что американцы, насколько мне известно, придирчиво проверяют новые медицинские препараты.

До идеала далеко

Означает ли все вышесказанное, что за океаном достигнут некий «технологический идеал» организации общественной жизни? Разумеется, нет. Там имеется масса системных недостатков — и скрытых, и очевидных. Достаточно вспомнить, что США делают лишь первые шаги, да и то неуверенные, к системе всеобщего гарантированного медицинского обслуживания населения. Все воочию убедились, как грозно и болезненно это им аукнулось во время борьбы с пандемией COVID-19. Притчей во языцех во всем мире служит и архаичная, непрямая и крайне сложная система американских выборов.

Лично мне претит и принятое в США изготовление «поточным методом» политологических книг и статей. Наверное, авторам и издателям «злоба дня» позволяет обеспечить дополнительный спрос. Но читателей идеологическая «штамповка» зачастую раздражает легковесностью, бездоказательностью, а то и откровенной конъюнктурностью.

Наконец, общеизвестно и то, какую злую шутку сыграли с американцами изощренные финансовые технологии, внедрявшиеся в недавнем прошлом на Уолл-стрит. Долгое время казалось, будто они позволяют создавать деньги практически «из воздуха», принося колоссальные барыши не только

профессиональным финансистам, но и рядовым обывателям-инвесторам.

Вот тогда-то, кстати, многие в США все-таки не устояли, судя по всему, перед искушением положиться на авось — например, приобретая в рассрочку жилье явно себе не по карману на кабальных, как позже выяснилось, условиях. Скорее всего, не случайно это совпало с общим периодом эйфории в Америке по случаю «победы в холодной войне».

В целом социальный идеал, наверное, вообще недостижим — во всяком случае, как результат. Скорее, это процесс: неуклонное поступательное улучшение условий жизни. Ведь даже чисто теоретически «технологию успеха» представить себе можно, а «технологию счастья» — нет. Американцы при всем их показном оптимизме никогда не казались мне особо счастливыми и беззаботными людьми.

12.2. Почему американцы не умеют быть счастливыми

Осенью 2010 года известная американская исследовательница истории и культуры России Сюзан Мэсси перешла из англиканства в православие. Мне это дало удобный повод расспросить ее о жизни и о том, что подвигло ее на смену конфессии.

Мэсси родилась в 1931 году в семье швейцарского дипломата в Нью-Йорке, но почти вся ее жизнь связана с Россией и, в первую очередь, с Санкт-Петербургом. В этот город она, по ее словам, влюбилась с первого взгляда в далеком 1967-м. Тогда они с мужем работали над книгой о последнем российском самодержце «Николай и Александра», ставшей впоследствии мировым бестселлером.

Позже Мэсси написала фундаментальный труд «Страна жар-птицы: краса былой России», который переиздается в США уже четыре десятилетия. Все это принесло ей известность, благодаря которой на заключительном этапе холодной войны между Востоком и Западом она консультировала президента Рейгана.

Если верить Сюзан, именно она научила его тогда русской пословице «доверяй, но проверяй», вошедшей с его легкой руки не только в политический лексикон, но и в обиходную речь американцев. Я во всяком случае слышал однажды эти слова в бытовом контексте от одного из своих знакомых.

К принятию православия Мэсси, по ее признанию, привела вся жизнь. Она и прежде бывала в церкви в России едва ли не чаще, чем у себя дома в Америке. И в нашем разговоре вспоминала, например, как присутствовала на первой

Рождественской литургии в возрожденном московском храме Христа Спасителя 7 января 2000 года. А окончательное решение приняла для себя после воссоединения в 2007 году зарубежной Русской православной церкви с Московским патриархатом.

Православие, по словам американки, научило ее помимо всего прочего правильно относиться к жизненным испытаниям. «Русские знают, как встречать страдания лицом к лицу», — сказала она, вспоминая о том, как именно русский православный приход в США помог ей в свое время пережить трудности, связанные с тяжелой болезнью сына — гемофилией. В дальнейшем ее сын стал священником англиканской церкви.

Главной в своей жизни наградой Мэсси считает орден Данко, изготовленный для нее российскими детьми, больными гемофилией, которым она в прямом и переносном смысле помогала стать на ноги. А лучший комплимент она, по ее словам, услышала, когда ее назвали человеком «со швейцарскими мозгами и русским сердцем».

«Поломанная система»

Рассказ Сюзан заставил меня задуматься о том, что американцы, пожалуй, действительно не очень-то стойко переносят жизненные невзгоды. Ведь то, что во внешне благополучной и беззаботной американской жизни у многих возникают проблемы с психикой, — как говорится, медицинский факт.

Тема эта, мягко говоря, не новая. Еще одна из классических работ Дейла Карнеги, вышедшая в свет в 1948 году, называлась «Как перестать тревожиться и начать жить». Можно вспомнить и параноидальный черный юмор Джозефа Хеллера, автора знаменитых романов «Уловка-22» и «Что-то случилось».

За океаном сохраняется устойчивый спрос на услуги психотерапевтов. Американские ассоциации психологов (практиков и исследователей) насчитывают около 150 тысяч (!) членов и гордо именуют себя крупнейшими в мире. По словам русского американца Евгения Зубкова, профессионального врача той же специальности и моего друга, вся эта система вполне функциональна и существенно повышает качество жизни населения США.

Тем не менее споры вокруг психического здоровья нации в Америке полностью не утихают никогда, а особенно обостряются после криминальных массовых расстрелов. Так, после бойни 2012 года в начальной школе «Сэнди-Хук» в штате Коннектикут (я о

ней упоминал, когда рассказывал о президентстве Обамы) общенациональная газета USA Today писала, что «разобраться с поломанной системой психиатрической помощи в стране будет, возможно, еще труднее, чем с оружием».

Она напоминала, что сторонники этой системы изначально боролись за ее гуманизацию — для того чтобы людей не заточали в лечебницы против их воли, что прежде практиковалось «десятилетиями». В итоге, однако, «маятник качнулся слишком далеко назад», и теперь достаточным основанием для принудительного лечения признается разве что прямая физическая угроза для жизни и здоровья самого больного или окружающих. Эмоциональный или психологический риск берется в расчет лишь в трети штатов. К тому же количество психиатрических коек в стационарах в пересчете на душу населения сократилось до уровня… 1850 года.

Последнюю цифру USA Today взяла тогда у общественной организации «Центр агитации за лечение» (Treatment Advocacy Center). Теперь я посмотрел ее справки и убедился, что положение продолжало ухудшаться. По состоянию на март 2020 года в США насчитывалось примерно 8,3 млн граждан в возрасте 18 лет и старше, страдающих тяжелыми психическими заболеваниями. Из них около 3,9 млн человек лечения не получали. Количество психиатрических койко-мест уменьшилось за неполные десять лет еще как минимум на 13 %.

Согласно той же статистике, приблизительно 170 тысяч тяжело больных американцев — бездомные. Примерно 383 тысячи нуждающихся в лечении находятся в местах лишения свободы. До половины массовых расправ в США совершаются людьми с серьезными расстройствами психики.

Береги нервы смолоду

Тихо помешанных бездомных я и сам регулярно встречал на вашингтонских улицах. И все же многие годы психическая неуравновешенность как системная проблема как-то не вязалась у меня в голове с внешним обликом Америки и американцев — спокойных, сильных, уверенных в себе. Считающих свою страну «единственной незаменимой державой в мире».

Развеиваться эта иллюзия начала, как ни странно, во дворе вашингтонской начальной школы, где учился мой сын (как раз там я наблюдал и футбольную тренировку, с которой начал разговор о «технологии жизни» в США).

Располагалась школа в престижном посольском районе

американской столицы, детишки были как на подбор благополучные и хорошо воспитанные. И потому регулярно всплывавшая в родительских беседах тема детских психологических проблем — и с учебой, и с поведением — поначалу казалась мне лишь случайным диссонансом. А когда стало ясно, что она уж что-то слишком часто повторяется, закралось даже сомнение, не плод ли это мнительности взрослых, включая даже врачей, ставящих диагнозы и назначающих лечение без особых оснований, в порядке перестраховки.

Однако те же кровавые драмы, в которых и преступниками, и жертвами нередко становятся дети, вынуждали серьезно относиться к любым возможным объяснениям. Ведь стреляют-то и в самом деле не стволы, а люди — в этом даже «оружейное лобби» США при всей своей оголтелости совершенно право. А когда я наконец обратился к специалистам, сразу выяснилось, что с душевным здоровьем у подрастающего поколения в США действительно не все ладно.

Так, психолог из Пенсильвании Тамар Чански, написавшая несколько книг на эту тему, обрушила на меня «ошеломляющую», по ее собственному определению, статистику распространения депрессии у детей и подростков. Как она утверждала, в любой данный момент симптомы депрессии проявляются у 10–15 % юных американцев. Клиническая депрессия диагностируется примерно у 3 % детей; среди подростков показатель вчетверо выше. Самыми быстрыми темпами депрессия распространяется… среди дошкольников; состояние более миллиона из них считается клиническим.

Беседовали мы с Тамар сразу после трагедии в «Сэнди-Хук», но с тех пор положение опять-таки ухудшилось. В январе 2020 года New York Times напечатала очередной комментарий о «психиатрическом кризисе» в рядах подрастающего поколения в США. В публикации указывалось, что уровень депрессии среди американских тинейджеров (13–19 лет) подскочил за период с 2007 по 2017 год почти на две трети.

Одновременно показатели самоубийств в возрастной категории от 10 до 24 лет выросли более чем наполовину. Во всех подгруппах, включая младшую (10–14 лет), суицид стал второй по частоте (после несчастных случаев) причиной смерти юных американцев. С особой тревогой специалисты отмечали, что впервые за все время наблюдений начал сокращаться гендерный разрыв по числу самоубийств между юношами и девушками.

Материальное богатство и душевная нищета

Пытаясь понять, почему «США и другие развитые страны — одновременно и самые богатые экономически, и самые нищие по показателям депрессии и других душевных недугов», Чански в своей книге задавалась вопросом о том, не разные ли это стороны одной и той же медали. «Не могут ли те ожидания и нагрузки, которые налагаются на нас стремлением к все большей и большей материальной безопасности, мостить для нас путь к большему стрессу, тревоге и депрессии?» — спрашивала она.

И тут же сама себе отвечала: «Наша конкурентная культура, питаемая капитализмом и рекламой, создает у нас ощущение внутренней опустошенности и тревоги, и мы заполняем эту пустоту все новыми и новыми вещами. И если судить по лозунгу на борту грузовичка, доставляющего оборудование на детские игровые площадки, дети наши тоже вовлечены в эту „крысиную гонку“». Вот этот лозунг: «У моего ребенка воображение больше, чем у вашего!»

Внешне все это, разумеется, может восприниматься (в том числе самими родителями) и преподноситься, как свидетельство неусыпной заботы о детях. По сути же говорит скорее о потребительском отношении к ним. Проявляться такое отношение может по-разному, в том числе и в достаточно уродливых и жестоких формах. Примеры известны и в США, и в других странах, где американцы усыновляют детей.

Между прочим, когда Россия в 2012 году приняла «закон Димы Яковлева», в хоре возмущенных откликов в США мне попался пусть и крошечный, но все же намек на самокритику. Расписав на несколько страниц кошмары, которым юные россияне подвергаются порой у себя на родине, автор-американка Кэтрин Фицпатрик выразила твердую уверенность в том, что в США этим детям было бы куда лучше, но при этом все же добавила: «Но американские семьи могут оказываться со своими проблемами в глубокой изоляции, а россияне, пусть и более склонные к насилию, больше заботятся друг о друге». Как сказал мне однажды русский писатель Зиновий Зиник (подданный Великобритании. — *Прим. авт.*): «В России бывает холодно, но в Америке — холоднее».

Мораль индивидуалистов

О том, что индивидуализм (а американцы — убежденные индивидуалисты) ведет к отчужденности, неискренности, холодности в отношениях между людьми, писано-переписано. Хотя на самом деле за него можно и заступиться.

Разве не он, например, лежит в основе человеческого достоинства? Ведь совесть и порядочность, любовь и сострадание коллективными не бывают. Это сугубо личные черты и чувства. А вот для равнодушия, безответственности, лицемерия, жестокости нет лучше ширмы, чем анонимный коллективизм. Помните анекдот о некрологе, подписанном «стаей товарищей»?

Есть вопрос, считающийся одной из загадок бытия: почему с хорошими людьми происходят плохие вещи? Но его ведь можно и перевернуть: почему номинально «хорошие» люди творят иногда нечто совершенно чудовищное? Коллективная ответственность в этой ситуации — та же ширма. Каждый должен отвечать за себя.

Не решаются голосованием вопросы научного знания. Только личной бывает искренняя вера. Общиной можно соблюдать обряды, но верит или не верит каждый сам. Так что мне скорее нравится в американцах стремление жить своим умом, собственными убеждениями.

Но при этом эгоцентризм в качестве краеугольного камня морали, по-моему, не только нелеп, но и опасен. Прежде всего, для самих носителей подобного «мировоззрения». Худшей помехи для того, чтобы жить счастливой и радостной жизнью, мне кажется, нельзя и придумать.

Помню, меня изрядно удивили итоги опроса о роли морали в жизни молодых американцев, проведенного в 2008 году группой специалистов Нотр-Дамского университета в штате Индиана. Представления о предмете исследования у его участников — юношей и девушек в возрасте от 18 до 23 лет по всей Америке — оказались, на мой взгляд, сродни… готтентотским.

Не то чтобы эти молодые люди как-то особо аморально себя вели. Просто они, по свидетельству организаторов проекта, написавших о нем позже целую книгу, вообще не очень отдавали себе отчет в том, что существуют некие универсальные этические нормы, не подлежащие сомнению в цивилизованном обществе. На просьбу привести пример моральной дилеммы, с которой им лично приходилось сталкиваться, две трети либо не могли ответить вовсе, либо описывали ситуации, не имеющие с моралью ничего общего, — наподобие вопроса о том, хватит ли денег снять приглянувшееся жилье.

Сильно колебались они и в вопросах разграничения добра и зла, за исключением разве что крайних случаев типа убийства или физического насилия. Все остальное, на их взгляд, по большому счету относительно и зависит в основном от личных предпочтений и вкусов, а не от каких-либо внешних авторитетов или «моральных кодексов». «Это дело личного выбора, — сказал один из опрошенных. — Человек сам для себя решает. Кто я

такой, чтобы указывать другим?»

Классический вариант рассуждений готтентота, как известно, сводится к тому, что «когда я украл у другого корову, это хорошо, а когда корову украли у меня, это плохо». Современные американские Митрофанушки не слишком далеко от этого ушли. «Я бы поступал в зависимости от того, что, по-моему, может сделать меня счастливым, — признался один из них. — Кроме того, что я сам внутри себя чувствую, у меня нет других способов определиться с тем, как мне себя вести».

«Наверное, мои чувства определяют, что считать правильным, — вторила ему другая участница. — Но у разных людей чувства разные, так что за других я не могу говорить, что хорошо, а что плохо». Собственно, как признавались многие, они и за себя-то «не часто задумываются» на эту тему.

Авторы исследования определили лейтмотив общих настроений опрошенных как крайний моральный индивидуализм и релятивизм. Выходит, что у современных американцев мораль отчуждается от своих традиционных источников и опирается уже не на какие бы то ни было общие ценности, а на личные взгляды и вкусы конкретного человека, его персональное представление о том, что делает его счастливым. Для этого уже придумано даже наукообразное определение — «эмотивизм».

Понятно, что проблема системная: молодые люди в США думают и рассуждают так потому, что они так воспитаны. Ясно также, что подобный подход не внушает особого доверия к моральным устоям даже тех, у кого хотя бы с психическими тормозами все в порядке. И, наконец, очевидно, что властям страны стоило бы оглянуться на собственный народ, прежде чем «читать мораль» другим по поводу предполагаемых отступлений от «универсальных ценностей».

Хотя должен признать, что подобные аморальные проповеди эффективны. Лично присутствовал, например, в Москве на встрече с модным театральным режиссером, доказывавшим, что даже если речь в постановке идет, например, об убийстве, аудитории не надо ничего внушать: люди, мол, сами должны разобраться, что хорошо и что плохо.

Российский «творец» при этом упивался сознанием собственной неординарности и эпатажности. А по мне, его позиция — прямое заимствование и эпигонство. Тот самый заокеанский индивидуализм и релятивизм.

«Крысиная гонка» за счастьем

В 1776 году Декларация независимости США, написанная одним из «отцов-основателей» республики Томасом Джефферсоном, провозгласила неотъемлемыми, полученными от самого Всевышнего правами человека «жизнь, свободу и стремление к счастью». Тезис стал хрестоматийным, лег, можно сказать, в основу всего национального самосознания американцев и помог им со временем создать одну из самых могущественных мировых держав. Но при этом он, по-моему, постепенно ужался у большинства из них до подсознательной уверенности в том, будто им даровано Богом право не только на стремление к счастью, но и на самое счастье. А это уже совсем иное кредо.

Впечатление такое сложилось не только у меня одного. Живущая в США британка Рут Уиппман посвятила этому целую книгу «Америка на нервах: как наше стремление к счастью формирует нацию невротиков». Ранее она писала на эту тему в одноименном дискуссионном блоге America the Anxious, который несколько лет вела газета New York Times.

Помню язвительный комментарий, который положил начало дискуссии и из которого позже в основном и выросла книга. Уиппман озаглавила его афоризмом народного американского философа-самородка Эрика Хоффера о том, что «стремление к счастью — один из главных источников несчастья».

Прежде всего она тогда высмеяла привычку американских родителей утверждать, будто им «совершенно не важно», кем станет в жизни их отпрыск, «лишь бы тот был счастлив». «Непременный довесок к этой фразе — „в Гарварде“ — принято держать в уме, но вслух не произносить», — саркастически уточнила она, имея в виду престижнейший из американских вузов.

В целом, на ее взгляд, «счастье в Америке превратилось в „суперприз“ для сверхудачливых игроков», в «джокера» из карточной колоды, перебивающего любой другой козырь (ведь всегда можно вслух поинтересоваться: дескать, а «счастлив» ли Имярек при всех своих профессиональных достижениях и даже любимой семье?)…

По убеждению британки, «это маниакальное, целеустремленное, непрерывное стремление» к счастью — пример «типично американского» подхода к жизни, как постоянной изнурительной борьбе. И не столько вопреки этой «общенациональной крысиной гонке», сколько именно из-за нее «США, будучи богатейшей страной на свете, намного опережают других и по уровню нервозности: по данным ВОЗ, почти треть американцев в течение жизни имеет шансы приобрести те или иные проблемы с психикой», — утверждала она. И далее в том же

духе.

Текст Уиппман вызвал тогда на сайте газеты бурную перепалку. В большинстве своем комментаторы были согласны с критикой, хотя отдельные аборигены и пытались ее оспаривать, в том числе со ссылками на «психосоматические показатели» нации, по которым они вроде бы не хуже других.

Всего, естественно, не перескажешь, но вот для примера пара реплик, выхваченных глазом из общего потока. ТМ из Нью-Йорка напоминал о совете Иммануила Канта стремиться не к счастью, а к тому, чтобы быть достойным счастья. А Мэтт из Коннектикута писал, что «если бы американцы в самом деле знали, что такое счастье, то наверняка уже нашли бы способ его упаковывать и продавать». По-моему, не в бровь, а в глаз…

«Почище шекспировских трагедий»

И все же, на мой взгляд, в этой любопытной дискуссии имелся крупный пробел — тот самый, который подсказала мне Мэсси. По-моему, главное не столько в том, что американцы неспособны быть счастливы, сколько в том, что они, кажется, совершенно, органически не умеют переносить несчастье. И сильно мучаются от этого.

С той встречи я пытался для себя прояснить, действительно ли американцы не умеют «правильно» страдать. Разумеется, любой ответ на подобный вопрос заведомо может быть лишь субъективным и условным. Но подсказки заокеанская жизнь регулярно подбрасывала красноречивые.

Вот, например, говорил я как-то раз с местным знакомым, нашим бывшим соотечественником, о динамизме и изменчивости жизни в США и о внутренней готовности американцев к переменам. Дескать, чуть что — и они легко снимаются с насиженного места и отправляются, по пословице, искать, где лучше.

Мне это их свойство казалось очень симпатичным и даже завидным, но приятель вдруг спросил: «А ты в курсе, чего оно им стоит? Знаешь, под каким постоянным стрессом живет средний американец? Взять хотя бы такие наиболее очевидные страхи, как угроза потерять работу или катастрофически — не только в медицинском, но и в финансовом смысле — заболеть. Да у них, если что стрясется, трагедии разыгрываются почище шекспировских. С собой кончают, родных предают…»

Я бы, пожалуй, поспорил с чрезмерным сгущением красок, но осекся, поскольку вдруг вспомнил живой пример.

Много лет назад я познакомился, а потом и подружился с немолодой семейной парой, отчасти напоминавшей мне собственных родителей. Типичный американский средний класс: домик в пригороде, пара машин, приличная пенсия и другие льготы офицера-отставника в дополнение к текущему заработку. Отпуска в морских круизах, устроенные взрослые дети с собственными семьями.

А потом к ним пришла беда: старший сын заболел. Диагноз и прогноз надежд не оставляли. И они вдруг как-то все сразу с этим смирились.

Сам больной, которого я видел во время одной из ремиссий, сидел перед телевизором и смотрел невидящими глазами в экран. Отчетливо ощущалось, что он пребывает уже как бы в своем, недоступном для остальных измерении. Жена его неожиданно ушла из семьи, оставив двух сыновей-подростков. Отец — да простятся мне эти слова — беспокоился о стоимости лечения, даже при наличии медицинской страховки, и нескрываемо ждал развязки. А когда та наконец наступила, тему словно вычеркнули из разговоров, если и не из памяти…

Я не судил и не сужу своих добрых знакомых. Напротив — всем сердцем им сочувствую. Но, вынужден признаться, чуть-чуть и удивляюсь — словно бы ожидал от них чего-то другого. А чего — и сам не пойму. Ведь не надрыва же душевного, не показных страданий…

Плата за страх

А вот для контраста теоретический экскурс в историю. К десятилетию терактов 09/11 издатель вашингтонского журнала The Globalist Стивен Рихтер подготовил серию эссе, в которых доказывал, что жить в страхе для американцев скорее норма, чем исключение. На его взгляд, атаки боевиков всего лишь восстановили «исторический средний уровень» страха для США.

В подтверждение он ссылался на опыт американских переселенцев-первопроходцев, которые «осваивали целый континент», отодвигали границу своего нового мира все дальше на запад, но при этом по сути постоянно шагали в пугающую неизвестность. Следующим примером служил «иррациональный ужас перед советской мощью и волна маккартизма в 1950-х годах». Наконец, уже практически к нашим дням относятся перегибы в реакции властей и общества на те же теракты 09/11, включая введение нового «цветового кода угроз», по сути способствовавшего нагнетанию панических ожиданий.

В этом же ряду, конечно, и экономические потрясения, и кризисы, вгоняющие людей в депрессию. О них Рихтер писал, что «довольно неплотно сотканная социальная страховочная сеть в США усугубляет подспудные страхи» людей и даже «усиливает „износ“ народа в его повседневном существовании».

Далее издатель The Globalist утверждал, что и корпоративная жизнь в США в основном подчинена даже не алчности, а именно страху, причем опять же не новоявленному, а вполне застарелому. В частности, по его словам, еще в конце 1980-х годов американский бизнес паниковал по поводу все большего «отставания от конкурентов» в Японии и Германии. Уже тогда в Америке происходили массовые увольнения «белых воротничков», управляющих среднего звена. То есть это отнюдь не только примета последних кризисов.

Рихтер полагает, что и астрономические оклады и премии топ-менеджеров в США — это по сути плата за тот же «постоянный страх», в котором они осознанно или неосознанно пребывают. По его убеждению, такая «чрезвычайно своеобразная форма проявления подспудных страхов» порождена психологией общества, нацеленного на «доведение до максимума личного материального благополучия». Именно поэтому, на его взгляд, в таком обществе считается справедливым лозунг «Победитель получает все».

Но как быть тем, кто не вписался в когорту «победителей»?

«Тайный позор среднего класса»

Почти половина американцев страдает от «финансовой импотенции». Такое предупреждение и именно в таких выражениях вынес на обложку своего майского номера 2016 года популярный и авторитетный в США журнал Atlantic. По его словам, это «тайный позор среднего класса» в Америке.

Основанием для неожиданного мрачного вывода, звучавшего, как сенсация, послужило тогда исследование Федеральной резервной системы США, выполняющей функции центрального банка. В частности, американцев спрашивали, как они покрыли бы в случае необходимости непредвиденный расход в 400 долларов. В ответ 47 % респондентов заявили, что им для этого пришлось бы занять денег на стороне или что-то продать, поскольку из своего кармана они выплатить такую сумму были бы не в состоянии.

«Кто бы мог подумать?!» — восклицал автор публикации Нил Гейблер. И тут же отвечал на свой риторический вопрос: «Я и мог

бы. Поскольку я сам — один из этих самых 47 %».

Речь идет о журналисте, писателе и кинокритике, лауреате американских и международных премий, которому на тот момент было 65 лет и который принадлежал к верхнему слою среднего класса в США. Имел квартиру на Манхэттене в центре Нью-Йорка и детей, отучившихся в частных школах. Был автором пяти книг и сотен статей.

Но при этом, по его признанию, у них с женой совершенно не было сбережений, и им приходилось регулярно занимать деньги, чтобы «дотянуть до конца недели». Одалживались они, в том числе и у собственных взрослых детей. Причины, по словам автора, сводились к «личному выбору» в сочетании с «финансовой безграмотностью».

Гейблер писал, что поначалу стыдился своих трудностей и помалкивал о них. Дескать, «не делился даже с ближайшими друзьями, пока не осознал, что то же самое происходит с миллионами других американцев, причем отнюдь не только самых бедных».

«Согласно опросу ФРС и другим исследованиям, это происходит с профессионалами из среднего класса и даже людьми из высших слоев, — писал он. — С теми, кто на пороге выхода на пенсию, и с теми, кто только начинает жизненный путь. С выпускниками колледжей и теми, кто бросил школу. Это происходит по всей стране, в том числе и в местах, где меньше всего ожидаешь встретить подобные проблемы».

Гейблер подчеркивал, что старается «не терять надежды, даже будучи реалистом», но все же завершал исповедь на минорной ноте. «Оптимизм не отменяет того факта, что в заработках сохраняется застой, что уровень личных сбережений остается низким и что поддерживать уровень жизни, типичный для среднего класса, становится все труднее и труднее», — писал он.

И делал очередное горькое признание: «Хранить надежду уже не так легко, даже в нации мечтателей, целеустремленных людей и идеалистов. Многим из нас казалось, что мы просто попали на много лет в черную полосу. Но гораздо более вероятно, что это и есть наша жизнь».

Между прочим, публикация Гейблера наделала шума, но настоящей сенсацией в Америке не стала. И тому есть причины, о которых многие знают или догадываются, хотя вслух об этом обычно и не говорят.

Даже мне, наблюдавшему за тамошней жизнью со стороны, доводилось убеждаться, что за нарядным фасадом престижных вашингтонских пригородов не все благополучно. Тот же суицид — проблема все же в основном не молодежная. Главная

демографическая когорта, которую он выкашивает в США, — белые мужчины среднего и старшего возраста. Которым, по словам одного моего знакомого из этих самых пригородов, «стыдно смотреть в глаза своим детям», поскольку тем, по всей видимости, придется в жизни еще труднее, а помочь им родители не в состоянии. Особенно когда наступает очередной экономический спад или того паче — кризис наподобие нынешнего, вызванного пандемией.

Иллюзия контроля

Проверяя личные впечатления в беседе со специалистом, я спрашивал Чански, чего, судя по ее практике, больше всего страшатся американцы. Она сказала, что ее взрослых пациентов одолевают в основном материальные заботы, в том числе о своих сбережениях, работе, здоровье, жилье.

Психолог также подтвердила, что постоянные перемены обостряют «ощущение нестабильности» и тем самым вносят в жизнь дополнительное напряжение. Другой источник стресса, достаточно известный и традиционный, — это зависть, постоянное сравнение себя с окружающими, пресловутое стремление к тому, чтобы собственная жизнь была «не хуже, чем у Джонсов».

Кстати, это выражение — прообраз современных мемов — родилось в начале прошлого века в Нью-Йорке. В New York World и других газетах несколько лет публиковалась серия популярных комиксов: Keeping up with the Joneses. Теперь этот механизм психологической зависимости от окружающих считается универсальным, но я бы сказал, что он все же по-разному проявляется в России и США. Если нас утешает, что «у других еще хуже», то американцам этого мало: им надо, чтобы у них было лучше, чем у остальных. То есть, условно говоря, мы оглядываемся на отстающих, а они тянутся за более преуспевающими.

Правда, к сожалению, глубоко изучить тему зависти в США я не успел, хоть и хотелось. Помню, как-то на сайте одного из солидных деловых изданий мне попалось выражение real estate porn; я заинтересовался, поскольку поначалу даже не понял, что это за «риелторское порно». Оказывается, имелось в виду вожделенное разглядывание чужих домов и поместий на фотографиях…

Наконец, еще один фактор риска — убеждение типичного американца в том, будто он в состоянии контролировать

происходящее с ним и вокруг него. Чудеса современной техники — вроде мобильников, позволяющих решать множество вопросов дистанционно, — еще более усиливают это ощущение. Но когда оно пропадает, это может полностью выбить человека из колеи, поскольку, по свидетельству Чански, ее соотечественники «не умеют рассматривать события изолированно друг от друга», склонны сразу проецировать неприятности «на все, что они делают и чего ждут от будущего». По-русски это называется «у страха глаза велики».

На мой взгляд, последняя оценка, прозвучавшая в достаточно узком профессиональном контексте, дает ключ и к пониманию проблемы в целом. Если для жизни в США вообще характерен повышенный уровень нервозности и своего рода психический надлом, то, по-моему, главным своим корнем он уходит именно в эту иллюзию контроля.

Среднестатистический американец привык думать, что он хозяин своей жизни, что он может и должен ее контролировать. Когда — именно когда, а не если — жизнь доказывает ему его заблуждение, человек попадает в тупик. Без контроля, причем как можно более тотального, он не чувствует себя счастливым, а контроль, оказывается, невозможен.

Соответственно человек начинает ощущать себя «лузером», то есть неудачником. Ему кажется, будто из-за каких-то неподвластных ему причин — зачастую вполне заурядных и незначительных — рушится все его априорное «право на счастье». По словам Чански, рассуждает он при этом, как правило, примерно так: «Раз я несчастен, со мной что-то не в порядке. Нормальные люди так себя чувствовать не могут. И поделать с этим ничего нельзя. Так теперь будет всегда…»

Порочности подобной логики многие не замечают. Выводы, навязываемые самовнушением, представляются самоочевидными. Но смириться с ними, конечно, трудно. Не всем это удается.

Полагаю, кстати, что в этой же «проблеме контроля» коренится и одно из главных психологических различий между американцами и россиянами. По-моему, средний россиянин в целом гораздо меньше склонен чувствовать себя хозяином своей судьбы, и это, как ни парадоксально, идет ему на пользу. Помогает легче переживать даже серьезные невзгоды, не говоря уже о заурядных неприятностях.

У Высоцкого есть пронзительная строчка о том, что «пострадавшие — значит обрусевшие». Конечно, страданий сознательно не пожелаешь ни себе, ни другим. Но общенациональный и личный опыт страданий, уж поскольку он имеется, может быть драгоценен и целителен. Недаром, по

церковным представлениям, страдание очищает душу. Ведь ровно об этом говорила мне и та же Мэсси.

На бытовом уровне нас с вами выручает всеобщее шутливое присловье: «А кому теперь легко?» (вот вам и равнение на отстающих). Но у американцев такой шутки нет. И вообще их мировоззрению подобный подход, кажется, чужд в принципе. «Вы вот задаетесь вопросом, как правильно страдать, — сказала мне Чански. — А у нас большинство ответит: да мы вообще не желаем страдать. Нету никакого „правильного“ способа. Этого вообще просто не должно быть».

Нормальные люди, склонные убивать

Напоследок еще раз вернусь к тому, что в крайних случаях злоба и отчаяние выплескиваются в форме насилия по отношению к окружающим. В Америке, к ее большому несчастью, такое насилие, как правило, бывает вооруженным. Нередко — вооруженным до зубов.

Специалист из гарвардской школы общественного здравоохранения Мэтью Миллер, профессионально изучавший проблему, утверждает, что американцы как нация не так уж и склонны к насилию. По его словам, показатели насильственной преступности в США — средние для стран с высоким уровнем доходов. Дети в школах не отличаются повышенной агрессивностью. Уровень психических заболеваний в целом тоже сопоставимый.

«Вот что у нас действительно есть, так это ружья и особенно пистолеты, — говорит Миллер. — И показатели убийств с применением огнестрельного оружия на порядок выше, чем в схожих странах. В отличие от убийств с помощью ножей, бейсбольных бит и чего угодно другого. Так что мы не более склонны к насилию, чем остальные. Просто если уж дело до него доходит, мы стреляем на убой».

Вспомнил и выделил сейчас эти слова я только по одной причине. Америка как страна тоже вооружена до зубов. И к использованию оружия на международной арене относится примерно так же, как и у себя дома. А мы еще удивляемся, что США часто воюют…

12.3. Главная черта характера «народа-коммерсанта»

Когда Михаил Фридман и Петр Авен встречались однажды в Вашингтоне с американскими стипендиатами своей

корпоративной программы двусторонних профессиональных обменов Alfa Fellowship, те в знак признательности подарили спонсорам бутылку вина. Недоуменно глядя на сувенир, Фридман не удержался от вопроса: «Это что ж, одну на двоих?»

Ему не стоило удивляться. Бережливость у американцев в крови. Сходите на экскурсию в Конгресс США, и вам расскажут, как при строительстве Ротонды — «символического и физического сердца» Капитолия, главного олицетворения всей американской демократии, — планировавшийся изначально барельеф на фризе под куполом был из экономии заменен фреской. Так что прав был первый зарубежный «биограф» США де Токвиль, еще прежде подметивший, что американцы — «народ-коммерсант», который «отказывается от украшений в архитектуре своих зданий и ценит только расчет и материальные преимущества».

Кстати, проницательный француз предупреждал, что материализм особенно привлекателен и как раз этим опасен для демократических народов, потому что при авторитарных режимах доступ к жизненным благам кастово ограничен. Американцы же первыми утвердили республиканский строй, снявший эти ограничения. Отличительной чертой его, по наблюдению де Токвиля, сразу стало массовое формирование среднего класса, провозгласившего высшей жизненной ценностью материальное благополучие.

Так «любовь к достатку стала господствующей чертой национального характера» американцев и обрекла их на вечные лихорадочные поиски кратчайшего пути к богатству, писал с оттенком высокомерия французский аристократ. Так закладывались основы пресловутого «американского образа жизни», превращенного пропагандой в «американскую мечту», — можно добавить спустя почти два века. Ну, или просто вспомнить расхожую цитату из «Брата-2» про Америку: «Здесь вообще всё просто так, кроме денег…»

Моральный авторитет

Впрочем, иронизировать особо не над чем. Во-первых, у нас самих сейчас, по-моему, происходит перековка национального характера в том же духе. А во-вторых, американская республика за не такой уж долгий срок своего существования совершала рывок на передовые позиции в мире. И рывок этот, как показал в свое время знаменитый немецкий социолог и политэконом Макс Вебер, был во многом обусловлен протестантской моралью,

включая трепетное отношение к деньгам: восприятие капитала, как своего рода дара Божия, который надлежит приумножать.

В подтверждение Вебер ссылался на авторитет таких людей, как уже упоминавшийся Бенджамин Франклин. Тот и по сей день считается в политической агиографии США «святым — покровителем» бережливости.

При этом современные последователи Франклина напоминают, что он никогда не был скуп, а напротив, всегда щедро отдавал свое время, силы и средства на благо общества. Рассказывая мне об этом, директор Центра изучения бережливости и щедрости при Институте американских ценностей в Нью-Йорке Барбара Уайтхед подчеркнула, что бережливость и жадность — по сути противоположные друг другу понятия.

Первое предполагает рачительное и долгосрочное использование всех имеющихся ресурсов (не только денежных, но и, например, природных) для своего и общего блага. Второе — близорукое стремление к сиюминутной и зачастую обманчивой личной выгоде. Кстати, в английском языке слово «процветать» (thrive) — производное от «бережливости» (thrift).

У разбитого корыта

В целом, конечно, идейное наследие Франклина сослужило американцам хорошую службу. Но, как говорится, и на старуху бывает проруха. После окончания холодной войны им показалось будто они поймали золотую рыбку, способную выполнять любые их желания, и не смогли удержаться от соблазна.

В 2005 году, по данным социологического центра Пью, около 70 % американцев назвали жадность неотъемлемой чертой своего национального характера. Ни одно другое негативное качество столь же часто ими не упоминалось. Примечательно и то, что, согласно этому опросу, в зеркале собственного мнения американцы выглядели более жадными, чем в глазах других народов.

Кончилось это наваждение тогда разбитым корытом в виде «Великой рецессии» 2007–2009 годов. Чтобы удержаться на плаву, Америке пришлось залезть в астрономические долги (а Франклин долговую кабалу ненавидел). Поскольку кризис ударил не только по спекулянтам с Уолл-стрит, но и прежде всего по жилищному и ипотечному рынкам, множеству поверивших в миражи американцев пришлось чуть ли не в буквальном смысле возвращаться из купленных в рассрочку индивидуальных «хором»

в прежние многоквартирные и прочие «землянки».

С тех пор в США стали быстро расти показатели голода, нищеты и имущественного неравенства. К концу рецессии каждый седьмой американец (около 43,6 млн человек), в том числе каждый пятый ребенок, были бедны. В это число входили более четверти всех афроамериканцев и треть темнокожих детей. Примерно 17 млн семей в стране жили впроголодь. (По состоянию на 2009 год официальным «уровнем бедности» в США признавался годовой доход — до вычета налогов — в размере 21 954 долларов на семью из четырех человек.)

Богатые между тем продолжали богатеть. В 2017 году журнал Forbes подсчитал, что трое толстосумов — Билл Гейтс, Джефф Безос и Уоррен Баффет — в общей сложности владели активами на 248,5 млрд долларов, а 160 миллионов их сограждан — всего на 245 млрд долларов. Таким образом, современные американские «три толстяка» оказались богаче… половины населения всей страны.

Не удивительно, что в ходе президентской предвыборной кампании 2020 года тема имущественного неравенства стала одной из ключевых. Независимый сенатор из Вермонта Берни Сандерс открыто поднял знамя «демократического социализма» не раз призывал к «революции» против «олигархической» системы власти в США ради восстановления социальной справедливости. Правда, один из его соперников, бывший мэр Нью-Йорка мультимиллиардер Майкл Блумберг, в ответ саркастически пенял ему на то, что «самый известный в стране социалист — сам миллионер и владелец трех домов».

Как бы то ни было, подавляющему большинству американцев сейчас не до жиру. Люди обеими руками держатся за имеющуюся работу, «уплотняются» на своей или родительской жилплощади, реже играют свадьбы и заводят детей, учатся в соседних колледжах, а не в далеких престижных вузах, меньше путешествуют, ходят по магазинам и ресторанам, целенаправленно освобождаются от долгов и гораздо осмотрительнее пользуются кредитом.

И при этом, по наблюдению обозревателя журналов Time («Время») и Money («Деньги») Дэна Кадлека, многие испытывают… облегчение от возврата к духовным истокам.

Назад в будущее

«Мы не просто сокращаем свои расходы, мы отвергаем материализм, — утверждает публицист, давно занимающийся

темой личных финансов и написавший об этом не одну книгу. — Мы ставим безопасное будущее и такие подлинные ценности, как взаимоотношения с другими людьми и развитие собственной личности, выше прибыли. Мы поворачиваемся лицом к своей семье, своим соседям и спрашиваем, чем мы можем быть полезны не только себе, но и другим».

Подтверждением этих слов можно считать итоги опроса финансовой компании Northwestern Mutual, участников которого просили дать определение жизненному успеху. Почти девять из десяти американцев назвали главными слагаемыми крепкую семью, хорошие отношения с супругом или партнером.

Повышается и их общественная активность. Они всегда гордились тем, что их страна изначально росла от «корней травы», то есть низовых добровольных объединений. И исследования показывают, что в условиях кризиса низовые связи не распадаются, а, наоборот, крепнут.

В частности, социологи выяснили, что в кризисных 2008–2009 годах почти 58 % жителей США как минимум раз в месяц помогали соседям. Любопытно, что пожилые люди в возрасте «за 65» тратили на близкие их сердцу общественно полезные нужды почти вдвое больше остальных (свыше 700 долларов за год против примерно 400 долларов в среднем по стране).

Статусный символ

Еще одна примета времени — изменение поведения богачей. В принципе американцы склонны гордиться честно нажитыми деньгами, но не пускать пыль в глаза. Вообще, по любопытному наблюдению де Токвиля, «пышный, блестящий разврат» характерен для сословных обществ, при демократии же богачи «удовлетворяются исполнением множества своих скромных желаний».

Современные американские олигархи шагнули по пути социальной ответственности еще дальше. Во всяком случае, попытались шагнуть. На излете Великой рецессии в 2009 году двое из «трех толстяков» — основатель компании Microsoft Гейтс и легендарный инвестор Баффет — призвали «коллег по цеху» передать на общественные нужды при жизни или сразу после смерти не менее половины своих богатств.

За десять лет инициированное ими «Обязательство дарителя» получило поддержку более 200 миллиардеров, в том числе таких известных, как Марк Цукерберг, Илон Маск и уже упомянутый Майкл Блумберг. Хотя в комментариях на эту тему задним

числом звучат и ноты разочарования.

По свидетельству американской печати, сами Гейтс и Баффет теперь богаче, чем были до выдвижения своей инициативы. Число миллиардеров в США выросло с 404 в 2010 году до шестисот с лишним. В мире их теперь свыше двух тысяч.

Таким образом подавляющее большинство сверхбогатых людей призыв проигнорировали. Да и откликнувшихся часто критикуют за то, что их щедрость диктуется скорее стремлением «оптимизировать» уплату налогов нежели реальной благотворительностью.

Но все же даже критики признают, что инициатива Гейтса и Баффета была верным сигналом, шагом в правильном направлении. Она наглядно показала, что для крупнейших богачей массированная благотворительность может быть новым статусным символом. А у просто состоятельных людей в США, по словам того же Кадлека, модно стало ездить на машинах престижных марок, но моделей 3–4-летней давности…

Далеко ли качнулся маятник

Специалисты считают, что уроки «Великой рецессии» будут для американцев достаточно долгосрочными. А некоторые даже допускают, что след, оставленный в общественном сознании и подсознании населения США, может оказаться вообще неизгладимым.

«На наш взгляд, этот опыт будет переломным, — заявил управляющий директор компании Context-Based Research Group, изучающей поведение потребителей, Робби Блинкофф. — Люди окружены огромной массой вещей и сознают, что счастливее они от этого не становятся».

Уайтхед из Института американских ценностей уверена, что опыт Великой рецессии повлияет на ее ныне живущих соотечественников не меньше, чем драма Великой депрессии — на ее собственного отца, врача по профессии, до конца дней боявшегося, что «придется копать канавы».

Особенно уязвимо, по ее убеждению, молодое поколение, уже вынужденное на практике осваивать уроки бережливости. Она напоминает, что и антикризисные финансовые реформы властей страны также рассчитаны на далекую перспективу. В результате, на ее взгляд, «институты будут дисциплинировать людей».

Социологи подтверждают, что американцы делают выводы из случившегося. В опросе по заказу журнала Money 7 из 10 респондентов заявили, что у них меняются жизненные

приоритеты, 9 из 10 сказали, что из-за кризиса стали по-новому распоряжаться деньгами, целых 94 % уверены, что такое отношение будет у них сохраняться и впредь.

Согласно этому же исследованию, почти 70 % американцев делают теперь покупки только в том случае, если в состоянии расплатиться за них наличными или дебитной карточкой. Три четверти придают большое значение увеличению сбережений.

Другое интересное исследование организовала страховая компания MetLife. По ее данным, около половины американцев убеждены, что в случае утраты работы от банкротства их будет отделять не больше месяца (эксперты считают, что подобный «запас финансовой прочности» в идеале должен быть годовым). Примерно половина респондентов заявила также, что не нуждается в новых крупных покупках, поскольку в принципе имеет все необходимое для жизни. В 2006 году доля таких ответов составляла лишь треть.

Транжиры и скупердяи

Что до жадности, от этого смертного греха люди, наверное, никогда полностью не избавятся. Присущ он и американцам, хотя Уайтхед, например, считает, что ее соотечественники отдают должное такой «буржуазной ценности», как бережливость, в основном на словах.

«На деле — в сравнении с немцами, французами, канадцами — мы скорее транжиры, чем скупердяи, — говорит она. — Мы ведь жаждем материального благополучия и считаем в душе, что имеем на него право… К тому же есть и финансовые институты, которые „помогают“ людям с ушами залезать в долги».

Именно на институтах, способствующих и мешающих развитию бережливости — от расплодившихся в США ростовщических ссудных касс до исчезающих маленьких местных банков, — сосредоточено основное внимание возглавляемого собеседницей центра. Она с улыбкой вспоминает, что когда в докризисные годы ее институт получил грант на эту работу, то многие со смехом спрашивали, зачем изучать «отжившую» тему. Позже ее с коллегами стали превозносить чуть ли не как «провидцев».

Заодно уместно вспомнить и о том, что в недавнем прошлом в Америке выходила и пользовалась большим успехом «Газета для прижимистых» (The Tightwad Gazette). Супружеская пара пенсионеров — Джим и Эми Дейсижин (Dacyczyn — фамилия украинского происхождения) — создали ее для дополнительного

приработка, никак не ожидая, что их затея разрастется до тиража в 100 тысяч экземпляров и будет признана одним из лучших бизнес-проектов 1991 года.

На страницах своего издания Эми Дейсижин делилась в основном собственным опытом. Он у нее поистине уникален. Муж у нее служил электриком в ВМС США, заработок его не превышал 28 тысяч долларов в год. Другого источника доходов не было. Но зато была мечта — о большой семье и собственном доме.

Мечта осуществилась, потому что американка возвела бережливость в абсолют. По ее словам, в течение многих лет она кормила и одевала двоих взрослых и четырех детей примерно на 200 долларов в месяц. Экономили на всем, включая фольгу и пластиковые пакеты; пищевых отходов не допускали вообще.

Дом в итоге купили, завели еще двух детей (напоследок родились близнецы), а потом неожиданно для себя неплохо заработали изданием своего бюллетеня и прославились, поскольку их историей заинтересовались общенациональные СМИ. Сам бюллетень давно не выходит, но его материалы до сих пор переиздаются в виде книги и продолжают пользоваться популярностью. В соцсети Facebook действует «фан-клуб» «Газеты для прижимистых», насчитывающий на момент написания этих строк около 14 тысяч членов. Для них и множества других американских домохозяек Эми Дейсижин по сей день остается лучшим образцом для подражания.

И образец этот, кстати, не единственный. Вот навскидку еще пара примеров: в кризисном 2009 году из печати вышла книга Лорен Уэбер «На дешевизну уповаем: история забытой американской добродетели» (название — сознательный парафраз национального девиза США «На Бога уповаем»); в 2014 годупоявилась работа Эндрю Ярроу «Бережливость: история одного из движений в американской культуре». В заголовке — тот самый термин thrift, о котором я уже упоминал.

Авторы этих работ напоминают, что в США всегда были и есть организации и движения сторонников умеренности и самоограничения — от квакеров и трансценденталистов до современных анархиствующих антиглобалистов-«фриганов», ратующих за полную самоизоляцию от потребительской капиталистической экономики. Они негодуют против насаждаемого в США коммерческой рекламой и государственной пропагандой тезиса о том, что тратить деньги «полезно и патриотично», что потребительство — неотъемлемая черта американского образа жизни.

Жадность… ради щедрости

На мой личный взгляд, у американцев прижимистость и практичность постоянно борются в душе с идеализмом. Помните техасских студентов, которых я опрашивал о выборе карьеры? Все ведь отвечали одинаково: лично я — за идеалы, но уверен, что остальные предпочтут чистоган.

А под занавес моей работы за океаном один немолодой бизнесмен, с которым я затеял разговор на эту тему, сначала заговорил о помощи США внешнему миру, а потом сделал неожиданный, но логичный вывод: «Конечно, чтобы помогать другим, нужны деньги. Поэтому нам сначала надо быть жадными, а уж потом — щедрыми».

Глава 13. Честь и совесть

У англоязычных американцев нет точного аналога слова «совесть». Их conscience куда ближе к уму, чем к сердцу, сродни «сознанию», но никак не «состраданию» и тем более не «стыду». Есть scruples («уколы совести»), но и это отдает скорее скрупулезностью, да и слово это почти вышло из употребления. «Совестливость» переводится на английский приблизительно, как «мягкосердечность», «бессовестность» — чаще всего, как «бесчестность». Для русского уха это все-таки не одно и то же.

С «честностью» ситуация обратная. Тут уже в русском при всем его лексическом богатстве нет точного соответствия американскому integrity — качеству, стандартно понимаемому, как честность, но означающему нечто гораздо большее — внутреннюю цельность характера, порядочность и неподкупность, верность своим убеждениям. Кстати, и добросовестность, например, в исполнении долга.

13.1. «Они ж не врут!»

Американцы в подавляющем большинстве своем — честные и искренние люди, не имеющие привычки обманывать других. Эта замечательная черта их национального характера сразу бросается в глаза приезжим, особенно из бывшего СССР. Помню, поэт Наум Коржавин, прославившийся еще в советском самиздате, а вторую половину своей жизни проведший в США, на мой вопрос о том, что больше всего удивляет его в американцах, воскликнул: «Они ж не врут! А если кто соврет и попадется — ему плохо. А у нас — пожалуйста!»

Это правда. Чтобы не ходить далеко за примерами, сошлюсь на опыт прессы. Кого в России удивишь «заказными» публикациями и тем более «подставными» вопросами на пресс-конференциях? В Америке журналисты понимают, что их самая надежная защита — даже не конституционный Билль о правах, а общественное доверие. И стараются его беречь. Соблюдают нормы профессиональной этики, а для защиты источников добровольно идут порой даже за решетку.

Губительным малейшее подозрение в нечестности всегда считалось и для публичных политиков. Джозеф Байден еще в 1987 году впервые боролся за президентское кресло, но был вынужден сойти с дистанции после того, как пересказал от своего лица выступление одного из британских лейбористов и был уличен в плагиате. Он и в предвыборной гонке 2020 года

«отметился» байкой о том, будто его в свое время арестовывали в ЮАР за попытку встретиться с находившимся в застенке Нельсоном Манделой. Ведущие американские издания пытались найти тому подтверждение, но не смогли. И кто только его — Байдена — за язык тянет?

Экс-госсекретарь США Колин Пауэлл не ужился с администрацией Буша-младшего, в частности, из-за того, что вынужден был публично защищать сомнительные и, как позже выяснилось, лживые основания для американского вторжения в Ирак. Он и спустя годы признавал, что это «болезненный» для него вопрос, «пятно» на его репутации.

Другое дело, что его преемница в госдепартаменте Кондолиза Райс без всякого зазрения совести публично отстаивала заведомую неправду вокруг августовских событий 2008 года в Южной Осетии. Я сам задавал ей на брифинге для журналистов вопросы на эту тему и, помню, насколько неловко было наблюдать за тем, как она — при ее-то положении! — изворачивалась, чтобы не признавать факты. Теперь эти факты общеизвестны, но и теперь непохоже, чтобы стыд выедал ей глаза.

Впрочем, ныне мы вообще живем в эпоху fake news. Политические противники президента США Дональда Трампа постоянно публично обвиняют его во лжи, что до его прихода в Белый дом было по отношению к главе американского государства почти немыслимо. Остается только надеяться, что его будущие преемники на президентском посту восстановят прежнюю норму.

Политическая агиография

Кстати, хрестоматийные примеры честности в США связаны как раз с именами президентов — правда, самых ранних, чья реальная жизнь давно превратилась в общественном сознании в канонизированные «жития». Любой американский школьник знает, что «отец-основатель» современных Соединенных Штатов Джордж Вашингтон в шестилетнем возрасте повредил в саду любимую отцовскую вишню и, не убоявшись наказания, сознался в содеянном. Ему же приписывается фраза «Я неспособен лгать».

Много известно назидательных рассказов и о том, как юный Авраам Линкольн, работая в лавке, носил рассеянным покупателям ненароком недоданную сдачу или недополученный товар, как он два дня отрабатывал стоимость случайно испорченной чужой книжки и т. д и т. п. Кстати, его фамильярное прозвище в американской политической агиографии — «Честный

Эйб». Именно он считается главным воплощением таких фундаментальных добродетелей, как порядочность и правдивость.

Конечно, отношение к этим добродетелям имеет в своей основе религию, понимание того, что перед Всевышним лукавить не только грешно, но и бесполезно. Американцы в большинстве своем — люди набожные. Именно на веру они в первую очередь ориентируются, когда им нужно отличить добро от зла, ценности истинные и вечные от сомнительных и преходящих. Они не без оснований полагают, что человек, не верящий в Бога, скорее всего вообще ни во что по-настоящему не верит (в этом, наверное, главный вред атеизма — и общественно-политический, и личный), а следовательно, и сам не заслуживает доверия.

О том, склонны ли американцы доверять друг другу, мы еще поговорим. Пока лишь замечу, что, на мой взгляд, им свойственна не столько подозрительность к окружающим, сколько стойкая привычка во всем полагаться на собственные силы. Американец, как правило, не обращается к другим за советом и помощью, поскольку уверен, что может и должен справиться сам. Если же совета просят у него (скажем, как куда-то пройти или проехать), он вполне может ответить и наобум — опять же исходя из того, что спрашивающий в конечном счете сам за себя отвечает. В Нью-Йорке в молодые годы я не раз попадал из-за этого впросак. Просто «не знаю» почти никто не говорит: видимо, это кажется зазорным.

Кстати, часто складывается впечатление, что и в международных отношениях Вашингтон тоже органически неспособен признавать свою неправоту. Не исключено, что это проявление того же бытового поведенческого стереотипа, закрепившегося в национальном характере.

Закон как осознанная необходимость

Разумеется, «жить не по лжи» и американцам, и всем остальным помимо религии и морали помогает закон. Но только если это действительно закон, который все честно соблюдают. А если как в сказке Филатова, «действуй строго по закону», значит, «действуй… втихаря», — то это скорее издевательство над справедливостью.

Довелось мне как-то быть свидетелем разговора между российским министром и главным голливудским лоббистом в Вашингтоне. Речь шла об актуальной и по сей день теме: правах интеллектуальной собственности. Американец горячился и

доказывал, что продажа с уличных лотков «пиратских» дисков с чужими фильмами, песнями и компьютерными программами — самое настоящее воровство. Наш лениво возражал, что, мол, фирменные диски просто слишком дороги для российского рынка, а смотреть новое кино всем хочется…

Тогда мне, честно говоря, казалось, что в этой позиции есть своя правда. Теперь я вижу в ней один только главный лозунг пресловутого российского правового нигилизма: «Нельзя, но если очень хочется, то можно».

Для американцев, как я уже не раз подчеркивал, «нельзя» — значит «нельзя». И не только потому, что так положено по закону, а прежде всего потому, что закон этот отражает общее представление о справедливости. Поэтому в США никому не приходит в голову «договариваться» на дороге с автоинспектором «за наличный расчет». Поэтому законом запрещено давать взятки и откаты не только собственным, но даже иностранным чиновникам.

Поэтому же люди покупают и лицензионные записи, которые в принципе можно было бы бесплатно скачать из Интернета. Просто им привычно и естественно быть честными, относиться к себе с уважением. Да и известное определение Спинозой свободы как осознанной необходимости тут тоже вполне уместно.

Обществу в целом честность также приносит большие дивиденды. Со времен Вебера принято считать, что именно протестантская этика лежит в основе процветания современных капиталистических обществ на Западе.

Плюсы и минусы морального абсолютизма

К вранью в любых сферах — будь то на школьных экзаменах, в супружеских отношениях или при расчетах с налоговым ведомством — американцы относятся подчеркнуто нетерпимо. Им вообще, на мой взгляд, свойственна определенная прямолинейность — моральный абсолютизм, не признающий полутонов.

Порой это качество их национального характера со стороны кажется своего рода психологической зашоренностью. Американец привык исходить из того, что кратчайшее расстояние между двумя точками — прямая. Он и идет напрямик к своей цели, а если встречает препятствие, то может его пробить насквозь, может перелезть, но может и упереться в стенку лбом. Не потому ли в той же Кремниевой долине так ценятся российские программисты, что они, подобно лесковскому Левше,

нередко находят решения и для «неразрешимых» задач? Разумеется, окольными путями.

Да и вообще — выдумки выдумкам рознь. Бывший московский корреспондент агентства АП и газеты Baltimore Sun Дуглас Берч по возвращении домой еще до эпохи Трампа печатно признавался, что… скучает по «свойственному русской культуре здоровому скептицизму относительно ценности неизменной правдивости».

Вслед за Марком Твеном журналист выражал сожаление, что в Америке утрачено «искусство лгать». «Не то чтобы американцы не лгали: мы лжем, как и все остальные: и в залах заседаний советов директоров, и в спальнях, и в налоговых декларациях, — писал он. — Но вот как-то не всегда щедро и по-доброму: боимся, видно, что нас уличат. И когда мы все-таки лжем, многие американцы, кажется, не в состоянии признаться в этом даже самим себе».

Ссылаясь на известный пассаж из дневников Федора Достоевского, Берч повторял его слова о том, что в России «могут лгать совершенно даром самые почтенные люди и с самыми почтенными целями», то есть на самом деле скорее привирать, фантазировать, закрывать глаза на свои и чужие недостатки (другое дело, что в этом же отрывке говорится и о загадочной для нашего классика «известного рода бессовестности русского интеллигентного человека», готового резонерствовать даже на темы, в которых он ничего не смыслит).

Но американца интересуют, конечно, прежде всего его собственные соотечественники. И вывод его достаточно безотраден. «Мы притворяемся, будто живем в культуре, где все могут и обязаны всегда и при любых обстоятельствах резать одну лишь жестокую правду-матку, — констатировал он. — Кого мы обманываем? Только самих себя».

Хотя на самом деле неизвестно, так ли уж сильно американцы заблуждаются на собственный счет. Незадолго до выхода статьи Берча исследовательский центр имени Пью[3] опрашивал их о том, как сами они воспринимают основные качества своего национального характера. «Честными» себя и своих соотечественников назвали лишь 63 % участников опроса — намного меньше, чем «трудолюбивыми» или «изобретательными».

При этом многие американские «разгребатели грязи», увольняющиеся с госслужбы из-за принципиального несогласия с политикой властей, сразу по выходу в отставку садятся за книги о своем правдолюбии. То есть пытаются на нем заработать и не видят в этом ничего зазорного: их представлениям о чести и

совести это не противоречит. Напомню, что в ходе того же опроса семеро из десяти респондентов согласились с тем, что американцы — жадные.

Системные исключения: реклама, пропаганда, политкорректность

Торговля, точнее, коммерческая реклама — наиболее очевидное системное исключение из правил в американских представлениях о честности. Как рядовой потребитель с многолетним стажем я давным-давно сделал для себя вывод, что Америка — страна красивых упаковок с солидными ценниками и достаточно посредственным содержимым, во всяком случае на уровне ширпотреба. Но все это пугающее изобилие так или иначе распродается — с помощью известного «двигателя торговли».

Формально обманывать покупателя запрещено. Существуют специальные законы, а также государственные и общественные организации, призванные стоять на страже интересов потребителей.

Но ведь что значит — обманывать? Людей, подписывавших в годы «ипотечного» кризиса внешне очень привлекательные, а на самом деле кабальные закладные для покупки жилья, никто не заставлял это делать. В итоге же это обернулось массовыми разорениями, «просевшим» жилищным рынком, проблемами в целых отраслях экономики, обесцениванием спекулятивных финансовых инструментов на основе закладных, в конечном счете — глобальным кризисом.

Для краткости принято говорить, что он возник из-за алчности дельцов на Уолл-стрит, и это чистая правда. Но алчность проявляли и рядовые американцы, покупавшие себе жилье не по карману в твердой надежде на то, что оно будет только дорожать.

Поддерживалась в них эта надежда не только рекламой, но и государственной пропагандой с ее вполне сознательной установкой на то, что свой дом для каждой семьи — краеугольный камень «американской мечты». В целом пропаганда — также, разумеется, крупная область, к которой нормальные представления о честности и правдивости неприменимы. Она в США существует, успешно работает на внутреннюю аудиторию и, может быть, не столь эффективно, но не менее старательно — на внешний мир. Но эту тему мы уже обсуждали.

Наконец, есть и еще одна сфера американского общественного сознания, представляющаяся как минимум

сомнительной с точки зрения честности и заставляющая вспомнить слова Достоевского о лживости порядочных людей. Имеется в виду политкорректность.

С одной стороны, она выражает идеалы равенства, свободы и человеческого достоинства, уважения права личности и социальных групп жить так, как им нравится, — если они при этом не нарушают закон и сами уважают права других. С другой — многие наблюдатели, особенно консервативного толка, видят в ней атаку на традиционные моральные ценности, форму установления своего рода психологической «диктатуры меньшинств», в конечном счете — способ размывания гран и между добром и злом, правдой и ложью.

Конечно, все, кто страдал или страдает от ущемления своих прав — от женщин и афроамериканцев до инвалидов и людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией, — приветствуют политкорректность как торжество справедливости. И в теории, и на практике известно, насколько невыносимым бывает даже чисто моральный гнет большинства, не говоря уже о прямом административно-политическом диктате и подавлении инакомыслия. Еще на заре американской демократии об опасности тирании большинства предупреждал де Токвиль.

Но, с другой стороны, это самое большинство, которое американские правые нередко именуют «моральным», продолжает настаивать на соблюдении и своих прав. В последние годы в США не только возбуждаются, но и выигрываются дела о так называемой обратной дискриминации (белых перед черными, мужчин перед женщинами и т. п.).

Само понятие «политкорректность» приобрело, по общему признанию, ощутимо негативный оттенок. Трамп же вообще его не приемлет и постоянно нарушает — к ярости либералов и близких к ним СМИ.

А в преддверии выборов 2020 года теоретические споры на эти темы вылились в бурные уличные беспорядки и погромы в рамках движения Black Lives Matter (BLM, «Жизни черных имеют значение»), поднявшегося в ответ на убийство полицией афроамериканца Джорджа Флойда. Началась «война с памятниками» — по сути, с исторической памятью.

Для меня социально-политический смысл этого «смутного времени» за океаном сводится к мучительному и запоздалому (с историческим «отставанием по фазе» относительно России) приспособлению Америки к своей новой роли в мире после окончания холодной войны, включая и переосмысление собственного исторического наследия. А одним из графических символов протестов стала карикатура, на которой фигура в белом

балахоне с буквами ККК передает эстафету в виде горящего факела с надписью «расизм» точно такой же фигуре в черном с обозначением BLM. То есть от ультраправого Ку-клукс-клана — к современным леволиберальным экстремистам.

Голос совести

Собственно, и до Трампа показная политкорректность в США нередко проявлялась в моральном релятивизме, отказе от реальных поисков истины и подмене ее «плюрализмом мнений». Мне, например, часто казалось, что вся «объективность» американской прессы сводилась лишь к приведению двух-трех различных отзывов об описываемом событии или явлении, а не к попытке докопаться до его сути.

«Удельный вес» мнений при этом априори считался равным или даже перекашивался в угоду идеологическим предпочтениям издания. Это наглядно видно было на примере репортажей из России, в которых и до «Руссогейта» никакой объективностью не пахло. Правдивость приравнивалась к оппозиционности, старательно насаждалось представление, будто в российской политике погоду делают маргинальные «противники режима».

С другой стороны, в самой Америке есть темы, по которым никакой плюрализм мнений не допускается в принципе. Самый наглядный пример — то же движение BLM, отвергающее и жестко пресекающее любые попытки утверждать, что важна жизнь любых людей, а не только черных. Известны и другие образцы насаждения идеологического тоталитаризма — скажем, со стороны радикального феминистского движения Me Too.

А для меня лично самым вопиющим эпизодом подавления инакомыслия в США за то время, пока я там работал, была история с Хелен Томас. О ее изгнании из Белого дома за нелицеприятный отзыв об Израиле и израильтянах я уже рассказывал. Она тогда пыталась извиняться, но безуспешно. Даже коллеги говорили ей вслед, что ей, дескать, не место в президентском пресс-корпусе, поскольку она не столько добывает новости, сколько отстаивает собственную точку зрения.

Между тем у нее было на это полное право — и не только в силу возраста и статуса легенды американской журналистики. Она ведь в последние годы служила комментатором-колумнистом издательского концерна Hearst. Так что иметь и выражать собственное суждение было ее прямой профессиональной обязанностью, никаких журналистских канонов она не нарушала.

Последний вопрос, который она задала на пресс-

конференции Бараку Обаме, звучал так: «Господин президент, когда вы уйдете из Афганистана? Ради чего мы продолжаем там убивать и умирать? В чем реальная причина? И не надо отвечать нам словами Буша о том, что, мол, если мы не пойдем за ними туда, то они придут к нам сюда…»

Наверное, даже критики Томас понимают, что ей не составило бы труда придумать более «новостные» и «проходные» вопросы. Но она предпочитала эти — о войнах в Ираке и Афганистане — и регулярно задавала их и президентам, и их пресс-секретарям. Никто кроме нее этого не делал.

Как выяснилось задним числом, многих ее собратьев по цеху в США это раздражало. Но это был голос совести.

13.2. Формула недоверия

В Америке россиян нередко попрекают тотальным цинизмом и недоверием друг к другу. Помню, в свое время меня покоробили печатные рассуждения известного историка-советолога Ричарда Пайпса, ныне уже покойного, о том, что люди в России не верят не то что правительству, а вообще никому, кроме родных и близких друзей, и что это способствует закреплению в обществе антидемократических тенденций, поскольку управа друг на друга гражданам все-таки нужна, а обращаться за ней, кроме как к властям, не к кому. Позже глаз и ухо у меня стали острее реагировать на подобные отзывы о нас, и я убедился, что для США они стали общим местом.

Конечно, в этих упреках есть доля истины, которая, как говорится, и колет глаза. Никто не спорит с тем, что россияне не живут по принципу «душа нараспашку», особенно с тех пор, как свернули на столбовую дорогу западной цивилизации и позабыли советский лозунг о том, что «человек человеку друг, товарищ и брат». Но позволительно спросить: а что сами американцы? Они-то верят друг другу? И заслуживают доверия?

Советы бывалого

Один мой приятель, давным-давно перебравшийся в США из России на постоянное жительство и считающий, что хорошо изучил изнутри американские нравы, при обсуждении этой темы горячо божился, что верить за океаном никому нельзя ни на грош. Самого, дескать, тысячу раз обманывали и подставляли, особенно на работе. С ходу приводил конкретные примеры, на слух — вполне убедительные. И жена его, работавшая в американской

компании, согласно кивала.

Признаюсь, это меня смутило. Мне-то со стороны казалось, что в Америке почитаются честность и правдивость, что они прививаются детям с младых ногтей. Кстати, мой сын, на тот момент еще школьник, на вопрос об отношении американцев друг к другу ответил, что насчет доверия он не уверен, но вот взаимное уважение присутствует точно. Так его учили на занятиях, это же он наблюдал и на практике.

Естественно, спрашивал я не только родных и друзей. Стал заводить разговоры на эту тему со встречными-поперечными, интересоваться: неужто и впрямь средний американец, например, «заложит» сослуживца начальству, если увидит в этом какую-то свою выгоду? Люди пожимали плечами, делали разные оговорки, но в принципе соглашались: дескать, скорее всего да, заложит. Других мнений не было.

Получается, что между честностью и порядочностью просматривается внушительный зазор. Но это на мой взгляд. А тот же приятель уверял, что для «нормального американца» такого зазора не существует, поскольку ему соображения морали в подобной ситуации будто бы вообще и в голову не приходят. Ты, мол, почитай книжку «Мысля стратегически» — и поймешь, как они в подобных случаях, да и вообще по жизни рассуждают.

Доминантная стратегия

Я почитал. Книжка в самом деле занятная. Популярное изложение теории игр для массового читателя. «Международный бестселлер» (это с обложки, отсылка к японскому изданию). В американской печати и продаже — с 1991 года. Главный рекламный слоган — опять же с обложки: «Не беритесь конкурировать, не читав!»

О морали речи действительно нет. Авторы — профессора Принстонского и Йельского университетов — сами об этом сразу честно предупреждают. Дескать, их дело — не вдаваться в моральные тонкости, а объяснить, как определить выигрышную линию поведения в той или иной стратегической ситуации (это когда ваши действия сталкиваются с чьим- то противодействием — от шахмат до международных переговоров о ядерном разоружении, из которых, собственно, во многом и выросла теория игр).

Подобраны любопытные примеры из сферы бизнеса, спорта, поп-культуры. Описывается, в частности, учебная деловая игра в Техасском университете A&M, где студентам были предложены на

выбор две стратегии развития условного бизнеса: «коллективистская», сулящая каждому гарантированную скромную отдачу, и «индивидуалистическая», обещающая чуть больший барыш в случае предательства общих интересов. Публично все заранее сговаривались играть сообща на общее благо, на деле большинство играло на свой карман — пусть и себе в убыток!

После игры лидер «коллективистов» сказал: «Никогда в жизни больше никому не буду верить». Его спросили, как он сам-то играл. Он ответил: «По второму варианту», то есть на себя.

Вот тебе, кстати, и честность! Я же буквально только что написал, что американцы в массе своей честные и порядочные люди. А выходит: только до тех пор, пока это не касается личной выгоды, а разоблачение не грозит реальными серьезными карами.

В целом меня это наводит на мысль о том, что мы с американцами все же совсем не одинаково представляем себе правду и справедливость. Предельно кратко и упрощенно разницу можно свести к тому противопоставлению «закона» и «благодати», которое у нас известно со времен крещения Руси. Американцы — гордые наследники духовной традиции преклонения перед буквой закона, которой они подчиняют даже боготворимую ими свободу. Русским же людям еще митрополит Киевский Иларион в XI веке завещал следовать не букве, а духу — благодати и истине.

Поэтому у нас в России и по сей день главные критерии в спорах о справедливости — «честно или нечестно», «по совести или не по совести». А у американцев, как я выше упоминал, и слова-то такого в нашем понимании не существует!

И еще мне это в очередной раз напомнило собственную поездку в тот же техасский A&M и примерно в то же время — во второй половине 1980-х годов. Когда мне там каждый встречный говорил, что сам он — идеалист, но все остальные — прагматики. По-моему, это ровно то, чего и следовало бы ожидать по теории игр, с дополнительной оговоркой, что заверения не обязательно правдивы.

А в «международном бестселлере» на самом деле есть и более показательный эпизод. Авторы разбирают под своим специфическим углом зрения развязку приключенческого фильма «Индиана Джонс и последний крестовый поход» и приходят к выводу, что герой в исполнении Гаррисона Форда допустил стратегическую ошибку. Выбирая наугад чашу с живой водой среди множества чаш с мертвой, он попробовал воду сам. А надо было, оказывается, дать напиться… смертельно раненому отцу, ради спасения которого он и спешил.

Авторов «смущает» этот пример, но знаете почему? Потому что «столь видный профессор, как доктор Индиана Джонс», конечно же, не должен был «проглядеть свою доминантную стратегию». А об очевидной аморальности «выигрышного» решения они упоминают вскользь — в примечании.

С верой в свой строй

В конечном счете я для себя решил, что американцы доверяют друг другу не больше нашего. Вот чему они действительно в отличие от нас пока еще верят априори, так это своей системе. Что при нарушении ПДД с них возьмут штраф, а не слупят взятку. Что суд рассудит по закону, а не по звонку. Что на выборах важно, кто и как голосует, а не кто и как считает.

Правда, и тут сразу возникают оговорки. Взять, к примеру, тот же гордый лозунг о «власти закона». Американцы и в самом деле склонны чуть ли не любые отношения с окружающими вплоть до самых интимных оформлять юридически (как, например, в брачных контрактах), а в случае возникновения споров прибегать к помощи полиции, адвокатов и иных посредников, обращаться в суд. Это удобно, поскольку позволяет не переходить без нужды на личности и избегать лишних скандалов. Но, с другой стороны, разве это как раз и не доказывает со всей очевидностью, что вне зависимости от чувств на слово там никто никому не верит?

Собственно, американцы стараются и не тратить попусту друг на друга этих самых слов. Личный контакт с посторонними сознательно сводится до минимума. Да что посторонние: мне доводилось слышать от знакомых в США искреннее удивление по поводу того, как много личного времени люди в других странах «тратят на других», то есть на общение с друзьями.

Как ни парадоксально, не столько сближают, сколько разобщают людей нередко и современные средства коммуникации. В Америке, кажется, уже никто ни с кем почти не разговаривает даже по телефону — все переписываются. К тому же рожденная Интернетом доступность практически безграничных, но при этом по сути анонимных контактов порождает широкие возможности для мошенничества и обмана. Все понимают, что за излишнюю доверчивость можно серьезно поплатиться, и делают соответствующие выводы.

С политикой тоже не все гладко. Да, американцы в целом все еще верят, что нигде в мире нет политической и экономической системы лучше, чем у них. Но жизнь в последнее время

расшатывает, а не укрепляет эту веру.

Притязания США на единоличное мировое господство после распада СССР оказались несостоятельными. Внутренние раздоры за океаном обострились до состояния, сравнимого с политической и идеологической «гражданской войной». Америка оказалась абсолютно не готова к отражению вызовов, созданных пандемией COVID-19 и порожденного ею экономического кризиса. Обострились проблемы расового, имущественного, социального неравенства. При Трампе все это дошло до крайних проявлений, но наблюдалось на самом деле и при его предшественниках.

С доверием — разве что к врачу

Не приходится удивляться, что опросы и рейтинги подтверждают общее снижение показателей общественного доверия в США. По данным социологического центра имени Пью, в 2019 году три четверти американцев наблюдали снижение доверия к федеральным властям, а почти две трети — и друг к другу.

Естественно, они исходили из того, что это затрудняет решение стоящих перед страной и народом задач. Но это общие слова, пусть и тоже подтверждаемые статистикой. А конкретно, к моему удивлению, среди пессимистично настроенных респондентов почти каждый второй не верил даже в соблюдение согражданами «федеральных и местных законов». Еще больше было сомнений в том, что люди «честно отчитываются о доходах при уплате налогов», «с уважением относятся к окружающим», «оказывают посильную помощь нуждающимся» и т. д. и т. п.

Служба Гэллапа уже не первое десятилетие проводит в США опросы о доверии к людям разных профессий. Побеждают в них традиционно медсестры и вообще медики (хотя в 2001 году, после терактов, пальма первенства в порядке исключения была отдана пожарным), а политики занимают низшие ступени. Согласно самому свежему такому исследованию, датированному январем 2020 года, американцы верят своим конгрессменам и сенаторам меньше всех, кроме автодилеров.

Разумеется, я не мог не обратить внимание и на отношение к журналистам. «Честными и этичными» моих коллег по профессии в США считают, по данным Гэллапа, лишь 28 % опрошенных. За год этот показатель снизился на 5 процентных пунктов. Впрочем, прежде ему случалось опускаться и ниже нынешнего уровня.

Как я уже упоминал, кумир и моральный авторитет для

многих американцев Рональд Рейган в свое время с удовольствием говорил о своих отношениях с советскими лидерами: «Доверьяй, но проверьяй». И обязательно подчеркивал, что это русская поговорка.

Но вот я, например, до него такого присловья никогда не встречал. Честно говоря, как жизненный принцип эта формула недоверия и теперь кажется мне по духу, скорее, не русской, а как раз американской.

13.3. Им вера строить и жить помогает

Когда я был советским журналистом в США, мне заранее были ясны все ответы. Достаточно было просто подобрать подходящие вопросы. В российское время работать стало гораздо интереснее: можно было ставить реальные вопросы и пытаться честно на них отвечать.

Я часто рассказывал об этом в своих публичных выступлениях перед американцами. Те довольно смеялись. Но я им тут же напоминал, что теперь уже сами они, прежде всего мои коллеги-журналисты, зачастую говорят, пишут и вообще ведут себя так, будто заранее знают ответы на все вопросы о России, да и о мире в целом.

Повторюсь, что именно под тяжестью мессианства, преувеличения своей «всемирно-исторической» роли, претензий на обладание истиной в последней инстанции и «универсальными и непреходящими» ценностями, в конечном счете — под грузом обмана и самообмана, на мой взгляд, рухнула в свое время советская «башня», а теперь шатается американская. Остальной мир противится — и всегда будет противиться — навязыванию извне чужих ответов, чужой «правды жизни».

Вера по фактам или факты по вере?

Конечно, на это можно возразить, что есть факты, с которыми особо не поспоришь. Возможно. Но мне лично представляется, что роль фактов в нашей жизни сильно преувеличена. По-настоящему незыблемых знаний на самом деле не так уж много, они сплошь и рядом соседствуют с заблуждениями.

А главное — это никому особо не мешает, поскольку живут-то люди не столько знаниями, сколько привычными чувствами и убеждениями, то есть верой. «Не приставайте ко мне со своими фактами, — с улыбкой повторяет один мой американский приятель. — Я уже все для себя решил».

Как говорится, в каждой шутке есть доля шутки. Чем дальше, тем больше убеждаюсь, что именно так люди в основном себя и ведут. Каждый выбирает, во что ему верить, — кто в Бога, кто в приметы, а кто-то, скажем, в собственный разум, научный прогресс и счастье будущих поколений — и потом уже подстраивает под этот выбор свою личную «систему координат», подбирает резоны и доказательства. Получается не «вера по фактам» (хотя она в них особо и не нуждается), а «факты по вере».

И, между прочим, чем человек грамотнее, тем легче дается ему подобная подтасовка. Это наглядно видно на примере дипломатов, которых много было среди моих вашингтонских знакомых. Они могут досконально знать предмет обсуждения и позиции как своей, так и противоположной стороны, но практически никогда не способны договориться без «команды сверху», поскольку их изначальная установка — верить только в свою правоту и ее защищать. А чужой — как бы вовсе не видеть или, во всяком случае, не признавать. Ровно так действовал и Стенгел, о котором я рассказывал в разделе про пропаганду.

Конечно, догматическая, слепая вера опасна. Россиянам, которые в недавнем прошлом «вытоптали поле, засевая небо», это известно лучше других. Но ведь на самом деле и недостроенная коммунистическая Вавилонская башня рухнула только после того, как даже у ее проектировщиков ушла вера, выдававшаяся за знание. И, кстати, уходя, породила глубокий духовный кризис, во всяком случае, у старших поколений наших соотечественников.

Собственные идеологические заморочки имеются и у американцев. Даже если считать, что вооруженный разбой, спорадически устраиваемый ими в других странах, продиктован заботой о тех же «универсальных ценностях», а не о своих собственных политических и экономических интересах, то и тогда налицо циничный принцип «цель оправдывает средства».

Другое дело, что в подобных случаях шовинизм, который американцы именуют «патриотическим консенсусом», особенно застит глаза, а сомнения в нем не только морально разрушительны, но и опасны. Поэтому любые факты, идущие вразрез с общепринятой верой, с порога отметаются без рассмотрения. А «Господи, благослови!» в американских храмах громче всего поют солдатам.

«Не в том суть жизни, что в ней есть…»

Вера американцев вообще прагматична. Они верят в свою страну и ее историческую правоту, верят в свое право на счастье и

без устали куют его для себя, оставаясь едва ли не самым набожным среди народов ведущих мировых держав. Об этом, кстати, почему-то почти не вспоминают люди, ревниво следящие со стороны за их успехами.

«Не в том суть жизни, что в ней есть, но в вере в то, что в ней должно быть», — писал в свое время Иосиф Бродский. Действительно — и американцы об этом не забывают — на центральные вопросы бытия отвечает вера, а не знание. Спросите любого человека, что самое главное он узнал или понял за свою жизнь. Представьте, что об этом спросили Альберта Эйнштейна. Что бы он ответил, что вспомнил? «Общую теорию относительности»? Едва ли. Ясно же, что вопрос — о другом.

И радуют человека, как правило, отнюдь не знания. Со времен библейского царя Соломона известно, что «во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь». А мои американские друзья нередко спрашивают: «Чего ты хочешь — быть правым или быть счастливым?»

Имеется в виду, конечно, уверенность в своей правоте. Причем опять же не та, что окрыляет, а та, что сковывает, зашоривает, делает нетерпимым к чужому мнению. Вспомним, как в атеистическом по своим обрядам СССР подавляющее большинство населения «знало», что «религия — это опиум для народа». Разумеется, в подобном понимании конформистское «знание» может быть врагом подлинной духовной свободы.

Да и вообще, если я твердо убежден, что знаю что-то наверняка, то это не дает мне взглянуть на ситуацию со стороны. По сути «знание» сковывает свободу «узнавания». И это проблема отнюдь не только тоталитарных обществ. На эти темы писали многие — например, автор нашумевшей в свое время книги по проблемам высшего образования в США «Закрытие американского разума» Аллан Блум[4]. Простые же американцы, не мудрствуя лукаво, советуют умникам не проявлять «презрения до исследования», то есть не задирать нос, не разобравшись.

И еще одно. В спорах о вере и знании упор нередко делается на современности науки и архаичности религии. Мол, то, что еще можно как-то понять и принять в древности, с высоты современных представлений ни в какие ворота не лезет. Но что, собственно говоря, изменилось? Как и две тысячи лет назад, меньшинство (включающее, кстати, многих видных ученых) отвергается себя и идет за своим Создателем. Большинство отвергает и казнит в себе Бога. Чем себе же прежде всего и вредит.

Что говорит статистика?

О том, что верующие по жизни лучше себя чувствуют, самим им ясно без доказательств. Остальным это подтверждают медики и социологи. Организация Гэллапа устроила при мне в Вашингтоне целую научную конференцию — так называемый саммит — по «религии, благосостоянию и здоровью». Обсуждались данные о том, что «глубоко религиозные» люди заметно опережают «нерелигиозных» по уровню общего удовлетворения жизнью, эмоционального здоровья, да и вообще по всем показателям, кроме одного — у них чуть хуже физическое состояние здоровья. Надо полагать, потому что в среднем они постарше.

Вера помогает американцам решать и насущные земные проблемы, включая освобождение от зависимостей. Формально движения анонимных алкоголиков и наркоманов опираются не на религию, а на духовность. На деле же они, как правило, приводят или возвращают человека к Богу. «Я даже сам не подозревал, как сильно ненавидел этого Бога, в которого не верил», — сказал как-то при мне один из таких людей. То есть на самом деле, как он понял, вера жила в нем всегда, просто проявлялась поначалу негативно.

Вообще-то воинствующих атеистов и агностиков в США немного. Доля их потихоньку растет, но и сейчас, по данным социологов, составляет в общей сложности лишь около 10 %. Остальные девять десятых в населении страны утверждают, что верят в Бога, причем три четверти считают веру «очень важным» или «достаточно важным» фактором своей жизни[5].

Совсем другое дело — организованная религия. В последние годы американцы в подавляющем большинстве констатируют, что она «теряет влияние». За десятилетие с 2009 по 2019 год общее число атеистов, агностиков и тех, кто не ассоциирует себя ни с какой определенной конфессией, увеличилось на 30 млн человек и достигло 68 млн человек, то есть примерно 26 % взрослого населения США[6].

Между прочим, американские специалисты утверждают, что смена «религиозного ландшафта» связана с политической поляризацией в стране. Причем, по их словам, в последние годы политика влияла на религию, а не наоборот. Страдали, впрочем, и та и другая.

Бог и кесарь

Статью об этом — «Бог и кесарь в Америке» — еще в 2012 году напечатал один из солиднейших американских «толстых

журналов» — Foreign Affairs. Авторы — профессора Нотр-Дамского и Гарвардского университетов Дэвид Кэмпбелл и Роберт Патнэм — утверждали, что в 1980 году президент-республиканец Рональд Рейган сумел «оседлать» волну религиозности, поднявшуюся в ответ на «сексуальную революцию» 1960-х гг., когда в Америке «зажигало» поколение послевоенного бума рождаемости.

Чисто религиозная евангелическая составляющая контрволны с тех пор схлынула, а вот политическая — осталась. Подтверждением тому служит тот общеизвестный среди специалистов факт, что в последние десятилетия одна из главных линий политического размежевания в США проходит между теми, кто по меньшей мере раз в неделю посещает богослужения (конфессия при этом значения не имеет), и теми, кто этого не делает. И известное «Чайное» движение, родившееся при Обаме для противодействия его политике, — было и остается идеологической платформой прежде всего тех американских правых, которые выступают за усиление религиозного фактора в политике.

Следует признать, что у консерваторов есть свои «факты по вере». Им, например, крайне не нравится моральный релятивизм, насаждаемый в современной Америке под видом политкорректности. Они убеждены, что порядочный человек обязан сознавать различие между правдой и ложью, добром и злом и жить по совести. Они негодуют, когда даже верующих людей приучают к мысли, что никакого «греха» как бы и нет, а есть лишь «иная точка зрения».

При Трампе это идеологическое противостояние обострилось и по сути стало еще одним фронтом политической и идеологической «гражданской войны» между либералами и консерваторами. В защиту традиционных моральных и семейных ценностей публично выступил министр юстиции и генеральный прокурор страны воцерковленный католик Уильям Барр. В ответ его печатно обозвали негодяем и обвинили в том, будто он пытался отвлечь внимание от политических проблем своего босса и даже «превратить Бога в сообщника» президента-республиканца.

Выступая осенью 2019 года с лекцией о религиозной свободе в США в католическом Нотр-Дамском университете, Барр напомнил, что еще для «отцов-основателей» американского государства «основная угроза для республики исходила не от внешних врагов». «Центральный вопрос в долгосрочной перспективе сводился к тому, сможем ли мы управиться со [своей] свободой, — пояснил он. — Вопрос был в том, смогут ли

граждане свободного общества сохранять моральную дисциплину и добропорядочность, необходимые для „выживания“ свободных институтов».

Министр указал, что «в классической христианской традиции» природа человека делает его способным творить как добро, так и зло, что порабощение собственными страстями «есть еще одна форма тирании». Он процитировал в этом контексте второго президента США Джона Адамса: «У нас нет правительства, вооруженного способностью справляться с человеческими страстями, не обуздываемыми моралью и религией. Наша конституция составлялась лишь для нравственных и набожных людей. Она совершенно непригодна для управления любыми другими».

«Мораль пикетчиков»

Барр напомнил, что мировоззрение христиан опирается на «две великие заповеди» — о почитании Бога и о любви к ближнему, то есть к людям. Замены им, способной заполнить «духовную пустоту» в общественной и личной жизни, не появилось и в современную эпоху, которую на Западе порой именуют «постхристианской».

Министр подчеркнул, что в современной Америке религия оказалась в осаде. «Это не упадок, это организованное разрушение, — сказал он. — Противники религии и их союзники среди „прогрессистов“ мобилизуют все силы массовых коммуникаций, популярной культуры, индустрии развлечений и учебных заведений для непрестанных нападок на религию и традиционные ценности».

Парадоксальность ситуации, по мнению американского чиновника, состоит в том, что «светский проект сам стал религией, исповедуемой с религиозным жаром». «Он приобретает все атрибуты религии, включая инквизицию и отлучение», — заявил католик-генпрокурор.

Он противопоставил традиционную христианскую «микроморали», нацеленную на спасение души каждого отдельного человека на путях веры и самосовершенствования, современной «макроморали», по сути, перекладывающей на государство и общество «издержки личной недобросовестности и безответственности» людей.

«Новая светская религия учит макроморали, — сказал Барр. — Мерилом нравственности становится не личное поведение, а приверженность политическим идеям и

коллективным действиям в отношении социальных проблем».

«Эта система позволяет нам не особо беспокоиться по поводу требований к нашей личной жизни, поскольку мы обретаем спасение на линии пикетов, — констатировал юрист. — Мы можем проявлять свою „высокую нравственность“, участвуя в демонстрациях по тому или иному поводу».

Напомню, что все это говорилось задолго до появления в США культа Джорджа Флойда и движения BLM. По-моему, они наглядно подтвердили обоснованность оценок и опасений генпрокурора.

Закон, что дышло

А тот с тревогой отмечал, что «в качестве тарана для разрушения традиционных моральных ценностей и утверждения морального релятивизма как новой ортодоксии используется закон». Сначала — для отмены определенных запретов (важными вехами в этом смысле Барр назвал легализацию абортов, а затем и эвтаназии в США; последняя на момент выступления уже была законна в столице и семи штатах). А потом — и для «агрессивного навязывания верующим людям и общинам политических и практических подходов, противоречащих их вере».

«Эпицентром» борьбы против религиозной свободы, по мнению министра, являются учебные заведения США. При этом, как он подчеркнул, борьба эта смещается на уровень штатов, поскольку в федеральном центре действующая республиканская администрация защищает традиционные ценности.

Барр выделил три направления атаки со стороны противников религии — по содержанию учебных программ, по доступу к финансированию и по принуждению к «светской ортодоксии». Каждое он проиллюстрировал конкретными примерами.

Так, по его словам, власти штата Нью-Джерси «приняли недавно закон, требующий использования такой учебной программы по ЛГБТ, которая, по мнению многих, несовместима с традиционным христианским учением». Схожие нормы введены и в штатах Калифорния и Иллинойс, причем в калифорнийском округе Орандж местный совет по образованию постановил, что «родителям, не согласным с учебными материалами в отношении пола, половой принадлежности, гендерного выражения и сексуальной ориентации, не разрешается освобождать своих детей от данного обучения».

Собственно, как добавил Барр, «в некоторых случаях школы могут и не предупреждать родителей о том, чему они собираются учить [детей] по сложным вопросам, касающимся сексуального поведения и взаимоотношений».

Пример по финансированию был взят из опыта штата Монтана, где религиозным частным школам запрещено участвовать в одной из благотворительных стипендиальных программ. Минюст США обжаловал этот подход в Верховном суде страны.

Третий пример был схож с первым, но не касался содержания учебных программ. В штате Индиана преподаватель через суд опротестовал распоряжение местной католической архиепископии о том, чтобы в ее пределах в католических школах не принимались на работу учителя, состоящие в однополых браках. Минюст США увидел в этом нарушение конституционных прав церковной общины и предложил местному суду отклонить иск.

Конечно, на фоне этих примеров невозможно не вспомнить о том, какой ожесточенной критике подвергался в свое время в США российский закон о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних. Выступление Барра подтвердило, что федеральные власти самой Америки встревожены такого рода «обучением» в собственных школах…

В конце лекции министр заверил, что, пока он остается на своем посту, «Минюст будет находиться в первых рядах тех, кто готов бороться за самую драгоценную из наших вольностей — свободу жить по собственной вере».

«Бог — сообщник Трампа»?

Американские либералы приняли выступление Барра в штыки. Один из них, некий Ричард Пейнтер, юрист и специалист по «политической этике» из Миннесоты, публично заявил, что генпрокурор США выступал, как «винтажный Геббельс» («винтажный» — неподдельный, модный когда-то; очередное английское словцо, проникшее в русский язык и постепенно русифицирующееся).

New York Times откликнулась на речь комментарием, озаглавленным «Бог теперь — сообщник Трампа. Нетерпимость, расовая и религиозная, есть последнее прибежище негодяя».

Текст написал один из самых известных и авторитетных обозревателей издания — нобелевский лауреат Пол Кругман. По его словам, он услышал в речи отзвуки «языка охоты на ведьм и

погромов» (it’s the language of witch hunts and pogroms).

«Уж кому-кому, а не Барру было выступать с такой речью, — подчеркнул обозреватель. — Конституция гарантирует свободу религии. Не дело главного правоохранителя в стране осуждать тех, кто пользуется этой свободой, предпочитая не присоединяться ни к какой религии».

Причины публичной проповеди со стороны генпрокурора Кругман считал сугубо политическими, продиктованными стремлением вывести хозяина Белого дома из-под угрозы импичмента. «Скорее всего, попытки подручных Трампа отвлечь внимание от его грехов с помощью призрака секуляризма не сработают, — писал он. — Но я могу и ошибаться. И если я ошибаюсь… то могу сказать одно: „Помилуй нас, Господи!“»

Имелась в виду попытка импичмента 45-го президента США. Чем она окончилась, мы теперь все уже знаем. По сути либеральные противники Трампа тогда «за что боролись, на то и напоролись».

Что ж, Фома Кемпийский еще в Средние века отчеканил, что «человек предполагает, а Бог располагает». А один из моих американских приятелей добавляет: «Когда человеку кажется, будто он знает все ответы, Бог меняет все вопросы».

Часть 5. Негласный надзор

Глава 14. «Под колпаком у Мюллера»

Где-то в середине правления Буша-младшего я удачно сходил на ознакомительную экскурсию для журналистов в штаб-квартиру ФБР в Вашингтоне, познакомился там с сотрудниками пресс-службы, постепенно наладил с ними рабочий контакт и после этого стал получать приглашения не только на мероприятия для прессы, но и на рождественские приемы. Это было очень ценно, поскольку итоги года на них подводило высшее руководство ведомства: либо сам директор Роберт Мюллер (известный ныне в основном по безуспешной попытке уличить Дональда Трампа в сговоре с Россией перед выборами 2016 года), либо кто-нибудь из его заместителей. Присутствовали обычно и высокопоставленные отставники.

Американо-российские отношения переживали тогда очередную недолгую оттепель. Силовики обеих стран обменивались визитами и вообще не скрывали своего взаимодействия. Поэтому и от меня, когда я подходил представиться и задать какой-нибудь вопрос, начальство ФБР особо не шарахалось. Хотя, по словам моей жены, наблюдавшей за этим на приемах со стороны, охрана при виде моих маневров все-таки напрягалась.

Вопросы в основном задавались, естественно, на злобу дня — о тех же итогах года, визитах или конкретных делах, находившихся в центре внимания. Ответы неизменно бывали сдержанно-дипломатичными и как правило неконкретными. Информационная ценность их, на мой взгляд, заключалась не столько в деталях, сколько в общем тоне, позволявшем судить о том, какова в данный момент в Вашингтоне «генеральная линия» в отношении Москвы в столь щекотливой сфере, как сотрудничество спецслужб.

14.1. От «Энигмы» до «Веноны»

А более или менее интересные темы, хотя и тоже без сугубых подробностей, можно было обсудить с кем-нибудь из почетных гостей. Например, в 2009 году мне удалось пообщаться у ведомственной «елочки» с Уильямом Уэбстером — единственным пока человеком в американской истории, успевшим поработать во главе и ФБР, и ЦРУ США.

Помню, чтобы вызвать у него интерес к разговору, я попросил прокомментировать распространенное среди непосвященных мнение о том, будто «главный секрет состоит в том, что на самом

деле никаких секретов нет», — во всяком случае таких, для охраны и добычи которых стоило бы тратить несусветные деньги. В ответ он, хмыкнув, напомнил историю о том, как появился на свет гриф секретности «Ультра». Им в Лондоне помечались данные, которые гитлеровцы засекречивали с помощью шифровальной машины «Энигма», а британцы раскодировали с использованием методов, полученных перед самым началом Второй мировой войны от польской разведки.

«Защита своей национальной безопасности, своих сил — святое дело для любой страны», — заметил по этому поводу ветеран американских спецслужб. Ему, кстати, на момент написания этих строк 96 лет, и он до сих пор председательствует в консультативном совете по национальной безопасности США.

Среди самых сильных разведок мира, с которыми ему доводилось иметь дело, Уэбстер прежде всего назвал «проникающую повсюду» израильскую «Моссад», которая, по его признанию, «работала и против США, хотя и редко». Произнес еще несколько фраз, потерявшихся в гуле голосов, похвалил союзную США британскую разведку и затем сказал: «Но все это — не считая КГБ… Те вообще стояли особняком, о них надо говорить отдельно». Даже теперь задним числом мне жалко, что намек на приглашение к дальнейшему разговору, присутствовавший в этих словах, был сугубо риторическим.

Тогда же, отвечая на мои вопросы, Уэбстер немного порассуждал еще о мотивах предательства (по его убеждению, идейные соображения не идут ни в какое сравнение с меркантильным денежным расчетом), вспомнил знаменитых шпионов — Роберта Ханссена и Олдрича Эймса. «В нашем кругу говорят: „Чтобы поймать шпиона, нужно иметь собственного шпиона“, — сказал он, имея в виду, что агентов-профессионалов разоблачают как правило в результате предательства. — Когда я впервые это услышал, то счел простой оговоркой. Но потом посмотрел истории выявленных „кротов“ и убедился, что почти всегда так и бывает».

No Such Agency

Через год с небольшим я не только увидел воочию, но даже и потрогал ту самую «Энигму» (слово Enigma по-русски означает «тайна, загадка, головоломка»). Произошло это в Национальном криптологическом музее при Агентстве национальной безопасности (АНБ) США, на экскурсии для иностранных журналистов, организованной Госдепартаментом.

Надо сказать, я старался ездить сам или посылать своих корреспондентов во все подобные туры, даже не самые увлекательные. Во-первых, никогда заранее не знаешь, что на самом деле удастся увидеть и с кем познакомиться, в том числе и среди коллег-журналистов. Во-вторых, если ты регулярно ездишь и честно пишешь, хотя бы даже и критически, о том, как американские чиновники продвигают собственную пропаганду, то потом у тебя больше шансов получить приглашение и туда, куда зовут не всех. Вот хотя бы в этот самый музей АНБ.

Исторический диапазон представленных там экспонатов — от копии древнеегипетского Розеттского камня и образцов шифра, использовавшегося Гаем Юлием Цезарем, до первых американских разведывательных спутников и современных суперкомпьютеров. Однако это тот редкий случай, когда прошлое, в том числе и достаточно отдаленное, поддается рассмотрению гораздо лучше, чем настоящее.

Точнее, картина сегодняшнего и даже вчерашнего дня в музейной экспозиции отсутствует напрочь. Разумеется, не потому, что эта картина никого не интересует, а наоборот, потому что она в мельчайших подробностях интересует слишком многих. Как пояснял нам куратор музея, штатный сотрудник АНБ Патрик Уидон, новейшая история этого ведомства, начиная примерно с периода войны во Вьетнаме, строго-настрого засекречена. Спрашивать о ней можно, но на ответ рассчитывать не стоит, откровенно предупредил он.

Напомню, что это было еще до сенсационных разоблачений американского диссидента Эдварда Сноудена. Хотя и тогда уже кое-что было известно — например, из книг журналиста и писателя Джеймса Бамфорда, с которым я тоже познакомился, но много позже.

АНБ занимается радиоэлектронной разведкой, перехватом и дешифровкой информации на зарубежных линиях телекоммуникаций, а также обеспечением безопасности американской правительственной связи. Оно считается крупнейшей и чуть ли не самой секретной из всех разведслужб в США. Незадолго до нашего пресс-тура газета Washington Post писала, что АНБ ежедневно (!) перехватывает, сортирует и затем частично хранит «по 1,7 млрд сообщений электронной почты, телефонных звонков и других видов коммуникаций».

Согласно неофициальной справке, размещенной в Интернете, автомобильные парковки вокруг ведомственной штаб-квартиры в Форт-Миде (штат Мэриленд) неподалеку от Вашингтона рассчитаны приблизительно на 18 тысяч мест. Кто-то не поленился их подсчитать, чтобы хотя бы так, на глазок,

прикинуть возможную численность личного состава сотрудников АНБ (в открытых источниках называются цифры до 40 тысяч человек). Англоязычная аббревиатура названия — NSA (National Security Agency) — порой шутливо расшифровывается как No Such Agency — «нет такого агентства».

Небольшой музейный домик стоит как раз посреди тех самых автомобильных парковок, неподалеку от черного остекленного монолита главного здания штаб-квартиры. Изображения этого внушительного комплекса также есть в Интернете, но нам его фотографировать запретили, пригрозив, что камеры будут изыматься даже просто при повороте объектива «не в ту сторону». Отдельно предупреждали, что в кадре не должно быть людей — во всяком случае, без их прямого согласия.

В нашем случае следить за выполнением инструкций было нетрудно, и хозяева, по их признанию, остались довольны нашим примерным поведением. Но как обеспечивается соблюдение данного запрета для обычных «неорганизованных» туристов, честно говоря, непонятно. Доступ в музей открыт для всех желающих, подъезд к нему на машинах свободный, никаких дорожных знаков с предупреждениями об ограничении фотосъемки мы не видели.

«Сигаба» против «Энигмы»

В самом музее экспонаты разрешалось не только снимать, но в некоторых случаях даже и трогать. Это касалось, в частности, и «Энигмы» — портативной электромеханической шифровальной машины, использовавшейся нацистской Германией в период Второй мировой войны. Об этой машине, ее несравненных для своего времени достоинствах и о том, как польские и британские дешифровальщики, включая одного из предтеч современной компьютерной техники Алана Тьюринга, все же постепенно подобрали ключи к ней, нам в основном и рассказывали. По словам Уидона, специалисты считают, что без этих ключей, использовавшихся также американцами, война с фашизмом могла бы затянуться еще чуть ли не на год.

Задним числом понятно, что командование вермахта подвела слепая вера в неуязвимость «Энигмы». Однако, сознавая это, сами американцы не меньше верили в собственную разработку такого же типа, именовавшуюся SIGABA (произносится «Сигаба») — детище Уильяма Фридмана и Фрэнка Роулетта. Уроженец Кишинева Вольф Фридман, ставший Уильямом после переезда семьи за океан, считается отцом американской криптоаналитики

и изобретателем самого этого термина. Его «Сигабой» США пользовались до появления первых компьютеров.

Американцы считают, что ни единого случая расшифровки текстов, прошедших через эту их систему, не было. Другое дело, что однажды они банально потеряли во Франции во время войны и саму шифровальную машину, и сейфы со вспомогательными материалами. Одна из фронтовых бригад шифровальщиков в буквальном смысле слова проспала передислокацию штаба, и у нее угнали грузовик со всеми секретами. Поднялся страшный переполох, но вскоре выяснилось, что угонщика-француза интересовал грузовик, а не содержимое его кузова. Когда «Сигабу» и сейфы нашли без следов взлома, утративших бдительность солдат не отдали даже под трибунал. «Техника может быть абсолютно надежной, а люди — нет», — прокомментировал наш гид эту историю.

С другой стороны, в АНБ гордятся и таким американским «ноу-хау» для сохранения военной тайны при обмене информацией в полевых условиях, которое не имеет никакого отношения к технике. Один из разделов музея посвящен знаменитому «разговорному коду», использовавшемуся морской пехотой США в ходе войны с Японией на Тихом океане. На самом деле никакого кода не было, а просто специально обученные американские индейцы из племени навахо передавали друг другу служебные донесения на своем родном языке, совершенно недоступном для посторонних. Но в Европе этот способ «шифровки» не использовался: возможно, отчасти потому, что перед войной немецкие исследователи специально приезжали в США для изучения индейских языков, и это не было секретом для американских властей.

Дружба дружбой, а шифры — врозь

Как известно, в войне с фашизмом СССР был союзником США и Великобритании. Но делились ли Вашингтон и Лондон с Москвой плодами взлома «Энигмы» и другими своими криптоаналитическими успехами, Уидон уточнить не смог или не захотел. Зато доподлинно известно, что уже в середине войны в США была начата секретная программа по расшифровке перехваченных к тому времени советских дипломатических, разведывательных, торговых и иных официальных донесений. В американской исторической литературе на эту тему бытует представление о том, что этот проект, получивший со временем название «Венона», был обусловлен подозрениями по поводу

считавшихся тогда возможными сепаратных мирных переговоров между Москвой и Берлином.

Как бы то ни было, 1 февраля 1943 года в ближнем предместье Вашингтона — Арлингтоне молодая женщина по имени Джин Грэбил, работавшая прежде школьной учительницей, первой взялась за выполнение нового задания полковника (позже — генерала) Картера Кларка, заместителя начальника армейской разведки. С тех пор она занималась выполнением этого задания… 36 лет. Официально программа «Венона» была закрыта лишь 1 октября 1980 года, когда ее возглавляла Милдред Хейз. Среди подчиненных Кларка в «Арлингтон-холле» вообще было много женщин, особенно в военные годы.

В общей сложности в рамках программы были полностью и частично расшифрованы около трех тысяч документов. Американцы превозносят своих криптоаналитиков, но при этом признают, что успеха те добились лишь из-за грубой технической ошибки советских спецслужб. Заключалась та в повторном использовании отдельных шифровальных таблиц, которые даже называются одноразовыми и при правильном применении должны давать стопроцентно надежный результат.

Брак, насколько можно судить по туманным полунамекам, больше похожим на «фигуры умолчания», был полиграфическим. Допущен он был, по предположению самих американцев, скорее всего, в тот тяжелейший момент, когда фашистские армии стояли под Москвой. К концу войны уязвимые таблицы были практически полностью израсходованы. Из донесений вашингтонской резидентуры советской внешней разведки, датированных 1945 годом, США много позже смогли прочитать лишь 1,5 % (36 документов). В переписке 1939–1941 годов и затем с 1948 года, насколько известно, дешифровке не поддавалось ничего.

Кстати, если верить сегодняшним комментаторам, в режиме реального времени работа по программе никогда не велась. В 1946 году ведущий на тот момент американский криптоаналитик Мередит Гарднер бился над шифровками 1944 года.

Кто кого разоблачил

И все же американские организаторы «Веноны» считают ее своим безоговорочным триумфом. В розданной нам брошюре об этой операции говорится, что в 1948–1951 годах она позволила «разоблачить таких крупных шпионов КГБ, как Клаус Фукс, Гарри Голд, Дэвид Гринглосс, Теодор Холл, Уильям Перл, супруги

Розенберг, Гай Берджесс, Дональд Маклин, Ким Филби и Гарри Уайт».

Но тут еще вопрос — кто кого раньше разоблачил. Известно же, что Филби в 1949–1951 годах возглавлял миссию связи британской разведки — «Секретной разведывательной службы МИД Великобритании» — в Вашингтоне. В той же самой брошюре сказано, что он «периодически бывал в „Арлингтон-холле“ для обсуждения „Веноны“»; более того, он по долгу службы регулярно получал отчеты с обобщением переводов, сделанных в рамках программы. И даже попав под подозрение, Филби благополучно вернулся в Лондон, а в конечном счете перебрался в Москву, где к тому времени уже находились Берджесс и Маклин.

К тому же, у советской разведки и в самом «Арлингтон-холле» имелся свой человек, причем задолго до Филби. Уроженец Одессы Билл Вайсбанд, эмигрировавший в США в 1920-х годах, появился в ведомстве Кларка в качестве «консультанта по русскому языку» летом 1944 года. Согласно той же брошюре, он еще с 1934 года работал на советскую разведку и нанес «очень серьезный урон» интересам США. В неофициальной биографии Вайсбанда в Интернете сказано, что как раз в конце войны советские дипломатические коды изменились и больше уже не поддавались расшифровке. Но американцы даже не судили обаятельного одессита — якобы во избежание публичного скандала, и он, по словам его сына, в 1967 году в неполные 59 лет умер за рулем автомашины от сердечного приступа.

Другое дело, что перехваченных документов, конечно, было не вернуть. И предсказать, что из них «выудят» США, тоже было невозможно. В итоге, как известно, тех же Юлиуса и Этель Розенберг в 1953 году казнили за «сговор в целях шпионажа». Толком доказать их вину на суде американские власти не могли хотя бы из-за того, что «Венона» на тот момент была строжайше засекречена и ссылаться на нее было нельзя (в США до сих пор идут споры даже о том, знал ли об этой программе послевоенный президент страны Гарри Трумэн). Но устроить скандальный процесс над коммунистами Розенбергами и приговорить их к высшей мере наказания (на которую, как теперь задним числом признается, заведомо «не тянула» роль если и не обоих супругов, то во всяком случае Этель) это не помешало.

Документы в салфетках

Впрочем, в ходе экскурсии по музею об этом никто не вспоминал. Напротив, у стенда, посвященного «Веноне», Уидон с

удовольствием рассказал нам о блестящем профессионализме одной из советских связных — американки Лоны Коэн. Однажды, имея при себе нелегально добытые документы о ядерной программе США, она благополучно избежала досмотра агентами ФБР и полиции благодаря исключительному самообладанию и находчивости.

История с коробкой гигиенических салфеток, сунутой «рассеянной дамочкой» в руки полицейскому и после собеседования галантно возвращенной им хозяйке вместе со спрятанными внутри документами, в самом деле весьма занятная, но не новая. Она подробно изложена не только в книге американских исследователей, на которую ссылался наш гид, но и в биографической справке Героя России разведчицы Леонтины Терезы Коэн на сайте СВР РФ.

Вообще, конечно, в музей — тем более в шпионский музей — за новостями не ходят. Хотя кое-что неожиданное для себя я там все же усмотрел. Так, упомянутый выше Гарри Декстер Уайт — это бывший высокопоставленный сотрудник минфина США, глава американской делегации на Бреттон-Вудской конференции 1944 года, где принимались решения о создании Международного валютного фонда и Всемирного банка как основных инструментов всей послевоенной валютно-финансовой системы мира.

Уайт позже стал исполнительным директором от США в МВФ, то есть ключевым членом Совета директоров Фонда. Создатели экспозиции и авторы брошюры в музее АНБ однозначно утверждают, что он работал на Москву. Судя по открытым теперь источникам, делал это активно и весьма продуктивно. И тоже, кстати, официально не был судим в США, и тоже внезапно умер молодым — в 55 лет. Опять же — от сердечного приступа.

Между прочим, внешне похожая история есть у меня и на собственной памяти. В марте 2005 года в Вашингтоне скоропостижно скончался мой коллега и добрый приятель Андрей Кабанников, собкор «Комсомольской правды» в США. Умер за рулем автомашины после занятий в спортзале. Ему было всего 46. Сказали — «сердце не выдержало».

Код истории

Разглядывая в музее АНБ старые фотографии, я пытался представить себе этих людей — их жизнь, их мысли, их время. Окутанное историческим флером, оно кажется совсем не таким, как нынешнее. Но так ли уж сильно все изменилось? Ситуацию в мире после распада СССР с самого начала сравнивали с

историческим интервалом между Первой и Второй мировыми войнами; в последние годы подобные параллели усилились…

Между прочим, в нашей экскурсионной группе было несколько журналистов из Германии. Они с большим интересом слушали и записывали объяснения об «Энигме», а когда Уидон извинился за то, что ему приходилось порой говорить, видимо, неприятные для немецкого слуха вещи, даже пошутили, что в контексте обсуждения Второй мировой войны подобное случается нередко…

Я же ходил по музею и думал, что на войну, конечно, многое можно списать, причем с полным правом. Но вообще-то безумные средства, силы и время на охрану собственных и выведывание чужих государственных тайн тратят, кажется, в основном народы, одержимые сознанием своей исторической исключительности. Между тем зыбкость исторического предопределения, непредсказуемые изгибы и переплетения национальных и отдельных человеческих судеб — наверное, самый сложный, но при этом и самый интересный и важный для понимания «шифр», предлагаемый нам судьбой.

14.2. Дело агента «Дельмара»

Поводов для подобных размышлений профессия дарила мне немало. Так, еще в декабре 2007 года в мои руки попала копия розыскного дела ФБР на советского атомного разведчика Жоржа Абрамовича Коваля (именно так — по имени-отчеству, что вообще-то для американцев нехарактерно — и было написано на титульном листе). Представители Бюро сами вручили мне эти документы, хотя я их предупредил, что сразу отнесу бумаги в российское посольство. Возражений это не вызвало.

Получилось это так: в октябре 2007 года президент России Владимир Путин посмертно присвоил Ковалю, скончавшемуся в январе 2006 года в Москве на 94-м году жизни, звание Героя России «за мужество и героизм, проявленные при выполнении специального задания». Через месяц, в преддверии Дня военного разведчика, награда была передана на хранение в музей ГРУ Генштаба Вооруженных Сил РФ. В сообщениях на эту тему указывалось, что Коваль был единственным советским разведчиком, проникшим на секретные атомные объекты США, где производились плутоний, обогащенный уран и полоний. Подчеркивалось, что полученная от него информация позволила существенно сократить сроки разработки и создания отечественного ядерного оружия, что обеспечило сохранение военно-стратегического паритета с США.

Мне тогда это имя ни о чем не говорило. Я обратился за объяснениями в ФБР, поскольку в Америке контрразведка относится к сфере его компетенции. Честно говоря, на ответ не рассчитывал, но получил его неожиданно скоро — в виде сначала двух, а потом и еще двух увесистых папок с бумагами. Из тех, что выглядят, как маленькие картонные саквояжи, и завязываются тесемками.

Вручая мне досье, американцы заверяли, что оно давно рассекречено, но в их любезности сквозил все же и некоторый подтекст. Как мне показалось, им самим было ужасно любопытно, за что же все-таки Коваль, очень своевременно покинувший США в 1948 году после успешного выполнения разведывательного задания, был спустя десятилетия удостоен высшей государственной награды России. По их признанию, даже тогда они толком не знали, насколько ценную для СССР информацию добыл и передал в Москву в середине 1940-х годов советский разведчик, работавший под оперативным псевдонимом «Дельмар».

Сын плотника

Коваль появился на свет в 1913 году в американском городе Сиу-Сити (штат Айова), куда его родители перебрались незадолго до этого из белорусского местечка Телеханы. Соответственно, у него по праву рождения имелось американское гражданство, которое ФБР, несмотря на все старания, так и не смогло у него отобрать даже после его разоблачения.

В 1932 году в разгар Великой депрессии в США семья Ковалей уехала в Россию. Родители обосновались в колхозе на Дальнем Востоке (отец по профессии был плотником), а средний сын по окончании Московского химико-технологического института имени Д. И. Менделеева неожиданно для самого себя стал военным разведчиком и нелегально вернулся за океан. Как именно ему это удалось, ФБР так и не выяснило.

«Звездным часом» для «Дельмара» стала служба в 1944–1945 годах в так называемом Манхэттенском инженерном округе. За этим названием скрывались строго засекреченные предприятия и лаборатории военно-промышленного ядерного комплекса США в Ок-Ридже (штат Теннесси) и в окрестностях Дейтона (штат Огайо).

Попасть туда советскому разведчику помогла… армия США. Когда Коваля в 1943 году призвали за океаном на военную службу, кадровикам понравился серьезный молодой человек с

техническим образованием и отличными результатами теста на интеллектуальное развитие — и они отобрали его для участия в проекте, суть которого едва ли была тогда известна и им самим. Так «Дельмар» сначала на год стал слушателем «специальной армейской программы подготовки» в Городском колледже Нью-Йорка (по определению газеты New York Times, это был «Гарвард для бедных»), а затем получил распределение в Ок-Ридж.

Служил он и там, и позже в Дейтоне в качестве дозиметриста. Его бывший сослуживец и знакомый Арнольд Крамиш позже вспоминал, что Коваль разъезжал по Ок-Риджу на собственном служебном «джипе» и всюду имел доступ, которого требовал радиационный контроль. И задним числом следователи из ФБР так и не смогли толком выяснить, какие именно секреты могли проходить перед глазами и через руки «Дельмара». Судя по документам, это крайне раздражало директора ФБР Джона Эдгара Гувера, державшего дело Коваля на личном контроле.

Когда я во все это вникал, ветеран-пенсионер американской атомной программы Крамиш еще жил в пригороде Вашингтона и достаточно охотно делился воспоминаниями с журналистами, которых влекла к нему посмертная слава «Дельмара». Я побеседовал с ним по телефону, и очень коротко: он находился в больнице после операции и ему было не до долгих разговоров. В 2010 году он умер.

По мнению Крамиша, скорее всего главным достижением советского агента было выявление работ с полонием, которые велись в Ок-Ридже и Дейтоне. Сам факт использования этого элемента был, по его словам, «одним из самых секретных аспектов» Манхэттенского проекта.

Российские историки позже высказывали предположение, что донесения «Дельмара» подсказали научным руководителям советской атомной программы идею использования нейтронного запала, внутри которого находился полоний. Насколько известно, именно такой запал был у первой советской атомной бомбы, испытанной в августе 1949-го — всего через четыре года после американской.

На мой вопрос о том, как относятся к Ковалю его бывшие американские коллеги, Крамиш тогда ответил сдержанно. «Конечно, мы много об этом думали, — сказал он. — Понятно, что он был глубоко предан марксизму, СССР и т. п., но в общении с нами это никак не проявлялось. Думаю, он считал себя патриотом, верным своей новой родине. Но мою страну он предал. И как с этим быть?»

Который «круг»?

Как ФБР задним числом вышло на «Дельмара», по документам из розыскного дела можно было только догадываться. Но самый правдоподобный вариант связан с нью-йоркской фирмой, где Коваль работал примерно с 1940 по 1943 год, то есть очевидно со времени своего нелегального прибытия в США из СССР и до призыва в армию. От некоего советского перебежчика американским сыщикам стало известно, что в начале 1940-х годов резидент-нелегал советской военной разведки держал в Нью-Йорке розничную торговлю электротоварами. Под подозрением в числе прочих оказалась компания «Рейвен электрик», а среди ее сотрудников обнаружился «человек по имени Джордж Коваль».

И вот тут в деле возникает еще один поразительный поворот. Нелегальная работа «Дельмара» за океаном окончилась в 1948 году. Он вернулся в Москву и в дальнейшем около сорока лет трудился в своей альма-матер — МХТИ им. Д. И. Менделеева. Но через тридцать лет после его отъезда из США его история получила там неожиданное продолжение.

В романе Александра Солженицына «В круге первом», написанном в 1955–1958 годах, есть знаменитый эпизод: советский дипломат звонит в Москве в американское посольство и сообщает равнодушно слушающему и плохо понимающему его человеку, что «на этих днях в Нью-Йорке советский агент Георгий Коваль получит в магазине радиодеталей… важные технологические детали производства атомной бомбы». Это сюжетная пружина всего дальнейшего повествования.

Спрашивается: откуда автор, писавший к тому же свое произведение в казахстанской ссылке, мог знать подлинное имя «советского агента» и основное направление его нелегальной работы в США? А в том, что это не случайное совпадение, не сомневался и сам Жорж Абрамович. Его биограф историк Владимир Лота утверждает, что при первой же их личной встрече разведчик поинтересовался, читал ли его новый знакомый «В круге первом», и, не дожидаясь ответа, сказал: «Солженицын в этом романе упоминает мою фамилию».

Судя по следственному делу, ровно эти самые вопросы возникли и у ФБР. И в апреле 1978 года американская спецслужба попыталась выяснить ответы на них… у самого Солженицына.

Следует сразу оговориться, что почти все личные имена, содержащиеся в архивных бумагах на эту тему, как и многое другое, были при рассекречивании вымараны цензурой. Но и время, и место встречи — городок Кавендиш (штат Вермонт), где знаменитый изгнанник из СССР почти 20 лет жил с семьей начиная с 1976 года, — и, самое главное, предмет обсуждения не

оставляют никаких сомнений в том, к кому именно напросились тогда в гости американские контрразведчики. Точнее, контрразведчик, поскольку писатель, которому вся эта затея «литературоведов в штатском» изначально очень сильно не нравилась, поставил твердое условие, что примет только одного человека.

Конечно, я с особым вниманием изучал сохраненные ФБР отчеты о подготовке и проведении визита в Вермонт. В одном из них приведено, в частности, мнение американского контрразведчика о личных качествах собеседника как «человека эксцентричного, очень умного и наделенного колоссальным самомнением». «В ходе собеседования из него трудно „выуживать“ информацию, поскольку он, кажется, предпочитает слушать, а не отвечать на вопросы, — указывал агент. — Когда же он отвечает, то делает это не прямо, а словно выступая с трибуны».

«И от дедушки ушел, и от бабушки ушел…»

Остается добавить, что полученные от американцев документы я, как и предупреждал, сразу отвез в аппарат военного атташе при посольстве России в Вашингтоне, поскольку Коваль работал в США по линии военной разведки. После этого подготовил и опубликовал в ТАСС и «Российской газете» собственные статьи обо всей этой невероятной истории. Текст про поездку агента ФБР к Солженицыным газета не взяла, поскольку боялась испортить отношения с семьей писателя, не желавшей огласки этого эпизода. В итоге он был напечатан в тассовском журнале «Эхо планеты».

Замечу, кстати, что меня эта заминка не удивила. Контакт с Солженицыными у меня был еще в последние годы их жизни в США. И я помню, насколько придирчиво — до последней запятой — они вычитывали публикации со своими цитатами. Например, в 1991 году настояли, чтобы обращение писателя по поводу планов обратного переименования Ленинграда в Санкт-Петербург было выпущено на ленты ТАСС не в изложении, как информационная заметка, а дословно, как некий официальный документ. Солженицыну тогда по историческим и фонетическим причинам «ПитербурХ» не нравился, он стоял за «Петроград».

Исходных «саквояжей» с бумагами по делу Коваля у меня теперь нет. Когда на пике обострения американо-российских отношений в 2017 году власти США отозвали мою рабочую журналистскую визу, я не решился взять копии подобных

документов с собой, чтобы не нарваться на какие-нибудь придирки при пересечении границы.

А о самом Ковале-«Дельмаре» мне вспоминать приятно. Он ведь ускользнул от ФБР и вернулся из-за океана в суровое послевоенное время, когда еще жив был Сталин. То есть почище всякого сказочного Колобка успешно миновал все возможные напасти и дожил до глубокой старости.

Жаль, конечно, что не успел порадоваться звезде Героя. Но для настоящих героев, думаю, это не главное.

14.3. Дела покойных писателей

История с делом Коваля показала, что архивы спецслужб США не так неприступны, как мне до тех пор представлялось. И вскоре после нее я затеял проект, посвященный, как я это для себя называл, «делам покойных писателей». Воспользовался в 2010 году чередой литературных юбилеев и под этим предлогом запросил пресс-службы ЦРУ и ФБР, нет ли у тех часом в закромах чего-нибудь интересного про известных наших соотечественников, которых к тому времени уже не было в живых.

Как Солженицын переиграл Белый дом

Ответы оказались, с одной стороны, скупыми, но с другой — достаточно поучительными. Например, материалы, посвященные тому же Солженицыну, подтверждали, что крупный и по-настоящему независимый моральный авторитет неудобен для любой власти. И что для США деятельность знаменитого писателя была гораздо более выгодной и менее хлопотной, когда он вел непримиримую борьбу с советской властью в самом СССР, чем когда обосновался на Западе.

К первому периоду относятся аналитические записки «Дело против Солженицына», «Александр Солженицын и Политбюро» и «Сахаров и Солженицын: советская дилемма», присланные из ЦРУ. Они датированы, соответственно, летом 1969 года, 15 декабря 1970 года и 26 сентября 1973 года. Если первая из них оканчивается констатацией того, что «невозможно даже предположить, какая судьба ожидает Солженицына», хотя «место его в русской литературе гарантировано» и «со временем он может быть признан величайшим писателем, сформировавшимся в Советском Союзе», то вторая посвящена анализу «сложной проблемы для советского руководства», созданной присуждением Солженицыну в 1970 году (вот и круглая дата, с позиций 2010

года) Нобелевской премии по литературе. Последний же документ открывается рассказом о нескольких примирительных жестах со стороны руководства СССР и завершается выводом, что «инициатива, кажется, перешла от охотников к дичи», что Сахаров и Солженицын, объединив усилия, сумели «превратить свою судьбу в международную проблему» и вызвать на Западе бурную реакцию, поставившую под удар «советскую политику разрядки».

Примечательно, что американцы, судя по всему, изначально не рассчитывали найти в Солженицыне безоговорочного идеологического союзника. В той же записке от 1973 года излагается его письмо в норвежскую газету в связи с выдвижением им кандидатуры Сахарова на Нобелевскую премию мира. Автор «дал ясно понять, что его враждебность советскому режиму не означает перехода на западные ценности», указывают аналитики из Лэнгли, поясняя, что в письме содержится «осуждение лицемерия и аморальности Запада».

В подборке материалов из архивов ФБР преобладают публикации СМИ США за период с 1968 по 1975 год, а также содержится ряд более поздних служебных донесений. Из бумаг, в частности, явствует, что первое время после вынужденной эмиграции Солженицын всерьез опасался за свою безопасность. Приезжая в США, он старался не афишировать свои перемещения по стране, а его знакомые хлопотали даже о выдаче ему разрешения на ношение оружия. В этом ему, правда, отказали из-за отсутствия у него американского гражданства, но зато попутно ФБР неоднократно письменно подтверждало, что не располагает данными о подготовке против него каких- либо силовых акций.

Пожалуй, самый любопытный эпизод, отраженный в архивных бумагах, связан с отказом президента США Джеральда Форда принять Солженицына в Белом доме в июле 1975 года. Американского лидера можно было понять: он как раз собирался в Хельсинки для подписания Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. По свидетельству газеты New York Times, Форд и сам был «настроен против встречи» с писателем-диссидентом, а к тому же «позволил себя уговорить» советникам, прежде всего тогдашнему госсекретарю США Генри Киссинджеру.

После этого, однако, бывший советский зэк поставил американской администрации пропагандистский мат в два хода. Сначала наиболее консервативные законодатели и профсоюзные лидеры в США подняли шум вокруг якобы нанесенной ему обиды, а затем, когда его уже вроде бы готовы были все же принять в Белом доме, он сам позвонил в редакцию New York Times и объяснил, что изначально не видел особого смысла во встрече с

Фордом.

По его словам, он рассматривал готовившийся хельсинкский Заключительный акт как «предательство Восточной Европы, официальное признание ее навечного порабощения». «Если бы у меня была надежда отговорить его от подписания этого договора, — сказал Солженицын о Форде, — я бы сам добивался такой встречи. Однако подобной надежды нет».

Впрочем, ведь и сами американские власти относились к «вермонтскому отшельнику» по сути сугубо потребительски, как к своего рода идеологическому и политическому инструменту, рычагу давления на СССР. А он их перехитрил. Так что поделом вору и мука.

Тайный издатель «Доктора Живаго»

Более интересная история приключилась с моим запросом про еще одного нашего нобелевца — Бориса Пастернака, у которого в 2010 году было сразу два юбилея: 120 лет со дня рождения и 50 лет со дня смерти. Но развязки этого сюжета мне пришлось ждать до 2014 года, когда в закрытом музее ЦРУ обнаружилось наконец прямое подтверждение причастности этого ведомства к первой публикации романа «Доктор Живаго».

Обнародовал эту улику мой знакомый по пресс-пулу при Белом доме, корреспондент сетевого портала Yahoo Оливье Нокс. Ему не только позволили посетить музей в Лэнгли (штат Вирджиния) и пообщаться с его хранительницей, но и предоставили в качестве иллюстрации к тексту ряд слайдов с изображением экспонатов. На одном из них запечатлена книга, выпущенная в 1959 году во Франции неким «Всемирным издательским обществом» (Societe d'Edition et d'Impression Mondiale).

Подпись под слайдом гласит: «Копия оригинального издания „Доктора Живаго“ на русском языке, тайно изданного ЦРУ. На лицевой стороне обложки и на переплете книга названа по-русски. На задней стороне обложки указано, что она напечатана во Франции. (Предоставлено Центральным разведывательным управлением.)».

Что ж, яснее не скажешь. Ранее было известно много версий о причастности ЦРУ к публикации романа, которая должна была сделать возможным присуждение писателю Нобелевской премии по литературе. Но прямо ЦРУ эту свою причастность не подтверждало. И в ответ на мой запрос 2010 года мне были присланы ксерокопии различных служебных документов, но о

том, что роман был, как теперь подтверждено, «тайно издан» самим ведомством из Лэнгли, в них ничего не говорилось.

Интересно, что Нокс поначалу сам не понял, что раздобыл важную новость. Он в своем репортаже упирал на другие экспонаты из секретной коллекции. Такие как «автомат, принадлежавший Усаме бен Ладену», механическая стрекоза — прообраз шпионских беспилотников или тушка дохлой крысы, использовавшаяся в качестве тайника.

А книга Пастернака его не привлекла. Только после моего звонка он припомнил, что читал что-то в свое время о необычной истории издания романа. Соответственно, никакими дополнительными подробностями на этот счет он в музее ЦРУ не интересовался.

Мне же в свое время в качестве ответа на запрос прислали из Лэнгли справку «Пастернак и Фаст: по разные стороны „железного занавеса“», датированную ноябрем 1958 года. Это означает, что она была составлена по горячим следам событий 23–29 октября того же года — с момента объявления о присуждении первому советскому автору Нобелевской премии до его вынужденного отказа от этой награды из-за травли, которую та навлекла на него на родине.

Согласно справке, в ЦРУ считали тогда, что «Доктор Живаго» — это «не пропагандистское произведение» и, вообще, «не политический роман в обычном смысле слова». По мнению аналитиков американской разведки, принципиально неприемлемой для советских властей книга оказалась, прежде всего, потому, что «взывала к интеллектуальной честности и человеческой свободе».

Вообще основным содержанием служебного документа ЦРУ служила полемика о свободе творчества на примере судеб Пастернака и американского писателя Говарда Фаста. Последний, будучи коммунистом и получив в 1953 году Сталинскую премию, продолжал тем не менее широко издавать свои произведения в США. В 1957 году он порвал с компартией и на следующий год публично и резко осудил преследования Пастернака в СССР.

Но попутно в общих чертах рассказывалась и история выхода в свет «Доктора Живаго». Сообщалось, что миланский издатель Джанджакомо Фельтринелли напечатал роман после того, как тот был сначала одобрен к публикации, а затем запрещен в СССР. Упоминалось также «пиратское издание в 1200 экземпляров, которое было летом (1958 года) выпущено одной голландской фирмой и распродавалось российским туристам на Всемирной выставке в Брюсселе». Ранее предполагалось, что именно к этой акции была причастна американская разведка.

В записке ЦРУ приводился также целый хор возмущенных откликов известных деятелей культуры и мировых СМИ, особенно левой ориентации, на травлю Пастернака. Как известно, среди защитников писателя в то время были, в частности, Альбер Камю, Бертран Рассел, Исайя Берлин, Джавахарлал Неру.

А из присланных мне документов выяснилось, что в том же ряду находилась и вдова американского президента военного времени Франклина Делано Рузвельта, первый председатель Комиссии ООН по правам человека Элеонор Рузвельт. Ее авторская колонка, напечатанная в одной из американских газет, сохранилась в архивах ФБР.

Среди бумаг этого ведомства привлекали внимание также докладная записка о том, что компартия США пристроилась к советской кампании критики «Доктора Живаго», хотя и «в более мягком тоне», и справка о том, что ФБР не возражало бы против приезда писателя в США.

Выдана эта справка была в феврале 1959 года в ответ на запрос из визового подразделения госдепартамента. Чем он был вызван, осталось неясным. Но осенью того же года в США с подачи Джозефа Половски — активиста организации американских ветеранов встречи на Эльбе, который ранее ездил в СССР и встречался с Никитой Хрущевым, — распространились слухи о возможности приезда Нобелевского лауреата в Чикаго.

Этот визит, однако, так и не состоялся, даже если планировался. В мае следующего года писатель умер на своей даче в Переделкино.

Из огня да в полымя: Сергей Довлатов «под колпаком» ФБР

Ответ на мои запросы про Сергея Довлатова пришел из ФБР уже в 2011 году — впрочем, тоже юбилейном для писателя, родившегося в 1941 году в Уфе, а умершего в 1990 году в Нью-Йорке. Из присланных материалов явствовало, что, уехав из-под надзора КГБ СССР в Америку, Довлатов буквально сразу же оказался «под колпаком» американских спецслужб.

Судите сами: первые из этих материалов были датированы 6 ноября 197 года, речь в них шла о еще летних собеседованиях по поводу Довлатова. Между тем дата прибытия писателя в США из Вены — 22 февраля того же года.

В сопроводительной записке из ФБР указывалось, что там изучили по запросу 101 лист документов из следственного дела Довлатова в нью-йоркском представительстве Бюро и решили рассекретить 63 из них. При этом уточнялось, что

рассматривалось только досье самого Довлатова, а упоминания о нем в других делах в расчет не принимались, поскольку «по опыту известно, что такие упоминания, как правило, содержат информацию, схожую со сведениями в основном деле». Почти все имена и значительная часть текста в документах были вымараны цензурой.

Наконец, стоит упомянуть, что, согласно присланным бумагам, изначально дел было два — на «Сергия Довлатова-Мечика» и на Сергея Донатовича Довлатова. Убедившись, что это один и тот же человек, ФБР в январе 1980 года дела объединило.

Почему Довлатов попал «в разработку» американской спецслужбы, в рассекреченных документах прямо не объяснялось. Судя по сохранившимся фрагментам текста, ФБР интересовали прежде всего его планы издания русскоязычной газеты, источники ее финансирования, взаимоотношения в эмигрантских кругах Нью-Йорка.

При личных собеседованиях спрашивали Довлатова и о том, не было ли у него контактов с советской разведкой, а после переезда в США — вообще с любыми советскими гражданами, не располагал ли он какой-нибудь потенциально полезной для США научно-технической информацией. Согласно отчетам, отвечать он не отказывался, но при этом подчеркивал, что никаких секретов не знает и что его оценки — не более чем личное мнение.

И если в ноябре 1979 года сыщики еще «выудили» из него и запротоколировали слова о том, что издававшаяся в штате Нью-Джерси газета «Голос родины» «могла быть» связана с СССР, а ее сотрудники — и с советской разведкой (хотя и тогда он подчеркивал, что это лишь предположение), то уже в январе 1983 года, пообвыкшись за океаном, он говорил фэбээровцам, что, на его взгляд, эмиграция не представляет для советской разведки никакого интереса, поскольку заведомо не имеет доступа к американской военной и технической информации. Это был уже период, когда у Довлатова готовилась к изданию в США книга, его рассказы печатались в престижном журнале New Yorker, а сам он регулярно выступал на радио «Свобода». Все это тоже отражено в отчетах.

Помимо мнений самого писателя ФБР интересовали и отзывы о нем. Сохранился, в частности, «тревожный сигнал» некоего анонимного осведомителя о «темном военном прошлом» Довлатова, служившего в лагерной охране. Правда, доносчик честно предупреждал, что лагерь, по его данным, был «не для диссидентов и политзаключенных, а для уголовников». Этот отчет датирован 1981 годом, а на следующий год в Америке вышла одна из лучших довлатовских книг — «Зона: записки

надзирателя».

В том же 1982 году некий «источник, поставлявший в прошлом надежную информацию», позволил себе дать развернутую характеристику человеку, которого «знал в основном по репутации, без личного знакомства». Насколько типичен этот отзыв, судить невозможно; во всяком случае, в рассекреченных документах он единственный в своем роде.

Согласно нему, Довлатов «пользовался большим уважением в эмигрантском сообществе, хотя его многие недолюбливали из-за эгоизма и высокомерия» (в документе мнение приводилось в настоящем времени). Источник подтвердил, что не слышал «слухов или домыслов» о связи «объекта» с советской разведкой, но при этом утверждал, что «объект почти не проявлял заинтересованности в адаптации к американскому образу жизни, держался поближе к эмигрантской общине». Он считал «вполне возможным, что через 5–10 лет объекту могла надоесть жизнь в США и он мог вернуться в СССР». «В глазах многих людей объект попросту кажется в Америке не на своем месте», — резюмировал осведомитель ФБР.

Так ли это было на самом деле, задним числом скорее всего не понять. Хотя тот факт, что приживался Довлатов в Новом Свете с большим трудом, виден из его собственных книг и газетных публикаций. Характерно и то, что ФБР первые собеседования с ним вынуждено было вести по-русски из-за незнания им английского языка. Но вместе с тем отчет с заочной «характеристикой», изложенной выше, датирован ноябрем 1982 года, а в декабре сам Довлатов, согласно следующей архивной бумаге, заверял ФБР, что «очень доволен своей жизнью в США», не собирается уезжать из Нью-Йорка и ждет постоянного вида на жительство в Америке — так называемой «зеленой карточки».

На этом архивная подборка по сути обрывалась. В последнем документе на одном листе, датированном 25 апреля 1985 года, текст был почти полностью вымаран. Непонятно было даже, посвящен ли отчет целиком Довлатову или он в нем просто упоминался. Обрывки фраз свидетельствовали о «поэтических чтениях, состоявшихся в книжном магазине „Черное море“ на Брайтон-бич», о чьей-то поездке «на чехословацкий курорт Карловы Вары…»

24 августа 1990 года Сергей Довлатов умер в Нью-Йорке от сердечной недостаточности по пути в больницу. Я передавал в Россию известие о его кончине. Несмотря на позднеперестроечный период, на ленту ТАСС вышла новостная заметка размером буквально в четыре фразы, но я тогда был рад и этому. С тех пор громкая посмертная слава сделала Довлатова

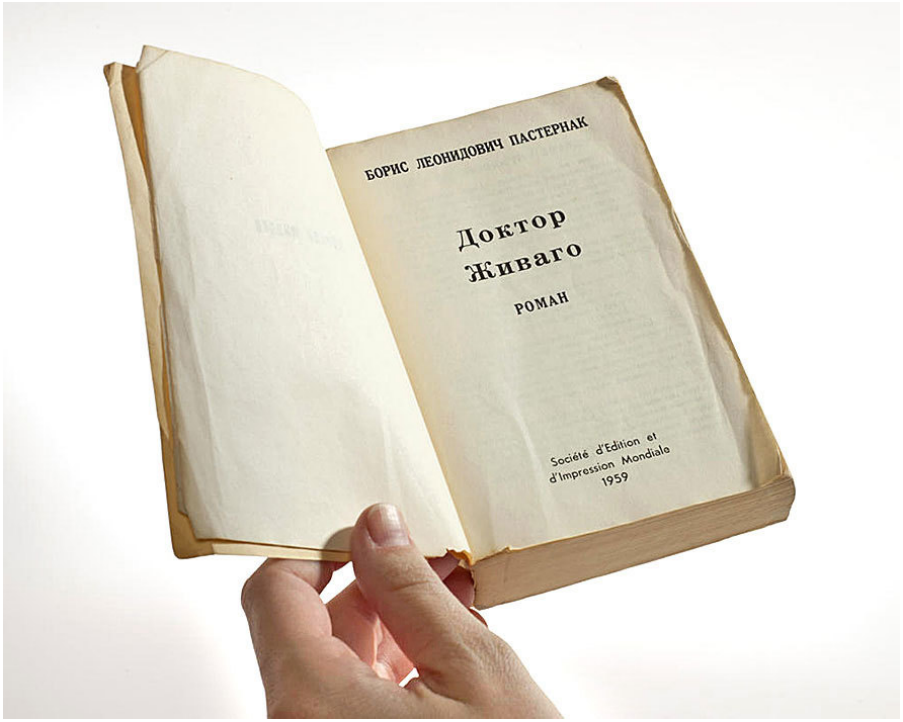
на родине современным классиком.

В этом же статусе, осененном «лавровым отблеском», пребывает и Иосиф Бродский. Но об этом знаменитом русском американце архивариусы в спецслужбах США не смогли для меня накопать вообще ничего. Что-то, помнится, присылали на паре страниц про некоего Джозефа Бродски, но не поэта, а его тезку и однофамильца. О чем конкретно шла речь, я за давностью лет уже и не упомню.

После проекта с «делами мертвых писателей» новых вопросов к американскими силовикам у меня не возникало. Через несколько лет у них появился вопрос ко мне, но прежде, чем об этом рассказать, мне надо сделать еще одно небольшое отступление.

Фото к Главе 14:

14.1. Фото из следственного дела ФБР на советского разведчика Ж. А. Коваля (агент Дельмар)



14.2. «Доктор Живаго» издания ЦРУ США

14.3. В музее Агентства национальной безопасности США, 2011

Глава 15. Дожить до своего рака

Летом 2015 года я отправил жену с сыном в отпуск в Москву и готовился лететь за ними следом, билеты были уже взяты. Но перед этим предстояла неприятная процедура — поход к врачу.

«Если жив пока еще — гимнастика!»

Несколькими месяцами ранее тассовский приятель, корифей-индолог, рекомендовал в Facebook некую тибетскую гормональную гимнастику. Как человек внушаемый, я обратил внимание, во-первых, на источник рекомендации: человек заведомо знает, о чем пишет, и плохого не посоветует. А во-вторых, на то, что упражнения предлагались явно для людей занятых и ленивых: по 10–15 минут с утра в положении лежа, можно хоть с закрытыми глазами.

В общем, решил попробовать. Посоветовался с женой, которая у нас домашний Dr. Mom. Она сказала, что знает об этом комплексе упражнений, но сама не делает, поскольку бралась и добилась только того, что заболел проблемный зуб, который до этого долго не давал о себе знать. В комментариях и другие люди предупреждали, что комплекс бередит старые и выявляет новые болячки.

У меня самого после первых занятий немного поныло ухо, которое прежде порой беспокоило после заплывов в бассейне. Но других осложнений не было, и я продолжал выполнять необременительные утренние растирания в дополнение к походам в спортзал, где бывал не каждый день, но зато уж старался «грузиться» до изнеможения.

«Хотите посмотреть?»

На эти нагрузки и пало мое подозрение, когда однажды, вернувшись домой из спортзала, я вдруг помочился кровавo-красной жидкостью с какими-то даже «хлопьями» густого бордового цвета. Терапевт выписал направление к специалисту в клинике Джорджтаунского университета. Вот туда я и собирался успеть до отъезда в отпуск.

Доктор Банди оказался улыбчивым молодым индийцем. То, что он обнаружил при обследовании в моем мочевом пузыре, его восхитило. «Хотите посмотреть? — радостно предложил он,

пытаясь развернуть ко мне экран монитора. — Вот она, голубушка. Да какая большая!»

Но мне любоваться собственными внутренностями как-то не захотелось. Разочарованно отвернувшись, Банди велел оправиться и подождать его в коридоре. Я уселся там на стул и принялся размышлять, может ли услышанное означать что-нибудь другое кроме опухоли.

Вышедший из смотрового кабинета врач сразу положил конец моим сомнениям. «Это почти стопроцентно рак», — сказал он и предложил мне следовать за ним.

Вот тогда я узнал, как подкашиваются ноги. Сделал шаг или два, но дальше перед глазами все поплыло, и я грохнулся на пол. А очнувшись, увидел перед глазами встревоженное лицо медсестры.

За ее спиной маячил тот же Банди. Мне показалось, что он не столько напуган, сколько удивлен моим обмороком. Улыбка на его лице стала слегка озадаченной.

Катастрофические заболевания

При падении я ударился головой о косяк и разбил затылок. Пришлось чуть задержаться в больнице, чтобы мне его заштопали.

И это была единственная процедура, которая задним числом вызвала вопросы у моей страховой компании. Да и то мне просто позвонили уточнить, в чем, собственно, было дело.

Разъяснения мои всех устроили, и все дальнейшее общение со страховщиками происходило в форме переписки. Точнее, те имели дело напрямую с клиникой, а меня об этом, по-моему, просто периодически уведомляли, даже не указывая стоимости процедур. Во всяком случае, ни я сам, ни мой офис (а страховка была служебная) точно не платили ни копейки.

Страшно себе представить, что было бы, если бы страховки не было. Как я уже упоминал, понятие «катастрофическое заболевание» — не в медицинском, а в финансовом смысле — родилось именно за океаном.

Уже на моей памяти один из корреспондентов ТАСС скоропостижно умер от рака в нью-йоркской больнице. Тогда счета, насколько мне известно, исчислялись многими десятками тысяч долларов. Но даже после того случая медицинскую страховку тассовцам в США приобрели не сразу, а лишь после того, как при Обаме в рамках его реформ она стала обязательной по закону.

Ранее же предполагалось, что советские и затем российские граждане могут лечиться у врачей, прикомандированных к диппредставительствам. На самом деле обычно этого и в самом деле было достаточно. Но из-за ограниченности выбора порой возникали курьезные ситуации.

Например, на моем вашингтонском веку одно время лучшим врачом в посольской поликлинике негласно считалась женщина-гинеколог. И все — и дамы, и господа, и взрослые, и дети — старались записываться на прием со своими болячками именно в ее дежурство. И она всем помогала.

Welcome to the club!

Очухавшись, я объяснил американцам, что собираюсь лететь домой в отпуск. «Не проблема», — ответили мне и записали на операцию за два дня до вылета.

Оперировал тот же Банди, встречавший и провожавший меня со своей неизменной улыбкой. Точнее, встречу я помню, а проводы нет, поскольку был под наркозом. Кстати, дважды в жизни под ним оказывался и оба раза так хорошо высыпался, что до сих пор приятно вспоминать.

И доктор, судя по всему, сделал свое дело хорошо. Но я все же попросил перевести меня к другому, поскольку изначальная прямота индийца меня покоробила, показалась слишком уж бесцеремонной.

Позже я читал, что в Индии это принято, поскольку врач там, как правило, стоит неизмеримо выше своих пациентов, зачастую небогатых и порой не шибко грамотных. Как бы то ни было, дальше я имел дело уже с другим специалистом, американским поляком. Хотя о докторе Банди всегда вспоминаю с благодарностью — и чем дальше, тем большей.

Сослуживцам я о своих медицинских заботах не рассказывал. На операцию меня возила и потом забирала домой знакомая старушенция из группы «Анонимных алкоголиков». Сама предложила оказать мне эту услугу, припомнив при этом, как в свое время так же транспортировала на лечение покойного мужа.

Кстати, как позже выяснилось, приятели из мужской группы АА, которые тоже были в курсе дела, собирались меня в больнице навестить. Но не смогли этого сделать, поскольку я прибыл туда ранним утром, а к обеду был уже выписан. И им в Джорджтауне сказали, что такой пациент в списках не значится.

Поддержка этих людей была для меня бесценна. В первый вечер, когда я со своим диагнозом и разбитой головой вернулся

домой в пустую квартиру, мозги мне вправил тот же нью-йоркский приятель-психотерапевт, который привел и в 12-шаговую программу. Втолковал по телефону, о чем и как говорить с врачами и страховщиками, как объясняться с родными и близкими, чтобы их не травмировать, как самому не терять душевного равновесия.

А то я уже намыливался горевать и даже надиктовал себе на память короткую записку про то, как я один-одинешенек справляюсь с неожиданным «подарком» судьбы на день рождения и как меня бросает то в жар, то в холод. Теперь, кстати, та аудиозапись пригодилась бы, но найти ее я не смог. Задевал куда-то. Хотя тогда, конечно, был уверен, что вовек не забуду.

Вообще в очередной раз подтвердилось, что опыт мой не только не уникален, а вполне обычен, можно сказать, зауряден. Множество людей вокруг не понаслышке знакомы и с диагнозом, и с лечением. Когда я однажды упомянул о проблеме с вводом катетера, мне в ответ понимающе улыбнулись: «Welcome to the club!» («Добро пожаловать в наш клуб!»).

Но это я уже о лечении, которое, кстати, было прервано вынужденным отъездом из США. Когда я о нем рассказывал специалистам в Москве, те удивлялись и тому, как американцы не жалели денег и как они их экономили. С одной стороны, дорогостоящие препараты вводились в профилактических целях не разово, а серийно, с другой — обезболивание при вводе тех же катетеров не использовалось вообще.

«Вот варвары!» — сказал мне по этому поводу один московский врач. А я подумал, что американцы, может, и варвары, но зато в России, как мне объяснили, меня с моим диагнозом никто не застрахует по нужному профилю. И обследования надо проходить за свой счет.

Не так страшен черт

Задним числом пережитое воспринимается даже с юмором. Я иной раз думаю, что по своему опыту мог бы сказать: мол, рак на поверку оказался не так уж страшен. Просто не хочется дразнить судьбу. Вспоминается знакомый американец, у которого диагноз был точно таким же, но вот ход лечения — совсем иным…

А тогда я благополучно прилетел в отпуск в Москву. И за исключением ближайших родных, да и то не всех, никому не сказал, что со мной было. Чтобы не грузить ненужной и не особенно приятной информацией.

Теперь же пишу по принципу «из песни слова не выкинешь».

И прошу некоторых коллег запоздало принять этот рассказ как объяснение того, почему я в том отпуске откликался не на все приглашения и вообще был не особо общительным. Хотя они, конечно, того уже и не помнят.

Ну вот, а теперь можно вернуться к разговору об американских силовиках.

Глава 16. Прощальный подход

Работая за океаном, я всегда исходил из того, что нахожусь под присмотром спецслужб, причем и своих, и чужих. Никогда меня это не беспокоило, потому что скрывать мне по большому счету нечего. Наоборот, приходила в голову мысль, что в случае чего целее буду.

Насколько я могу судить, серьезных претензий ко мне у «компетентных органов» никогда не возникало. Во всяком случае, мне всегда быстро и без проблем оформлялись необходимые документы — от въездных виз до аккредитаций и рабочих журналистских пропусков, в том числе в Конгресс, Белый дом и Минфин США.

Нью-йоркские намеки

Вместе с тем в советские годы в Нью-Йорке разовые намеки на необходимость вести себя поаккуратнее случались. Я плохо ориентируюсь на местности и до наступления эры спутниковой навигации нередко терялся на автодорогах мегаполиса, хоть и ездил везде с картами.

Однажды отправился на интервью в штаб-квартиру крупной компании из Нью-Йорка в Нью-Джерси и пропустил нужный съезд. До места в итоге добрался, но не по той дороге, которую изначально указал в заявке, оформленной через Госдепартамент США для выезда за пределы 25-мильной зоны.

Распространялось тогда на нас такое ограничение: в радиусе 25 миль от площади Коламбус-серкл на Манхэттене езжай, куда хочешь; но если надо чуть дальше, хоть бы и просто в магазин или на пляж, — получи особое разрешение.

Опаздывая, забыл в спешке предупредить о смене маршрута американских кураторов. На следующий день в служебной машине не работало радио, прежде вполне исправное; в автосервисе сказали, что восстановлению оно не подлежит.

В другом случае мы с друзьями двумя машинами поехали в Канаду. По дороге машина друзей вышла из строя, мы оставили ее в ремонте и на моей всем табором вернулись в Нью-Йорк, опять-таки перенервничав и не уведомив американцев о внезапной смене планов. Следующим утром мирно стоявшая в гараже машина не завелась — сломан был генератор.

Наконец, еще одно недоразумение случилось в Ривердейле — спальном районе на окраине Нью-Йорка, где мы все снимали

квартиры по соседству с жилым комплексом постпредства СССР при ООН. Как-то вечером как раз на подъезде к этому самому комплексу я вдруг уперся в какую-то машину, стоявшую посреди узкой улицы и загораживавшую мне проезд. Подождав и, кажется, даже посигналив, я ее просто объехал по пустой встречной полосе. Но она тут же тронулась за мной следом и, включив мигалку, вынудила остановиться.

Я объяснил, что тороплюсь на ночную смену на работу в отделение ТАСС, причем по дороге должен еще забрать дежурную телетайпистку. Люди в штатском мне не поверили и поехали вслед за мной к дому этой нашей сотрудницы. Та, увидев меня в сопровождении незнакомых мужчин, испугалась, но не потеряла самообладания и подтвердила, что нам надо ехать в офис. Нас отпустили, хотя на прощание один из агентов процедил, что не верит нашим словам.

Вашингтонское взаимодействие

В Вашингтоне за те два десятка лет, что я там прожил, ничего подобного не случалось. Наоборот, с пресс-службами некоторых силовых ведомств, включая ФБР, Таможенно-пограничную службу и охранную Секретную службу США, у меня постепенно наладилось рабочее взаимодействие.

Я писал об их работе, брал интервью у их официальных представителей и сотрудников, отвечавших за взаимодействие с российскими коллегами. Несколько лет подряд ходил на новогодние приемы в штаб-квартиру ФБР. В 2012 году участвовал в подготовке и освещении интервью с министром юстиции-генеральным прокурором США Эриком Холдером для телепроекта «Формула власти».

Потом была описанная выше история с делом Коваля. Кстати, в январе 2008 года в США вышла книга о предателе и перебежчике Сергее Третьякове. И при одной из двух встреч для передачи архивных документов о Ковале сотрудник ФБР показал мне копию паспорта Третьякова и спросил, знаю ли я, кто это.

Я ответил: лично я с этим человеком не знаком и никогда его не видел, но разве это не ваш шпион, о котором только что писали газеты в связи с выходом книги? Больше вопросов не было. В 2010 году было объявлено, будто Третьяков подавился куском мяса и умер во Флориде.

Заодно еще одна ассоциация в тему. Однажды на пресс-показе какого-то фильма в Вашингтоне (если не ошибаюсь, «Солт» с Анджелиной Джоли, которая и лично была на премьере) я

опоздал к началу и в темном зале уселся на первое попавшееся свободное место. Когда зажегся свет, оказалось, что в соседнем кресле сидит бывший сотрудник КГБ предатель и перебежчик Олег Калугин. Я его узнал и поздоровался с ним по-русски; до сих пор помню, как сильно он тогда вздрогнул и побледнел.

В декабре 2015 года двое руководителей отдела по связям с общественностью и прессой вашингтонского офиса ФБР пригласили меня на обед «для продвижения брэнда» своего ведомства. Я подтвердил, что мы заинтересованы в получении любой информации, пригодной для освещения в прессе, особенно если речь идет о сотрудничестве спецслужб США и России.

В основном говорили о борьбе с терроризмом, позже один из собеседников подарил мне книгу о роли ФБР в этой борьбе. Но практической отдачи от встречи не было. В частности, прервавшиеся к тому времени приглашения на рождественские приемы так и не возобновились, хотя я грешным делом на это и надеялся: время-то было как раз предновогоднее…

Неудачные отпуска

В 2016 году в США проводились президентские выборы, на которых победил Трамп. Предвыборную гонку, которая была чрезвычайно напряженной и интересной, наше представительство в Вашингтоне освещало в ослабленном составе.

Один из наших корреспондентов уехал летом в отпуск в Москву и не вернулся, потому что американцы не продлили ему визу. Мы изо всех сил боролись за его возвращение и по профессиональным, и по товарищеским соображениям, но так и не добились желаемого.

В июле 2017 года уже я сам с семьей собрался в отпуск на родину. Перед самым отъездом мне сообщили, что из-за истории с нашим корреспондентом один из американских журналистов в России лишен аккредитации. Меня это, честно говоря, не обрадовало, а огорчило, поскольку не решало наших кадровых проблем, а скорее сулило новые. К сожалению, так и получилось.

Посольство США в Москве сразу выдало нам с женой новые визы, но затем — в день объявления о сокращении персонала американской дипмиссии в ответ на такой же шаг, предпринятый ранее против России, — затребовало паспорта обратно «для дополнительной проверки».

Проверка эта длилась до конца декабря, то есть около полугода. По ее итогам американцы объявили, что моя журналистская виза аннулируется. Нашим дипломатам пояснили,

что решение носило политический характер и было связано с принципом взаимности.

В соответствии с принятым решением нам с женой были выданы краткосрочные одноразовые визы, чтобы мы могли съездить забрать вещи. В понедельник 1 января 2018 года — в последний день, когда были действительны наши еще летние авиабилеты, — мы вылетели в Вашингтон, а ровно через две недели вернулись.

Двое из ларца

В Вашингтоне в отношении меня, насколько я понимаю, была предпринята попытка вербовки. Расскажу по памяти, как это было.

Моя жена была поглощена сборами и почти не покидала нашей квартиры. Но в конце первой недели она решила с утра пройтись, чтобы хоть немного развеяться. Почти сразу после ее ухода на домашний телефон позвонили. Я взял трубку, консьержка попросила к телефону жену, а узнав, что той нет дома, сказала: «К ней посетители».

Я спросил, кто это, но она ответила, что они не представились. Я сказал, что, мол, сейчас спущусь. Подумал, что кто-то из наших ребят-тассовцев зашел к жене по делам: она у нас в офисе вела бухгалтерию. Еще удивился, почему не предупредили заранее, что заскочат.

В холле у лифтов мне навстречу шагнули двое молодых крепких парней — белые, один с русыми, другой с темными волосами. Поздоровались, сказали, что знают, кто я такой, и хотят мне помочь. Представились по имени — кажется, Джош и Марк. Попросили уделить им 5 минут для разговора.

Я сразу спросил: «Вы из ФБР?» Они с улыбкой ответили, что не хотели бы называть фамилии и место работы. Повторили, что знают о моих проблемах с визами и могут помочь с их решением. Потом уточнили, что готовы свести с другими людьми, способными уладить дело.

Разговор в спортзале

Я журналист и побеседовать никогда не отказываюсь. В квартиру их не повел, сославшись на то, что там все вверх дном из-за сборов. Пошли в спортзал, размещенный на первом этаже рядом со входом, сели там на гимнастические скамейки и

принялись разговаривать.

Сначала там было пусто, потом заходили какие-то девицы, но они, как обычно, занимались на тренажерах в наушниках и нам не мешали. Как я упоминал в рассказе о Вашингтоне, жили мы по существу в студенческом общежитии.

Просидел я с непрошеными гостями больше 20 минут. Разговор шел кругами, как сказка про белого бычка.

После первого же такого круга я сказал, что, по-моему, меня склоняют к измене родине. Они замахали руками: «Да Боже упаси. У нас ничего подобного и в мыслях нет! Вообще мы не имеем в виду ничего такого, что могло бы вам как-то повредить».

Опять же почти сразу я им напомнил, что они имеют дело с журналистом, привыкшим описывать все, что с ним происходит. Сказал, что они своим визитом просто добавляют очередной сюжетный поворот, новую главу в моей будущей книге. Прямо они на это не реагировали, но было видно, что подобная перспектива их не смутила.

Практическая польза

Книга вот пишется только теперь, а тогда визит неожиданно помог мне решить один сиюминутный практический вопрос. В Москве перед отъездом меня предупреждали, чтобы я не вздумал брать в Вашингтоне интервью и вообще заниматься своими профессиональными журналистскими делами. Дескать, это может быть неправильно понято, поскольку краткосрочная виза выдавалась не для этого. Как бы не нарваться на грубость.

Но и не повидаться напоследок с друзьями и давними знакомыми мне казалось грешно. Поэтому я сказал своим неожиданным посетителям: как хорошо, что вы ко мне заглянули. Вот вы-то мне и скажете, не будет ли претензий со стороны вашего ведомства, если я попрощаюсь, например, с Майклом Антоном — заместителем помощника президента по национальной безопасности в Белом доме. Собеседники переглянулись, пожали плечами и ответили: «Да нет, если он вас примет, то встречайтесь, конечно».

Через пару дней я так и сделал. Выяснилось, что Антон, с которым мы были знакомы еще с начала президентства Буша-младшего, был не в курсе моих проблем с визами. А записка на эту тему, которую я ему посылал из Москвы, до него не дошла. Ну, хоть простились по-человечески, и сменщика своего в Вашингтоне я ему представил.

«Нет, мы не правозащитники…»

Что касается сути разговора в спортзале, я довольно настойчиво спрашивал гостей, откуда они все-таки свалились на мою голову, но ответа так и не добился. В какой-то момент даже пошутил: дескать, уж не правозащитники ли вы часом, пекущиеся о моей журналистской свободе слова? Те откликнулись на шутку с улыбкой: «Нет, мы не из Союза защиты гражданских свобод».

Тогда что вы, собственно говоря, предлагаете? — наседал я. Восстановить все, как было? Отвести меня за руку в Госдеп и там проставить в паспорт рабочую журналистскую визу (хотя на самом деле так не делается, и для продления виз нам положено было выезжать за пределы США)? Если речь об этом, то я согласен, и мое начальство тоже согласится, поскольку вы своими действиями создали нам множество проблем — и личных, и профессиональных.

Нет, отвечали мне, мы предлагаем не это. Вы вот повстречайтесь с нашими знакомыми, и они вам все объяснят.

Все равно не понимаю, говорил я. Вы же сулите визы, то есть жизнь в Америке. А зачем я вам здесь нужен-то?

Ну, отвечали американцы, мы вас давно знаем и не возражаем, чтобы вы еще здесь пожили. А нам интересен ваш взгляд на нас и на нашу жизнь.

Может, вы мне предлагаете как раз книжку про вас написать? — опять пошутил я. Так я напишу. Только заранее предупреждаю, что на нее и в России-то издателя не найти, а уж кому она у вас нужна, я и подавно не могу взять в толк.

В ответ опять звучали уговоры «встретиться со знакомыми». И предложение, если надумаю, позвонить по телефону, номер которого тут же на бумажке и написали.

«Зачем нам кузнец?»

Хорошо, сказал я наконец. Давайте устроим встречу. Но я на нее приду только вместе с сотрудником российского посольства. Чтобы мне потом легче было всем объяснять — от жены до начальства, — как это так получилось, что вот виз все не было да не было, а потом они вдруг появились, как гром среди ясного неба.

Ну зачем же так-то? — наконец слегка обиделись гости. Дипломаты нам не нужны. Почти как в известной советской комедии: «А зачем нам кузнец?..»

Вскоре после этого разговор иссяк за явной

бесперспективностью. На прощание стороны по моей инициативе выразили общее согласие с тем, что России и США лучше ладить: дружить и сотрудничать во имя мира во всем мире…

На посошок

Но встреча оказалась не последней. В середине второй недели мы с женой с утра съездили за продуктами. По возвращении запарковались на обычном месте в подземном гараже, и жена пошла к лифтам с парой пакетов, а я доставал из багажника остальные. В этот момент ко мне откуда-то сбоку подошел тот же темноволосый парень. Забавно, что я его не сразу узнал.

Заметив это, он опять представился: мол, мы же вот недавно встречались. Теперь вам уже скоро уезжать, а ответа нет. Хотелось бы все-таки уточнить…

Ну, знаете, сказал я ему. Как у вас говорят, «если оно ходит, как утка, и крякает, как утка, то это и есть утка». Мы уже все друг другу сказали и давайте на этом расстанемся, без обид.

Парень согласился и тут же исчез. Больше ни его, ни его напарника я не видел. А моя жена огорчалась, что пропустила и «вторую серию» этой детективной истории. И вспоминала, что в первом случае во время прогулки видела некий микроавтобус, припаркованный в неурочный час и в неположенном месте как раз у поворота к нашему дому…

Доклад в посольстве

Задним числом я, конечно, понял, что повод для «уточнения» дал сам — тем, что не доложил сразу же о первом подходе в посольство. Не сделал я этого потому, что у меня уже тогда была назначена встреча с послом, как раз на предотъездный четверг, и я собирался ею воспользоваться.

Так я и сделал. Сообщение мое было воспринято весьма серьезно, посол сразу вызвал офицера безопасности. Мне рассказали, что вербовочные подходы к российским журналистам в США становились в то время все более частыми и агрессивными. Предложили переселиться в посольство и впредь ездить на машине с водителем.

От всего этого я с благодарностью отказался, а вот помощь консула при окончательном отъезде охотно принял. Тот приехал в аэропорт, помог оформить дополнительный багаж и вообще

сопровождал нас до самой посадки.

В посольстве мне подтвердили, что жена отсекалась американцами сознательно — чтобы разговоры шли без лишнего свидетеля. Было также высказано предположение, что вся многомесячная нервотрепка с визами была устроена также намеренно, — именно для того, чтобы подготовить вашингтонский подход.

«Перед лицом своих товарищей»

Самому мне, честно говоря, до сих пор в это верится с трудом. Просто потому, что я не знаю никаких секретов и по идее не представляю интереса для спецслужб.

С другой стороны, я прекрасно понимаю, что эти самые спецслужбы — бюрократический аппарат, которому положено выполнять свои функции и отчитываться о проделанной работе. И уже в Москве я убедился, что происшедшее со мной — отнюдь не такая редкость, как мне казалось. В ответ на мои недоуменные вопросы типа «да на что я им сдался?» знакомые рассказывали, что тоже переживали нечто подобное в разных обстоятельствах, порой похлеще моих.

Одному из них, например, прямо предлагались деньги. Он же рассказал и о том, как в другом случае людей пугали фиктивным тяжелым диагнозом, якобы требовавшим лечения исключительно в США.

Кстати, я тогда подумал, что и про мой собственный диагноз, про операцию и лечение в клинике Джорджтаунского университета американцам, конечно же, было известно. Что это тоже наверняка принималось в расчет.

Но зла за это я на них почему-то не держу. Чего с них взять? Работа у них такая.

«Обычные люди», — говорил я себе, когда случалось вспоминать «Джоша и Марка». А порой, с учетом разницы в возрасте, даже так: «Они же дети…»

И не сразу сообразил, что в наши дни в России, да и не только в России, это известный хештег. И совсем не благожелательный.

Впрочем, на самом деле мне все равно впору задним числом сказать американцам спасибо — за урок. Благодаря им я теперь знаю свою собственную инстинктивную реакцию на подстроенную ими ситуацию. Для меня то, что они предлагали, — однозначно измена.

Хотя формально сразу и не скажешь, кому или чему. Ведь

присяги я никогда не приносил, торжественные обещания «перед лицом своих товарищей» давал только в пионерском детстве. Но вот поди ж ты: сидит в душе чувство, что я перед земляками в ответе. Наверное, перед теми, кого я упоминал во вступлении к книге, — попутчиками из метро или электрички…

Глава 17. Домой!

В итоге я «сбитым летчиком» окончательно вернулся домой. Задним числом, наверное, и про это можно сказать: все, что ни делается, — к лучшему.

Мне до этого уже приходило в голову, что я напоминаю старого седого волка Акелу на Скале совета. Думалось: да, пока я еще бегаю со своей стаей и показываю ей способы удачной охоты в заокеанских джунглях. Но уже недалеко то время, когда стану промахиваться, и тогда молодым волкам волей-неволей придется меня убирать.

А так я просто сам попал на чужой прицел, и мне не дали завершить охоту. В каком-то смысле — повезло. Просил ведь в «Райских яблоках» Высоцкий: «Как бы так угадать, чтоб не сам — чтобы в спину ножом?»

Рабочий статус

При всем том профессионально, конечно, работа у себя дома не идет ни в какое сравнение с рысканьем в чужом поле. Там я добывал информацию, которая хотя бы теоретически могла быть абсолютно эксклюзивной — никому дома не известной и потому всем нужной, интересной и ценной.

В Москве же заведомо имеется огромное множество людей, куда более моего компетентных и сведущих — и даже не только среди ньюсмейкеров, но и в рядах коллег-журналистов, которые в отличие от меня, «всеядного» инокорра, постоянно занимаются одной какой-то темой. Зато уж и вгрызаются в нее гораздо глубже. И несравненно лучше ориентируются в наших домашних «джунглях», живущих по своим собственным законам и понятиям.

Очевидна и разница в профессиональном статусе. За рубежом корреспондент постоянно ищет, что бы еще интересного рассказать землякам о чужой стране и ее народе. Местные власти и сами заинтересованы в том, чтобы предстать в лучшем свете перед иностранной аудиторией, поэтому обычно охотно помогают приезжим репортерам в таком поиске, создают для него «режим наибольшего благоприятствования». А за своих никто особо не переживает: пусть сами стараются.

Думаю, этим же объясняется и известный факт: за рубежом отечественные чиновники, как правило, гораздо более открыты и доступны для журналистов, чем дома. Психологический механизм понятен: направляясь в гости, мы заранее настраиваемся на то,

чтобы произвести хорошее впечатление.

Что касается статуса, полезным уроком для меня стала в свое время книга, которую я еще в советское время прочитал в Нью-Йорке. Автор представлялась как первая и единственная женщина, ставшая перебежчицей в США с детьми, но без мужа — советского дипломата.

Человек она была, очевидно, неглупый и в качестве вознаграждения за предательство попросила у американцев помощи с образованием и работой. Те помогли ей более или менее благополучно обустроиться в новой жизни. Но в книге она все же с явственным привкусом сожаления описывала, как прежде ходила с мужем на дипломатические приемы и светские рауты, обсуждала новости науки и искусства. Новым ее соседям — простым американским клеркам и работягам — все это было абсолютно чуждо и неинтересно. Как у нас говорят, «фиолетово».

Разительный контраст

На бытовом уровне качество жизни в России и Америке различается, по-моему, прежде всего не материальными условиями существования — они как раз все больше сближаются. А пресловутое «равенство возможностей», которым в США традиционно заслоняется и оправдывается реальное неравенство граждан, вообще становится почти одинаковым по обе стороны океана. И даже суровый российский климат, как все мы наблюдаем, постепенно смягчается.

Радикально, на мой взгляд, качество жизни отличается одним — отношением людей друг к другу, общепринятым стилем общения. Прежде всего — не между родными и близкими, а среди людей незнакомых.

Вот вам два стереотипа: одни люди с виду приветливы, общительны и дружелюбны со всеми, включая посторонних; другие — нелюдимы, угрюмы и настороженны. Одни всегда готовы улыбнуться или пошутить, другие — огрызнуться или дать отпор. При виде споткнувшегося или нуждающегося в помощи на улице одни спешат поддержать, протянуть руку, другие — отвести глаза и ускорить шаг.

Понятно, что это не зарисовки с натуры, а скорее плакат или карикатура. Но все же, как вы думаете: где здесь мы и где американцы? Для человека, который предложил мне это сравнение, ответ, к сожалению, однозначен, да и сам я в целом с ним согласен.

При этом оба мы понимаем и признаем, что на самом деле

наши люди — «добрые внутри» и вообще замечательные. Как минимум не хуже, а скорее всего и получше тех же американцев. Но от внешних-то проявлений куда деваться? Ведь из них по большому счету складывается та атмосфера, в которой мы все живем и дышим, — и на работе, и на улице, да по большому счету и дома.

Вот еще один пример, который, что называется, бросается в глаза по контрасту, — манера общения и обращения с детьми, в том числе и публичного. Согласитесь, у нас до сих пор не редкость и родители, прилюдно орущие или даже замахивающиеся на своих отпрысков, и сами чада, демонстративно закатывающие истерики.

Известен советский анекдот про то, что у нас замечательные дети, а вот все, что мы делаем руками, высоким качеством не отличается. Осмелюсь утверждать, что так называемые social skills, то есть навыки общения с окружающими и правильного поведения в общественных местах, у американских детей развиты лучше, чем у наших.

Сына моего в московской школе поначалу удивляло, что если учитель отлучался из класса, там немедленно воцарялся гвалт. В Вашингтоне, по его словам, такого никогда не было, даже в начальных классах. Правда, там учителя работали попарно: классный наставник и помощник.

Сам я в американской школе не учился, но писал о ней, а для этого разбирался в ее порядках, беседовал с директором, учителями и родителями. Качеством обучения она меня не поразила, но вот воспитание там, на мой взгляд, было отменное. Ребятам целенаправленно и умело прививалось уважение к себе и окружающим, чувство собственного достоинства, самостоятельность и ответственность за свою учебу и поведение, наконец, просто вежливость. Мне доводилось пару раз выступать перед старшеклассниками в разных американских школах; в обоих случаях учителя позже присылали мне детские записки с впечатлениями и словами благодарности за визит.

Меня, разумеется, интересует главным образом собственный народ, но объективности ради добавлю, что открытая и раскрепощенная манера поведения американцев удивляет не только нас. Однажды мы с женой отдыхали во Флориде вместе с супружеской парой из Франции. Понаблюдав за происходящим вокруг, француженка с удивлением сказала моей жене: «Здесь все постоянно друг с другом общаются: улыбаются, заговаривают. С официантом в ресторане, со случайным соседом на пляже. У нас так не принято…»

Одним из самых устойчивых моих впечатлений по возвращении домой стало, как я его называю, всеобщее «нытье». Оно меня до крайности удивляло, поскольку, на мой личный взгляд, за время моего более чем двадцатилетнего отсутствия жизнь в России очень сильно изменилась в лучшую сторону. И не только в Москве, хотя столица чрезвычайно похорошела. А в Америке все это время царил застой, если не регресс.

О причинах «нытья» я расспрашивал всех встречных-поперечных, много думал и писал. Слышал разные резоны, в том числе достаточно убедительные. Например, одна дама — профессор, социолог и экономист, мне сказала, что, по ее мнению, проблема прежде всего в смене вектора: сначала жизнь медленно, но верно улучшалась, потом из-за кризисов и санкций стала ухудшаться, на что и последовала понятная реакция людей. Как и на то, что «боль» была не одномоментная, вроде укола, а постоянная, как раз «ноющая».

Я с подобными объяснениями не спорю, хотя спрашивал на самом деле все же немного не об этом. Как минимум со времен библейского Иова известно, что к житейским невзгодам можно относиться по-разному. И мои американские друзья мне внушали: «Дело не в том, что с тобой происходит, дело в том, как ты это воспринимаешь». Конечно, это аналог заповеди Козьмы Пруткова: «Если хочешь быть счастливым, — будь!»

Я пытаюсь следовать этой заповеди. Улыбаюсь и шучу, даже когда не очень хочется. Стараюсь с любовью относиться к жизни и людям, исходя исключительно из того, что это улучшает мое собственное настроение.

Как относятся ко мне другие, включая даже близких, — не мое дело. Я не могу этого контролировать, и по большому счету меня это не касается. Конечно, мне приятно доброе отношение окружающих, но гораздо важнее самому испытывать радость и благодарность. Без обид, брюзжания, нотаций и даже просто непрошеных советов кому бы то ни было.

Культивируя в себе такой подход, я всегда думал, что обязан им исключительно программе АА. И только теперь понял, что эта полезная привычка выработана и всей моей заокеанской жизнью. Можно сказать, привита мне Америкой, а не только «анонимной» программой.

Значение хороших привычек невозможно переоценить. Давно известно: «мысль порождает поступок, поступок — привычку, привычка — характер, характер — судьбу». Если не ошибаюсь, впервые я это услышал со ссылкой на Маргарет Тэтчер, хотя на

самом деле корни крылатой фразы наверняка гораздо глубже.

Хотел было добавить, что по этой же максиме слова мертвы без дел, но осекся. В начале все же поставлены мысль и слово. Еще и поэтому надо следить за тем, чтобы слово это было добрым и приветливым.

Ну и правдивым, конечно, и искренним. «You are only as sick as your secrets», — говорят мои американские друзья, советуя не хранить бередящие душу, болезненные тайны.

Поэтому и про свою заокеанскую жизнь я постарался рассказать все без утайки. Мне не стыдно оглядываться назад. И не страшно смотреть вперед.

Послесловие. Мифы об Америке и России

После того как я вернулся в Москву и немного освоился, меня попросили написать про мифы — сначала американские, а потом и российские. Тексты, написанные для сайта ТАСС и им опубликованные, в сжатом виде отразили то, о чем я попытался рассказать в этой книге. Пусть они послужат к ней послесловием.

Миражи. Семь мифов об «американской мечте»

Как-то раз я спросил знакомую немецкую журналистку в Вашингтоне, что ее больше всего удивляет в американцах. Она подумала и ответила: то, как сильно они заблуждаются, думая, будто живут лучше всех. Я подумал и сказал: «Да, но вы же в Европе думаете точно так же». Она подумала и сказала: «Да, но мы-то правы». Мы оба захохотали.

Начинал я работу в США еще советским корреспондентом. Позже в публичных выступлениях за океаном часто шутил, что тогда мы заранее знали все ответы — оставалось только подобрать к ним правильные вопросы. Но когда аудитория начинала довольно хихикать, напоминал, что после окончания холодной войны уже Америка уверовала в свою непогрешимость, способность всегда и везде безошибочно определять «правильную сторону истории». И с тех пор продолжает раз за разом расшибать себе лоб, наступая на эти идеологические грабли.

Вспоминаю об этом теперь, думая о мифах, которые прочно укоренились в общественном сознании в США.

Миф № 1. Пуп земли

В словах моей немецкой коллеги был резон. Американцы действительно уверены, что построили у себя земной рай. Что их общество — не только самое рациональное, но и самое справедливое и гуманное. Что все в мире должны на них равняться.

Пропаганда у них посильнее российской и даже советской, люди ей действительно верят.

«Да, для нас США — страна номер один во всех отношениях, это точно», — подтвердил мне известный нью-йоркский аналитик Том Грэм, с которым я заговорил на эту тему, перепроверяя себя. В прошлом Грэм был советником президента США Джорджа Буша-младшего по России, ныне он работает управляющим директором консультативной компании Генри Киссинджера.

«Думаю, вы совершенно правы насчет царящего у нас и порой даже бессознательного убеждения в том, что США — это тот стандарт, по которому всех следует судить и к которому естественным образом стремится каждый мыслящий человек на планете, — согласился в записке по электронной почте и другой

старый знакомый, вашингтонский философ и политолог Пол Гренье. — Даже интеллигентные и вдумчивые люди порой автоматически из этого исходят».

На мой взгляд, это сознание собственной «исключительности» — одновременно и причина, и следствие американского мессианства, которое с легкой руки 40-го президента США Рональда Рейгана облеклось в образ «сияющего града на холме».

Как известно, это парафраз изречения из Нагорной проповеди Иисуса Христа: «Вы — свет мира. Не может укрыться город, стоящий высоко на горе». И, конечно, подобное изображение Америки как страны обетованной, само по себе мифологизировано.

Миф № 2. Американская мечта

Применительно к жизни отдельного человека тот же миф приобретает форму «американской мечты».

Приблизительно такой: верь в себя, работай, не покладая рук — и преуспеешь. Будет у тебя все не хуже, чем у других, — семья, работа, дом полной чашей.

А если не у тебя, то у твоих детей. Они и пойдут дальше тебя к этой мечте. И вообще, каждое новое поколение будет жить лучше предыдущего.

Теперь миф развеивается, мечта тускнеет. Про это писано-переписано. И про то, что нынешняя молодая поросль в США в целом будет жить хуже своих родителей. И про быстро растущее финансовое неравенство. И, например, про то, что «очень многие американцы вообще не смогут выйти на пенсию» из-за отсутствия сбережений и меняющейся демографической ситуации в стране. Последнюю тему поднял бывший профессор-финансист, а ныне колумнист службы новостей Bloomberg Ноа Смит; меня сюжет привлек тем, что он сейчас актуален и для россиян.

Не могу не вспомнить в этом контексте и о нашумевшей публикации 2016 года в журнале Atlantic про «позор среднего класса» США — внешне вполне благополучных людей, страдающих от хронического безденежья. Автор — журналист, писатель и кинокритик, лауреат американских и международных премий Нил Гейблер — назвал его «финансовой импотенцией». Он написал, что сам подвержен этому недугу, а на публичную исповедь решился после того, как понял, что им поражено «великое множество» других таких же людей.

Кстати, Грэм подсказал: «Есть еще миф, что США — страна

без классов». «Среди американцев принято думать, будто есть богатые, но по большей части мы все — средний класс», — пояснил он. И добавил: «Когда человека спрашивают, из какого он слоя, он отвечает — из среднего. Что бедный — маленькая доля признает».

Миф № 3. «Гарантированное» счастье

В свое время я брал интервью у Сюзан Мэсси, соавтора бестселлера «Николай и Александра», по поводу ее перехода из англиканства в православие. У нее сын тяжело болел, а православная община, по ее словам, научила ее правильно принимать и переносить страдания.

Меня это тогда натолкнуло на мысль о том, что американцы не умеют быть несчастливыми. У них нет нашей спасительной присказки: «А кому сейчас легко?» Они живут в плену иллюзии, будто счастье чуть ли не «гарантировано» им по праву рождения. В конце концов еще Декларация независимости США провозглашала «стремление к счастью» одним из «неотъемлемых прав» каждого человека. В массовом сознании «право» и «стремление» слились воедино.

Может быть, отчасти и поэтому личное несчастье воспринимается американцами, как драма, своего рода тайный порок. Его стыдятся, его скрывают.

В стране царит культ жизненного успеха, понимаемого как достижение все той же «американской мечты». Люди верят, будто такой успех способен сделать их счастливыми.

Хотя на самом деле это миф. Когда я изучал тему, наткнулся в соцсетях на язвительное замечание некоего Мэтта из Коннектикута: «Если бы американцы в самом деле знали, что такое счастье, то наверняка уже нашли бы способ его упаковывать и продавать». По-моему, не в бровь, а в глаз…

Миф № 4. Универсальная правда

Вера в существование некой универсальной истины, известной властям США, в сущности сама собой разумеется — как компонент упомянутой американской «исключительности». Но по нынешним временам «фейков» и «информационных войн» о ней не грех сказать и отдельно.

Я считаю, что полная и абсолютная правда ведома лишь Богу. А на земле она у каждого своя, как и набор подтверждающих ее

фактов. Но журналист и дипломат Рик Стенгел, возглавлявший агитпроп США в администрации Барака Обамы, мне на это в 2014 году публично и однозначно заявил: «Наши факты — факты, а ваши — фикция». А позже вообще писал, будто Россия дошла до того, что отрицает правду как таковую.

Я допускаю, что он действительно во все это верит, как и чуть ли не весь вашингтонский политический бомонд. Но со своей стороны считаю такое мнение мифом — в лучшем случае добросовестным заблуждением, а в худшем сознательным и циничным враньем.

Между прочим, именно из-за этого мифа Москве всегда легче было иметь дело в Вашингтоне с республиканцами, а не с демократами. Либералы как раз больше всех веруют в свои «универсальные ценности» и стараются «облагодетельствовать» ими, в том числе и насильно, весь мир. А консерваторы все же признают, что и ценности, и национальные интересы у США и других стран могут быть разными. Мне это не раз разъясняли американские знакомые из числа политических реалистов.

На самом деле моральный релятивизм насаждается самими американцами (и прежде всего как раз либералами) через «политкорректность», против которой восстал и которую постоянно демонстративно нарушает президент США Дональд Трамп. А его идеологические оппоненты на это ведутся и уже доходят до того, что публично призывают — со страниц ведущих газет — к отказу в борьбе против него даже от соблюдения традиционных норм качественной журналистики. Я, например, считаю, что тем самым они как раз и подрывают устои своей американской демократии. И знаю в США аналитиков, которые с этим согласны.

Миф № 5. Индивидуализм, плюрализм

Дочь одного моего московского приятеля училась в престижном нью-йоркском университете. В разговоре о студенческом житье-бытье она однажды обмолвилась, что с американскими однокашниками ей скучно. Дескать, у нас спроси о чем угодно десять человек — услышишь десять мнений. А там все говорят примерно одно и то же, как под копирку.

Как же так? Ведь они же по идее индивидуалисты и боготворят свободу во всем. Но вот Гренье, которого я конкретно об этом не спрашивал, а просто просил порассуждать о мифах, считает, что такого рода конформизм — «очень давняя американская привычка», из-за которой еще первый летописец

заокеанской демократии Алексис де Токвиль «утверждал, что в Америке меньше интеллектуальных дискуссий, чем в любой другой известной ему стране».

По словам моего вашингтонского знакомого, американцам, конечно, свойственен «крайний релятивизм» в суждениях, и они могут даже о религиозной догме сказать, что та верна только «на их взгляд». Но после того как общественное мнение сложилось и устоялось, общепринятая точка зрения начинает восприниматься как «абсолютная истина», — написал философ. И добавил, что тогда уже все выходящее за рамки этого абсолюта «хуже, чем неверно, — оно опасно и пугающе».

По натуре, на его взгляд, его соотечественники «отдают большое предпочтение честности и восхищаются теми, кому хватает смелости ее проявлять». «Но беда в том, что американцы верят в миф, будто они свободны, — посетовал Гренье. — Они не сознают, что смертельно боятся выделиться из толпы… Общество держит их железной хваткой, хотя и невидимой».

Собственно, гипнотическая диктатура «общего мнения» — это аксиома, закрепленная не только в классической политологии (скажем, у «отца либерализма» Джона Локка), но и в художественной литературе. «Мы велики! Мы свободны! Мы достойны восхищения… Мы все так говорим — значит, это правда!» — вопили бандерлоги у Редьярда Киплинга.

Правда, я все же уточнил бы в защиту американцев, что они, на мой взгляд, прекрасно умеют отстаивать свою индивидуальность и свою свободу во всем, что касается их лично. А зависимость от чужого мнения и даже стадность могут проявлять в вопросах, которые им кажутся отвлеченными и практически маловажными.

Конечно, как многие предупреждают, это делает их уязвимыми для политической пропаганды — и своей, и чужой. Может, поэтому их идейные вожаки так и переполошились из-за приписываемого России «вмешательства» в их политику.

Кстати, подход к России в целом тоже мифологизирован, причем непоследовательно. С одной стороны, американцев стращают, будто «рука Москвы» дотягивается чуть ли не до Белого дома; с другой, убеждают, будто Россия — отсталая страна, которая и в подметки не годится США. Но ведь и в нашем общественном сознании уживаются не менее противоречивые представления об Америке.

Миф № 6. Вера в военное превосходство США

Разговор о мифах можно продолжать, наверное, до бесконечности.

Например, американцы убеждены, что их вооруженные силы «всех сильней» — прежде всего, в технологическом и финансовом отношении. На этом основан миф о почти полной физической неуязвимости США, серьезно подорванный терактами 11 сентября 2001 года.

При этом «миф о непобедимости» американских военных, на мой взгляд, как таковой отсутствует. Что тоже понятно: страна практически непрерывно воюет, но при этом провалы, включая Вьетнам, всем памятны и болезненны, а успехи сразу и не упомнишь. Ни Ирак, ни Афганистан, ни Ливию к их числу не отнесешь. Теперь вот Вашингтон пытается приписывать себе «разгром ИГИЛ» (американское название запрещенной в России группировки «Исламское государство») в Сирии, но ведь и там до тех пор, пока за дело не взялась Россия, никакой победой не пахло…

Я вот только что ездил на юбилейные торжества по случаю 75-летия полного снятия блокады Ленинграда и там вновь проникся осознанием того, что самое мощное оружие — это несгибаемая сила духа. А есть ли она у американцев — это еще бабушка надвое сказала.

Миф № 7. Вера в прогресс

Системно, мне кажется, нельзя не упомянуть еще неистребимую веру в прогресс. Конечно, это сложная и спорная тема. Но разве не закономерно сомнение: «Оправдывается ли новое одним тем, что оно новое?» Гренье вот считает, что это «повсеместно распространенный миф», равно как и представление, будто «технология — это совершенно нейтральная вещь, „развитие“ которой неизбежно и неостановимо».

Да, в Америке придумали «айфоны». Но Америка остается и единственной в мире страной, применившей ядерное оружие и уничтожившей сотни тысяч человек в Хиросиме и Нагасаки. Вот создание все более смертоносных вооружений — это прогресс? А ведь это повсюду считается одним из ключевых достижений…

Да и вообще, многие, включая, например, патриарха американской геополитики Генри Киссинджера, уже публично задаются вопросом о том, не грозит ли человечеству закат истории, какой мы ее знаем, из-за появления и быстрого развития искусственного интеллекта. И о том, «что станется с человеческим сознанием», если «рекомендации, вырабатываемые

машинами для „оптимизации“ нашей жизни, станут недоступными для нашего собственного понимания».

И дело не только в технологиях. В политике на веру в прогресс опираются в конечном счете и те мифы об американской «исключительности» и знании «правильной стороны истории», о которых уже говорилось. А в сфере морали «прогресс», понимаемый как непрестанное расширение свобод и снятие всех и всяческих ограничений в общественнной и культурной жизни, не только размывает границу между традиционными представлениями о добре и зле, но, по сути, и снимает с людей ответственность за личное духовное самосовершенствование.

И при этом закрепляет миф о том, будто это делает их счастливее.

⁂

У нас все плохо, и нам все должны. Российские мифы на американском фоне

После того как я написал об американских мифах, приятель предложил оглянуться и на наши, российские. Дескать, какими ты их увидел, вернувшись домой после четверти века за океаном.

Мысль меня заинтриговала, особенно когда я понял, что даже просто перечислить наши мифы мне не так-то легко. Пришлось вникать и в различие между мифом как иллюзией, заблуждением и «культурным мифом» как основой национального самосознания.

Но я все же попробовал поискать ответы хотя бы на главные, на мой взгляд, вопросы.

Миф о том, что свято место пусто не бывает

Восьмого марта 2019 года я впервые посмотрел фильм «Любовь и голуби». Раньше никогда его целиком не видел, что почему-то страшно удивляло моих родных и близких.

Запоздалое знакомство с культовой картиной навело меня на мысль о том, что «мифов», лежавших в ее основе, больше нет. От своих, якобы устаревших, мы сами отказались. Чужие, якобы прогрессивные, так и не приняли. И то, что создателей фильма свои умиляли, а заемные раздражали, теперь уже не имеет никакого значения.

Главное — свято место оказалось пусто: внятного ответа на вопрос, «камо грядеши», у нас сейчас нет. А это стержень национальной идеи, родного нашего «мифа». Без которого и вся наша история становится просто набором календарных дат.

Сам я считаю, что у нас происходит конвергенция, которую в свое время предсказывал академик-диссидент Андрей Сахаров. Попытка совместить лучшее из того, что создано социалистической и капиталистической моделями, — чтобы не только как можно быстрее и эффективнее производить материальные блага, но и более-менее справедливо их распределять.

Многим, правда, кажется, что пока из обеих моделей берется скорее худшее. Но во всяком случае специалисты подтверждают, что жажда справедливости остается ключевым компонентом российского «мифа».

Миф о том, чем люди живы

В науке принято исходить из того, что человек действует рационально и руководствуется фактами. По-моему, это иллюзия. Я считаю, что человек жив не знанием, а верой, любовью и памятью (вспомните «Бессмертный полк»). И каждый без труда подбирает факты, подтверждающие его веру.

Думаю, и с народами так же. Еще Конфуций в Древнем Китае утверждал, что для прочности государственных устоев нужны продовольствие, оружие и доверие народа. В случае крайней необходимости он считал возможным жертвовать едой и оружием, но не верой.

Что касается наших дней, один мой знакомый, молодой московский политолог, уверен, что всеобщий всплеск энтузиазма в российском обществе во время «Крымской весны» пятилетней давности был вызван не только, а может быть, и не столько возвращением Крыма как таковым, сколько надеждой на возрождение нашего национального «мифа». На то, что мы все сплотимся вокруг великой общей цели, которая тогда называлась «крымским консенсусом» и ради которой можно терпеть любые лишения.

Но на смену надежде пришло разочарование. Национальные проекты, по мнению знакомого, на роль российского «мифа» не тянут. Впрочем, как и любая иная идея, «сводящаяся просто к зарабатыванию денег».

Эмоциональный спад заметен и со стороны. Давнишний американский приятель, специалист по России, регулярно бывающий в Москве, на вопрос о том, что у нас изменилось за последние годы, отвечает: «У людей погасли глаза. Раньше каждый носился с каким-нибудь своим проектом. Теперь этого нет».

Миф о том, будто у нас все плохо и становится хуже

Правда, в «лихие 90-е» люди с лихорадочно горящим взором хватались за любые «проекты», чтобы просто прокормить семью. Но приятель имел в виду не это, да и мне тоже кажется, что грех уныния у нас теперь — один из самых распространенных.

С тех пор как схлынула прошлогодняя праздничная толпа футбольных фанатов, на улицах и в метро почти не видно улыбчивых радостных лиц. На вопрос «как дела?» обычно слышишь наше традиционное «ничего». А нередко — и вариации на тему из известного анекдота про то, что «систему надо

менять».

Между тем, на мой взгляд, жизнь в России за время моего отсутствия радикально изменилась к лучшему. А вот в Америке в те же годы наблюдался застой, если не регресс. Отчасти поэтому там и выбрали президентом популиста, волюнтариста и демагога Дональда Трампа.

Тем не менее жаловаться на жизнь там не принято. Американцы не ноют, особенно в общении с посторонними людьми. У нас же это происходит постоянно и повсеместно. И это одно из самых тягостных для меня лично впечатлений от возвращения на родину.

Например, однажды меня пытались втянуть в такой разговор в очереди на прием в райсобесе. Солировала женщина, пришедшая за бесплатной путевкой в дом отдыха в Крыму. Другие туда уже ездили. Но когда я осторожно сказал, что раньше, по-моему, таких подарков ветеранам от государства не было, дама обиделась и со словами: «Вы, наверное, из начальства» — отвернулась.

Миф о том, что всем «недодано»

Почему у нас все ноют, я пока даже для себя не уяснил. Думаю, отчасти это привычка прибедняться и задабривать судьбу, чтобы не сглазить удачу и не вызывать чужой зависти. Как сказал один собеседник, сказывается «генетическая память о коллективизации и об избах, сгоравших из-за того, что были лучше других».

Но отчасти нытье — и выражение реального недовольства, например, итогами постсоветской реставрации капитализма и перераспределения собственности в стране. Я спрашивал ведущего нашего социолога академика Михаила Горшкова, признало ли общество справедливыми эти итоги, и он однозначно ответил, что нет, не признало и в обозримой перспективе не признает.

Мне это напомнило давнюю фразу одного моего начальника: мол, у нас «полстраны живет с ощущением, что лично им — недодано». По-моему, это психологически очень точно: чуть ли не каждый убежден, что заслуживает большего. А тогда, конечно, какая уж тут радость жизни…

Понятно, что огромному множеству россиян живется и вправду очень нелегко. Но я вот обсуждал эту тему с давней своей закадычной приятельницей, русской американкой, которая была замужем за известным ученым и вместе с ним объездила почти

весь мир. Так она с ходу привела примеры стран, где люди «живут в страшной нищете», «ходят босыми», но при этом чувствуют себя счастливыми.

И видно это, по ее словам, невооруженным глазом — прежде всего по «довольным и радостным детям на улицах». А вот пример других «нытиков» она привести затруднилась, хотя наций замкнутых, интровертных, внутренне зажатых в мире, на ее взгляд, хватает.

Председатель отдела по церковной благотворительности и социальному служению РПЦ епископ Пантелеймон, приходивший к нам в ТАСС на пресс-конференцию, признался, что «и сам удивляется» всеобщему брюзжанию. На его взгляд, оно вызвано прежде всего тем, что «люди разучились быть благодарными».

Владыка винит в этом отчасти былую советскую систему распределения социальных благ, отчасти — ненасытное потребительское отношение к жизни. Для него это современная напасть, хотя мне вспоминается пушкинская «Сказка о рыбаке и рыбке».

Наконец, личный дискомфорт может, видимо, быть и отражением общей нашей неприкаянности. В отсутствие общепринятой национальной идеи (такой как «американская мечта» в США) каждый творит себе личный «миф». И раздражается, возмущается, протестует, когда тот не вписывается в заоконную действительность.

Часто «ноющий» негодует: «Но я же прав!» Возможно. Но, как возразили бы американцы, что лучше: быть правым или быть счастливым?

Миф о том, что «хорошо там, где нас нет»

«Две мухи собрались лететь в чужие краи и стали подзывать с собой туда пчелу. Им насказали попугаи о дальних сторонах большую похвалу».

Эти двухсотлетние строки дедушки Крылова вспоминаются мне всякий раз, когда меня спрашивают, действительно ли в Америке житье не худо, а порой — и зачем я оттуда вернулся. Я отвечаю, хотя и странно объяснять, почему тянет вернуться домой.

Помню, как-то в Нью-Йорке на приеме в честь журналистов выступала украинка, считавшаяся героиней «майдана». Точнее, они с коллегами вроде бы спасли от уничтожения и предали огласке какие-то документы, которые прежняя власть в Киеве пыталась утопить. В общем, внесли посильный вклад в «народный

переворот».

Благодаря хозяев за добрые слова в свой адрес она рассказывала, как украинцы всей душой рвутся на Запад и у всех посольств в Киеве стоят длиннющие очереди. При этом с подиума не замечала — но я-то в зале видел, — с какой кислой миной слушали эти излияния американские леди и джентльмены.

Позже я ей посоветовал не особо напирать на этот тезис, если она не хочет себе навредить. Сказал, что для американской своры, в отличие от россиян, украинцы были, есть и будут чужими.

Слово «свора» ее поразило. Но я говорил искренне, она это видела и, думаю, понимала, что я не вру. Собственно, ведь и Крылов предупреждал своих «мух»: мол, «рады пауки лишь будут вам/ И там».

Вообще-то миф о том, будто за морем «медом намазано», по идее должен постепенно сходить на нет. Российские границы открыты на выезд. Если не станет дело за визами, все желающие могут съездить куда угодно и все увидеть своими глазами.

Но вера в то, будто чужое лучше, живуча. Мы и дома вроде как притворяемся, будто мы не у себя, а где-то еще. Города и веси наши буквально испещрены иностранными названиями.

Между тем бытует еще и миф о России как осажденной крепости. Он считается делом рук российской пропаганды.

Но, по совести говоря, разве это мы его насаждаем в последние годы? Разве не наши западные «партнеры», прежде всего те же американцы, трубят на всех углах о «международной изоляции» России? И стараются реально нам такую изоляцию обеспечить, а заодно окружают все более плотным кольцом военных баз.

Так что если это и миф, то непонятно чей.

Миф о том, будто кто-то должен за нас налаживать нашу жизнь

Сразу поясню, что я не об иностранной помощи, хотя много о ней писал в свое время. Я о нашем родимом иждивенчестве и патернализме.

С иностранной помощью в нынешней ситуации как раз все ясно: ее нам всюду блокируют. Но мы, слава богу, уже давно ее и не просим. В международных организациях Россия — кредитор, а не заемщик. Двусторонние отношения с другими странами строятся по принципу равноправного и взаимовыгодного партнерства. Мы никому не навязываемся в друзья.

И внутри страны у нас происходит заметное снижение

иждивенческих настроений. Как рассказывал академик Горшков, доля так называемых самодостаточных россиян, то есть тех, кто готов рассчитывать только на собственные силы в обеспечении себя и своих близких, за последние пять лет (2013–2018) выросла с 36 до 48 %.

Расширяется знакомая мне по США практика общественной взаимопомощи без государственного участия, например, при сборе средств на лечение больных детей.

Все это меня радует. Но все же повсюду — от кухонь до офисов — по-прежнему слышны нотки, как я его называю, «страдательного залога». Рабской привычки держать кукиш в кармане: хаять, а порой и обманывать власть, но при этом от нее же ждать милости. А о себе думать, что мы, мол, люди маленькие, спрос с нас невелик и от нас в нашей жизни «ничего не зависит».

Американцы на своего Дядю Сэма особо не рассчитывают. Считают правильным всегда начинать с самих себя и просто по мере сил «подметать свою сторону улицы». Я совершенно согласен с этим простым подходом — чтобы после нас было лучше, чем до нас.

Мифы про начальство

Восемь лет назад (в 2011 году) российский чиновник в ранге замминистра рассказывал в Вашингтоне о работе по улучшению у нас инвестиционного климата. Было ему на тот момент 34 года, выглядел он еще моложе, а выступление начал с воспоминания о том, как строгий папа в свое время не похвалил его за заслуженную в школе пятерку. Сказано это было к тому, что и Запад излишне требователен к России. В зале ободряюще смеялись.

Чуть позже, когда стало ясно, что и уроки про инвесторов российский «отличник» знает назубок, я наклонился к соседке, чопорной американской даме, и шепнул ей: «Вот же негодяи, коррупционеры».

— Где? — вздрогнула соседка.

— Да вон, на трибуне.

— Не может быть!

— Вот и мне кажется, что не может быть, — сказал я ей. — Но вы же без конца внушаете себе и другим, что все российские чиновники сплошь продажны и некомпетентны, что они только выслуживаются и набивают карманы, не заботясь ни о народе, ни о порученном деле.

Ответа я не получил, но его и не предполагалось. Тирада

была риторической. Бывший замминистра теперь (в 2019 году) возглавляет один из российских регионов.

За два десятка лет в Вашингтоне я перевидал сотни, если не тысячи начальников разного уровня — от президентского до рабочего. С некоторыми общение было регулярным. Естественно, у меня сложились свои впечатления.

В подавляющем большинстве своем эти люди вызывали у меня уважение и симпатию, поскольку я убеждался, что дело свое они знают и любят. Кстати, дело это, по-моему, сложное, требующее особых талантов.

Тезис о кухарках, управляющих государством, — одновременно и миф, и апокриф: Ленин такой способности стряпухам не приписывал. И даже не все из президентов США, которых я наблюдал в Белом доме, на мой взгляд, умело и охотно справлялись со своими обязанностями.

Конечно, одно дело компетентность, а другое — порядочность. Как минимум один бывший российский министр, к которому я в свое время подходил за комментариями, ныне по решению суда отбывает срок в колонии строгого режима за крупные взятки.

Что ж, бывает и такое. Ангелов я в своей жизни не встречал. Но в нечистоплотность тех, кого знаю лично, не верю.

Расхожее представление о том, будто «все начальники — дураки и сволочи», считаю глупым и вредным мифом. Впрочем, равно как и памятную еще с советских времен пропагандистскую установку на то, будто руководство у нас всегда принимает только «единственно верные» решения.

Еще древние латиняне отчеканили: «Человеку свойственно ошибаться». Главное, по их же словам, не упорствовать в заблуждениях.

С кондачка не решишь

Конечно, заметки мои — сугубо личные и заведомо неполные. Обобщений и без меня хватает: о российских и антироссийских мифах написаны и научные исследования, и популярные труды, например, серия книг Владимира Мединского, изданная еще до того, как он возглавил Минкульт.

Его я, кстати, тоже спрашивал после пресс-конференции в ТАСС, что он думает не о стереотипах, используемых для очернения России, а о национальном «культурном мифе». Но он резонно ответил, что на ходу подобные темы не обсуждаются.

А известный писатель Захар Прилепин, представлявший у нас

свою новую книгу о Донбассе «Некоторые не попадут в ад», по тому же поводу сказал, что мы — «собиратели пространств». Собственно, чтобы в этом убедиться, достаточно взглянуть на географическую карту. И это же— ответ на распространенный миф о том, будто мы «ленивы и нелюбопытны».

А надписывая книгу для моего сына Ивана, родившегося и выросшего в США, Прилепин вывел: «Быть русским — труд. Но самый высокий и честный».

Остается добавить, что «Любовь и голуби» в оригинале вообще мало кто видел. Оказывается, фильм изначально был чуть ли не двухсерийным, но госкомиссия потребовала его ужать. И то, что было тогда вырезано, не сохранили, а уничтожили.

Но то, что осталось, разошлось на пословицы. Стало частью того самого «мифа», который, может, один только и объединяет нас всех — от бомжей до олигархов — в единый народ. И без которого нам не жить.

⁂

notes

Примечания

1

«Хромая утка» (англ. Lame duck) — в американской политической системе так неформально называют президента, чьи полномочия близки к концу, а его преемник уже избран или он сам не имеет права выдвигать свою кандидатуру на новый срок. — Прим. ред.

2

George S. Beebe. The Russia Trap: How Our Shadow War with Russia Could Spiral into Nuclear Catastrophe. Thomas Dunne Books, 2019. // Джордж Биби. Российская ловушка: как наша теневая война с Россией может довести до ядерной катастрофы. Изд-во Thomas Dunne Books, 2019. — Прим. ред.

URL: https://www.pewresearch.org/global/2005/06/23/chapter-2-image-of-the-american-people/

Allan Bloom. The Closing of the American Mind. N.-Y.: Simon and Schuster, 1987.

URL: https://www.pewforum.org/religious-landscape-study/

URL: https://www.pewforum.org/2019/10/17/in-u-s-decline-of-christianity-continues-at-rapid-pace/